

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПАЛАТА АДВОКАТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

С. Л. Ария

ЖИЗНЬ АДВОКАТА

Беседы о профессии

Судебные речи

Жалобы

Очерки, зарисовки, эссе

5-е издание, дополненное и исправленное

Москва 2023

УДК 347.965
ББК 67.75
А81

Издание приурочено к 100-летию адвокатуры Подмосковья и 100-летию юбилею С. Л. Ария

Редакционный совет: Галоганов А. П., Володина С. И., Толчеев М. Н., Шестакова М. П.

Не для коммерческой реализации

А81 **Ария С. Л. Жизнь адвоката / 5-е изд., доп. и испр. М.: Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, 2023. — 464 с. (Из серии: Выдающиеся юристы).**

ISBN 8-978-5-91832-033-4

Книга одного из наиболее известных российских адвокатов включает судебные речи и жалобы по делам, а также описание войны и мира в жизни автора. Диапазон охвата и острота описанных ситуаций позволяют обогатить представление об эпохе и о людях России XX века. Четыре предыдущих издания не удовлетворили читательского спроса. Настоящее, пятое издание приурочено к 100-летию адвокатуры Подмосковья и 100-летию юбилею С. Л. Ария.

УДК 347.965
ББК 67.75

Ария С. Л.

Жизнь адвоката

Подписано в печать 23.09.2023 г. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 29,0. Тираж 300 экз. Заказ № 698

Отпечатано ООО «Информ-Право»
125252, г. Москва, ул. Зорге, д. 15, корп. 1

ISBN 8-978-5-91832-033-4

© Ария С. Л., 2023
© Адвокатская палата Московской области.
Все права защищены, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (С. И. Володина)	6
Предисловие (А. П. Галоганов)	8
Предисловие (М. Н. Толчеев)	11
Предисловие (Ю. С. Пилипенко)	13
От автора	16
Беседы о профессии	18
О нравственных принципах в адвокатской деятельности	18
Язык и стиль процессуальных документов	26
Об адвокатской тайне	33
Судебные речи	37
Дело Светловой (Хищение государственной собственности)	37
Дело Дворецкого (Убийство по неосторожности)	45
Дело Саморуковой (Убийство новорожденного ребенка)	48
Дело Дородных (Кража и уничтожение произведений искусства)	51
Дело Пузыревой (Соучастие в мошенничестве и подстрекательстве к даче взятки)	60
Дело Раскина (Убийство родителей)	81
Дело Галанскова, Гинзбурга, Добровольского, Лашковой (Антисоветская агитация)	93
Дело Палиева (Хозяйственное)	105
Дело Васильева (Посягательство на жизнь сотрудника милиции)	110
Дело профессора Котенко (Обвинение во взятках)	118
Дело С. (Измена Родине, шпионаж, взятки)	130
Дело С. Бахминой (Условно-досрочное освобождение)	137
Жалобы	140
Жалоба в порядке надзора по делу Рейфнера И. Р.	140
Жалоба в порядке надзора по делу Кольшницына В. Н.	146
Жалоба в порядке надзора по делу Хромчика А. М.	152
Жалоба в порядке надзора по делу Валентины Малявиной	162
Жалоба в порядке надзора по делу Трускина В. В.	190
Жалоба в порядке надзора по делу Сайкина Е. М.	199
Жалоба в порядке надзора по делу В. Тартайниса	206
Жалоба в порядке надзора по делу Н. Чачхалиа	217
Жалоба в порядке надзора по делу Писарева А. А.	223
Жалоба в порядке надзора по делу Сергеева Н. А.	227
Жалоба в порядке надзора по делу Т. Камалова	239
Жалоба в порядке надзора по делу В. Журиной	243
Жалоба в порядке надзора по делу С. Лукьянова	251
Кассационная Жалоба по делу Любич	257
Жалоба в порядке надзора в интересах малолетней Натали Хрущевой	261
Жалоба в порядке статьи 220 УПК (по делу <i>Лоитера</i>)	263
Жалоба в порядке ст. 220 УПК РСФСР (по делу <i>Б. Л. Кабака</i>)	266

Очерки, зарисовки, эссе	273
Про войну	273
Встречи с королем	273
Что это было?	277
Штрафники	280
Завтрак	307
Часы	310
Заблудились	319
Загадки войны	326
Гайдуков	329
Записки адвоката	331
Проблески	331
Дело «пятидесятников»	334
Как дедушка готовился к войне	340
К истории танка Т-34	341
Горе	343
Щепка в океане	347
Партия и хулиган	349
Грузинский колорит	359
Грузинский колорит-2	363
Защита диссидентов. <i>Четыре очерка</i>	368
Дело о «Белой книге»	370
Генрих Алтунян	375
Дело Рипса	379
Полузащита Павленкова	384
Отец и сын	386
Честь имею	392
Прикосновение	400
Подкоп под журнал «Дон»	405
Самолетное дело	410
Из прошлого страны советов	418
Тетка с Эльбруса	427
Уроки частной жизни. <i>Этюд</i>	431
Два вора	436
О достоинстве	439
Киса	442
О рыжей собаке	445
Судебные диалоги	447
Лес души моей	457
Зимний лес. Опыт восторга	457
О весне	458
Лето	460
Осенний лист	462
Медаль «За духовное служение адвокатскому сообществу России» им. С. Л. Арии	464

Марише — жене и другу

Президент ФПА РФ,
вице-президент
Адвокатской палаты
Московской области
Володина
Светлана Игоревна

ДРУЗЬЯ!

Вы держите в руках уникальное издание!

Об этом свидетельствуют и многочисленные переиздания данной книги, и та невероятная популярность, которой она пользуется не только у молодых адвокатов, но и у «ветеранов» профессии.

В своем предисловии автор пишет: «Видимо, я созрел для того, чтобы записать хоть малую толику в надежде, что записки эти кого-то развлекут, кого-то потешат, а кого-то, может быть, заставят задуматься...» действительно, произведения Семена Львовича Арии — Адвоката с большой буквы, — удивительно актуальны и по

сей день, а великолепный слог, тонкий юмор не оставляют равнодушными совершенно никого, заставляя не только задуматься, но и попытаться хотя бы немного соответствовать! Особенно сейчас, когда адвокатура переживает не самые легкие времена, и от того, насколько мы все будем порядочны, насколько будем стараться максимально отдавать себя выбранной профессии, служить адвокатуре так, как Семен Львович Ария, зависит будущее всей российской адвокатуры.

Президент Адвокатской
палаты Московской
области, вице-президент
ФПА РФ, доктор
юридических наук,
заслуженный юрист РФ

*Галоганов
Алексей Павлович*

О Семене Львовиче Арии вспоминаю всегда с особым чувством гордости, радости, счастья, благодарности и любви.

Потому что он был адвокатом Адвокатской палаты Московской области, но всероссийского масштаба, потому что он был профессионалом «от Бога», потому что он был честнейшим и порядочным Человеком, потому что он был моим Учителем и мне посчастливилось участвовать с ним в процессах.

В свое время, отмечая его юбилейную дату, я сказал, что как Россия гордится А. С. Пушкиным, так российская адвокатура гордится С. Л. Арией. Думаю, никто не будет спорить со мной, что С. Л. Ария был и остается Адвокатом № 1 в России.

Вы держите в руках его многократно переизданную книгу. В предисловии он пишет: «Видимо, я созрел для того, чтобы записать хоть малую толику в надежде, что записки эти кого-то развлекут, кого-то потешат, а кого-то, может быть, заставят задуматься. О чем? Это уже менее важно, потому что людям полезно хоть иногда просто задумываться».

Книга С. Л. Арии не просто заставляет задуматься — это Учебник Жизни, а для адвокатов всех времен — настольное пособие.

В ней и «Беседы о профессии», и «Судебные речи», и «Жалобы», и «Записки адвоката», и прекрасные рассказы и воспоминания.

В своем выступлении на конференции адвокатов в г. Санкт-Петербурге 28 сентября 1995 г. Ария С. Л. сказал: «Заранее хочу предупредить, что никого не собираюсь поучать и наставлять на путь истинный... Поскольку и права такого не имею как равный со всеми. В тоже время знаю твердо, что никто из нас не волен пренебречь нравственными принципами. Не только потому, что это состояние души, но и потому, что ответ поступков каждого ложится на профессию в целом: от каждого из нас зависит репутация и положение адвокатуры в обществе».

Сегодня, когда адвокатура переживает непростые времена, это особенно актуально.

В письме к Председателю Верховного Суда РСФСР по делу В. А. Малявиной Ария С. Л. пишет: «Мое обращение к Вам вызвано не только желанием выполнить свой профессиональный долг. Я пытаюсь на доступном защитнику высшем уровне отстаивать жизненность одного из важнейших принципов, без которого вообще невысказано подлинное правосудие, и тем самым спасти безвинно осужденного человека».

На церемонии прощания с Семеном Львовичем Председатель Верховного Суда РФ возложил к его гробу большой букет цветов.

А какими чудесными являются рассказы и эссе С. Л. Арии!

В эссе «Осенний лист» он пишет: «Осень леса, со всей ее прелестью, гнилью и холодной капелью, с омертвлением и опустошенностью всего, кроме зелени хвои, — не предвестник гибели. Под покровом почерневшей листвы, под мокрым мусором брошенных на землю вчерашних нарядов уже залегли семена завтрашней жизни. На оголенных, лишенных убора черных ветвях уже при-

таились чуть заметные почки. Творец мудро наполнил их к зиме природным антифризом, они не лопнут от мороза. Минует суровое лютное время — и все вновь воспрянет, возродится и зацветет. Жизнь продолжается, господа! Еще ничего не потеряно!»

Жизнь продолжается. На небосклоне ярко горит Звезда, названная еще при его жизни в его Честь.

Также при жизни С. Л. Арии была учреждена медаль; «За духовное служение адвокатскому сообществу России им. С. Л. Арии», которая является знаком общественного признания и уважения гражданского и адвокатского сообщества России.

...В Адвокатской палате Московской области есть хорошая традиция — вручение вновь принятым в адвокатуру стажерам, помощникам книги С. Л. Арии.

Один из вновь принятых адвокатов, которому была вручена книга, потом сказал: «Книгу С. Л. Арии я начал читать с вечера, по ее прочтении, очнулся под утро. На душе было светло и радостно...»

Читайте и перечитывайте книгу С. Л. Арии «Жизнь адвоката». Жизнь продолжается...

Первый вице-президент
Адвокатской палаты
Московской области,
первый вице-президент
ФПА РФ

*Толчеев
Михаил Николаевич*

Семен Львович для меня не просто известный адвокат, Мэтр и безусловная величина в понимании нравственных основ адвокатской профессии. Он один из тех, с кого начиналась моя адвокатская жизнь и кого я видел за соседним столом в консультации, с кем общался и постигал, что значит быть адвокатом. Меня тогда удивляло, что великий Ария может запросто подсесть и посоветоваться с мальчишкой, спросить его мнения по юридическому вопросу. Позднее я понял, что несмотря на всю свою гениальность, Семен Львович никогда не был заносчивым или пренебрежительным. Иногда казалось прижизненный статус «иконы адвокатуры» тяготит его. Но у каждого из нас свой крест и адвокатуре нужны

свои символы. Его литературное наследие, на мой взгляд, имеет величайшее значение для всех нас. В нем нет нравочений, но перечитывая интересные рассказы и зарисовки, мы как-то незаметно впускаем в себя понимание правильного и неправильного. Я убежден, что эти труды нашего Мэтра останутся востребованными всегда. А я всякий раз начинаю перечитывать книгу Семена Львовича с обычной листовой зарисовки с его автографом. Однажды он сказал: «Я тут написал... хочешь почитать?» «Конечно!» — чуть не закричал я. Он набросал сверху несколько строк и подарил мне восемь листков только что написанного им рассказа. Просто так. Зарисовка завершается словами: «Несмотря на трагическую концовку, история эта показывает, какую пользу может извлечь умный клиент из адвокатского совета. Так что не пренебрегайте адвокатами, советуйтесь с ними!»

Вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, доктор юридических наук, профессор
Пилипенко
Юрий Сергеевич

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Жизнь была прекрасна, но в то же время полна тревог и сложностей» — эта удивительная фраза выдающегося российского адвоката Семена Львовича Арии как нельзя более точно отражает его отношение к той эпохе, в которую ему довелось жить и работать. Он прожил 90 лет, участвовал в Великой Отечественной войне, учился в МЮИ, а затем 65 лет был адвокатом МОКА как в советские годы, так и после распада СССР. Семен Львович продолжал адвокатскую деятельность до своих последних дней, в возрасте 88 лет участвовал в работе V Всероссийского съезда адвокатов.

Новое переиздание его книги, предназначенной для широкого круга читателей, которые интересуются историей отечественной адвокатуры, позволит получить представление в том числе и о советском периоде, который запомнился уникальной возможностью проявить себя в условиях очевидного давления государства на адвокатуру. Как вспоминал С. Л. Ария, «в те времена адвокатура находилась под гнетом. В тот период существовало Положение об адвокатуре, в котором была 11-я статья, дававшая Министерству юстиции право по своему усмотрению отчислять из адвокатуры нежелательных лиц. Сейчас такого гнета нет. Попытки взять адвокатуру под контроль предпринимаются и дальше, поэтому время от времени приходится обороняться». Говоря о постсоветском периоде, Семен Львович отмечал, что «адвокатура сейчас находится в достаточно благоприятном состоянии». С этим суждением нельзя не согласиться.

Деятельность С. Л. Арии является продолжением наследия великих российских адвокатов. Сочетая в себе лучшие профессиональные и личные качества адвоката, он всегда руководствовался не идеологическими, а исключительно профессиональными соображениями, что, впрочем, не мешало ему защищать не только обвиняемых в тяжких уголовных преступлениях, но и политических диссидентов. В разное время его доверителями становились академик Андрей Сахаров, деятели искусства Роман Кармен, Игорь Ильинский, Василий Ливанов, Ролан Быков, Наталья Фатеева, журналист Александр Минкин, епископ Иван Федотов, а также крупные хозяйственники, финансисты, следователи и коллеги-адвокаты.

В каждом конкретном деле Семен Ария защищал прежде всего достоинство человеческой личности, основывая свою профессиональную позицию на глубинном познании человеческой природы. Его юридические знания, общая эрудированность, порядочность, способность анализировать не только поступки, но и человеческие страсти и пороки влияли как на решение суда, так и на отношение общества к тем людям, которых Семену Львовичу приходилось защищать. А его речи и процессуальные документы, в том числе представленные

в книге, внесли неоценимый вклад в укрепление авторитета российской адвокатуры.

Вся его деятельность — образец служения нашей профессии, и не случайно учрежденная Адвокатской палатой Московской области медаль «За духовное служение адвокатскому сообществу России», которая в настоящее время является наградой Федеральной палаты адвокатов РФ, носит имя С. Л. Арии.

ОТ АВТОРА

Мы уходим, и это неотвратно. Но остается наша бессмертная душа, что, впрочем, общеизвестно. Это детское утешение как-то примиряет нас с грядущей неизбежностью.

Но есть ведь и еще одна тропка в будущее — писать о себе, причем писать как можно подробнее, и в оставленных строчках мы будем еще теплиться некоторое время. Отсюда и широко распространенная тяга к мемуарам — пишут о себе все, кто только может...

Вопрос, однако, в том, чтобы нашлись читатели. И тут уж от нас мало что зависит. Но пока есть надежда на любопытство потомков, будем, друзья мои, писать.

Не знаю, нравилась ли моя жизнь окружающим, но мне — да. Более того, у меня осталось вполне определенное впечатление, что жизнь была прекрасна, но в то же время полна тревог и сложностей до такой степени, что порой было и не до шуток, хоть шутить старался и тогда.

Эту свою последнюю жизнь, о которой хочу кое-что рассказать, я прожил в двух ипостасях: как солдат и как адвокат. Солдатская часть была недолгой, всего пять лет. Но четыре из них пришлось на Большую войну, и потому запомнились почти каждым днем, который удалось прожить. Вся остальная, адвокатская часть была подарком судьбы хотя бы уже потому, что живым вернулся из части первой.

Но подарком она оказалась и по богатству впечатлений. Калейдоскоп неповторимых ситуаций и образов, то трагических, то комичных, явила мне моя жизнь в российском правосудии XX века. Притом не созерцателем ее довелось быть, а активным участником, аналитиком и сопереживателем событий. Смею заверить, что творчество в правовом анализе и поиски оптимального разрешения доверенных адвокату чужих проблем не менее увлекательны, чем творчество в науке или в искусстве.

В качестве адвоката мне довелось защищать, — и подчас весьма успешно облегчая их участь, — лиц, решительно не принятых в приличном обществе, и даже настоящих шпионов. Мне довелось, и тоже подчас успешно, защищать людей, обвиненных государством по ошибке или сознательно в не совершенных ими злодеяниях.

Итак, я весь зарос памятью о прошлом. Она постоянно дарила мне строительный материал для судебных речей: то неожиданный пример, то яркий образ, то новую идею, то нужный урок. Она неисчерпаема, эта таинственная человеческая память, этот груз прошлого — бремя наше или наше достояние.

Видимо, я созрел для того, чтобы записать хоть малую толику в надежде, что записки эти кого-то развлекут, кого-то потешат, а кого-то, может быть, заставят задуматься. О чем? Это уже менее важно, потому что людям полезно хоть иногда просто задумываться.

Конечно, это будет не полотно, а всего лишь осколки прожитого, веселые или потускневшие от времени, а подчас и черные.

Итак, вперед! Вернее — назад...

БЕСЕДЫ О ПРОФЕССИИ

О НРАВСТВЕННЫХ ПРИНЦИПАХ В АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(Выступление на конференции адвокатов
в Санкт-Петербурге 28 сентября 1995 года)

Уважаемые коллеги!

В свое время, когда по оплошности Министерства юстиции в стране расцвели так называемые параллельные коллегии, мне довелось позвонить в одну из них. Автоответчик бодрым голосом сказал: «Вы набрали номер адвокатской коллегии “Канон”. Если у вас есть деньги, говорите после длинного сигнала».

К сожалению, это далеко не единственный пример использования адвокатуры случайными людьми, глубоко чуждыми духу и социальным целям этого необходимого правосудию и удобного людям института.

«Адвокатура есть служение общественное» — об этом определении А. Ф. Кони следует помнить каждому из нас. Отсюда и существенность темы, составляющей предмет настоящего обсуждения.

Заранее хочу предупредить, что никого не собираюсь поучать и наставлять на путь истинный... Поскольку и права такого не имею как равный со всеми. В то же время знаю твердо, что никто из нас не волен пренебречь нравственными принципами. Не только потому, что это — состояние души, но и потому, что ответ поступков каждого ложится на профессию в целом: от каждого из нас зависит репутация и положение адвокатуры в обществе.

Актуальна эта тема и ввиду нравственной ущербности как общества в целом, так и тружеников правосудия, в частности.

Начну с общих, исходных положений.

Кому как не нам знать, что человек беспредельно жесток, моральные узы ему не по нраву. Но почему-то все пять основных религий, созданных и исповедуемых жестоким человечеством, опорой своей имеют кодексы моральных заповедей, проповедующих уважение к ближнему, к его личности

и достоянию. Именно они сохраняют человечество от распада, а мир — от гибели. И в качестве маяка люди здорового общества избирают мать Терезу, символ добра, и отвергают Сталина, символ злодейства. Иной выбор — симптом болезни.

Достоевский некогда сказал: «Красота спасет мир». Думаю, это было не более чем парадоксом гения. Нет, мир пока существует потому, что — через все чудовищные завалы взаимной ненависти, массовых и индивидуальных истреблений, беспрерывных войн, жестокостей, зверств — верх в итоге берут добрые начала. Они спасают мир. Не потому ли и христианство, впервые провозгласившее идеалом любовь к ближнему вплоть до жертвенности и всепрощения, триумфально шествует по планете уже две тысячи лет?

Ранее упомянул состояние души как фактор, зависящий, в первую очередь, от уровня нравственности человека. В узком практическом смысле от нравственного облика человека зависит и его репутация. Для адвоката это важно. Но куда важнее и шире такого прикладного карьерного значения то влияние, которое оказывает нравственная суть человека на его жизнь. Влияние это колоссально. Состояние души, самосознание личности может вне зависимости от внешних обстоятельств (таких, например, как деловой успех, материальная обеспеченность, известность) наделять нас чувством удовлетворения, полноты и радости жизни, сознанием своего достоинства — или не давать этих чувств и тем опустошать внутренний мир, порождать депрессию и разочарование. И чем старше человек, тем полнее ощущает он состояние своей души, ее умиротворенность или опустошенность.

Это все не в сторону от адвокатской темы, а вглубь.

А теперь — в сторону. Кодексы нравственных норм всегда были необходимы не только народам, но и профессиональным цехам, в том числе и адвокатским сословиям. Каждому представителю нашего цеха хочется достигнуть успеха в профессии, доброго имени. Этого не добиться без системы нравственных принципов, которым должен следовать адвокат на всем протяжении своей профессиональной жизни. Нужна именно система, а не отдельные хорошие свойства.

Важность системы принципов для успеха в любом деле уловил, в частности, Дейл Карнеги. Общеизвестные или

скрытые, но тонко подмеченные им принципы общения, сведенные в стройную систему, производят поразительное впечатление и дают опору в отношениях с людьми, позволяют влиять на них в быту и в бизнесе. Не многие знают, что книги Карнеги по этой причине признавались опасными у нас в советские времена, а изложение его системы было разрешено издать тиражом всего в 700 экземпляров — только для верхнего слоя партийных боссов. А между тем им были собраны вполне невинные, хотя и меткие советы такого, например, типа:

- обращаясь с просьбой, не поясняйте, как это нужно вам. Вместо этого покажите, чем это может быть полезно и вашему собеседнику;

- самый сладостный звук для человека — звук его имени. Поэтому, обращаясь к собеседнику, называйте его как можно чаще по имени, он будет слушать вас охотно. Но не дай бог ошибиться!

Все предельно просто. Но именно в системе эти собранные Карнеги простые приемы начинали работать как мощный инструмент влияния на людей.

Столь же важна системность, принципиальная приверженность и в соблюдении нравственных норм поведения.

Попытки построить систему нравственных норм поведения, необходимых юристу, предпринимались в России. Есть превосходная работа А. Ф. Кони «Нравственные начала в уголовном процессе». Но она адресована его коллегам, судьям и прокурорам. Интересна лекция С. А. Андреевского «Об уголовной защите», которой предворяется сборник его речей. Весомый вклад в развитие темы адвокатской этики внесли и современные авторы. Высокой оценки заслуживает и Кодекс профессиональной этики адвоката, принятый Первым всероссийским съездом адвокатов в 2003 году. Попробую и я изложить, как представляю себе возможную систему нравственных заповедей адвоката.

Порядочность — этот принцип по праву может быть назван первым.

Нет идеальных людей. В каждом из нас, если копнуть, притаилось что-нибудь дурное. Разве не знаем мы среди своих коллег лентяев, халтурщиков, эгоистов, хамов? Но хуже

всего дефицит чести, непорядочность. Поэтому — не совершать ничего сомнительного! Подобный поступок неизбежно — повторяю, неизбежно! — рано или несколько позже станет известен и навсегда погубит репутацию, а с нею и карьеру адвоката.

Здесь есть нюанс, который стоит упомянуть. Нормальным людям претит непорядочность. Это генетически заложено в каждом. Великий философ Иммануил Кант писал, что из всех чудес нашего удивительного мира его больше всего поражают два: звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас. Поэтому, единожды поступив против совести, можно обеспечить себе на всю жизнь тяжесть на душе, чувство вины. Но тот, кому это не претит (а таких достаточно), должен помнить, что бесчестный поступок к тому же крайне невыгоден. Кредит доверия и у коллег, и у клиентов будет навсегда подорван. Говорят: «Если нельзя, но очень хочется, то можно...» Это шутка недалёковидных людей.

Великий русский поэт Некрасов обессмертил свое имя прекрасной гуманной поэзией. Но он был недалёковиден. И полтора столетия уже тянется за ним — вместе со славой поэта — слава шулера, нечистоплотного человека, не отдававшего ни карточных, ни прочих долгов.

Обратимся к современности. Не так давно группа видных юристов, стремясь угодить власти, изготовила фальшивку, известную как «трастовый договор Руцкого». Вопреки замыслу правда стала широко известна, а затем и подтвердилась экспертизой. И теперь не их достоинства, а именно эта сомнительная акция вспоминается каждый раз, как называют их имена. Это надолго, скорей всего — пожизненно.

ЗаклЮчить эту часть хотел бы следующим. Общепринято: адвокат обязан использовать все законные средства для защиты интересов клиента. Но требования нравственности шире рамок закона. И потому средства защиты должны быть не только законными, но и нравственно безупречными. Клиенту в большинстве случаев безразлично, какими средствами адвокат добьется нужного результата. Но нам и корпорации это не безразлично.

Пару лет назад весьма известный московский адвокат в популярном журнале следующим образом одобрительно отозвался о себе: «Если нужные клиенту доказательства нахо-

дятся в отхожей яме, а у меня связаны руки, то я достану их зубами». После такой информации он, быть может, и приобретет еще большую известность, но стоит ли ради этого так унижать себя и свою профессию?

Итак, прежде всего — избегать, как сатаны, всего бесчестного, непорядочного, как бы велик ни был соблазн.

Этичность в речах и в методах ведения дел.

Мы имеем теперь записанное в Законе «О рекламе» от 14 июня 1995 года понятие неэтичности. Его полезно знать. В самой общей форме этичность поведения может быть выражена так: нужно щадить чувства и переживания других, быть деликатным, тактичным к ним. Крутой нрав уместен только на войне, а маршал Рокоссовский, говорят, даже там отличался тактом и вежливостью.

В работе адвоката соблюдение норм этики необходимо. Этичность должна не просто соблюдаться адвокатом — она должна быть присущим ему свойством. Проявления ее многообразны.

При допросах свидетелей нужно избегать ироничного тона, насмешливости. Она ранит, она может далеко не совпадать с впечатлениями судей.

В речах своих адвокат должен соблюдать подчеркнутое уважение к суду, избегать всего, что даже отдаленно может быть воспринято судом как бестактность. В давно опубликованной статье мне пришлось упомянуть, как мой коллега-адвокат закончил речь по делу обвиняемого в обмане покупателей следующим пассажем: «Так не обвесьте же его на весах правосудия, граждане судьи!» Суд выразил свое отношение к этой «находке» частным определением — и вполне заслуженно.

Уважительный тон обязателен для адвоката и при необходимости критики позиций процессуальных противников, в первую очередь — прокуроров. Профессор Харьковского университета Л. Е. Владимиров в начале века опубликовал книгу «Адвокатус милес» («Воинствующий адвокат»). Он призывал в ней: «Рвите в речах своих в клочья доводы противников и с хохотом бросайте их на ветер!» Полагаю, адвокат не извлечет пользы делу из такой методики. Критика противника будет куда действенней, если она будет спокойной и ар-

гументированной, то есть этичной. Судебный оратор может стремиться вызывать чувства у судей, но не демонстрировать собственные.

В уголовном процессе такт должен выражаться и в бережном отношении к труду других защитников. Не следует без надобности вторгаться в их область защиты, походя разрушая их логические или правовые построения. Только подлинная коллизия интересов оправдывает такие вторжения.

Адвокату в процессе нельзя быть ни развязным, ни самоуверенным. Кроме неприязни, эти качества ничего не породят у судей.

К этичности в работе относится и повышенная внимательность к интересам и нуждам клиентов. Вовремя проявленное внимание вообще высоко ценится людьми, порой запоминается навсегда. Жест внимания к клиенту будет приятен и самому адвокату. Булат Окуджава с хорошей улыбкой призывает: «Давайте говорить друг другу комплименты — ведь это все любви прекрасные моменты!..»

Репутации будет способствовать и чуткость к переживаниям коллег. Клиент отказался от услуг коллеги и перешел к вам. Для коллеги это удар по самолюбию. Будет этичным хотя бы позвонить ему и переговорить. Он оценит такую деликатность.

Тема адвокатской этики достаточно обширна, чтобы не считать ее исчерпанной в этих кратких замечаниях.

Добросовестность в ведении дел. Сюда относится, в частности, обязательность адвоката: делать все обещанное и соблюдать договорные сроки. Как минимум — избегать опозданий, а тем более неявок в судебное заседание. Сюда же относится и стремление сделать все, что нужно и можно для защиты интересов и прав клиента в деле. Не лениться! Халтура, пренебрежение губительны для имени адвоката. Бытующий подчас расчет на неопытность, неискушенность клиента, который не заметит адвокатской лени, ошибочен. Адвокат должен исходить из уверенности, что всякий клиент умен и наблюдателен, он все видит.

Адвокатам по уголовным делам доверены не просто интересы — судьбы людей, величайшие их ценности. Мы по праву можем считать поэтому, что неполноценная защита — без-

нравственна, сродни вероломству. Одним из нравственных принципов адвоката должно быть поэтому стремление к вершинам профессионализма. Мало знать дело и владеть знанием его предмета — необходимо изучить до конца любую проблему, относящуюся к нему, прочитать всю доступную научную литературу, ознакомиться с судебной практикой, вести личные кодификации и картотеки. Этот труд окупится не только в данном конкретном деле — он обеспечит адвоката бесценным багажом знаний. Только хорошо знающего проблему адвоката будут внимательно, с интересом слушать судьи, только он сможет считать себя выполнившим нравственный долг перед доверившимся ему человеком.

К понятию профессионализма относится и владение эмоциями при публичном выступлении. Сдержанная, ненавязчивая манера речи, когда оратор как бы делится с судьями своими мыслями о деле, о связанных с ним нравственных и правовых проблемах, помогает адвокату быть понятным и найти сочувствие надежнее, чем любой другой тон выступления.

Свойства скромности и самокритичности не должны покидать даже самого «захваленного» адвоката, тем более адвоката молодого. Не переоценивать себя, всегда сохранять способность критически оценивать уровень своей эрудиции, относиться к себе с долей юмора — все это поможет адвокату держать себя в должной профессиональной форме. Не грех перечитать сборники речей мэтров российского правосудия, не только Кони и Плевако, но и Спасовича, Урусова, Андреевского, других мастеров, и тогда обнаружится, что адвокат еще далек от совершенства, что ему есть у кого поучиться. Самоупоение смешно окружающим. Не менее смешна и опасна самореклама.

Здесь придется коснуться весьма деликатного противоречия между естественным для адвоката стремлением к славе и нравственным требованием скромности.

Сергею Михалкову принадлежит следующий афоризм, опубликованный в свое время «Литературной газетой»: «Скромность — верный путь к безвестности». Иначе относился к этому Пастернак: «Быть знаменитым некрасиво, не это поднимает ввысь...» По вполне понятным и оправданным жизнью

причинам всякий адвокат желает известности. Но когда этого добиваются, расталкивая окружающих локтями, трубя о своих достижениях, то и дело мелькая в прессе и на экранах телевидения, это «некрасиво». «Подняться ввысь» и достичь куда более устойчивой и надежной известности можно без рекламных фанфар, пусть более длительным, но лишенным похвалы и шума путем самоотдачи делу.

В то же время скромность не должна сочетаться с приниженностью: адвокат должен знать себе цену и уметь жестко отстаивать свое достоинство при всякой попытке унижения, даже если она исходит от судьи. Не опасайтесь — больше уважать будут.

Принципиальность и настойчивость тоже должны быть присущи адвокату в обороне своей позиции по делу. Если она верна, ее нужно отстаивать до конца, исчерпав все возможности и пройдя все инстанции. При уверенности в своей правоте нельзя склоняться даже перед устоявшейся судебной практикой. История нашего правосудия знает примеры, когда именно доводы адвокатов приводили к ломке порочной многолетней практики в уродливом применении законов.

Конфиденциальность должна сопутствовать труду адвоката — ему доверены личные тайны, а не занятые сюжеты. Рассказывая о своих делах, консультируясь с коллегами, следует избегать упоминания фамилий.

Чувство ответственности за советы должно быть присуще адвокату в не меньшей степени, чем врачу. Ошибочный совет может оказаться губительным для клиента. Не спешите высказывать категорические суждения, взвесьте все «за» и «против», посоветуйтесь с коллегами. Осторожность избавит вас от ошибки и горьких упреков в некомпетентности.

Умеренность и щепетильность в гонорарных вопросах не обедняют адвоката. Англичане говорят: «Не в деньгах счастье, но в них что-то есть...» Это факт, с этим трудно спорить. Но присмотритесь, кто перед вами. И помните, по возможности, что адвокатура не просто средство кормления, как полагают подчас, а «служение общественное» (А.Ф. Кони). Она всегда была одним из инструментов поддержания нравственного духа общества, и эта ее миссия особенно важна сегодня, в условиях глубокой моральной деградации, пора-

жившей людей. А потому не упускайте случая воззвать к тому чистому и высокому, что таится в глубине любой, даже самой «мохнатой» души. Не сомневайтесь, вас будут слушать с вниманием и благодарностью.

У меня в руках книжка стихов — не важно, какого поэта. В книжке есть предисловие — не важно, чье. Оно заканчивается словами: «Он один из тех современников, присутствие которых среди людей нас обнадеживает». Адвокат тоже должен обнадеживать своим присутствием в обществе.

На этой ноте и позвольте мне закончить. Спасибо за внимание.

ЯЗЫК И СТИЛЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ (Конспект лекции для стажеров, 2001)

Помнится, у Салтыкова-Щедрина есть такой опус. В некое губернское правление пришла из Петербурга, из Сената, бумага с запросом. Читали ее, читали губернские чиновники, и так и сяк изучали — ничего понять не могут. А бумага, по всему виду, важная! — замечает Щедрин. Как быть? И тут вспомнили, что в минувшем году вышел на пенсию один коллежский ассессор, как раз большой был дока по части сложных и даже сложнейших бумаг. Послали за ним. Тот прибыл, надел очки и бумагу прочел трижды про себя с бормотанием. Подумал. Потом сказал: понять — не понимает, но ответить может. И написал ответ в палец толщиной, который за надлежащими подписями и отправили в столицу.

История эта вспоминается порой при чтении некоторых адвокатских сочинений сегодняшнего дня. Это вызывает сожаление и служит уроком, чем и объясняется направленность настоящей беседы.

Вы далее услышите от меня прописные истины. Но мне кажется, что их не вредно иметь в виду начинающему адвокатскую деятельность, поскольку и эти истины тоже относятся к числу полезных профессиональных свойств. Когда адвокат составляет любую деловую бумагу, его целью является не просто поставить в известность о собственном мнении по данному вопросу: он, в первую очередь, стремится убедить адресата в своей правоте, повести его за собой, сделать его

своим союзником. Поэтому писать нужно не «абы как», а хорошо. Хорошо надо писать.

Конечно, первейшим условием для этого должно быть наличие резона в излагаемой позиции, то есть в ее обоснованности. Но это отдельная серьезная тема, выходящая за рамки сегодняшней нашей беседы.

Если, однако, это условие налицо и позиция, которую вы отстаиваете, резонна (или, по меньшей мере, возможна), тогда на первый план выходит уровень изложения вами этой позиции, то есть качество документа. Именно оно может определять ваш успех или неудачу, будут ли слова ваши литься в душу, оставлять адресата безразличным или даже раздражать его.

Какими видятся условия, позволяющие рассчитывать на успех?

Язык составляемых вами документов, во-первых, должен быть грамотен, то есть вы должны знать правила правописания. Умение грамотно писать — это примитивное, но обязательное требование. Неграмотный человек профессионально непригоден к нашей работе. Составленные с грамматическими ошибками документы будут восприниматься адресатом (и вашим клиентом тоже) как свидетельство общей некомпетентности автора.

Как правило, средняя школа дает нормальному ученику достаточное владение грамотой. Но — не идеальное. Поэтому временами мы все испытываем неуверенность в правописании. Не действуйте на авось в подобных случаях, обязательно проверьте себя. Для этого у адвоката всегда должны быть под рукой толковые словари — не только современный Ожегова и Шведовой, но и Ушакова, и не теряющий до сих пор своего величия словарь Даля, и даже специальный справочник «Трудности русского языка».

Словари не только избавят вас от грамматических ошибок, они могут к тому же обогатить палитру ваших доводов при анализе понятий и терминов, используемых в правовых нормах.

Не забывайте и о грамотном синтаксисе: не рассыпайте знаки препинания как попало, пользуйтесь ими умело, они тоже служат вашим орудием при изложении доводов.

Второе требование к языку ваших бумаг — он должен быть достаточно богат. Это значит, что адвокату необходимо обладать обширным словарным запасом. От вас не требуется блистать художественной прозой, в суровых наших текстах это было бы и неуместным. Но выразить свою мысль точными и свежими словами, чтобы документ было интересно читать, чтобы он дышал, необходимо уметь.

Можно, конечно, излагать свою позицию и привычным для правовых текстов канцелярским суконным языком, шаблонными, затертыми оборотами. Но тогда придется смириться с тем, что уже со второго листа читающим овладеет скука, а с третьего его потянет в сон... Богатый словарный запас, как ни странно, поможет иной раз сделать текст лаконичнее, он избавит от нудного, пространного разжевывания какой-либо мысли, он позволит выразить ее емко, меньшим числом слов.

Посмотрите, как коротко за счет умелого использования единого яркого образа — костра — писатель изложил свою мысль о тщетности усилий таланта, о его печальном, как правило, уделе:

*Искра замысла,
пламя труда,
тепло и свет влияния на людей,
дым славы,
зола забвения.*

Это — Владимир Солоухин, «Камешки на ладони», мимолетная дневниковая запись. Но какое богатство языка и лаконичность!

Подражать этому в адвокатских текстах нельзя — вас сочтут чудачком. Но если нет-нет да и мелькнет в бумаге неожиданное нужное слово в нужном месте, оно будет работать на вас.

Чтобы обогатить кладовую своей деловой речи, нужно читать не только газеты, но и мастеров нашего языка, русских классиков мирового уровня. И не только русских: великолепен язык Сомерсета Моэма, Хемингуэя, О'Генри... Да всех не перечислишь. Из современных российских асов могу на-

звать того же Солоухина, Рыбакова, Шукшина, Татьяну Толстую, Вячеслава Пьецуха и других. Не пренебрегайте этой прекрасной школой. Не пропускайте в газетах очерков Поляновского — он создает публицистические шедевры, язык их блистателен, сила воздействия огромна.

Пожалуй, достаточно об этом. Пойдем дальше.

Если до сих пор мы говорили о требованиях, которым должен отвечать язык наших документов, то далее речь будет идти не более чем о рекомендациях, потому что стиль документов адвоката зависит от факторов сугубо индивидуальных — от личного характера автора, его темперамента, аналитических способностей и т. п.

Несмотря на это, вы, быть может, примете во внимание следующие советы о желательных свойствах документов, которые я могу рекомендовать на основе собственного опыта. Перечислю, какими видятся мне эти желательные свойства.

Первое — простота. Избегайте сложных фраз с длинными деепричастными и причастными оборотами, с цепью придаточных предложений, занимающих в документе полстраницы. Так мог позволить себе писать Лев Толстой, у которого фраза могла быть растянута от начала до конца листа. Он знал, что фразу эту все равно прочтут с напряженным вниманием, чтобы не упустить движения мысли гения.

Мы — не гении. Наши документы читают по долгу службы заваленные делами, подчас утомленные люди. Старайтесь облегчить им труд, подумайте о них. Поэтому писать нужно по возможности просто. В идеале текст должен состоять из коротких рубленых фраз, не обремененных сложным построением.

Второе — структурность. Изложение должно складываться из логически последовательных разделов, каждый из которых завершается четким выводом. Иногда слово «вывод» может даже предшествовать концовке раздела.

Нужно решительно избегать рыхлого, неясного по развитию доводов автора изложения, повторов, туманных рассуждений, лишаящих текст конкретности и четкости.

Если составляется надзорная жалоба, она должна начинаться с краткого изложения существенных фактических

обстоятельств, чтобы дать адресату представление о фактуре дела.

Третье — деловитость. В документе должны излагаться только юридически значимые соображения. В частности, если составляется жалоба на судебное решение, анализ должен ограничиваться мотивами, использованными в этом решении. Анализировать при этом иные обстоятельства нет деловой необходимости.

Однако в этих рамках можно, конечно, затрагивать не только правовые категории, но и категории нравственные, поскольку любое судебное решение не может противоречить ни общественной морали, ни здравому смыслу. Более того, берусь утверждать, что нравственная оценка обсуждаемой ситуации предшествует у судьи его юридическим выводам по делу и даже определяет их.

Четвертое — спокойствие тона. Деловой процессуальный документ — не место для эмоциональных всплесков. А между тем некоторые адвокатские жалобы то и дело пестрят восклицательными и вопросительными знаками. Авторы воздевают руки в мнимом или даже в подлинном возмущении. Они вопрошают чиновное лицо, стерпит ли оно описываемое нарушение закона?! Всем этим воплям не место в процессуальном документе.

Следует сделать правилом: любые вызывающие у вас возражение мотивы судебного или следственного акта, даже наиболее возмутительные, абсурдные, должны анализироваться доказательно, спокойным, рассудительным тоном. Чем уродливее мотив, тем мягче должна быть форма его анализа. Пусть медленно раскаляется и самостоятельно ахает читающий бумагу адресат, но не автор. И лишь в конце подобного тихого изложения можно назвать вещи своими именами.

Пятое — отстраненность. Избегать категоричности суждений. Адвокат, как правило, ходатай, он обращается с просьбой и мотивирует ее. В его устах (вернее, в его обращениях) нежелательны поэтому крайние максималистские оценки, неуместен жесткий самоуверенный тон. Не следует поучать и указывать. Психологически правильнее будет — высказаться. Поэтому усиливающее слово «абсолютно» не работа-

ет в процессуальных документах, хотя и применяется весьма часто.

Процессуальные нарушения, на которые ссылается адвокат, поголовно все, по его утверждению, «грубые», а то и «грубейшие», хотя в большинстве случаев они заслуживают оценки лишь как «существенные», привлекающие внимание.

Уместно, полагаю, применение адвокатом в деловых текстах такого смягчающего набора выражений, как «по мнению защиты», «представляется, что...», таких негативных оценок, как «нехарактерно», «недостаточно убедительно».

Вполне безобразные и вполне очевидные ляпсусы в судебных документах могут вызывать у адвоката не более чем «сожаление» и глубокую печаль... Что не должно препятствовать четкости его спокойных выводов по этому поводу.

Шестое — нетривиальность подхода. Обстоятельства дела и их правовой анализ заслуживают того, чтобы над ними думали, чтобы их углубленно изучали. В этом, собственно, и состоит адвокатская работа, а не в скольжении по видимой поверхности материала. И если в ходе таких размышлений и поисков вам удастся найти нешаблонный подход, позволяющий изложить дело или один из его узловых вопросов в новом свете, ваш процессуальный документ приобретет более высокое качество, а вы — репутацию стоящего специалиста.

Подобные находки далеко не часто достаются адвокату, но стремиться к ним нужно. Они, собственно, и позволяют относить работу адвоката к творческой деятельности, приносящей подчас чувство глубокого морального удовлетворения. Не жалейте поэтому времени и труда на поиск и формирование своей позиции по делу.

Седьмое — иллюстративность.

Весьма часто встречаются в делах адвокатские жалобы, ходатайства и прочие документы, которые напоминают по манере изложения не профессиональные инструменты, а письма другу. В них пространно излагается мнение автора о деле и о принятом решении, сообщаются причины несогласия с выводами суда и упоминаются различные содержащиеся в деле данные. И — ни одной конкретной ссылки на лист дела, о котором идет речь, ни одной дословной ци-

таты, ни одного доступного немедленной проверке тезиса. Сплошное повествование.

Это — халтура.

Эти «письма другу» лишены доказательности, они не иллюстративны. Процессуальный документ должен содержать аналитические доводы, каждый из которых поддается немедленной проверке, сопровождается, по меньшей мере, указанием листов дела, на которых отражено упомянутое в анализе доказательство. Лучше, если соответствующий фрагмент документа дела дословно процитирован.

Любые ссылки на судебную практику, на научные источники также должны сопровождаться указанием конкретного печатного издания с обозначением его реквизитов. Более того, для облегчения проверки подобных ссылок полезно прилагать к своей деловой бумаге ксерокопии соответствующих страниц источника вместе с копией титульного листа.

Претендующий на серьезность процессуальный документ адвоката должен отражать кропотливую работу над ним и над его доказательностью, в которой, кстати, проявляется и уважение автора ко времени и труду адресата.

Под занавес коснусь еще одного возможного свойства составляемых адвокатом документов, которое пока не будет иметь для вас прикладного значения; с годами вы, возможно, его оцените. Свойство это можно назвать эстетикой деловых бумаг.

Когда-то давно, когда я тоже, как вы сейчас, был молодым стажером, мой маститый патрон однажды сказал мне: «Хорошо вести хозяйственные дела может лишь адвокат, которому доступна романтика бухгалтерских документов».

«Эстетика деловых бумаг» звучит не менее парадоксально, однако она существует.

Весьма редко возникают под пером адвоката документы, в которых резонность его позиции сочетается с железной логикой изложения и высокой гармоничностью текста.

Гармония текста сродни музыкальной гармонии. Обладающий этим свойством документ, как хорошая музыка, доставляет подлинное удовольствие читателю и увлекает его за собой. Документ мускулист и излучает энергию. К заключительным аккордам читатель с благодарностью соглашается

с вашими выводами. Такой документ прозрачен и изящен, он обладает высокой эстетикой.

Стремление создать подобный документ, скорее всего, было бы бесплодным. Он может только вдруг получиться.

Но когда адвокат с радостью обнаруживает, что у него это получилось, он заранее может быть уверен, что успех его усилий обеспечен.

Повторяю, это придет к вам позже вместе с опытом, мастерством и любовью к своему делу. Но придет обязательно.

Спасибо за внимание.

А теперь, кто не устал, может ознакомиться с парой небольших адвокатских документов, в которых, как мне кажется, можно найти примеры к содержанию нашей беседы; документы эти структурны, и в одном из них использован нешаблонный подход, а в другом — удачно найденная неочевидная ошибка суда. Оба эти документа оказались результативными.

Кинорежиссер Н. Михалков в 2003 году предпринял попытку возглавить присуждение популярной кинопремии «Ника». Попытка эта была отклонена учредителями «Ники», в число которых входил Ю. Гусман. В этой связи Н. Михалков сообщил в телевизионном интервью, что «Ника» давно «продана Ю. Гусманом за 1,5 миллиона долларов» на сторону и более не заслуживает уважения. По иску Гусмана о защите доброго имени суд признал сообщение Н. Михалкова ложным, но не порочащим истца, — отказав в иске. Причины решения, как можно было полагать, не относились к области права. Приводится текст кассационной жалобы.

ОБ АДВОКАТСКОЙ ТАЙНЕ

Среди афоризмов польского сатирика
Станислава Леца есть и такой:
«Не звени ключами тайн...».

Обязанность не разглашать секреты различной степени важности (государственные, военные, служебные, экономические, научные, коммерческие банковские и т. д.) налагается на лиц, достоянием которых они стали по службе или работе, и считается столь важной, что нарушение ее признается криминалом. Уголовно-правовая ответственность за разглашение перечисленных в УК РФ категорий сведений распространяется и на адвокатов,

оказавшихся при ведении дел или при консультировании носителями таких сведений — независимо от дачи каких-либо подписок о неразглашении. Об этом не следует забывать, тем более что согласно решению Конституционного суда Российской Федерации любой адвокат, а не только имеющий специально оформленный допуск, может быть теперь приглашен для осуществления защиты по делу, содержащему секретные сведения.

Однако не эти очевидные положения относятся к обсуждаемому понятию.

От общего многочисленного ряда занятий, связанных с посвящением в охраняемые государством тайны, адвокатская и врачебная деятельность отличаются и тем, что соблюдение тайны, ставшей известной по работе, признается профессиональным, а не служебным принципом. Врач, приобретая профессию, дает «клятву Гиппократа». Адвокат не дает такой клятвы, а следовало бы ее ввести, ибо соблюдение им доверенной клиентом тайны должно рассматриваться как обязательное условие профессиональной деятельности.

Носит ли требование соблюдать профессиональную тайну абсолютный характер? Как быть адвокату, если требование это вступит в резкое противоречие с его долгом — гражданским, моральным, с велением совести?

Врач не только может, но и должен нарушить профессиональную тайну, если при оказании медицинской помощи узнает или заподозрит, что травма или болезнь связаны с совершенным преступлением. Есть ли такое право или обязанность у адвоката? Закон однозначно отвечает на этот вопрос. Положение об адвокатуре РСФСР, утвержденное Законом РФ от 20 ноября 1980 года, устанавливает: «Адвокат не вправе разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием юридической помощи» (ст. 16). УПК РСФСР запрещает требовать у адвоката сведения, ставшие ему известными при оказании юридической помощи (ст. 51, 72).

Мотивы, которыми руководствовался при этом законодатель, понятны. Гражданин может рассчитывать на полноценную юридическую помощь, гарантированную ему Конституцией, только в том случае, если он сможет довериться адвокату — без опаски и сомнений. Эту возможность и обеспечивают нормы права, налагая на адвоката обет молчания.

Между тем положение адвоката не столь просто, как следует из лаконичного предписания закона. Пока секреты клиента

касаются отношений, регулируемых Гражданским, Жилищным или Семейным кодексами, требования адвокатской тайны никаких сомнений не вызывают. Однако доверенные адвокату сведения могут быть связаны с совершенным тяжким преступлением или с угрозой посягательства на жизнь, здоровье, безопасность, имущество отдельных лиц или множества людей, на безопасность государства, общества — и тогда сохранение тайны полученных сведений вступает в противоречие с моральным долгом гражданина и просто порядочного человека. (Имеется в виду именно моральный — и никакой другой — долг, поскольку новым Уголовным кодексом полностью отменена ответственность за доноительство. Это, по моему мнению, характеризует отношение законодателя к «доноительству» вообще.)

Публикаций, посвященных коллизии между моральным долгом и требованиями профессиональной тайны, возникающей в подобных случаях, мне не удалось найти в специальной литературе. Не исключаю, что это вызвано тяжестью выбора: и совет умолчать, и совет сообщить будут равно болезненны и дадут пищу для разгромной критики. Поскольку, однако, тема эта достаточно важна в адвокатской деятельности, сделаю попытку хотя бы приблизиться к правильному ответу.

Итак: как должен адвокат отнестись к сообщению клиента о совершении или подготовке им тяжкого преступления, а также к просьбе о консультации по этому поводу?

Ходят слухи о неких адвокатах, регулярно консультирующих руководителей преступных группировок по правовым аспектам их «деятельности». Не эта помощь, являющаяся по существу уголовно наказуемым пособничеством, рассматривается здесь. Имеется в виду добропорядочная адвокатская работа, в ходе которой адвокат узнает о состоявшейся или готовящейся преступной акции клиента.

Можно достаточно уверенно считать, что о совершенном его клиентом преступлении адвокат обязан умолчать. При состоявшемся действии сообщение о нем может преследовать единственную цель — кару. Несмотря на общественную пользу такого поступка, адвокат при этом выступает как помощник карательных органов государства, то есть действует в явном противоречии с принципами и природой адвокатуры как института. Нарушивший обязанность молчания адвокат совершает в данном случае грубый профессиональный проступок и ставит себя вне рядов корпорации.

Сложнее ответить на вопрос о правильной позиции адвоката, когда клиент пришел посоветоваться о готовящемся преступлении. Вполне очевидно, что единственный совет, который вправе дать такому клиенту адвокат, — это убедительно порекомендовать отказаться от осуществления замысла и указать на пагубность последствий. Как быть далее: обязан ли адвокат принять иные меры для предотвращения нависшей, быть может, страшной, угрозы или последовать профессиональному долгу сохранения тайны, рискуя на всю жизнь сохранить чувство своей вины? Здесь речь идет уже вовсе не о помощи в карательной деятельности, а о помощи другим людям, о предотвращении реально нависшей над ними беды. Здесь голос морального долга звучит уже непеременно мощно. И устоять перед ним трудно...

В аналогичной ситуации каноны любой христианской конфессии обязывают священника безоговорочно хранить тайну исповеди. В романе Э. Войнич «Овод» аббат нарушил этот свой долг и предпочел сообщить властям о готовящемся политическом преступлении, сведения о котором были доверены ему на исповеди. Этот поступок, продиктованный заботой о безопасности государства, защите его от террористов, уже полтора-два года, прошедших после выхода романа, безоговорочно осуждается цивилизованным миром.

Вероятно, в этом и содержится нелегкий ответ на вопрос об относительной или абсолютной обязательности принципа адвокатской тайны.

«Не звени ключами тайн...»

(Опубликовано в журнале «Российская юстиция». 1997. № 2)

СУДЕБНЫЕ РЕЧИ

ДЕЛО СВЕТЛОВОЙ

(Хищение государственной собственности)

Светлова Тамара Ивановна обвинялась в том, что, работая заведующей секцией культтоваров крупного универмага в г. Москве, принимала для реализации похищенные иными обвиняемыми спортивные мячи. Согласно обвинению, всего ею было принято таким образом товаров на сумму 15 500 руб. Вырученные от продажи деньги присваивались участниками преступной группы, в том числе и Светловой.

На всем протяжении следствия Светлова виновной себя не признавала.

Дело рассматривалось Московским городским судом в 1961 году. Суду было предано 20 обвиняемых.

Товарищи судьи!

При таком количестве подсудимых вам будет трудно, не заглядывая в документы дела, припомнить отличительные черты каждого из них. В утомленной памяти вашей после четырех недель процесса все они, наверное, выглядят одноликой группой.

Поэтому защиту Светловой я хотел бы начать с тех особенностей, которые резко выделяют ее из общего ряда лиц, сидящих перед вами, и эти особенности помогут вам в совещательной комнате, еще до того, как вы начнете разбирать свои заметки, восстановить в памяти особенный облик Светловой и ее особенное положение.

Ей вменено в вину наименьшее из всех подсудимых обвинение: помощь в реализации похищенных мячей на 15 500 руб. В обвинительном заключении указано, что за каждый проданный мяч торговые работники получали по два рубля. Значит, за те мячи, в продаже которых она обвиняется, Светлова могла получить около 2000 руб. за три года. За три года — две тысячи. Это наименьший в деле объем обвинения.

Из числа находящихся под стражей подсудимых Светлова — единственная женщина. Женщина, мать всегда больше,

чем мужчина, привязана к семье, к дому, и разлука причиняет ей больше страданий, чем мужчине. Значит, она — самая страдающая.

Кривая улыбка судьбы: наименее виновная — наиболее страдающая!

Вы знаете, что у нее был муж и что он погиб на фронте во время войны. От него ей остались только горе и орден, присланный с фронта его боевыми друзьями. Это было уже давно, много лет назад. Тогда она была еще сравнительно молодой (ей было около 30 лет) и вполне могла найти себе спутника жизни. И ей нужен был такой спутник, друг. Ведь у нее на руках остались маленькая дочь и больная старуха. Но она не пошла на это, предпочла не изменять памяти мужа и осталась одинокой до конца. Я вправе сказать это «до конца», потому что личная жизнь этой рано поседевшей женщины уже кончена, да и сама жизнь ее клонится к закату.

На такую жертву во имя чувства способны лишь натуры сильные и чистые.

Эта внутренняя сила и стойкость в беде проявились у Светловой и на предварительном следствии, где так соблазнительно было пойти по пути Осиповой: поддаться уговорам и признанием вины купить себе свободу до суда! Но она предпочла молча страдать в тюрьме, ни разу не признав себя в чем-либо виновной.

Такая душевная сила — не доказательство. Но я говорю о ней потому, что она невольно вызывает уважение к Светловой и дает ей моральное право на бережное отношение к ее судьбе, на ваше внимание: а может быть, она и действительно невиновна, если так долго и так стойко отрицает вину?

Она уже год сидит в тюрьме. За что? Прокурор отвечает: она была в числе продавцов, которые помогали продавать похищенные с фабрики мячи. Мы многих продавцов заподозрили, говорит прокурор, большинство оказались невинными, тень напрасно упала на них только потому, что экспертиза нашла дефекты в их накладных. Но часть продавцов уличена, и среди них Светлова. Правда, ее участие в преступлении было сравнительно редким. Но все же участие ее налицо. Так говорит прокурор. Не ошибка ли это? Достоверны ли улики?

Предлагая вам свой анализ, я хочу оговориться, что ничего не навязываю из своих выводов — прошу лишь взвесить все «за» прокурора и мои «против», прежде чем сказать свое решающее слово.

В деле есть такие доказательства вины Светловой: экспертиза в шести ее накладных обнаружила дописки, сделанные не одновременно с общим текстом; кладовщик Лобанов на предварительном следствии признал, что этими дописками скрыт «левый» товар; бухгалтер Каневский тогда же признал, что на имя Светловой переписывал счета.

Разберемся с убедительностью этих улик.

Заключение экспертизы производит внешне весьма солидное впечатление: оно безукоризненно оформлено на бланках научного учреждения. Но если осмыслить, что именно делали эксперты, то окажется, что от науки здесь только грифы на бланках. Фотографируют накладную и ее копию, затем складывают диапозитивы так, чтобы совместился текст, и затем такой же человек, как мы с вами, без помощи каких-либо приборов смотрит, какая часть текста не совмещается. Затем этот человек берет лист с грифом научно-технического отдела и пишет: «В такой-то накладной такая-то часть имеет несовмещение». Это нам понятно: эксперт увидел дефект. Но далее он пишет: «Такое-то несовмещение есть результат позднейшей дописки, а такое-то (всегда не относящееся к обвинению) могло произойти от случайного сдвига накладной во время заполнения». Здесь уже неясно, по каким характерным признакам эксперт делит несовмещение на следы подлога и на случайные.

Обе стадии экспертизы не дают достоверных результатов ввиду отсутствия в них научной основы. Эксперт пишет в заключении, что несовмещения текста определялись им визуально. Если это мудреное словцо перевести на русский, то оно будет звучать более понятно: на глаз. То есть выводы эксперта о совпадении или несовпадении частей текста основаны только на зрительном восприятии эксперта, обыкновенного смертного, а не являются результатом научного исследования.

Химическая экспертиза состава вещества достоверна, ибо она опирается на законы химии, познанные человеком

и обладающие достоверностью объективной истины. Дактилоскопическая экспертиза вправе считаться достоверной, ибо она опирается на принятый за истину математический закон: вероятность совпадения папиллярных узоров пальцев у двух людей настолько мала, что практически невероятна. Но заключение эксперта о наличии или отсутствии совпадения частей текста основаны только на его зрительных способностях, качестве весьма субъективном, и потому является не научной экспертизой, а личным впечатлением. Такое впечатление ошибок не исключает.

Для примера: взгляните на диапозитивы накладных под номерами 268 и 104, вмененных в вину Светловой. Эксперт пишет, что здесь есть несовмещение текста. А мы при самом придирчивом осмотре никакого сдвига не видим. Что, у эксперта глаз острее?

Далее. В ряде накладных сдвиг очевиден каждому, и тогда возникает вопрос второй стадии экспертизы: от чего? От позднейшей преступной дописки или от случайности? Можно твердо заявить, что эксперты не вправе были отвечать на этот вопрос категорически: «да, подлог» или «нет, случайность», а могли делать свои выводы об этом только в предположительной форме, ибо они не в силах сослаться на какие-либо характерные признаки, отличающие сдвиг случайный от сдвига криминального.

Я не голословен. Возьмите заключение экспертов по накладной № 90. В ней есть ряд несовмещений текста. Так вот, в тех частях накладной, которые нужны обвинению, эксперт пишет: «Дописано позднее», а те сдвиги, которые не соответствуют рамкам обвинения, эксперт относит к случайным. По каким признакам, по какому критерию? Неизвестно. Молчат. И думается мне, что причины такого разграничения следует искать не в каких-то таинственных особенностях текста, а в служебном положении экспертов, в их лояльном отношении к усилиям следствия. Все мы люди, все человеки! И если эксперт, офицер отдела милиции, по роду службы призван помогать следователю, офицеру соседнего отдела той же милиции, то не исключено влияние как следователя, так и чувства служебной солидарности на объективность и беспристрастность производящих экспертизу людей. В этой

связи следует признать разумность создания независимого от следственных органов института судебных экспертиз.

Прошу вас обратить внимание на то, что защита оспаривает лишь категоричность выводов экспертизы, не отрицая ценности такой проверки как метода. Проверка диапозитивов накладных — несомненно, ценное оперативно-розыскное средство, указывающее следствию, где было возможно преступление, где искать доказательства преступления, но не являющееся самостоятельным доказательством вины. В нашей печати упоминался применяемый американцами так называемый аппарат лжи. Он сигнализирует о появлении у допрашиваемого лица физиологических симптомов волнения, возникающих также и при ложных показаниях. Аппарат сигнализирует следователю: «Внимание, здесь возможна ложь!», настораживает следователя. Но абсурдно было бы рассматривать сигнал такого аппарата как достаточное доказательство ложности или правдивости показаний. Это — оперативное средство.

В уголовном розыске применяется ценнейшее оперативно-розыскное средство: поиск со служебной собакой. Он может указать лицо, в отношении которого необходимо вести проверку. Но кому придет в голову предать суду человека, основываясь только на результатах такого поиска? Таким же ориентирующим оперативно-розыскным средством может служить и сличение диапозитивов.

Поэтому прав был следователь, когда он, не доверяясь заключениям экспертизы накладных, прекратил дела тех 30 продавцов, против которых более ничего не было. И прав был Мосгорсуд, когда он в приговоре своем по делу Филлера, приобщенном к настоящему делу, отрицает достаточность экспертизы накладных для осуждения. Поэтому и для осуждения Светловой недостаточно заключения экспертизы. Нужны еще и доказательства, которые подтвердили бы, что дефекты накладных возникли не случайно, а в результате преступного подлога.

Имеются ли такие доказательства? Обвинитель говорит «да» и ссылается на показания Каневского и Лобанова.

Бухгалтер фабрики Каневский не помог на следствии выяснению истины. Он показал тогда: «Фамилию Светловой я помню, так как как-то переписывал счета на ее имя». В суде

он пояснил: «Был один случай переписки счета на имя Светловой, но привозила ли она этот счет лично — не помню». Видимо, это показание мало дает обвинению. Вы помните, что дела всех лиц, о которых не было известно, сами ли они привозили счета для переписки, были прекращены. Это и понятно, так как преступление начиналось не с выписки счета, а с его переписки, и лишь тот, кто привозил счет для переписки, — независимо от того, на чье имя он был, — и был участником преступления. Итак, Каневский не уличает Светлову.

Сложнее обстоит дело с кладовщиком Лобановым. Он, безусловно, имел личный контакт со всеми, кто получал для продажи похищенный товар, и его память поэтому — клад для обвинителя. Помнит ли он Светлову? Обратитесь к протоколам его допросов. С момента, когда он признал себя виновным, его пять раз допрашивали о продавцах, получавших неучтенный товар, и ни разу он не назвал в их числе Светлову. Затем, не надеясь уже на его память, следователь предъявил ему заключение все той же экспертизы по накладным. Лобанов начал осматривать диапозитивы и опознавать подлоги. С этого момента показания его основаны уже не на памяти о событиях, а на оценке диапозитивов, что значительно менее достоверно. Однако мы вынуждены считаться с этими показаниями, так как Лобанов — автор документов и ему одному знакомы особенности и детали, говорящие о преступной причине дефектов накладных.

Из шести осмотренных Лобановым накладных на имя Светловой он в отношении трех категорически заявил, что никаких следов подлога в них нет, и неучтенная продукция по ним не отпускалась. В тех случаях, когда Лобанов не подтверждал заключения экспертизы, следствие обычно прекращало дела. Между тем и эти три накладные, отвергнутые Лобановым, все-таки включены в обвинение Светловой. Почему? Непонятно.

В отношении остальных трех накладных Лобанов заявил: «В них я вижу несовмещение, значит, по ним произведен для Светловой отпуск неучтенных мячей». Эти показания Лобанова подтверждали на следствии вину Светловой в реализации похищенных мячей на 7787 руб. Изменилось ли положение в суде? Да. Лобанов отказался от оговора Светловой. Прокурор

в речи своей указал, что по одной накладной Лобанов уличает Светлову и здесь, в суде. Это неверно. Вот как он дословно заявил: «Неучтенную продукцию Светлова ни разу не получала. Из шести накладных в одной есть несоответствие, но оно от случайных причин, отпуска не было и по ней». После этих показаний Лобанова не осталось никаких доказательств вины Светловой, кроме сомнительного заключения экспертизы. Как быть? Можно ли осуждать при таком положении?

Рецепт, как быть в такой ситуации, дан в деле самим обвинителем. В своем постановлении о гражданине Слободнике прокурор пишет: «Ранее Лобанов уличал Слободника, но впоследствии отказался от этих показаний. Так как теперь доказательством вины Слободника служит только криминалистическая экспертиза, что недостаточно для предания суду, дело прекратить».

Кажется, ясно? Недостаточно для обвинения!

А здесь в речи тот же прокурор говорит, что такие же доказательства достаточны для осуждения Светловой!

Как говорят на Украине: «На тоби, боже, что нам не гоже».

Пока дело было у прокурора, такие улики были «не гожи», а теперь дело в суде, они уже «гожи»!

Не думает ли прокурор, что Мосгорсуд менее требователен к качеству улик, чем он сам? Я знаю, что товарищ прокурор относится к судебной коллегии с уважением, но, право, такая просьба выглядит внешне как неуважение к суду.

Прокурор говорит вам: «Не обращайтесь внимания на то, что говорит Лобанов в суде, судите только по тому, что он говорил на следствии». Дурной совет: игнорировать то, что получено в гласном процессе, и принимать на веру полученное в тиши следственных кабинетов. Ведь не для пустой формальности закон предлагает проверять в судебном заседании прочность того, что добыл следователь. Здесь, у вас, основная стадия процесса, а там была лишь предварительная. Так она и названа в законе — предварительное следствие.

Товарищ прокурор говорит вам: «Лобанов отказывается теперь от своих показаний, стремясь уменьшить объем своего обвинения». Это возможно. Но разве исключено, что не шкурный интерес, а сострадание к невинной женщине вызвало у него здесь, в суде, раскаяние и стремление исправить свою ошибку? Важно не предположение прокурора

о причинах перемены в показаниях Лобанова, а факт, от которого нельзя уйти: нет теперь этого единственного доказательства, на котором ранее держалось обвинение Светловой.

Что еще добавить? Почти нечего: сама она решительно и последовательно отвергала обвинение, никаких излишков в магазине не обнаружено.

Что же вам делать со Светловой? Дело, как видите, такое, что оно дает вам возможность ее оправдать. Но есть перед вами и второй путь, в вашей власти осудить ее. Более того, я знаю, что при высокой квалификации суда обвинительный приговор может быть составлен с такой внешней убедительностью, что потом будет очень трудно бороться с ним в кассационном порядке. Этот путь проще, он потребует от вас меньших усилий.

Оправдание Светловой потребует не только объективности, но и известной доли смелости; оно поэтому труднее, но это будет добрым делом, в котором не упрекнет вас совесть. А стоит ли она такого доброго дела — такой вопрос может возникнуть у вас. И здесь я хотел бы на минуту вернуться к началу моей речи. Я упоминал тогда об ордене инженер-капитана Светлова, присланном с фронта его вдове. При ордене было теплое, полное сдержанного мужского сочувствия письмо офицеров и бойцов. Это письмо у вас. Там сказано, что Светлов подорвался на mine: он был сапер. Так вот, когда я читал это письмо, у меня в памяти невольно по ассоциации возникла совсем другая фамилия — Доронин. Эта фамилия — Доронин — была известна очень многим бойцам Южного и 3-го Украинского фронтов. И не потому, что этот Доронин был каким-нибудь видным генералом. А потому, что на всем пути наших войск от Сталинграда, через южные степи и за рубежи на Запад, в каждом вновь отбитом у врага населенном пункте нас встречала на стенах надпись «Разминировано. Доронин», «Мин нет. Доронин». И бойцы спокойно располагались на отдых после боя в пустых домах, в развалинах, потому что знали, что Доронин со своими ребятами уже заслонили нас телами, своими жизнями от притаившейся немецкой смерти. Поэтому мы все и знали эту фамилию.

И так эта цепочка доронинских надписей шла с нами на Запад. Потом цепочка эта оборвалась в маленьком венгерском селе, где мы увидели при дороге, по которой шли войска, све-

жий могильный холмик с табличкой: «Старший лейтенант Доронин. Подорвался на mine». Саперы ведь ошибаются только раз!

И очень многие из проходивших бойцов и офицеров оставались у этой могилы и молча обнажали головы, потому что этого человека заочно многие знали. А потом под надписями стояла уже другая фамилия: «Мин нет. Егоров».

Вот так же где-то в глубине польских лесов осталась при дороге могила инженер-капитана Светлова, тоже сапера. Умирая, он верил, что не будет забыт, что Родина проявит милосердие к его дочери, его вдове и оплатит им добром.

И вместе с ним, отсутствующим, но не забытым, я верю, что вы не пройдете мимо и используете возможность сделать добро его вдове.

Ее нужно оправдать!

Приговором суда Светлова была признана частично виновной и осуждена к одному году лишения свободы, в пределах срока, отбытого ею за время следствия и суда.

ДЕЛО ДВОРЕЦКОГО (Убийство по неосторожности)

Дворецкий был предан суду по обвинению в том, что во время обоюдной драки нанес Косыреву несколько ударов кулаком, от чего последний упал на землю и спустя несколько минут умер от кровоизлияния в мозг, то есть в умышленном причинении тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть.

В приговоре народного суда указывалось, что Дворецкий нанес Косыреву «сильный удар кулаком в плечо, от чего тот упал и ударился головой о землю, что вызвало кровоизлияние и смерть Косырева». «Дворецкий, — указано в приговоре, — не предвидел таких последствий, хотя и должен был предвидеть их».

Действия Дворецкого суд квалифицировал как неосторожное убийство, приговорив его к 2 годам заключения. Приговор был обжалован защитой. Дело 1950 года.

РЕЧЬ ПРИ СЛУШАНИИ ДЕЛА ПО ЖАЛОБЕ В МОСОБЛСУДЕ

Фактическая сторона гибели Косырева была выяснена народным судом с достаточной полнотой. Известно теперь, что

Косырев, сильно пьяный, приставал к Дворецкому, ударил его по лицу и замахнулся снова. Дворецкий ударом в плечо сшиб Косырева, тот упал, ударился головой обо что-то твердое, видимо кирпич, и умер.

В области фактов выяснять нечего. Спор идет о том, в какой степени можно поставить в вину Дворецкому смерть Косырева в свете этих фактов.

Суд согласился с защитой, что человек, желающий причинить тяжкое телесное повреждение, не станет для этого толкать кулаком в плечо, то есть что Дворецкий не имел умысла причинить Косыреву увечье.

В то же время суд пишет, что Дворецкий не имел права толкать столь сильно Косырева, он должен был предвидеть возможность тяжелых последствий своего толчка. Я считаю это рассуждение порочным в обеих его частях: Дворецкий имел право толкнуть Косырева, он не мог и не должен был предвидеть наступившие трагические последствия.

Попытаюсь обосновать это утверждение.

Суд ссылается на то, что толчок был первопричиной смерти Косырева, а виновным в толчке Дворецкий себя признал.

Наказуем ли этот толчок изолированно от его последствий?

Свидетели Игормин и Смирнова показали, что Косырев напал на Дворецкого и ударил его в лицо. Обороняясь, Дворецкий оттолкнул Косырева. Такое изложение происшествия подтверждается характеристиками Косырева, как драчуна и заводилы, и Дворецкого — как смирного, спокойного паренька. Характеристики, данные сельсоветом, вероятно, правильны, так как их подтвердила даже мать покойного Косырева.

Значит, Дворецкий не просто ударил, а оттолкнул Косырева, обороняясь от него. Имел ли он на это право?

Стоит напомнить, что наш Уголовный кодекс не «от Луки» и не «от Матфея», закон наш не проповедует евангельских принципов. И потому: если ударят тебя по правой щеке, не подставляй левую, а обороняйся, и ты будешь прав. Это записано в статье 13 Уголовного кодекса РСФСР. Следовательно, толчок Дворецкого, вызванный необходимостью обороны, был правомерным, он ненаказуем.

Далее. Должен ли был Дворецкий предвидеть столь тяжкие последствия своего толчка?

Мы можем требовать от людей предвидения только таких последствий своих действий, которые являются обычными или часто встречающимися.

Между тем толчок Дворецкого являлся не причиной, а лишь первым звеном в длинной цепи случайных причин, которые в совокупности привели к смерти Косырева.

В обыденной жизни далеко не всегда люди падают от толчка в плечо. Еще реже падают плашмя, не подставив руки. При падении плашмя чрезвычайно редко под голову попадает камень. И должно быть совершенно исключительное стечение несчастных обстоятельств, чтобы от такого падения последовала смерть.

Предвидение возможности такого стечения случайностей недоступно человеку, если он не пророк.

Разрешите привести один пример, который показывает, что даже государство, при всей его коллективной мудрости, не может предусмотреть всех возможных последствий, возникающих в конкретных ситуациях, а рассматривает их как случай, не зависящий от воли и умысла человека.

Бокс — один из видов спорта, воспитывающий у молодежи замечательные физические и волевые качества, поэтому государство поощряет его развитие в нашей стране.

Между тем в схватке боксеров соперники стремятся выиграть бой нокаутом, то есть нанести партнеру столь сильный удар в лицо или по корпусу, чтобы тот упал на ринг и в течение 10 секунд не смог бы продолжать бой. Разрешение и даже поощрение государством этого вида спорта исходит из того, что тяжелые последствия единоборства возникают крайне редко и могут носить лишь чисто случайный характер.

Но ведь Дворецкий толкнул Косырева, стоявшего даже не на ринге, а на мягкой, сырой после дождя земле. Значит, возможность тяжких последствий была здесь еще менее вероятной, чем в боксе.

Поэтому я решительно заявляю: жизненный опыт 18-летнего паренька не мог (и не должен был) подсказать ему повышенную против нормальной осторожность при обороне от Косырева.

Нельзя требовать от человека предвидения случайных последствий дозволенной обороны.

Следовательно, в действиях Дворецкого нет преступной небрежности, нет вины неосторожной, как она определена в статье 10 УК.

Прошу поэтому коллегия отменить приговор и за отсутствием вины Дворецкого дело о нем прекратить, освободив его из тюрьмы.

Определением Мособлсуда дело было прекращено.

ДЕЛО САМОРУКОВОЙ (Убийство новорожденного ребенка)

Саморукова обвинялась в убийстве своего ребенка, совершенном при следующих обстоятельствах.

Не желая иметь ребенка и скрывая беременность от окружающих, Саморукова в результате попытки самоаборта родила живого 8-месячного младенца и, чтобы избавиться от него, оставила после родов в ведре, где имелась вода, отчего ребенок умер.

При судебном следствии было установлено, что живет она одна, имеет дочь 4-х лет, алиментов на которую не получает, так как муж ее скрылся и не разыскан, что незадолго до самоаборта была уволена по сокращению штатов.

При допросе в день родов признала, что умышленно оставила ребенка в ведре, чтобы избавиться от него. При последующих допросах вину свою отрицала, ссылаясь на тяжелое послеродовое состояние.

Дело трижды рассматривалось первой инстанцией. Два раза Саморукова признавалась виновной в неосторожном убийстве, но оба эти приговора отменялись Московским областным судом (по протестам прокурора), указывавшим на умышленный характер убийства и мягкость наказания. При рассмотрении дела в третий раз Саморукова была осуждена за умышленное убийство к 5 годам заключения.

Дело рассматривалось в 1955 году.

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ САМОРУКОВОЙ ПРИ ТРЕТЬЕМ СЛУШАНИИ ДЕЛА В МОСОБЛСУДЕ ПО 2-Й ИНСТАНЦИИ

Итак, третий суд, разрешавший дело, оказался наконец на высоте положения, выполнил указание коллегии и осудил Саморукову за умышленное убийство к 5 годам заключения.

Внешне кажется, что теперь все на своих местах: субъект преступления, гражданка Саморукова, совершила умышленное убийство, квалификация соответствует этому действию, наказание назначено в пределах санкции закона — все это полностью соответствует указаниям облсуда. Что здесь еще делать защите? И я хорошо понимаю всю тяжесть положения защитника...

Но если в эту сухую юридическую схему, принятую по указанию коллегии, вдохнуть жизнь, то вместо схемы мы увидим тяжкую жизненную драму несчастной женщины, драму, которая не может не тронуть сердца, если они еще не очерствели.

Вы знаете из материалов дела, что Саморуковой сильно не повезло в жизни. Скажем резко: жизнь ее загублена. Муж, не принесший ей за четыре года ни радости, ни достатка, все пропивавший, бросил ее с маленькой дочкой на руках, без средств. Попытка разыскать его с помощью милиции для взыскания алиментов была безуспешной. Старики родители отвернулись от нее, отказав в помощи.

Вспомните показания соседки Барышниковой: обстановка у нее убогая, стены голые.

Она осталась одна в этих голых стенах, без средств, без помощи, без близкого человека, с малышом, которого нужно было кормить, наедине со своим горем и своими мыслями.

Первое время тонким ручейком средств к жизни для нее и ребенка была ее зарплата на заводе, куда она поступила ученицей. Но в начале мая ее уволили по сокращению штатов.

Как жить?..

И в этот момент глубокой подавленности ее постигает еще один удар: она узнает, что признаки, которые она раньше принимала за симптомы болезни, — это признаки беременности. Вам известно из заключения эксперта-медика в суде, что такого рода длительное заблуждение возможно.

Узнав правду, она, прежде всего, думает не о том ребенке, которого еще нет, а о другом, живом, близком и дорогом ей существе, которому роды угрожают еще большими лишениями, еще большей нуждой. Положение свое она считает отчаянным, и трудно с ней не согласиться.

Не зная срока своей беременности (эксперт подтвердил, что и такое заблуждение было возможно), она пытается избавиться от плода самоабортom. В то время она не могла воспользоваться для этого услугами врача — решение государства о разрешении абортов еще не было принято.

13 мая происходят преждевременные, искусственно вызванные ею роды. Не зная срока беременности, Саморукова ждет не младенца, а избавления от плода, болезненной части своего тела, еще не ставшей живым существом.

Вы могли бы сказать мне, что, увидев младенца, Саморукова тотчас поняла свою ошибку, если она действительно заблуждалась до этого. Если такая мысль возникла у вас, отбросьте ее — здесь она неприменима. Здравая оценка состояния плода, его жизнеспособности недоступна воспаленному, затуманенному сознанию измученной родовыми схватками женщины.

Защита представила выписки из классического труда Гофмана, не потерявшего в интересующей нас части своей ценности по сей день (по разъяснению эксперта суду).

Гофман многочисленными примерами из практики иллюстрирует свой тезис о необходимости чрезвычайно осторожной оценки степени сознательности действий роженицы. Он ссылается на то, что процесс родов влечет не только физическое, но и огромное психическое потрясение, при котором зачастую нельзя требовать от женщины разумной оценки окружающего и разумных поступков.

Одна, сдерживая стоны, ждет Саморукова над ведром выхода плода. И когда он выходит, она, не прислушиваясь, не слышно ли живых звуков, не размышляя, оставляет плод в ведре, куда он выпал, и, обессиленная, в полуобмороке, падает на постель, заливая ее кровью. И некому помочь ни ей, ни младенцу.

Коллегия предложила считать это умышленным убийством. Защита не может согласиться с такой оценкой. Но сейчас, понимая свое положение, я пытаюсь добиться лишь одного: человеческого отношения к Саморуковой, смягчения ее участи, независимо от того, в какую форму будет облечено это смягчение.

Можно ли не учесть весь трагизм ее положения, можно ли закрыть глаза на это стечение тяжелых житейских бед?!

Более ста лет трогательный и нежный образ гетевской Маргариты волнует человеческие души, будя в людях сострадание, боль за разбитую жизнь несчастной девушки.

Но ведь Маргарита убила своего младенца! Почему же поступок ее вызывает в нас не гнев, а сострадание? Видимо, люди понимают, что не злая воля, а стечение тягчайших обстоятельств толкнуло Маргариту на преступление. И преступление Маргариты в глазах людей превращается в ее трагедию, в ее несчастье.

Понять — значит простить, и ей прощают, ее жалеют.

Но ведь и Саморукову привело на скамью подсудимых стечение несчастных обстоятельств, отчаянная жизненная ситуация, из которой она не видела выхода. И поэтому она также заслуживает сочувствия, снисхождения.

В условиях нашего общественного строя человеку, попавшему в беду, всегда помогут. Общество, коллектив протянут ему руку помощи и не дадут пропасть. Случай с Саморуковой, брошенной на произвол судьбы, оставленной без помощи в самую трудную минуту ее нелегкой жизни, представляет собой исключительное для нашего общества явление и поэтому требует к себе особенно осторожного подхода. Ей не помогли вовремя — помогите же ей теперь вашей гуманностью!

И еще одно. Есть девочка, ради которой Саморукова и совершила этот роковой поступок. У этой девочки нет отца, нет никого, кроме матери. Не лишайте же ее единственного близкого человека — матери. Девочка ничем не заслужила этого наказания, как и ее мать столь сурового приговора.

Определением Мособлсуда приговор был оставлен в силе. По ходатайству о помиловании Саморукова была через три месяца освобождена от наказания Президиумом Верховного совета РСФСР.

ДЕЛО ДОРОДНЫХ

(Кража и уничтожение произведений искусства)

Дородных, Ермишин, Бобров В., а также Бобров С. и Боброва Т. (отец и мать Боброва В.) были преданы суду по обви-

нению в хищении из Зарайского и Рязанского музеев 67 картин, в числе которых были полотна Репина, Саврасова, Левитана, Сурикова, Маковского, Поленова, Айвазовского, Верещагина, Нестерова, Бенуа, а также знаменитых европейских мастеров Каналетто, Марцинетти и др., из коих 49 картин были сожжены при попытке скрыть следы преступления.

По обвинительному заключению события излагались следующим образом:

Бобров В., Дородных и Ермишин, договорившись о хищении картин из Рязанского художественного музея, втроем выехали в г. Рязань, но по объективным причинам хищение совершить не удалось. При возвращении из Рязани обвиняемые узнали в поезде, что в г. Зарайске также есть музей, в котором имеются ценные картины. Они прибыли в Зарайск. Музей был закрыт, но, представившись сотруднику музея как художники из Москвы, они были допущены к осмотру экспозиции, коллекции ценных картин, ранее принадлежавших графине Келлер.

В ночь на 26 февраля 1955 года, взломав замки черного хода музея, обвиняемые похитили 30 картин, сняв их с подрамников, и 25 антикварных предметов из фарфора и стекла. В числе украденных картин имелся портрет графини Келлер работы художника Бакста.

Похищенное было отвезено на квартиру Бобровых в пос. Лианозово под Москвой и спрятано. Большая часть фарфора и стекла продана Бобровым В., а из вырученных денег Бобров дал Дородных 350 руб.

Бобров В. и Дородных 16 марта 1955 года вновь прибыли в Рязань. Осмотрев вместе с посетителями музей, они в конце рабочего дня спрятались под лестницей и были заперты на ночь в музее.

Оставшись вдвоем, Бобров В. и Дородных вынули из подрамников 37 картин, большинство которых принадлежало кисти великих русских живописцев. Открыв затем одно из окон, Бобров и Дородных спустили свернутые в трубку картины на веревке, прыгнули сами в снег, забрав картины, уехали в Москву. Картины были спрятаны в доме Бобровых.

18 марта 1955 года Бобров и Дородных повезли пять картин в Москву в комиссионный магазин и по паспорту отца Боброва, Боброва С., сдали картины приемщику Гоберману. В беседе

с Гоbermanом Бобров В. сообщил ему, что он племянник графини Келлер, от которой его семья и получила картины в наследство. Из числа пяти картин две были разрешены государственной закупочной комиссией к продаже, а три отобраны для Третьяковской галереи. Покупатель одной из картин, разрешенных к продаже, обнаружил на холсте метку Рязанского музея, благодаря чему и было раскрыто хищение.

Бобров и Дородных были арестованы.

В тот же день работники милиции явились в дом Бобровых для обыска. Однако Боброва Т. заперлась в доме с родственницей Романовой и в течение нескольких часов жгла спрятанные в доме картины в печи. Часть полотен была спасена благодаря принятым милицией мерам. Остальные 49 полотен были сожжены Бобровой. Факт сожжения установлен показаниями Романовой и физико-химическим анализом золы.

Все подсудимые были преданы суду по статье 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года¹.

Дело рассматривалось судебной коллегией по уголовным делам Московского областного суда.

Подсудимые Бобровы В., С. и Т. виновными себя не признали, Дородных и Ермишин вину признали, однако Ермишин к концу судебного следствия отказался от признания.

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ДОРОДНЫХ

Товарищи члены коллегии!

Кражу нескольких десятков первоклассных полотен можно было бы назвать кражей редкой по дерзости, по размаху, по цинизму. И все же она производила бы несколько курьезное впечатление, ибо воры вряд ли бы достигли цели: продать шедевры было бы невозможно. Рано или поздно при попытке продать воры были бы изобличены, а картины неизбежно возвращены в музей. Именно так случилось со знаменитой «Моной Лизой — Джокондой», украденной в начале XX века из парижского Лувра.

¹ Действовавший в то время Указ «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Согласно статье 2 этого Указа хищение, совершенное в крупных размерах, каралось заключением на срок от 10 до 25 лет.

К несчастью, не курьезом, а трагедией обернулась эта кража. Картины, 49 шедевров искусства, сожжены. Мрачным изуверством Средневековья повеяло на нас со страниц дела. Именно бессмысленное уничтожение картин и придает делу варварский характер. Не будь здесь этой дикой, не укладывающейся в сознание концовки, кража сама по себе не производила бы столь тягостного впечатления, она так и осталась бы редким преступным курьезом.

Я начинаю защиту Николая Дородных с утверждения, что этот самый тяжелый момент дела, сожжение картин, не может быть поставлен в вину Дородных. Не только потому, что преступный акт совершен не его руками, но и потому, что он совершен без его ведома и согласия.

Действительно, вы не имеете в деле никаких, даже косвенных данных, которые позволяли бы сказать, что с Дородных была договоренность об уничтожении оставленных у Боброва картин на случай провала.

Более того, в деле есть документ, положительно свидетельствующий об отсутствии такой договоренности. Я имею в виду письмо, написанное Бобровым матери после его ареста, в тот же день. Он пишет: «Мама, недостающие картины отдай начальнику облуправления милиции тов. Галкину, но с условием, что я буду освобожден».

Значит, не только Дородных, но и Бобров, имевший значительно больший контакт с матерью, был убежден, что картины целы и будут по его записке выданы матерью милиции. Не только для Дородных, но даже для Боброва сожжение картин явилось полной неожиданностью, или, выражаясь юридическим языком, эксцессом исполнителя.

Я поэтому, прежде всего, обращаю ваше внимание на то, что этот дикий поступок некультурной женщины, сразу придавший дерзкой, но курьезной краже ее нынешнюю мрачную окраску, не может усугубить вину Дородных, не может отразиться на его наказании.

Тяжесть преступления Дородных, Боброва и Ермишина не в сожжении картин. За это они не могут отвечать. Тяжесть их преступления в особом, исключительном характере похищенного. В чем эта исключительность?

Любые денежные или товарные ценности нашего государства, являясь всенародным достоянием, все же находятся в обороте того или иного предприятия или учреждения, имуществом которого они прежде всего и служат. Хищение таких ценностей независимо от размеров — это, прежде всего, посягательство на имущество данного хозяйственного органа.

Ущерб от хищения — это ущерб данного органа. Такой ущерб можно возместить однородным имуществом.

Не так обстоит дело с великими произведениями искусства. Их ничем не заменить, не возместить — они уникальны. Ценность их не столько в денежной стоимости, сколько в не измеряемой цифрами культурной значимости. В этих шедеврах наиболее полно выражено понятие «всенародное достояние», ибо они обслуживают не нужды того или иного хозяйственного органа, а культурные потребности советского народа в целом.

Посягательство на них тяжко, прежде всего, своим цинизмом, пренебрежением интересами и национальной гордостью всего народа ради личной наживы. Именно этот цинизм кражи, совершенной подсудимыми, и вызывает у нас гнев, представление об особой тяжести их вины.

Но циничен лишь тот, кто сознательно посягает на святыню. Того, кто действует, не ведая что творит, невозможно назвать циничным. По вине своей это рядовой нарушитель закона.

И вот материалы, накопленные следствием и нами за три дня процесса, дают мне возможность показать, что Дородных не понимал подлинной культурной значимости картин, не имел верного представления об их ценности, и потому при определении степени его вины совершенное им утрачивает признаки циничности, особой тяжести и должно рассматриваться как рядовая кража государственного имущества.

Вполне резонно было бы, однако, сказать так: кражи картин совершены со знанием дела, в обоих музеях отобраны и взяты картины первоклассные, только крупнейших мастеров, второстепенные полотна оставлены.

Значит, знали, что брать, понимали, что делают! Я вполне согласен с таким выводом: да, кражи совершены со знанием дела.

Но для верной оценки роли каждого из подсудимых важно определить, ЧЪЕ это было знание!

Три фигуры, три участника кражи... Кто из них мог задумать эту необычную кражу, проявить определенную эрудицию при отборе картин, действовать со знанием дела?

При попытке ответить на этот вопрос сразу отпадает Ермашин. Этот «гигант мысли», не одолевший и шести классов, вынес из школы только смутное представление о четырех правилах арифметики и краденый микроскоп. Ясно, что он-то не знал, на что посягает. Значительно интереснее в этом плане редкая для преступного мира и колоритная фигура Боброва.

Молодой человек с законченным средним образованием, с наблюдательным, острым умом. Язык, которым он давал суду свои показания, — это язык культурного человека. Он применяет в речи такие термины, как «компетентность», «бравирование», «моральный облик». Мысли свои он излагает легко, логично, используя образные выражения. Такая речь присуща только человеку много читавшему, с весьма высоким интеллектом.

Вы помните показания свидетеля Кузьминой, сотрудника музея в Зарайске? На вопрос суда, кто именно из подсудимых сообщил ей, что они художники из Москвы и потому просят допустить их в закрытый музей, Кузьмина сказала, что с ней говорил Бобров и назвал ее при этом «Ниночкой». Здесь проявились находчивость Боброва, его настойчивость в достижении цели и этакая фамильярность, помогающая быстро установить контакт с посторонним человеком.

Несмотря на молодость, Бобров — человек со сложившимся сильным характером, с установившимися взглядами на жизнь, к сожалению, с уродливыми взглядами. За плечами его две судимости.

При своей поверхностной, но широкой образованности, при своей холодной расчетливости и настойчивости Бобров должен был, несомненно, выделяться среди своих сверстников и подчинять их своему влиянию.

Рядом с ним Дородных. Он тоже окончил десять классов, но как резко отличается его уровень от уровня Боброва! Крупный, сильный юноша, движения и речь его медлитель-

ны, флегматичны. Говорит он, с трудом подбирая слова для выражения мысли, запинаясь. Общее впечатление, которое остается от беседы с ним, — туповат...

Мы спросили его здесь, был ли он когда-нибудь в Третьяковской галерее. Он ответил, что «слышал про такую».

Когда сравним теперь уровни этих двух участников преступления, мы сможем безошибочно сказать, что не в голове Дородных созрела эта незаурядно-опасная мысль: наибольшие ценности находятся не в квартирах и не в магазинах, а в художественных музеях, и они там почти не охраняются!

Я назвал эту мысль незаурядной потому, что для того, чтобы она возникла, нужно не просто быть нечистым на руку, а иметь верное представление о ценности произведений искусства и острый, циничный и изворотливый ум — ум Боброва.

Поэтому я верю Дородных, что именно Бобров предложил совершить преступный вояж в Рязань и в Зарайск. Верю Дородных, что не он, а Бобров в ночном сумраке музейных залов указывал со знанием дела на полотна Репина, Сурикова и Верещагина.

Дородных неведома разница между Репиным и грошовой мазней дилетанта. Зато, когда нужна сила, чтобы взломать замок, в ход пускались руки Дородных.

Но Дородных не был не только инициатором кражи — он не был также и ее организатором. Если можно применить здесь авиационный термин, то в этом полете по музеям он был не «ведущим», а «ведомым». Действительно, Бобров за свой счет покупает билеты в Рязань, в Зарайск, обратно в Москву; он в поездке кормит Дородных и Ермишина, он указывает, куда ехать и куда прятать — в свой дом.

Кстати, привлекает внимание одна любопытная деталь в поведении Боброва на пути домой. Деталь эта прошла незамеченной, хотя, на мой взгляд, она характерна. Вы помните из показаний Ермишина и Дородных, что за квартал от своего дома Бобров попросил их выйти из такси и дойти пешком, что они и сделали. Он объяснил им, что делает это, чтобы его мать не заподозрила их в каких-то совместных похождениях.

Но мы знаем теперь, что Бобров не скрывал от матери совершения кражи, она была в курсе дела.

Что же заставило его в действительности высадить приятелей? Думается так: Бобров не желал, чтобы Ермишин и Дородных знали, куда он спрячет полотна.

Создается вполне определенное впечатление, что Бобров рассматривал кражи как свое предприятие, в котором Дородных и Ермишин играют лишь подсобную роль «прислуги за все». Это впечатление подтверждается также и тем обстоятельством, что после кражи в Зарайске Дородных получает от Боброва не долю значительной суммы, вырученной Бобровым от продажи фарфора и стекла, а мизерную плату за помощь в преступлении — 350 руб.

Не зная истинной ценности похищенного, Дородных удовлетворяется этой «зарплатой».

Следовательно, в акционерном обществе «Бобровы и сын» Дородных был не пайщиком, а разовым чернорабочим, не ведающим ни об истинных прибылях, ни о размахе деятельности руководства.

Есть в деле комедийный эпизод, сдача картин на комиссию, который также подтверждает мысль о непонимании Дородных истинной ценности картин. Вспомним, как описал этот визит искусствовед Гоberman. Ему запомнился только Бобров — своими изысканными манерами, тонкими суждениями, только с ним он и вел переговоры. Узнав, что перед ним племянник графини Келлер, Гоberman начал уважительно называть Боброва по имени и отчеству...

Трогательная картина: Давид Львович и Валерий Степанович, сидя в уютных мягких креслах в кабинете директора магазина, ведут неторопливую беседу об искусстве, о достоинствах полотен из родовой коллекции Бобровых-Келлер, о пятизначных ценах...

Что же делает в это время Дородных? Он говорит: «Я рассматривал картинки в зале». То, что они принесли, — Суриков, Айвазовский, Левитан для Боброва, — для Дородных «картинки».

Завершая этот анализ, целиком построенный только на достоверных материалах дела, я прихожу к следующему выводу: несмотря на почти полную внешнюю идентичность

действий Боброва и Дородных, в действиях Дородных отсутствует циничность, поражающая нас в преступлении. Он не имел представления ни о культурном значении, ни о стоимости картин.

Возможна ли такая связь между участниками одного преступления? Да. Все мы верим жизненности аналогичной пары из лучшего произведения советской сатирической литературы: племянник графини Келлер весьма напоминает другого родственника — сына лейтенанта Шмидта, великого комбинатора Остапа Бендера. Несмотря на свои блестящие способности, Бендер не мог обойтись без помощи тупого и простоватого Шуры Балаганова, который, однако, не понимал ни замыслов, ни размаха миллионной авантюры Остапа.

Когда же Дородных понял? На первом допросе у следователя, когда ему показали бумажку Боброва с записью цен на полотна и разъяснили, «на что он руку поднимал».

И потрясенный Дородных сразу превращается из объекта следствия в орудие следствия, помогая с этого момента, всем чем может, выяснению истины.

Поведение Дородных в суде убеждает, что он раскаялся и глубоко переживает свое преступление. Найдя в себе мужество при первом же допросе вырваться из-под влияния сильной личности Боброва, Дородных не поддался этому влиянию даже при личном контакте с Бобровым в зале суда, в отличие от Ермишина. Свое раскаяние и признание Дородных с поникшей головой пронес через все дни процесса, оказав серьезную помощь правосудию. Его поведение на следствии и в суде показывает, что он не конченный для общества человек.

Николай Дородных знает, что его ждет заслуженное суровое наказание. Но издавна присуща русскому правосудию справедливость: повинную голову меч не сечет. А эта голова не только повинная, но и глупая. Я знаю, что, поумнев после полученного тяжелого урока, Дородных сможет еще принести немало пользы своей стране.

Поэтому умерьте силу удара — определите ему наказание, минимально возможное по закону.

Приговором Московского областного суда были осуждены: Бобров В. и Боброва Т. — к 25 годам, Бобров С., Ермишин — к 15 годам и Дородных — к 10 годам заключения в лагере.

Дородных от обжалования приговора отказался.

ДЕЛО ПУЗЫРЕВОЙ

(Соучастие в мошенничестве и подстрекательстве к даче взяток)

Серафима Кшесинская, супруга протоиерея, обвинялась в том, что, организовав преступную группу, в которую вошли Пузырева, Черников, Ускова и Малая, на протяжении многих лет занималась мошенническими операциями, состоявшими в том, что, выдавая себя за руководящего работника Моссовета, связанного по службе с членами исполкома Моссовета, вымогала с помощью своих соучастников крупные суммы денег с граждан за получение квартир, особняков, автомашин и т. д. из фондов Московского Совета (52 эпизода).

Всего следствием было установлено получение Кшесинской таким способом свыше 1,5 млн руб.

Пузырева лично обвинялась в том, что предоставляла в распоряжение Кшесинской свою отдельную квартиру для свиданий с «клиентами», рекомендовала ее 12 лицам в качестве руководящего работника Моссовета, имеющего возможность устроить отдельные квартиры, получала с указанных лиц крупные суммы денег (до 70 тыс. руб.), которые делила затем с Кшесинской.

Дело рассматривалось в Московском городском суде в 1959 году.

Прокурор в процессе просил признать Пузыреву виновной как соучастницу мошеннических комбинаций Кшесинской, заведомо знавшую об истинном характере действий Кшесинской, и приговорить ее к наказанию, связанному с лишением свободы.

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ПУЗЫРЕВОЙ

Настоящее дело поражает наше воображение не только размахом авантюры Кшесинской, не только огромными суммами, которые нескончаемым потоком текли в ее руки, но прежде всего количеством и положением обманутых ею людей.

Вдумайтесь, кого только вы здесь ни выслушали в судебном заседании. Перед вами прошли офицеры и крупные

торговые работники, дипломаты и врачи, работники органов юстиции и домашние хозяйки, портнихи и шоферы, и даже один священник. Удивительное сочетание самых различных по своему общественному положению, по профессиям и по интеллектуальному уровню людей. В большинстве своем это люди, не имеющие никакого преступного прошлого, обладающие незаурядным жизненным опытом, заслужившие доброе имя. И все они оказались в весьма двусмысленном положении перед судом. Жизненные пути всех этих разных и в большинстве своем хороших людей по воле Кшесинской скрестились и связались в большой преступный узел, именуемый теперь уголовным делом.

При слове «узел» мне вспоминается древняя легенда об Александре Македонском: фригийский царь Гордий предложил ему распутать чрезвычайно сложный узел — тогда он станет властелином Востока. Александр взял меч и разрубил этот узел.

Следователь предлагает применить этот метод и к настоящему делу: взять этот «серафимин узел» и рассечь на две части. Меньшая часть, подсудимые, просто обманщики, их нужно судить. Большая часть — это просто обманутые, потерпевшие...

Но если вдуматься в легендарное деяние Александра Македонского, то подвига в нем, собственно говоря, не было. Была поставлена задача — распутать узел, а он разрубил его, проявив в этом не ум, а грубую силу. Где требовались разум и терпение, Александр ударил сплеча.

Ценность этого метода еще более сомнительна там, где живые нити узла — человеческие судьбы, великая и хрупкая ценность, строго охраняемая обществом и законом.

Поэтому я начинаю защиту Пузыревой с верой, что не рубить сплеча вы будете узел матушки Серафимы, а внимательно и умно распутывать его, оценивая причинные связи поступков в свете свойственных каждому лицу характера, нравственного уровня, мотивов. И по мере своих сил я попытаюсь помочь вам проследить и верно оценить путь одной из нитей этого узла — нити Пузыревой.

С самого начала я открою вам один секрет: я не буду просить об оправдании Пузыревой. Более того, я обвиняю ее.

Я обвиняю мою подзащитную Пузыреву в том, что в силу своего тщеславия, легкомыслия, доверчивости она совершила преступление не только против закона, но и против себя самой, внесла беду в свой дом, поставила жизнь свою, мужа и ребенка под угрозу тяжелой ломки. Я обвиняю ее в том, что в силу своих тщеславия, легкомыслия и доверчивости она позволила пробраться в свой дом и в свою душу аферистке, позволила ей воспользоваться своим и мужа незапятнанным именем, имуществом как отмычкой к чужому карману и этим чуть не нанесла ряду людей тяжелый материальный урон.

Вы помните речь прокурора и, вероятно, замечаете, что мое обвинение резко отличается от обвинения, предъявленного прокурором. Там, в речи прокурора, нет ссылки на доверчивость и легкомыслие, на заблуждение Пузыревой. Там ссылка на прямой сговор. «Пузырева, — говорит прокурор, — знала, что Кшесинская аферистка и мошенница, и сознательно помогала ей обманывать людей, чтобы вместе присваивать их деньги».

Кто же из нас прав? Что двигало Пузыревой? Вера в то, что Кшесинская действительно связана с сильными мира сего, тщеславное желание стать благодетельницей целого ряда людей, наделив их квартирами, или алчное желание обобрать людей путем сознательного их обмана? Ответ на этот вопрос имеет, на мой взгляд, важное значение для дела. Он определит нравственную оценку облика Пузыревой и тем самым может оказать решающее влияние на ваш подход к ее наказанию.

Потерпевшие, прошедшие перед вами, встретили вполне основательное осуждение, почти каждому из них вы говорили: «Вы не могли не понимать, что это пахнет взяткой». Но согласитесь, что ни один из них не вызвал в вас отвращения и гнева, многие из них вызывают серьезное сочувствие, их обманули и обобрали. Отвращение и гнев вызывают только те, кто сознательно обманывал, именно их моральный облик выглядит гнусно в этом деле.

Поэтому, если вы согласитесь с моей формулировкой обвинения Пузыревой, вы тем самым признаете, что она относится к категории потерпевших от этого дела, причем потерпевших тяжелее, чем все остальные, — она пострадала

большими, чем они, ценностями: свободой, добрым именем, положением в обществе.

Анализ материалов дела я считаю полезным начать с освещения весьма важной стороны: характеристики нравственного облика Пузыревой.

Говоря «бытие определяет сознание», мы иногда забываем, что сложившееся сознание является могучим фактором, определяющим поступки человека в его бытии. Поэтому оценка мотивов, руководивших поступками человека, обязательно должна производиться в свете данных о его прежней жизни, то есть в свете нравственного облика человека. Насколько важен этот момент для оценки доказательств, видно из следующего примера.

Представим себе, что задерживаются два человека по обвинению в карманной краже, Иванов и Петров. Свидетели говорят, что Иванов залез в трамвае в карман пассажиру, а Петров содействовал ему, прикрывая его газетой, причем в момент задержания кошелек оказался в кармане у Петрова. Оба они должны предстать перед судом. До тех пор, пока вы ничего не знаете о нравственном облике каждого из подсудимых, вы будете решать это дело только по голым уликам, показаниям свидетелей. Но если вы узнаете, что Петров — академик, прославившийся своими учеными трудами и своей высоконравственной жизнью, то показания свидетелей будут оцениваться вами в совершенно ином свете. Вы сможете с абсолютной уверенностью сказать, что академик Петров не прикрывал вора газетой, а просто читал газету, а кошелек брошен в его карман воров, чтобы избавиться от улики. Можно не сомневаться, что нравственный облик Петрова приведет в подобном случае к его оправданию, потому что даже голодный академик не станет заниматься карманными кражами.

Таково воздействие на оценку доказательств сведений о нравственном облике человека.

Пример намеренно острый, но он убедительно показывает, что нам стоит сейчас заняться оценкой облика Пузыревой.

Давайте вспомним, что представляла собой Пузырева по своему облику к моменту знакомства с Кшесинской.

Екатерина Пузырева выросла и воспитана в хорошей советской семье, семье тружеников, многие из которых являли собой для нее пример высокого служения правде, Родине. В этой семье в течение многих лет жил ее дядя, Дмитрий Иванович Курский, первый нарком юстиции РСФСР. В такой семье Пузырева могла впитать в себя лишь добрые, лишь чистые нравственные начала, и именно эти качества природы проявляются во всех известных нам поступках Пузыревой.

Цельность, чистота и порывистость ее души впервые проявляются в ее любви к первому мужу, за которого она вышла студенткой. В первые дни Отечественной войны он гибнет в бою, и, ослепленная личным горем, Пузырева не хочет жить: соседи, ворвавшись в комнату, снимают ее из петли. Придя в себя, она начинает понимать, что ее личная беда лишь маленькая капля в море бед Родины, она нужна, она может помочь. И она упорно добивается, чтобы ее отправили в действующую армию. По окончании института ей была предоставлена интересная работа, связанная с бронью, в закрытом медицинском учреждении. Однако она, упорно обивая пороги различных инстанций Наркомата обороны, добивается отправки на фронт. И просьбы ее наконец достигают цели. Есть ли нужда говорить о том, что мужчине на фронте бывает трудно? Не только ужас смерти, моральные испытания, но и чисто физические лишения, выпадающие на долю фронтовика, бывают чрезвычайно тяжелыми. Тем тяжелее там молодой женщине. Но эта женщина и здесь проявляет свойственную ей самоотверженность и стремление помочь людям: в декабрьской стуже Дуная, под огнем врага она спасает жизни бойцов.

Мне самому довелось быть в то время на Дунае, и я помню эти тяжелые бои в районе Комарно, о которых так красочно сказано в боевой характеристике Пузыревой. Вот в этом лютом крошечке спасала Пузырева жизни раненых.

Приходит мир, и Пузырева, как всегда, с головой окунается в учебу, чтобы снова быть полезной людям. Она упорно учится и успешно заканчивает аспирантуру. Ей присваивается степень кандидата наук.

Тяжело заболевает ее брат, у него парализованы руки и ноги. И Пузырева уже тут. Вы помните его показания: она

день и ночь возится с ним, проводит специальный курс массажа, ежедневно оказывает ему помощь и наконец ставит его на ноги, возвращает к активной жизни.

В показаниях свидетелей, знавших Пузыреву задолго до появления в ее жизни Кшесинской, мелькают интересные бытовые детали. Вспомните показания Калининой. Калинина — это женщина, которая была вместе с Пузыревой в одной воинской части. Затем Калинина встречалась с Пузыревой в Москве. И вот Калинина рассказала нам один простой и весьма удививший ее бытовой факт. Она говорит, что однажды пришла к Пузыревой со своей подругой, которую Пузырева ранее не знала. Подруга ее оказалась в тяжелом материальном положении, ей не на что было вернуться домой. «Пузырева, которая знала мою подругу 20 минут, выслушав ее историю, отдала ей свое зимнее пальто и все наличные деньги, которые были у нее в доме».

Как видите, и в этом маленьком бытовом моменте проявились определенные нравственные начала, свойственные Пузыревой, ее стремление помочь человеку, сделать добро.

Позвольте спросить, граждане судьи, где же здесь алчность, которая нужна для того, чтобы стать сознательным соучастником Кшесинской? Поэтому мы вправе сказать: прошлое Пузыревой с несомненностью свидетельствует, что она человек чистой и доброй природы, весьма высоких нравственных устоев.

Но в то же время это стремление помочь окружающим, сделать им добро в силу известных вам особенностей ее психики проявляется у Пузыревой в утрированных истеричных формах, вызывающих удивление окружающих. Удивлялась Калинина, удивлялся муж Пузыревой, который рассказывал, что его жена, познакомившись с людьми в троллейбусе, в метро, может через десять минут пригласить их к себе в дом как родных и близких.

Поэтому, когда говорят, что Пузырева на другой день знакомства с Кшесинской вступает с ней в сговор о совместном обмане и ограблении людей, мы, опираясь пока только на сведения о нравственном облике Пузыревой, можем сказать: невероятно, более чем сомнительно.

Эти сомнения усиливаются, когда мы сопоставим ряд обстоятельств связи Пузыревой с Кшесинской.

Пузырева познакомилась с Кшесинской у сестры своего мужа, Екатерины Алексеевны. Она тут же узнает, что Кшесинская берется помочь сестре мужа прописать ее племянницу Нину. На другой день она узнает, что Кшесинской за это нужно заплатить деньги, причем немалые, которые при положении сестры явятся для нее тяжелым бременем.

Обвинитель говорит, что уже в этот день Пузырева узнала, что обещания Кшесинской — сплошной обман. Но неужели она не предупредила бы сестру своего мужа, что та попала в лапы аферистки? Нет, не предупреждает, подводит сестру своего мужа.

Дальше, в декабре Пузырева предлагает своей матери произвести обмен ее квартиры с помощью Кшесинской. Она познакомила мать с Кшесинской, рекомендовала ее как человека, который может помочь в обмене, так как имеет связь с руководством Моссовета. Мать стала размышлять. В марте Пузырева возобновляет это предложение своей матери. По независящим от Пузыревой причинам мать отказывается от этого предложения. Но предложение такое было. 5 декабря 1956 года и в январе 1957 года она дважды предлагает своему мужу использовать для их семьи ту возможность, которая представляется благодаря связям и положению Кшесинской, для получения особняка.

В следующие несколько месяцев Пузырева рекомендует Кшесинскую с той же целью как влиятельное лицо, имеющее возможность помочь в получении квартиры, несколько близким знакомым своей семьи.

Товарищ прокурор говорил, правда, что ряд потерпевших не являлись близкими знакомыми Пузыревой, это верно, но я буду перечислять только близких знакомых, с которыми связала Пузырева Кшесинскую.

Зеленов, друг семьи, работник Министерства внешней торговли; Михайлова, племянница Пузыревой; учительница ее сына Денисова. Все эти люди близки семье Пузыревых. На протяжении 1957 года Пузырева несколько раз дает Кшесинской крупные суммы в долг — 30 тыс. руб. Более того, выдавая за Кшесинскую расписки «клиентам», Пузырева

всем имуществом своим и своего мужа ручается за добросовестность Кшесинской.

Итак, если все эти факты втиснуть в рамки обвинения о прямом сговоре Пузыревой с мошенницей, то нужно быть последовательным и сказать, что Пузырева, по утверждению обвинения, сознательно жертвовала для Кшесинской любовью матери, доверием мужа, своим семейным очагом, репутацией честного человека в глазах всех знакомых и родных, своей высокой материальной обеспеченностью и, наконец, свободой, то есть жертвовала, по мнению прокурора, всем, что дорого, что составляет духовный мир и имущественное положение человека, обрекая себя, по сути дела, на наказание, которое древние римляне называли лишением воды и огня, то есть изгнанием навсегда из общества порядочных людей, в котором она прожила всю свою жизнь. Возможно ли поверить в это, граждане судьи? И ради чего же она всем этим должна была жертвовать?!

И мы читаем в обвинительном заключении поразительный ответ. Там написано, что Пузырева была заинтересована, ибо Кшесинская обещала ей произвести обмен ее квартиры на особняк, если она рекомендует Кшесинскую 10—12 лицам.

Но если это верно, то, значит, обвинитель и сам признает, что Пузырева верила в возможности и связи Кшесинской; значит, обвинитель сам признает, что Пузырева не имела сведений о том, что Кшесинская аферистка; значит, обвинитель признает, что Пузырева целиком ей доверяла и была сама обманута Кшесинской.

Так как же можно увязать этот тезис прокурора с обвинением Пузыревой в том, что она была сознательной помощницей мошенницы? Это — явная бессмыслица.

Поэтому мы вправе сказать: анализ объективных элементов в поведении Пузыревой приводит к тому же выводу, что и данные о ее нравственном облике. Нет, Пузырева не знала, что она рискует величайшими ценностями своей жизни — своим именем, имуществом и свободой. Она не знала об этом, она не была в сговоре с Кшесинской. Она обманута Кшесинской так же, как и десятки других людей.

Такой характер отношений Пузыревой к Кшесинской проявляется и в поведении Кшесинской. Надо полагать, что

когда Кшесинская впервые познакомилась с Пузыревой, то, при ее сообразительности и недюжинном уме, она довольна быстро поняла, что Пузырева для нее — суший клад: доверчивая, увлекающаяся, сразу поверившая ей, она может быть отличным помощником в важном деле «распределения жилья». К тому же она обладает таким огромным для Кшесинской достоинством, как прекрасная квартира и высокое положение мужа, что сразу вызывало доверие у тех клиентов, которым Кшесинскую рекомендовали в этом хорошем доме. А круг знакомых Пузыревой представлялся великолепным источником для вербовки материально обеспеченных клиентов.

Нужно, однако, сказать, что, судя по материалам дела, Кшесинская, с ее проницательностью, богатым жизненным опытом, с самого начала угадывала, что особенности характера Пузыревой — ее прямота, резкость, порывистость — могут стать впоследствии чрезвычайно опасными, если она поймет, как бессовестно была обманута, как цинично использована Кшесинской. Кшесинская догадывалась, что Пузырева в этом случае может взорваться, как бомба, и разнести на куски свою собственную жизнь только для того, чтобы отомстить за циничный обман.

Поэтому Кшесинская с самого начала, судя по показаниям Калининой, Никольской и др., старается изолировать Пузыреву от тех лиц, с которыми она знакомит Кшесинскую. К концу их отношений, когда Пузырева начинает понимать, что была обманута, Кшесинская панически боится ее, что отразилось в показаниях известных нам свидетелей.

В свидетельских показаниях целого ряда лиц явственно обрисовано постепенно нарастающее подозрение обманутой Пузыревой.

Свидетель Гетман показывает: «Весной 1957 года Пузырева была очень люблена в Серафиму Ильиничну, она обожала ее и почти боготворила».

Летом 1957 года у нее на квартире Кшесинская знакомится с Щегловой. К этому времени Пузырева уже замечает, что Кшесинская по срокам не выполняет своих обязательств. Поэтому, как рассказывает Щеглова, Пузырева вмешалась в разговор и сказала: «Серафима Ильинична, за добросовестность

вашу я ручаюсь, но за сроки вы, пожалуйста, не ручайтесь, возможно, что это будет и после февраля».

Конец лета, квартир нет. Ну что же, думает Пузырева, может быть, действительно Кшесинская связана с руководством Моссовета, но квартир-то все-таки нет. Пожалуй, я больше не буду знакомить Кшесинскую с людьми. И в соответствии с этим, показывает Смирнова, «в августе 1957 года Пузырева позвонила мне и сказала, чтобы мы деньги забрали, так как она не желает больше иметь отношение к жилищным делам».

И действительно, после августа 1957 года вы не найдете ни единого человека, которого бы Пузырева по своей инициативе познакомила с Кшесинской. Есть лишь один человек, Кузина, которую в октябре 1957 года Кшесинская самовольно привела на квартиру Пузыревой для очередного обмана. Однако это заканчивается грандиозным скандалом, который Пузырева устроила Кшесинской и Кузиной.

Интересно, что после разговора со Смирновой Пузырева совершает еще один поступок, который свидетельствует о том, что хотя она и устранилась от этих жилищных дел, но внутренне она еще колеблется. Смирнова показывает, что спустя месяц ей позвонила по телефону Пузырева и спросила, получился у них обмен или нет. Любопытство заставляет ее еще колебаться, может быть, действительно Смирнова обменяла квартиру с помощью Кшесинской.

23 ноября 1957 года Пузырева обнаруживает у Громыко пакет с документами, оставленными Кшесинской. Это те документы, которые, по ее утверждению, уже давно сданы в Моссовет. И тут она прозревает окончательно — она понимает, что все эти документы никогда и никуда не сдавались. Какова же реакция на это открытие? Это спокойное отношение мошенницы, которая была в курсе дела? Нет! Громыко красочно описала, как реагировала Пузырева. Она была поражена, плакала, закатила истерику Громыко. «Пузырева была страшно взволнована, — говорит Громыко, — она сказала мне: “Тут какой-то огромный обман”. Она спросила у меня: “Вы тоже давали Кшесинской деньги? Нам нужно спасти свои деньги и деньги людей, которых мы знакомили”». Что это, игра актрисы? Нет, я убежден, что Пузырева не обладает такими театральными способностями. Это не игра, а поведе-

ние женщины, потрясенной гнусностью обмана, в котором она была использована как орудие преступления.

И с этого момента Пузырева становится ожесточенным врагом Кшесинской. Первым делом в тот же день, 23 ноября, она рассказывает мужу о своих отношениях с Кшесинской, о том, что она давала за нее расписки и что все это оказалось липой. Она добивается вместе с мужем от Кшесинской возврата денег не только тем людям, которых она знакомила, но и вообще всем тем людям, обманутым Кшесинской, которые оказались в поле ее зрения. Так, например, подполковник Жданов, благодаря ее уведомлению, забирает у Кшесинской свои деньги.

Приехав вместе с Киселевой к Кшесинской, она публично бросает ей в лицо: «Ты не та, за кого себя выдаешь: ты аферистка, ты грабишь честных людей». Что это, поведение двух сообщниц, поссорившихся при дележе добычи? Но ведь здесь присутствуют Киселева и Колесова, которых сама Пузырева знакомила с Кшесинской.

С самого начала следствия и по настоящий день Пузырева является не столько объектом следствия, сколько его орудием. Из тех лиц, обман которых вменен в вину Пузыревой, добрая половина признала эти факты под настойчивым давлением Пузыревой.

Итак, из этой третьей части анализа мы тоже можем сделать определенный вывод, что поведение Пузыревой — это не поведение сообщницы, а поведение женщины, самозабвенно верящей в Кшесинскую, затем сомневающейся в своем кумире и, наконец, прозревшей, возмущенной обманом, гневно обличающей обманщицу и стремящейся ликвидировать тот вред, за который она тоже несет моральную ответственность. Этот анализ создает железную и неразрывную цепь доказательств, свидетельствующих, что Пузырева должна быть отнесена к категории потерпевших по делу. Немыслимо, чтобы весь этот объективный материал был создан искусственно Пузыревой как театральная пантомима веры, сомнения и прозрения. Такого не бывает!

Как же объяснить, что Пузырева, человек, имеющий за плечами 38 лет жизни, сталкивавшаяся на своем пути и с хорошими, и с плохими людьми, так слепо поверила

Кшесинской и в течение длительного времени следовала в ее кильватере? Для объяснения этого не совсем ясного момента нужно отвлечься от Пузыревой и говорить о других участниках этого дела. Относительно них нас поражает общее для них всех обстоятельство: все они с первого знакомства с Кшесинской питают к ней полнейшее доверие, степень которого настолько велика, что превышает наше понимание.

Приведу несколько примеров.

Шофер такси Бисиркин. К нему в машину в качестве клиента садится Кшесинская. Раньше он ее никогда не видел. Кшесинская спрашивает, не может ли он ей занять денег. Он отвечает: «Пожалуйста, едемте ко мне домой». Едут к нему домой, и он дает ей без расписки 5 тыс. руб. Мы спрашивали здесь у Бисиркина: «Через сколько минут после начала знакомства вы дали Кшесинской деньги без расписки?» Он отвечает: «Через 15—20 минут. Я вижу, женщина хорошая, заслуживает доверия».

Свидетель Голод случайно познакомился с Кшесинской в магазине. «Кшесинская объяснила мне так просто и так естественно, что она может “достать” жилплощадь, что это предложение не вызвало у меня никаких подозрений, и я дал ей 15 тыс. руб. без расписки. Жена же моя, втайне от меня, дала ей еще 10 тыс. руб.».

Спрашивается, в какие рамки нашего представления о доверии людей это укладывается?

Московские таксисты — уж на что третьи калачи, — не видя документов на машину, не видя самих машин, как слепое стадо, тесня друг друга, идут к Кшесинской десятками и несут свои деньги в ее кошелек. С расписками, без расписок, на любой срок ей несут деньги. Это же массовый психоз!

Красочно изобразил нам здесь работник МИДа Колесов, как общественные организации одного из отделов Министерства иностранных дел по предложению Кшесинской обсуждали наиболее достойную кандидатуру для получения жилья в Моссовете.

Нужно сказать, что это доверие, внезапно поселившееся в сознании людей, укореняется там настолько глубоко, что, когда этим людям прямо заявляют, что Кшесинская мошенница, они отвечают: «Мы не верим». Так, например, Матю-

шов дал Кшесинской 18 тыс. руб. на автомашину без расписки. Потом встречает своего приятеля Иваницкого, который говорит ему, что он знает Кшесинскую, вместе с ней находился в лагере, она была осуждена по статье 169 как мошенница. «Нет, — говорит Матюшов, — не поверю», — и дает Кшесинской по ее просьбе еще 14 тыс. руб. в долг без расписки!

Свидетель Киселева дала Кшесинской 20 тыс. руб. на получение квартиры, затем еще 20 тыс. руб., и в течение года Кшесинская не выполняет своего обещания. Казалось бы, срок достаточный, чтобы возникло сомнение. К концу этого года Киселева приезжает к Кшесинской и застаёт там Пузыреву. Она слышит, как Пузырева кричит Кшесинской: «Ты обманщица, ты грабишь людей, ты не та, за кого выдаешь себя!» У Киселевой возникает тревога. Но достаточно было Кшесинской произнести несколько успокоительных фраз, как Киселева успокаивается и через три месяца после этого дает Кшесинской еще 40 тыс. руб. на машину.

Все это почти не укладывается в нашем сознании. Вот насколько укоренилось это странное доверие к Кшесинской у тех людей, с которыми она знакомилась.

Когда слушаешь эти поразительные показания обманутых Кшесинской людей, невольно хочется заглянуть в ее глаза и посмотреть, какая сила таится в них. Я думаю, граждане судьи, что если бы дело Кшесинской слушалось не в цивилизованном XX веке, а где-нибудь в средневековой Испании, — не избежать ей обвинения в связях с сатаной и костра инквизиции!

Но трезвый взгляд на вещи диктует иное объяснение: Кшесинская обладает поразительным, редчайшим личным обаянием и огромной способностью убеждать людей.

Нужно сказать, что это свойство, это огромное личное обаяние, которое Черников назвал здесь «магнетизмом», довольно своеобразно проявляется и в личной жизни Кшесинской: я имею в виду ее отношения с Черниковым, мужем.

Товарищ прокурор сказал, что Черников пытался, как шут, потешать публику в судебном заседании. На меня его выступление не произвело такого впечатления. Горький смех, с которым он здесь выступал, — за ним скрыты тяжелые

слезы. Вдумайтесь, как должен был любить Черников Кшесинскую, чтобы всего за три года жизни с ней безропотно бросить к ее ногам все, что имел этот старый человек. Он имел свой дом — он продал его, чтобы отдать ей деньги. Он отдал ей все свои сбережения, он сознательно пожертвовал ради нее полной обеспеченностью в старости, которую давал ему высокий оклад протоиерея, он затоптал по ее воле свое доброе имя и свою свободу. И после всего этого он находит в себе силы и чувства для того, чтобы говорить вам о том, что она добрая, она хорошая, она просто запуталась, она ни в чем не виновата. Это же сцена поразительной драматической напряженности! Оцените в этом плане ту надпись, которая оказалась на фотографии Кшесинской, изъятой при обыске у Черникова: «Дурак, полюбил до тюрьмы и смерти». Вот так огромное личное обаяние Кшесинской, ее способность целиком захватить и подчинить себе человека проявлялись и в ее личной семейной жизни.

Этот фактор неизменного подчинения окружающих поистине магнетическому влиянию Кшесинской действовал особенно сильно и на Пузыреву. Здесь необходимо иметь в виду ее личные качества, психологический склад ее натуры. Мы уже проследили за целым рядом хороших жизненных поступков Пузыревой. Все они проявляются в форме душевного порыва, порой в утрированной, истерической форме. Экспертиза отмечает, что Пузырева — психопатическая личность с истерическими реакциями. Отсюда и повышенная внушаемость, и слепая вера в образ, созданный воображением. Отсюда и активность, с которой она бросилась помогать очаровавшему ее человеку.

Одной из великих трагикомедий человечества является то, что мы стареем, но душа наша, чувства наши еще очень долго остаются юными: те же желания, что и в юности, булбуруют нас, и мы трезвеем лишь при взгляде в зеркало на свою стареющую оболочку. Но есть люди, у которых в нестаревшем состоянии остаются не только чувства, но и черты характера: до седых волос они остаются наивными, доверчивыми, тщеславными и... болтливими.

И вот Пузырева, мне представляется, в свои 38 лет осталась не только по росту, по миниатюрной фигурке, но и по скла-

ду характера той же дерзкой, доверчивой, целиком отдающей-ся своему порыву девчонкой, какой она была в 18 лет. Она до сих пор в каждое свое увлечение бросается замурив глаза, как в омут, отдаваясь ему целиком. Вот так же бросилась она в свое увлечение Серафимой Ильиничной Кшесинской.

Теперь я хотел бы доложить коллегии свои соображения относительно улики, которые, по мнению прокурора, доказывают прямой сговор между Пузыревой и Кшесинской.

Действительно, граждане судьи, может быть, есть в деле моменты, которые полностью опровергают выводы защиты о том, что Пузырева слепо верила Кшесинской, была ею обманута, оказалась потерпевшей по делу? Давайте попробуем последовательно разобраться с этими уликами.

Первая ссылка прокурора: Пузырева рекомендовала Кшесинскую ряду лиц как работника Моссовета.

Но она действительно верила в это. В этом убеждали ее не только слова сестры, представившей ей Кшесинскую как ответственного работника Моссовета, не только персональная машина, на которой ездила Кшесинская, но и самый убедительный из доводов — спокойно-простодушные, западающие в душу слова Кшесинской. Именно так воспринимали Кшесинскую, помимо Пузыревой, Седловский, Щеглова, Нахутина, проф. Баскаков, работники МИДа.

Прокурор говорит далее: «Пузырева давала расписки за полученные Кшесинской деньги». Но именно это как раз и убеждает в беззаветной вере Пузыревой в Кшесинскую: если она предлагает свое имущество в залог добросовестности Кшесинской, значит, она абсолютно верит, что Кшесинская сделает обещанное и что обладателям расписок не придется обращать свои претензии на имущество Пузыревой. Было бы бессмысленно предполагать, что Пузырева вместе с Кшесинской присваивала полученную сумму, а отвечать за всю сумму соглашалась одна.

Прокурор говорит далее: «Поскольку Кшесинская длительное время не выполняла своих обещаний, Пузырева не могла не понять, что это сплошной обман». Известно, что совместная деятельность Пузыревой с Кшесинской продолжалась с января по август 1957 года, то есть 8 месяцев. Защита утверждает, что за это время она могла не догадаться-

ся, что деятельность Кшесинской — афера. Чтобы доказать такую возможность, достаточно сослаться на пример потерпевших Доценко и Киселевой, людей, тяжело потерпевших от Кшесинской всем своим солидным имуществом и потому находящихся вне всяких подозрений: обещанные Кшесинской квартиры они ждали год, квартир не получили, но все-таки, продолжая верить Кшесинской, дают ей еще 40 тыс. руб. на получение через Моссовет машины. Видимо, срок знакомства и взаимоотношений с человеком, умевшим внушать столь безграничное доверие, сам по себе ничего не доказывает.

Наконец, товарищ прокурор ссылается на свидетелей, показавших, что Пузырева сообщала им заведомо ложные сведения о положении дел с квартирами. Таких лиц было трое на предварительном следствии, и двое остались в суде.

Давайте разберемся, насколько достоверны показания этих лиц.

С самого начала нужно сказать, что многие потерпевшие были остро раздражены не только против Кшесинской, но и против того, кто свел их с нею и поручился за нее. В своем раздражении они отождествляли действия Кшесинской с действиями поручителя, вкладывая в уста поручителя зачастую то, что говорила им Кшесинская. Так произошло, например, со Смирновой, которая на предварительном следствии приписала обманные заявления о доме, в котором строится «ее» квартира, Пузыревой. Здесь, в суде, она сумела разобраться и сообщила, что говорила ей об этом только Кшесинская.

Весьма ярко это отождествление поручителя и афериста проявилось в ситуации с Доценко. Буданов, которого Доценко познакомил с Кшесинской, приписал все обманные заявления и даже полученные деньги не Кшесинской, а Доценко и его жене. Но кто усомнится в том, что Доценко не мог сознательно обманывать Буданова, кто усомнится в его добросовестности, если его самого Кшесинская ограбила на 61 тыс. руб.?

Поэтому первый момент, который нужно учитывать при оценке доказательств относительно Пузыревой, это возможность добросовестного заблуждения свидетелей.

Есть и вторая причина, которая настораживает. Причина эта относится к характеру Пузыревой. Все те, кого она в период своего ожесточения против Кшесинской встречала на своем пути, все они в той или иной степени испытывали на себе ее вспыльчивый, безалаберный, резкий характер. Она устраивала клиентам Кшесинской бурные сцены. Интересно, что оба свидетеля, Щеглова и Кузина, на показания которых теперь ссылается прокурор, столкнулись с Пузыревой именно в этот период, и обеим им она устроила сцены, которыми можно было надолго озлобить человека против себя. В квартире портнихи Щегловой она устроила форменный дебош за то, что Щеглова присвоила ее отрез. В квартире Кузиной она устроила грандиозный скандал и коснулась во время этого скандала самого больного для Кузиной места: распространялась о темном источнике средств, которыми Кузина снабдила Кшесинскую.

Кузина — торговый работник, поэтому публичное заявление о наличии у нее крупных сумм может чрезвычайно травмировать ее. Стоит ли удивляться после этого, что все свои показания в суде Кузина провела под девизом «давила и давить буду, как блох». Это замечание, вполголоса брошенное Кузиной в сторону подсудимых после допроса, усилиями защиты было выявлено и оказалось в поле зрения суда. Вот в каком настроении давала Кузина свои показания против Пузыревой.

Последнее, на что ссылается прокурор, это показания Кшесинской на предварительном следствии о том, что за каждого клиента она платила Пузыревой от 5 до 10 тыс. руб.

Я должен вам сказать, что показания Кшесинской вообще не могут приниматься всерьез. Анализируя эти показания на предварительном следствии, я составил схему противоречий в них. Я не вижу надобности приводить вам эту схему сейчас, поскольку Кшесинская отказалась от этого оговора в судебном заседании. Достаточно сказать, что относительно общей суммы, уплаченной ею Пузыревой, Кшесинская варьировала цифру в весьма широких пределах: от 60 до 113 тыс. руб.

Важно другое: Кшесинской до привлечения ее к ответственности все верили, и она всех обманывала, и обманывала

весьма успешно. Не пора ли кончить верить ей? Ведь не будете же вы стремиться к тому, чтобы перечень поверивших фантастическим рассказням Кшесинской пополнить составом коллегии Московского городского суда?

Иных доказательств сознательного участия Пузыревой в обманных операциях Кшесинской нет, а имеющиеся неубедительны и уж во всяком случае не идут ни в какое сравнение с железной цепью доказательств, свидетельствующих о том, что Пузырева сама была обманута и слепо следовала за Кшесинской по ее извилистому пути.

Поэтому обвинение Пузыревой должно быть сформулировано, в отличие от предложения прокуратуры, следующим образом: «Пузырева не находилась в сговоре с Кшесинской об обмане людей для присвоения их денег и не участвовала в этом присвоении; будучи сама обманута Кшесинской, веря в ее возможности, она рекомендовала Кшесинскую как работника Моссовета ряду лиц с целью получения этими людьми за крупную денежную сумму квартир и гарантировала возврат этих денег в случае неудачи. Поскольку эти лица, а равно и сама Пузырева, несомненно, догадывались, что деньги эти неспроста передаются в руки Кшесинской, а не вносятся в кассу, поскольку они должны были догадываться, что деньги эти передаются тем сильным мира сего, которые, по словам Кшесинской, стояли за ее спиной, действия этих лиц, включая Пузыреву, следует рассматривать как покушение на взятку¹.

Поэтому действия Пузыревой, в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда, должны рассматриваться как соучастие в покушении на взятку».

Поскольку статья 118 УК, даже в сочетании со статьями 17 и 19 УК, может повлечь за собой серьезное наказание, возникает вопрос: как наказать Пузыреву? И здесь я хотел бы привлечь ваше внимание к ряду обстоятельств, которые резко снижают социальную опасность поступка Пузыревой и не могут не быть учтены при вынесении ей приговора.

¹ Исключение из обвинения мошенничества имело для Пузыревой особое морально-этическое значение.

Прежде всего, все лица, которых познакомила с Кшесинской Пузырева, получили свои деньги обратно. Здесь плакали перед вами несколько тяжело пострадавших от Кшесинской людей. Но те, кого Пузырева свела с Кшесинской, ни одной слезы не пролили. Из них только один человек, Киселева, не получила обратно своих денег, но это уже произошло по вине самой Киселевой: она призналась вам, что, находясь под влиянием Кшесинской и по ее просьбе, сообщила всем своим родным и знакомым, что Кшесинская деньги ей вернула. Так, в частности, на листе дела 93 т. 1 записаны следующие показания Киселевой:

«Я сама затрудняюсь объяснить, почему я верила Кшесинской и во всем ей подчинялась. Подчиняясь просьбе Кшесинской, я сообщила всем окружающим, в том числе и Пузыревой, что деньги мне возвращены, хотя в действительности это была неправда».

Все остальные потерпевшие, находившиеся в поле зрения Пузыревой, благодаря ее настояниям получили от Кшесинской свои деньги обратно. Итак, вред устранен.

Второй момент. Вы знаете, что прошлое Пузыревой безупречно. Вспомните — при вынесении ей приговора, как эта женщина по-мужски выполняла свой долг перед Родиной, приняв его на себя не по строгому зову государства, а по велению сердца.

Не забудьте также о том, что при особом положении мужа Пузыревой лишение ее свободы может повлечь за собой распад семьи, а эта семья и эта мать нужны ребенку, который уж ни в чем не виноват.

Пузырева тяжело наказана уже своим появлением на позорной скамье подсудимых, и можно не сомневаться, что впредь она будет осторожнее в выборе знакомых и не допустит безрассудных поступков в будущем. Она глубоко осознала свою вину, доказав это своим активным содействием следствию и суду в выяснении истины.

Все перечисленные мной обстоятельства смягчают вину Пузыревой и делают явно нецелесообразным применение к ней лишения свободы. Но есть закон, исключаящий наказание Пузыревой: я имею в виду Указ об амнистии от 1 ноября 1957 года. На момент издания этого Указа Пузырева име-

ла семилетнего сына, и потому, в силу пунктов 2 и 5 этого Указа, она подлежит освобождению от наказания независимо от срока лишения свободы.

Я думаю, что нужно все-таки применять действующие законы. Если этого своевременно не сделал следователь, то это еще можно психологически объяснить: следователь хочет, чтобы преступление Пузыревой было доведено до публичного судебного заседания, само участие в котором окажет на Пузыреву оздоровляющее воздействие, а там суд может освободить ее от наказания. Но когда в публичном заседании прокурор требует от суда не применять действующий закон и заключить Пузыреву в лагерь, это выходит за рамки моего понимания и представляется мне отступлением от функции охраны социалистической законности, возложенной на прокурора.

Как же мотивирует прокурор свое странное требование? Он говорит, что после 1 ноября 1957 года Пузырева вместе с Кшесинской, скрывая следы преступления, возвратили полученные ранее деньги Щегловым, Смирновой, Масловой и Колесовым за счет средств, обманно полученных Кшесинской в 1958 году от других лиц. Причем в обвинительном заключении эти действия Пузыревой названы «сокрытием следов преступления», а товарищ прокурор, отступая от этой формулировки, назвал это уже «длящимся преступлением». Мы не готовились к защите от «длящегося преступления» — для нас это новинка. Но это не мешает нам разобраться с этой новинкой.

С самого начала следует сказать, что из четырех перечисленных прокурором потерпевших двое — Щеглова и Смирнова — в судебном заседании сами заявили, что к возврату им денег Пузырева вообще никакого отношения не имела: им Кшесинская вернула деньги по категорическому требованию Ивана Алексеевича Пузырева.

Остаются Маслова и Колесов. Итак, товарищ прокурор говорит, что помощь Пузыревой в возврате денег этим лицам — это длящееся преступление.

Если пойти по пути, который предлагает прокурор, и сказать, что взятка — это длящееся преступление, то можно дойти до абсурда. Человек получил взятку, но не вернул ее

взятодателю; его предали суду, осудили, он сидит в лагере, а взятку еще не вернул. Итак, поскольку прокурор считает, что взятка длится как преступление до ее возврата, этот человек, сидя в лагере, продолжает совершать то же преступление, за которое его уже осудили.

Ошибка прокурора вызвана тем, что он забыл элементарное различие между длящимся преступлением и преступным актом.

Обратимся не к учебнику уголовного права, в котором определение формулируется отдельными учеными юристами, а к юридическому словарю, в котором каждое определение — плод согласованного мнения синклита ученых-юристов. Читаем в Юридическом словаре, изд. 1956 года, том 2: «Продолжаемое преступление — преступление, состоящее из ряда однородных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в совокупности единое преступление (например, истязание, неоднократно повторяющееся)».

Началом продолжаемого преступления следует считать совершение первого действия из ряда однородных, а концом — момент совершения последнего преступного действия.

Продолжаемое преступление не следует смешивать с совокупностью преступлений. Так, например, не продолжаемым преступлением, а совокупностью их является нанесение побоев виновным в январе одному лицу, в феврале — другому, в марте — третьему.

Не следует смешивать продолжаемое преступление также с длящимся преступлением, при котором нет никаких разрывов во времени между отдельными эпизодами (например, нарушение паспортного режима, дезертирство).

Таким образом, из этого определения видно, что взятка является не длящимся преступлением, а преступным актом, а неоднократное получение взяток является совокупностью преступных актов.

Следовательно, рассуждения прокурора не укладываются в рамки советской юридической науки.

Нельзя рассматривать действия Пузыревой и как сокрытие следов. Поскольку, как мы знаем, совершенное Пузыревой преступление имело место до амнистии, возникает вопрос:

можно ли сокрытие следов этого преступления рассматривать как самостоятельный криминальный состав?

Возьмем Основы уголовного законодательства СССР. В статье 18 читаем: «Укрывательство... влечет ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных законом».

Поскольку закон не предусматривает такого специального состава, как сокрытие взяткодательства, действия по сокрытию следов, если бы Пузырева даже и совершила их, они были бы ненаказуемы в силу закона.

Но было ли это сокрытием следов — возврат денег Масловой и Колесовым? Как это рассматривать — плохо это или хорошо?

Если житейски подойти к этому, то можно сказать: был грех, она постаралась его загладить. Если бы Пузырева не сделала этого, то, может быть, Маслова и Колесова тоже сегодня плакали бы здесь перед вами. Житейский опыт подсказывает, что она сделала это правильно.

А вот как относится к этому закон: статья 33 Основ уголовного законодательства ставит устранение причиненного преступлением вреда на первое место среди смягчающих вину обстоятельств. Значит, жизненный опыт и закон говорят: устрани вред, верни деньги. А прокурор говорит — не возвращай денег, которые ты добыл преступным путем, ибо худо тебе будет — амнистию не применяют в этом случае.

Поскольку это заявление прокурор делает в публичном заседании, оно приобретает воспитательное значение, ценность которого весьма сомнительна. Я полагаю, что прокурор вступает здесь в противоречие и с логикой, и с законом.

Каков был мотив действий Пузыревой? Действительно ли она хотела этим скрыть следы преступления?

Здесь стоит поставить один простой логический вопрос: если Пузырева из указа об амнистии узнала, что дело о ее помощи Кшесинской подлежит прекращению, зачем же скрывать следы того преступления, которое уже прощено ей государством? Видимо, здесь другой мотив: чувствуя моральную и материальную ответственность за эти чужие деньги, не желая, чтобы за ее спиной оставались тяжело пострадавшие по ее вине люди, она стремилась исправить совершен-

ную ошибку. Так выглядит требование государственного обвинителя о неприменении к Пузыревой Указа об амнистии.

В вводной части Указа об амнистии написано следующее: «В радостные дни празднования 40-й годовщины Октябрьской Социалистической революции, стремясь облегчить участь тех граждан, которые совершили преступление, не представляющее особой опасности для государства, призывая их загладить нанесенный ими вред... Президиум Верховного Совета СССР, руководствуясь принципом гуманности, постановляет...»

Высший орган нашего государства призывает людей, совершивших преступление, загладить причиненный вред, а товарищ прокурор говорит: не нужно было следовать этому призыву закона.

Высший орган государства издавал этот закон, «руководствуясь принципом гуманности». А каким принципом руководствуется государственный обвинитель, когда он предлагает вам не применять закон к Екатерине Александровне Пузыревой?

Тут получается явное противоречие между принципами прокурора и требованиями закона.

По всем этим причинам я обращаюсь к коллегии с просьбой, чтобы в силу Указа от 1 ноября 1957 года вы освободили Пузыреву от наказания со снятием судимости. Этим исчерпываются соображения, которые хотела доложить вам защита Пузыревой.

Судебная коллегия Московского городского суда своим приговором признала Пузыреву виновной в том, что она, будучи обманута Киесинской и считая ее ответственным работником Моссовета, оказывала ей содействие в получении крупных сумм денег от 12 лиц для получения через Московский Совет квартир, и освободила ее от наказания со снятием судимости в силу Указа об амнистии от 1 ноября 1957 года.

ДЕЛО РАСКИНА (Убийство родителей)

В 1965 году на даче под Москвой были убиты известный адвокат Раскин Б. С. и его жена. После длительного расследования в убийстве были обвинены их 18-летний сын Виктор с то-

варищем Сапроновичем. Собранные в деле улики их вины были бесспорны, оба они признали себя виновными.

Защита В. Раскина осуществлялась адвокатом Арией С. Л. по назначению. Дело рассматривалось Московским областным судом в 1966 году.

Уважаемые судьи!

Суд возложил на меня обязанность защиты по делу, где эта задача представляет исключительную трудность. Сына обвиняют в убийстве родителей, самых близких ему людей. Если это верно, то вправе ли кто-то защищать его в деле, где само слово «защита» звучит кощунственно? Покойный Борис Семенович был доброжелательным человеком и умным адвокатом. Я знал его. А мне нужно защищать его убийцу. Вправе ли я?

Эти два нравственных вопроса довлеют над защитником Виктора Раскина и превращают выполнение обычной профессиональной обязанности в мучительное бремя, которое нужно нести на себе как крест. И поэтому, несмотря на стремление добросовестно выполнить долг защитника, я боюсь, что не смогу сказать все нужное, и заранее прошу о снисхождении к моей речи.

Внимания заслуживают в деле два вопроса: что именно сделал Виктор Раскин в ходе преступления и, соответственно, как юридически оценить это, а также почему он это сделал, то есть как возникло преступление и каковы его мотивы?

Первый вопрос носит технический характер, и решение его зависит от обычного, доступного и сторонам и суду анализа доказательств, привычного для всякого опытного судебного работника. О том, кто участвовал в убийстве супругов Раскиных, спору нет. Безупречные доказательства свидетельствуют о том, что на скамье подсудимых сидят действительные виновники. Спор идет о другом: убивал ли сам Виктор Раскин, а если нет, то принимал ли он участие непосредственно в нападении на мать, зажимал ли он ей рот, как это утверждает прокурор.

Вот какие соображения может высказать защита по этим двум спорным вопросам картины преступления.

Здесь, в суде Сапронович говорит: «Я не убивал, убил своих родителей Раскин моим ножом. Я только был при этом».

Считаю, что такое описание действий Раскина не заслуживает доверия и не может быть принято как основа. Мы полагаем убедительными доказательствами того, что супруги Раскины были убиты Сапроновичем, а Виктор Раскин лишь присутствовал при этом. В ряду этих доказательств первое место занимают показания Сапроновича на предварительном следствии, когда он при четырех допросах и на очной ставке с В. Раскиным подробно описывал, как именно он в присутствии своего друга заколол ножом обоих супругов.

Это описание преступления объективно подтверждалось многочисленными следами ног Сапроновича на всей длине пластиковой дорожки, то есть по всему, если можно так сказать, оперативному полю преступления. В то же время следов Виктора Раскина на дорожке нет вообще. Это полностью соответствует показаниям Раскина о том, что он упал в самом начале преступления на пол и более не двигался до бегства с этого страшного места. Мы имеем также четкое заявление Сапроновича о том, что нож применялся один и что этот нож его. Утверждение Сапроновича о том, что он передал свой нож Раскину, Раскин отрицает, а объективных подтверждений такой передачи нет. К тому же показания Сапроновича на следствии о том, что после нанесения им ударов он отдал нож Раскину, утрачивают всякое значение после его показаний в суде о бегстве Раскина из дома до него, Сапроновича.

Поэтому первый вывод, который позволяет сделать процесс, носит весьма важный характер: Раскин не убивал своих родителей.

Прокурор говорит, однако, что Раскин в самом начале преступления набросился на мать, зажал ей рот. Об этом показывал Сапронович на предварительном следствии.

Думаю, что это утверждение не имеет серьезной основы в деле. Показания Сапроновича в той части, где он как-то стремится переложить часть своей вины на чужие плечи, требуют весьма критического отношения. Взвесьте следующие точные сведения. Говорят, что в момент нападения и нанесения ножевых ударов рот Елены Ивановны был зажат рукой сына. Но соседи Московкина, Майнстер и Сухорукова, слышали отчаянный крик несчастной женщины, который повторился дважды, пока она не рухнула на пол; они пока-

зали суду, что это был не стон, а именно крик. Значит, рот ее не был зажат.

Из показаний Сапроновича на следствии и заключения медиков видно, что убийство Елены Ивановны было делом нескольких секунд. Посмотрите на схему нанесенных ей ранений: они нанесены по всей поверхности груди и брюшины, от правого до левого бока. Значит, корпус потерпевшей в краткий миг убийства не заслонялся в какой-либо части чьим-то посторонним телом. А между тем помеха такая была бы неизбежной, если бы Виктор Раскин в этот момент был между матерью и нападавшим Сапроновичем. Прокурор обращает наше внимание на то, что у Елены Ивановны обнаружена ссадина слизистой оболочки нижней губы. Это, по его мнению, след давления руки сына на рот потерпевшей. Между тем медицинская экспертиза на мой вопрос дала заключение, что, с учетом повреждения в этом же месте зуба и десны, можно полагать, что ссадина образовалась при падении и ударе лицом о поверхность пола. Прокурор парирует такое объяснение ссылкой на положение трупа: труп лежал на спине, поэтому удара лицом о пол быть не могло. Полагаю, что и это неверно. На верхней поверхности бедра и животе трупа при осмотре места происшествия отмечен тонкий след серой пыли с едва различимым рубчатым рисунком, похожим на фактуру лежавшего рядом плетеного коврика. Поэтому думаю, что Елена Ивановна упала вначале лицом вниз, а затем перевернулась на спину.

Считаю поэтому, что никаких убедительных данных о том, что Виктор Раскин зажал матери рот, мы не имеем.

Что же касается нападения на отца, то в этом Раскин и не обвиняется: отец даже по тексту обвинительного заключения подвергся насилию только со стороны Сапроновича.

Итак, роль Виктора Раскина состояла в том, что он содействовал убийце, принеся надетые ими на ноги чулки и обеспечив ему свободный доступ в дачу.

Как известно, подобная роль не соответствует понятию исполнителя преступления, и потому Виктора Раскина нужно считать не исполнителем, а соучастником убийства и действия его квалифицировать по статье 17 УК.

Есть у защиты еще одно соображение, относящееся к юридической оценке дела: представляется неосновательной квалификация преступления Раскина по признаку особой жестокости. Если мы будем оперировать мерками морали, тогда следует согласиться, что всякое убийство близкого человека свидетельствует о жестокости. Но мы — юристы, а юридический критерий более узок, чем критерий моральный. Он сформулирован в известном вам руководящем указании Верховного суда СССР и звучит так: отягчающий признак особой жестокости лишь там, где убийца проявил стремление причинить особые страдания своей жертве.

Этого признака здесь нет, так как убийство, по свидетельству медиков, совершено чрезвычайно быстро. Что же касается множественности ножевых ударов, то никакого сговора о числе ударов между Раскиным и Сапроновичем не установлено, договорились убить, а как это было сделано, это уже свидетельство темной энергии, клочковавшей в Сапроновиче. В правовом плане относить это на счет Раскина нельзя.

Вот те выводы о юридической оценке преступления В. Раскина, которые я позволил себе предложить суду.

На этом и заканчивается простая, не представляющая особых трудностей юридическая часть анализа. Теперь нужно перейти к вопросу, представляющему наибольшую сложность: почему 18-летний юнец решил на это страшное дело?

В ряду преступлений, вызывающих в нас гнев и возмущение, но как-то объясняемых взрывом человеческих страстей и эмоций, пусть низменных и отталкивающих, но понятных, изредка немым для нашего разума пятном всплывает поступок, противоречащий всем законам божеским и человеческим, вызывающий у нас дрожь полной своей непонятностью, как молния у первобытного человека.

С робостью приступаю я к попытке осветить эту сторону дела. С робостью, так как из всех областей познания самая сложная, самая туманная и закрытая — душа человеческая, а самая слабая из наук — наука о движении души, психология. Так было, есть и долго будет: чужая душа — потемки. Но мы не можем пройти мимо и просто сказать: страшно и непонятно. Нужно хотя бы попытаться приподнять эту завесу и понять причины преступления.

В обвинительном заключении сухим канцелярским слогом написано: «Преступление совершено из корыстных побуждений». Я думаю, что это слишком примитивно. Даже если бы мы имели дело с отпетым негодяем, которого прирожденная жестокость или преступная среда, отрицание всех нравственных начал превратили в одинокого волка, рыщущего среди людей в поисках поживы, то и для него убийство из корысти своих родителей было бы из ряда вон выходящим злодейством. А здесь ничего похожего на волка — здесь просто мальчишка, только что перешагнувший порог детства и ничем не выделявшийся из ряда своих пытливых и добрых сверстников. Посмотрите, как характеризуют Виктора люди, близко знавшие эту семью. Вот его тетя Холмогорова, сестра Елены Ивановны: «Виктор был обычным мальчиком, никогда не отличался злобностью или жестокостью, был любознателен и приветлив». Лидин-Альперович, близкий семье человек: «Виктор был хорошим, ласковым сыном». Кучеровский, сосед: «Теплый и заботливый сын». Высоцкая: «Произвел на меня впечатление вежливого и хорошего мальчика».

Разительное несоответствие между человеческим обликом Виктора Раскина и совершенным преступлением заставляет нас серьезно усомниться, чтобы он действовал из примитивного стремления поживиться добром своих родителей. Нет, тут что-то другое и что-то посильнее корысти.

Нас поражает убийство родителей, так как здесь чудится нам измена самой природе, естеству человека. Но ведь он человек. И значит, к моменту убийства уже не видел в родителях ни матери, ни отца, и были они уже в его глазах не просто чужими, а злейшими врагами.

Как могли они стать врагами, эти самые близкие друг другу люди?

Давайте вспомним, как развивались их отношения. Раскины любили своего сына. Но можно по-разному любить детей. Можно разумно, меняя отношение к ребенку, заботу о нем с переменой возраста. Тогда родители постепенно становятся друзьями, советчиками подрастающего человека. Можно неразумно, цепляясь за свою власть над ребенком и тогда, когда он давно уже не ребенок и когда власть эта становится нестерпимым ярмом для юноши или девушки. Разве не зна-

ем мы девушек, которые выходят замуж без любви только для того, чтобы уйти из-под деспотичной власти родителей?.. Разве не знаем мы людей, чье личное счастье, уже устроенное, было разбито деспотичным и неразумным вмешательством родителей?

Елена Ивановна любила сына неразумной любовью, беспредельной и мучительной, но — неразумной. В значительной степени это объяснялось свойствами ее характера. Несмотря на то что о мертвых принято говорить хорошо или молчать, свидетели, знавшие Елену Ивановну, нарисовали нам облик женщины властной и довольно грубой, истеричной, способной незаслуженно обидеть человека, не щадившей самолюбия ни мужа своего, ни сына.

Раузина, супруги Косачевские, Маркова и другие рассказывали вам о поступках Елены Ивановны, которые достаточно ярко характеризуют ее натуру и ее упорное стремление сохранить неограниченную власть над сыном и тогда, когда он давно уже обладал способностью самостоятельно мыслить и направлять свою жизнь. Такие отношения приводили к частым конфликтам, в каждом из которых Виктор отстаивал свое мнение от ошибочных нападок матери. Жизнь в каждом из этих случаев показывала, что мать неправа. Это постепенно вырабатывало в юноше внутренний протест против постоянной опеки, назиданий и скандалов, и вместе с этим протестом постепенно росла отчужденность. Вы знаете о том, что вопреки воле родителей он перешел в вечернюю школу, чтобы сэкономить год учебы; вы знаете о том, что вопреки воле родителей он приобрел параллельно с учебной рабочей профессией и стал зарабатывать себе на жизнь. Неповиновение сына вызывало у Елены Ивановны бурный протест даже тогда, когда он оказывался прав. К концу 1964 года стена взаимного непонимания разделяла родителей и сына настолько, что в отношениях их появился холодок, заметный даже окружающим.

В обвинительном заключении объяснения Виктора о том, как сложились его отношения с родными, не принимаются во внимание — они не укладываются в версию обвинения. Но посмотрите, как в стенограмме одного из первых допросов, когда Виктор еще не признавал своей вины и утверждал,

что в семье царили мир и покой, следовательно сам оценивает данные о ситуации в семье. Я зачитаю вам только текст вопросов следователя.

Вопрос: «Вот, Виктор Борисович, я беседовал со многими людьми, которые знали вашу семью, и впечатление от этих бесед было такое: очень испорченные отношения с родителями, особенно в последнее время... причем рассказывали, что мать сообщала вашим знакомым девушкам, что вы нехороший человек».

Ответ Раскина: «... Мне очень тяжело было в отношениях с матерью, хотя единственный человек, которого она любила, был я».

Вопрос: «Выясняется другое отношение: особой любви с ее стороны не было. Она тебе говорила: “Уходи из дому”. Мать тебя всячески порочила, обзывала».

Вот как в вопросах следствия проявляется оценка отношений Виктора с родителями.

Весной в его жизнь вошла любовь. Он говорит: «Если б не Тамара, ничего этого бы не было». Обвинитель не верит в эту горестную фразу. И действительно, мы видели ее здесь, эту Тамару. Не назовешь ее красоткой. Серьезная, хрупкая и маленькая, как Джульетта. А вот полюбил, и стала она для него самой красивой, самой лучшей и самой нужной на свете. Мой коллега по защите с позиции своей разумной и рассудочной практичности спрашивает ее здесь, в суде: «А какая надобность была так рано жениться?» И с высоты своей юности, с которой далеко внизу еще остаются расчетливость и резон, она отвечает ему: «Мы любили друг друга». Для нее это исчерпывающий довод.

Юность, прекрасная горная страна чувств. Только в этой стране возможны такие ошеломляюще высокие, поражающие нас страхом и восхищением вершины, как подвиг Матросова. Но именно там возможны и такие бездонные черные провалы, как это преступление.

К сожалению, мы с вами давно ушли из этой страны и меряем все своей мерой, мерой степных людей, у которых не чувство, а рассудок определяет возможность поступков. И быть может, потому мы не верим, что чувство способно

толкнуть на такой страшный шаг, и стараемся найти резон, корысть в побудительных причинах преступления.

Он любил, и думаю, что это была не просто страсть, которую нужно утолить. Это была любовь, когда знаешь, что не просто спать, а дышать и жить дальше можно только рядом с этой женщиной и только для нее. В показаниях Раскина есть одна характерная фраза: «Мне все время хотелось быть там, где Тамара». Это очень точно сказано. Сравните эту фразу с фразой Бальзака, большого знатока человеческих душ: «Мы любим женщин за счастье жить рядом с ними». И вот он совершенно точно знал, что жить дальше сможет только для нее, что рядом с ней он будет счастлив, а вдали — несчастлив. И так на всю жизнь.

В этом самом главном и самом важном на всю жизнь, как ему казалось, вопросе родители встали на его пути. Отец просто и категорически сказал «нет», а мать всячески чернила и его и Тамару, и это было особенно болезненно и непереносимо. Елена Ивановна избрала именно такой путь для того, чтобы оттолкнуть этих юнцов друг от друга; она настраивала против Тамары всех знакомых, наделяя ее чертами ленивой, грязной и беспутной «девки». А мы знаем теперь, что ничего похожего в Тамаре не было. Вы помните показания родных и соседей о действиях и разговорах Елены Ивановны. Иначе как «шлюха», «девка» она ее не называла. А слова эти для Виктора были равносильны плевкам в душу, оскорблению божества. И тогда он понял, что перед ним не просто чужие люди, а враги. Вот здесь впервые появляется мысль: ах, если бы они умерли... Я думаю, что он ужаснулся, когда мысль эта появилась впервые, но она возвращалась снова и снова, потому что он не видел выхода из создавшегося тупика.

Нас поражает не то, что происходило с ним до сих пор, а то, что он не оттолкнул от себя эту ужасную мысль, что она укоренилась и превратилась в стремление. Это было возможно лишь при условии, что ценность человеческой жизни в его глазах была не слишком велика, а лишение жизни как средство достижения цели в принципе возможно. Откуда сие у молодого человека? Человек не рождается с такими взглядами на ценность жизни. Только социальные влияния могут поселить в сознании человека мысль о принципиальной до-

пустимости убийства как средстве достижения цели. И такие влияния, такие ветры бродили по нашей эпохе...

Мы живем на тесной планете, которая все больше начинает походить на коммунальную квартиру. И на этой планете родилась среди людей нечеловеческая, звериная идеология фашизма. Она обесценивала человеческую жизнь, она учила: не труд, не творчество, а убийство и насилие являются единственным полноценным способом устранения препятствий на пути к счастью. Фашизма нет. А его идеология? Ее ведь не уничтожишь силой оружия. Ее семена остались, и западные ветры разносят их. А мы живем на тесной планете.

Не все хорошо было и у нас дома. Уже на веку нынешнего поколения мы узнали, что есть такой термин «культ личности» и что скрывается за этими скромными на вид словами. Мы узнали, что смерть обращалась против своих же, самых близких и ни в чем не виновных людей из соображений мнимой целесообразности. В абсолютном своем большинстве наш народ правильно отнесся к этому социальному явлению — как к уродливому вывиху, который нужно было и можно исцелить. Но у кого-то эта информация могла породить неверие, а кое у кого и веру — веру в зло, в его ответственность, в его принципиальную допустимость для достижения цели.

И вот, когда нужно взвешивать, почему этот 18-летний юнец не отшатнулся от мысли «ах, если бы они умерли», почему эта мысль укрепилась в нем и повела к преступлению, спишите с его счета львиную долю причин и запишите ее на счет общества.

Для характеристики Раскина обвинитель обращает ваше внимание на то, что он давно уже пытался приобрести пистолет, а найти его никак не мог. Возможно. Но убийство совершено ножом, который можно было приобрести без труда. Следовательно, дело было не в отсутствии оружия, а в неспособности Виктора Раскина самому совершить убийство.

И лишь когда появляется человек, способный это сделать и предлагающий свои услуги, Виктор Раскин становится его попутчиком на преступном пути, ведущем к трагической развязке. Почему Сапронович с такой легкостью согласился совершить убийство, остается совершенно непонятным по делу,

однако объяснять это не моя задача, это выходит за рамки поля моей работы.

Есть в показаниях Раскина фраза: «Когда мы шли туда, я был как во сне». Могу поверить в это. С момента, когда Сапронович выразил не то согласие, не то желание совершить убийство, он начал разворачиваться, как сильная пружина, неодолимо двигаясь к цели, действуя с поразительной энергией и хладнокровием. Я верю также, что с самого начала этого страшного акта Виктор Раскин упал на колени возле тела матери, что ноги не держали его. Он сделан из другого теста. Именно поэтому все знавшие его до преступления свидетели в прямой форме заявили суду, что не верят в виновность Раскина, считают его не способным на преступление.

Обвинитель говорит, что Раскин действовал из корысти. Но посмотрите, куда бросается он после преступления. Разве он бросился за тем, чтобы сорвать материальные плоды злодейства?

Оказывается, нет, он проявляет полное безразличие к деньгам, и тетя, Зинаида Ивановна, случайно находит облигации отца, почти открыто лежавшие в квартире, где Виктор жил две недели после убийства. Он принимает меры к тому, чтобы перевести на имя сестры Люфановой дачу отца, в которой не нуждается. В чем же видит он цель убийства, куда он бросается, чтобы использовать его результат? Уже через неделю он спешит в ЗАГС, чтобы подать туда свидетельства о смерти родителей и заявление о регистрации брака с Тamarой. Их свадьба была назначена на 20 августа, но за несколько дней до этого желанного дня он был арестован.

Вот так вовне в поведении Раскина после преступления проявилась его подлинная цель. Нет, это не корысть. Поэтому нужно отказаться от обвинения Раскина в корыстных мотивах убийства.

Я должен теперь просить вас о сохранении Раскину жизни, о том, чтобы вы не последовали призыву прокурора. Иначе, если я не буду просить вас об этом, то зачем же защитник в этом деле? Но Виктор Раскин сам не знает, что лучше для него теперь: жить или умереть. Так сказал он врачам-психиатрам, так сказал он и суду. Не знаю этого и я, так как страшна будет его жизнь, если она будет ему дарована. До конца

дней своих он будет отверженным, до конца дней своих будет стигаться под гнетом вины, которой нет прощения.

Но вот что приходит мне на ум. Мы любим своих детей, потому что они наше продолжение, наше бессмертие; умирая, мы продолжаем жить в них. Супруги Раскины убиты, но они продолжают жить в своем сыне. Казнить его — значит пресечь все, что еще осталось от них на свете. И потому я думаю, что если бы они могли вымолвить здесь хоть слово, это было бы слово мольбы о сохранении жизни подсудимому Раскину. Потому что это единственный сын их.

Прислушайтесь к этой безмолвной мольбе.

Приговором было признано, что убийство совершено не по корыстным мотивам, а на почве личных отношений, но с особой жестокостью. Оба подсудимых были осуждены к смертной казни. Жалобы и ходатайства о помиловании были отклонены. Приговор приведен в исполнение в 1967 году.

**ДЕЛО ГАЛАНСКОВА, ГИНЗБУРГА,
ДОБРОВОЛЬСКОГО, ЛАШКОВОЙ**
(Антисоветская агитация)

Мосгорсуд, 8—12 января 1968 года

Сведения о существовании дела и приговоре изложены в очерке «Дело о “Белой книге”», помещенном в этом сборнике.

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ЛАШКОВОЙ В. И.

Товарищи члены судебной коллегии!

В речи прокурора появился ряд новых обвинений Лашковой, ей ранее не предъявленных: ссылка на антиобщественную деятельность до 1966 года, обвинение в связи с НТС¹ и в передаче антисоветской литературы Людмиле Кац. Эти новые обвинения не основаны на каких-либо имеющихся в деле данных, о них нет ни слова в обвинительном заключении. И потому думаю, что это просто недоразумение. Объяснения свои защита по ним давать не намерена и ограничится рамками предъявленного Лашковой обвинения.

¹ Народно-трудовой союз — эмигрантская антисоветская организация.

Антисоветская агитация и пропаганда отнесены законом к числу особо опасных государственных преступлений. Полагаю, что ни по умыслу, ни по характеру действий, ни по облику своему Лашкова не была особо опасным государственным преступником, то есть нет оснований для осуждения ее по статье 70 УК.

Этот вывод не является просто общим впечатлением. Он основан на определенном анализе текста закона и материалов дела.

Для такого анализа нужно иметь четкие отправные позиции, четкие юридические рамки понятия преступной антисоветской пропаганды.

Иначе, если не располагать таким критерием, любое предосудительное высказывание, любое выраженное инакомыслие, любая критика государственных институтов, авторитетных лиц и мероприятий может явиться поводом для уголовной репрессии — вопреки режиму законности, необходимого обществу.

Надобность в четких рамках, отделяющих преступление от непроступных предосудительных действий, на сегодня диктуется и тем, что понятие антисоветской агитации и пропаганды не было стабильным, оно исторически менялось, и неизменно в сторону сужения. И это естественно, ибо с ростом силы, могущества, международного престижа, всенародной поддержки Советского государства все менее опасными становились для него посягательства в форме устного и печатного слова.

Неизменное сужение за 50 лет Советской власти коснулось всех сторон состава преступления.

Статья 58-10 Уголовного кодекса 1926 года не требовала контрреволюционной цели для ответственности по ней. Из этого логически вытекало, что не только тот, кто желает, но и тот, кто сознательно допускает возможность вреда для общественного и государственного строя от своих действий, ответствен по этому закону. Такое широкое понятие преступления было закреплено в 1928 году постановлением Пленума Верховного суда СССР «О прямом и косвенном умысле при контрреволюционном преступлении».

Через 10 лет, в декабре 1938 года, Верховный суд отменил это свое указание и по ряду составов предложил привлекать

только при действиях с контрреволюционной целью, то есть с прямым умыслом.

Однако это указание, как известно, применялось не слишком часто... И лишь с 1960 года требование прямого антисоветского умысла стало законом: оно было введено непосредственно в текст статьи 70 нового УК.

Так сужалось понятие умысла в этом преступлении.

Что касается действий, которые могут караться как антисоветская пропаганда, то сужение их круга еще очевиднее. Я приведу лишь несколько примеров. Если открыть комментарий к статье 58—10 старого Уголовного кодекса, то можно прочитать указание Президиума Верховного суда РСФСР от 1934 года о том, что призыв к невыходу на работу со стороны нерадивых колхозников должен считаться контрреволюционной агитацией. Такое указание в условиях сегодняшнего правового режима показалось бы диким и нелепым.

Мне нет надобности дословно цитировать изданное пару лет назад научное пособие группы авторов «Особо опасные государственные преступления», но каждый, кто заглянет в него, увидит, что авторы исключают возможность оценивать как антисоветское преступление такие действия: оскорбительные выпады против руководящих деятелей, пересказ политических анекдотов, пересказ враждебных радиопередач и т. п. Между тем не так уж много воды утекло с тех пор, как любого из этих действий было достаточно для осуждения по статье 58-10 УК.

Таким образом, не только по умыслу, но и по характеру действий субъекта резко сузилось понятие преступления такого рода.

Защита утверждает, что единственным верным критерием, который позволяет нам определить, что является преступным, должен служить текст закона, и никакое распространительное его толкование не должно иметь места.

Закон (ст. 70) устанавливает такие рамки преступления: первое — прямой антисоветский умысел (цель подрыва или ослабления власти Советов депутатов трудящихся); второе — заведомая ложность сообщаемой информации, то есть клеветнический ее характер; третье — клевета эта должна быть направлена против нашего общественного или государственного

стройка (не против отдельных мероприятий, лиц, институтов, а против строя); четвертое — под понятие строя как объекта клеветы может подходить лишь то, что прямо предусмотрено Конституцией СССР в определениях общественного (глава 1) и государственного (глава 2) устройства — строя! — СССР.

Конституцией к признакам общественного строя отнесены: принадлежность государственной власти Советам, социалистическая собственность на орудия и средства производства, государственное планирование развития народного хозяйства, обязанность граждан трудиться. К признакам государственного строя отнесены: союзный характер государства, объем компетенции высших органов власти Союза, суверенитет союзных республик в рамках Союза, единое гражданство.

К признакам строя должно быть отнесено и указание статьи 126 Конституции о том, что Коммунистическая партия является руководящим ядром всех организаций.

Таково понятие строя, данное в Основном Законе. Попытки подвести под понятие строя что-либо иное, не указанное в Конституции, и тем расширить применение статьи 70 УК должны считаться произвольным, не основанным на законе толкованием.

Имея такие жесткие рамки понятия преступления, мы можем сравнить с ними то, что вменяется в вину Лашковой.

Мы можем обратить внимание на одно любопытное обстоятельство. Все остальные подсудимые обвиняются в том, что они действовали, «будучи антисоветски настроенными». В обвинении Лашковой такой ссылки нет. Значит, ее обвинение может быть изложено так: «Не будучи антисоветски настроенной, печатала криминальные материалы и в двух случаях передала криминальные брошюры». Но из этой формулы обвинения сразу, еще до анализа отдельных пунктов, следует, что у Лашковой отсутствовала антисоветская цель, что она не имела прямого умысла, требуемого статьей 70 УК.

Этот пробел формулы обвинения не случаен. Из дела видно, что Лашкова печатала материалы по иной причине, с иной целью. Мы знаем, что она из-за семейных обстоятельств с 16 лет осталась жить одна и без помощи. Вера и сейчас выглядит почти ребенком. Можно представить себе, как мало сил было у нее в 16 лет для жизненной борьбы.

И вот перед этим слабым подростком встала нелегкая задача — прожить! Из всех возможных решений этой задачи она избрала один — честный способ, труд. Это с ранних лет научило ее ценить трудовую копейку и возможность ее зарабатывать. Стремление получить плату за труд, скромную плату за нелегкий труд машинистки, присутствует и во всех вмененных ей действиях.

Гинзбург обратился к ней не как к единомышленнику — ему нужна была машинистка. Она взялась перепечатать его сборник за плату. За перепечатку для Добровольского ей уплатил Доброхотов. Галанскову она печатает статьи за то, что он не забирает у нее своей машинки, а машинка — это ее хлеб.

Не похоже это на идейного борца...

Осенью 1966 года у нее появляется возможность приработка на служебных материалах. И именно с этим Галансков и Баташев связывают нежелание Лашковой впредь печатать для них: она обеспечена работой.

Не похоже это на пропагандиста... Цель ее — заработок. И если даже признать, что она сознательно допускала вред, причиненный размножением литературных опусов Гинзбурга, Галанскова, Добровольского, то при таком косвенном умысле уже нельзя оценить ее печатную работу по признакам статьи 70 УК.

Это соображение носит общий характер, оно применимо ко всем вменяемым Лашковой фактам перепечатки и, по мнению защиты, опровергает обвинение.

Сверх этого общего соображения имеются дополнительные доводы, относящиеся уже к каждой из вмененных ей работ в отдельности.

Для Гинзбурга она печатала материалы так называемой «Белой книги» о процессе Синявского и Даниэля. Тяжесть этой части обвинения определяется, в первую очередь, фактом передачи сборника затем за границу и широкой публикации его там. Но к Лашковой это обстоятельство отношения не имеет, так как она не знала о таком будущем этих материалов, и в такой осведомленности вообще не обвиняется.

Обвинитель, ссылаясь на тенденциозность сборника, считает, однако, что лишь два документа в нем носят преступ-

ный характер: листовка «Сопrotивление» и «Письмо старому другу». Листовка действительно криминальна. Но Лашкова утверждает, что не печатала ее, Гинзбург же признает, что печатал ее сам. Иных данных нет.

«Письмо» тоже, видимо, имеет признаки криминальности. Но здесь стоит обратить внимание на один существенный момент. Лашкова говорит, что, по объяснениям Гинзбурга, сборник готовился им для вручения высшим органам власти и ряду депутатов Верховного Совета СССР. Гинзбург подтверждает, что такое намерение не только сообщалось им Лашковой, но и было затем реализовано.

Свидетель Столярова подтвердила передачу одного из отпечатанных экземпляров сборника депутату Верховного Совета СССР И. Эренбургу, секретарем которого она была. Из дела видно, что Гинзбург передал второй экземпляр сборника в Комитет госбезопасности. Данных, опровергающих показание Лашковой о том, для кого она по просьбе Гинзбурга печатала сборник, нет.

Следовательно, в представлении Лашковой, она печатала сборник, включая и криминальное «Письмо другу», не для достижения каких-то антисоветских целей, а для передачи узкому кругу компетентных должностных лиц нашего государства. Поскольку в подобной передаче любых материалов нет ничего преступного, содействие Лашковой в перепечатке «Белой книги» должно быть исключено из обвинения.

Для сборника «Феникс» Галанскова она отпечатала «Открытое письмо Шолохову» и «Российский путь перехода к социализму».

«Письмо Шолохову» — документ криминальный. Оно к тому же содержит грубые выпады. Защита должна в этом единственном случае признать, что помощь в размножении такого документа даже ради заработка содержит состав преступления. Полагаю, Лашкова сознательно допускала, что, зарабатывая на этой перепечатке, она попутно причиняет вред престижу Советского государства. Но такая форма вины, безразличная к попутным вредным последствиям, считается в нашем уголовном праве косвенным, а не прямым умыслом. И потому факт этот не относится к статье 70, требующей пря-

мого умысла, антисоветской цели. А раз это так, значит, к этому поступку может быть применена лишь статья 190-1 УК.

Сложнее обстоит дело со статьей «Российский путь перехода к социализму и его результаты», условно приписанной академику Варге. Эта пространная работа нелегка для чтения. Для понимания ее действительного смысла недостаточно выхватывать из текста отдельные фразы или абзацы, представляющиеся крамольными, как это делает обвинитель. Нет, чтобы понять смысл статьи, нужно очень внимательно следить за мыслью автора, понять его основную идею, которой подчинен весь ход изложения. Мы знаем от Галанкова, что Лашкова приступила к перепечатке статьи сразу, не читая ее предварительно. Значит, с текстом она знакоилась уже в процессе печатания. Между тем известно, что машинистка далеко не всегда понимает смысл печатаемой работы. Она может, допустим, перепечатать диссертацию по психологии или биохимии, текст которой вообще представляется ей полной абракадаброй.

Давайте посмотрим, как затуманенным технической работой сознанием могла воспринимать смысл статьи машинистка Лашкова. Она могла понять, что автор вначале анализирует развитие и изменение взглядов В. И. Ленина на цели русской революции начиная с 1907-го, в 1917 году и далее — к 1920 году. Она могла заметить, что автор придает большое значение «Заметкам о нашей революции», в которых, по его мнению, Ленин изложил свои последние заветы о путях перехода крестьян к социализму, о построении государственного аппарата, о методах идеологического руководства массами.

Она могла понять, бегло просматривая текст в ходе печати, что, по мнению автора, Сталин извратил ленинские идеи во всех этих областях, отступил от них, применив при этом недопустимые методы руководства. Она, далее, могла увидеть, что автор анализирует социальные причины, породившие этот отход от заветов Ленина, породившие «вождизм» и склонность к помпезности.

Она могла, в частности, читать в этом месте работы такие фразы, не оставлявшие у нее сомнений в симпатиях автора к светлым образам основателей партии: «Наряду с пролетарским стилем руководства, который отличался простотой,

скромностью, самоотверженностью, лучшими представителями которого были Ленин, Свердлов, Дзержинский, Киров, в партии постепенно стал проявляться и иной стиль руководства (свойственный примкнувшим к партии мелкобуржуазным и авантюристическим элементам)» (Л.д. 222. Т. 10).

Она могла читать далее, что автор исключает возврат к миру капитализма: «Русский буржуазный мир был внутри не кончен, он стал постепенно проступать в мире социалистическом... Возврат к этому миру уже, конечно, невозможен, но он... проявляет себя и создает глубокие внутренние препятствия к успешному развитию нового общества» (Л.д. 237. Т. 10).

Вот ведь что могла заметить Лашкова, печатая эту работу! И так, она могла без труда увидеть, что автор — за Советскую власть, за социалистическую экономику, за партию Ленина, то есть за все те факторы, которые составляют основу нашего государственного и общественного строя.

Правда, она могла заметить, что автор резко выступает против бюрократии и других негативных, по его мнению, явлений, против тяжелого наследия, оставленного Сталиным во всех областях жизни партии и государства, что автор — за начало реализации наконец ленинских заветов, изложенных в «Заметках о нашей революции». Но если она обратила на это внимание, то она в то же время могла видеть, что единственным разумным путем для такого перелома автор считает реформы сверху.

При такой направленности этой работы Лашкова могла воспринимать ее как антисталинскую, что отнюдь не равнозначно понятию преступной, антисоветской... И потому при размножении этой статьи у нее не было не только прямого, но и косвенного антисоветского умысла, а сама работа воспринималась ею как некриминальная.

О том, что такое восприятие имело определенный резон, видно и из отношения к этой работе в НТС. Мы знаем, что статья эта в составе сборника «Феникс» попала за рубеж, но — не была напечатана в «Гранях». Она оказалась неприемлемой для целей антисоветской пропаганды! Поэтому защита за отсутствием криминала в этом поступке Лашковой просит исключить его из обвинения.

Два пункта обвинения Лашковой относятся к документу, названному «Письмо монахов Почаевской лавры». Она размножила этот документ для Добровольского, а один экземпляр передала Галанскову для включения в сборник «Феникс». Защита считает это обвинение неосновательным.

В «Письме...» описаны произвол и насилие, учиненные над монахами Почаевского монастыря конкретными должностными лицами районного и, в редких случаях, областного масштаба в Тернопольской области. Если это клевета, то не на строй, а на этих районных деятелей, фамилии которых прямо названы в документе.

Но от Добровольского мы знаем, что Лашкова поверила этой информации и была глубоко возмущена описанными в «Письме...» безобразиями. Значит, для нее документ этот уже не был заведомо ложным, клеветническим, раз она верила в его правдивость.

Оказывается, однако, что в правдивость этого документа верила не одна Лашкова. Левитин тоже поверил и распространил три свои статьи с протестами против почаевских событий. Григорьян, зам. главного редактора партийного журнала, не только поверил, но и меры принял к прекращению беззаконий: звонил в ЦК, писал туда докладную.

Более того, даже мы сейчас не имеем оснований считать, что документ ложный. Вдумайтесь в ситуацию: документ этот является сообщением об уголовно наказуемых действиях ряда должностных лиц: самоуправство, превышение власти, насилие. Казалось бы, коль скоро речь идет о преступлениях, прокуратура, как надзирающий за законностью орган, должна была проверить основательность этих сведений и, если они не подтвердились, выдать соответствующую справку о результатах проверки.

Между тем, возможно по оплошности следствия, такой справки нет в деле. И потому мы тоже не имеем сейчас оснований признать «почаевское письмо» ложным. Не только Лашкова — тогда, но и мы — сейчас!

Поэтому, за отсутствием в документе посягательства на наш строй, за недоказанностью клеветнического его характера, он, как некриминальный, должен быть исключен из обвинения Лашковой.

Этим исчерпывается обвинение Лашковой, связанное с перепечаткой.

Она обвиняется также в распространении антисоветской литературы. В формуле обвинения указано: «Получила от Добровольского для распространения брошюру “Солидаризм” и журнал НТС “Наши дни”». Посмотрите, как этот же факт описан в формулировке Добровольского: «Передал Лашковой для чтения брошюру и журнал». Оказывается — для чтения. Поскольку эти разноречивые оценки цели передачи исключают друг друга, нужно принять одну из них — более благоприятную для подсудимых. Тем более что и сами мы убедились в передаче этой литературы Лашковой только для прочтения.

Далее «...с целью распространения передала брошюру “Солидаризм” Кушеву, а журнал — Левитину...».

По объективным признакам способ, которым Лашкова ознакомила этих лиц с брошюрой и журналом, свидетельствует об отсутствии у нее при этом цели ослабления или подрыва Советской власти: Кушев сам увидел у нее на полке брошюру, попросил почитать, она не отказала. Думаю, цель проявилась бы иначе — предложила бы прочитать.

Левитин же бегло просмотрел журнал за 10 минут: не читал, отложил, и она не предлагала ознакомиться внимательнее.

В обоих случаях у Лашковой проявилось пассивное, безразличное отношение к тому, прочтут или не прочтут эти лица криминальную литературу. Разве так действовал бы пропагандист, имеющий цель распространения литературы?

Когда вдумаешься, в чем обвиняется здесь Лашкова: в попытке ослабить такую «опору» Советской власти, как Левитин, богослов из церкви «Нечаянная радость», и должность и занятия которого представляются историческим анахронизмом, то, право же, невольно подумаешь, что это несерьезно...

Считаю, что ни по характеру действий, ни по умыслу здесь нет антисоветской пропаганды и агитации.

Но Лашкова знала, что литература эта издана НТС, то есть несомненно враждебной организацией, и потому факт хранения ею этих изданий и предоставление возможности прочитать их, даже без антисоветской цели, криминален. Он

предусмотрен статьей 190 УК, которую и нужно применить к этой части обвинения.

Я не хочу принижать личность Лашковой и утверждать, что голый интерес к заработку или просто легкомыслие двигали ею, когда она печатала или брала книги. Она сложнее и умнее. Были у нее, конечно, и иные побуждения, которых я попробую коснуться, ни одно из которых, однако, не имеет отношения к Уголовному кодексу.

Так уж устроена человеческая натура, что она — любопытна. Все новое, даже заведомо опасное, враждебное интересно узнать, чтобы самому оценить... Мне довелось быть солдатом, фронтовиком Отечественной войны. И если я стану утверждать, что, найдя на земле вражескую листовку, мы, зажмурясь, несли ее в костер, вы не поверите мне, так не было. Мы ее обязательно прочитывали из любопытства. Хотя и знали заведомо, что листовка враждебная. А прочитав, отпускали по адресу немцев очередную порцию непарламентских выражений или хохотали, если было очень уж глупо. Думаю, и в поступках Лашковой проявлялось любопытство к новому, опасному.

Любопытство это, видимо, подогревалось теми особыми условиями, которые воздействуют на умы части нашей молодежи.

Разоблачение культа личности в 1956 году сопровождалось крушением величайшего идеологического авторитета, одно имя которого составляло содержание идейной жизни многих наших людей. Это мероприятие партии, нужное, разумное по существу, породило, однако, у некоторых неуверенность в ценности идей, представлявшихся ранее незыблемыми.

Прошло восемь лет, и из «Памятной записки» столь уважаемого идеолога, как Тольятти, мы узнали, что, образно выражаясь, «не все спокойно в Датском королевстве».

Эти факторы в сочетании со странным отсутствием преемственности авторитетов породили у части нашей молодежи некий «идеологический вакуум», который нужно было умно, умело, тщательно, продуманно заполнить соответствующей воспитательной работой.

К сожалению, далеко не все было сделано нашим пропагандистским аппаратом в этом направлении. И этот вакуум

заполнялся самостийно, не всегда правильно, не всегда тем, что истинно.

Факторы, вызывающие этот процесс, носят характер объективных социальных явлений, возникновение их не зависело от доброй или злой воли кого-либо из нас, но они помимо желания влияли на поступки Лашковой. И в этом нет ее вины.

Итак, не нужно преувеличивать. Лашкова не является особо опасным государственным преступником. Ее вина лишь в том, что она дважды нарушила значительно менее серьезный закон — о порядке управления, статью 190 Уголовного кодекса.

При решении вопроса, как ее нужно наказать, прошу учесть следующие обстоятельства.

Она правдиво рассказала обо всем, что ей вменяется, — не потому, что ее уличили, а потому, что правдивость свойственна ее натуре.

В деле есть стенограмма звукозаписи абсолютно доверительного разговора между Виноградовым и Хохловым. В этом разговоре Виноградов, оценивая мотивы поступков Лашковой, говорит: «А Вера и Кушев, они вообще не относились к этому серьезно. Для них это было просто ребячество». Думаю, так оно и было на самом деле.

Лашкова — маленькая и тонкая девушка. Товарищ Чижова! Я лично к вам обращаюсь. В составе суда вы представляете прекрасную половину рода человеческого. Напомните в совещательной комнате, что эта половина не только прекрасная, но и слабая!

Когда прокурор потребовал для Лашковой годы заключения, в зале кто-то сказал: «Мало!» Это сказал человек, который не знает, что такое год в четырех стенах тюремной камеры.

Лашкова это знает. И этого горького знания ей хватит на всю жизнь.

Проьба защиты формулируется так: обвинение, связанное с печатанием «Письма Шолохову» и двумя книгами НТС, оценить по статье 190 УК и наказать Лашкову без лишения свободы. Во всей остальной части обвинения прошу ее оправдать.

Приговором Мосгорсуда Лашкова была признана виновной в предъявленном обвинении и осуждена к лишению свободы в пределах отбытого к этому моменту срока.

ДЕЛО ПАЛИЕВА

(Хозяйственное)

Фрагменты речи

Палиев, директор фирменного магазина «Таджикистан» в Москве, обвинялся в особо крупных хищениях, спекуляции валютными ценностями и товарами, в получении взяток, подлогах документов и других преступлениях. Наряду с ним по делу обвинялись и другие лица. Масштаб вмененных в вину Палиеву преступлений повлек рассмотрение дела Верховным судом РСФСР по 1-й инстанции. Государственный обвинитель потребовал осуждения Палиева к смертной казни.

Дело слушалось в 1974 году.

Уважаемые судьи!

Я собирался, как обычно, изложить с позиции защиты свои соображения по отдельным частям обвинения, а затем проанализировать смягчающие и отягчающие ответственность Палиева обстоятельства. Но требование прокурора о смертной казни вынудило изменить традиционный порядок речи, ибо по сравнению с вопросом — жить или не жить Палиеву — значимость вмененных ему в вину цифр ничтожна.

Я должен поэтому начать с этого грозного вопроса и ему подчинить весь деловой анализ.

Дело Палиева относится к той категории, где возможность просьбы обвинителя о смертной казни отнюдь не очевидна. Мы так и не знали до конца, что попросит прокурор. Это не то дело, где наше нравственное чувство заранее шепчет: тут нужно казнить, этот человек не вправе жить на свете.

Правда, закон говорит: можно и казнить. Но давно уже не применяли по хозяйственным делам такое наказание... Здесь старый и больной подсудимый... В обвинительном заключении отмечены смягчающие обстоятельства... Словом, сомневались весьма, чтобы был такой запрос обвинителя.

Итак, можно по закону, но отнюдь не обязательно. Эта неочевидность, спорность создает, как мне кажется, проблему для суда (при очевидности нет этой проблемы) и заставляет волноваться меня: смогу ли я своими слабыми силами убедить вас, что «не обязательно», а просто «можно», в данном случае означает «не нужно». Никому.

Требование прокурора было мотивировано так, что центр тяжести лежал не в характере и объеме преступления, а в отягчающих обстоятельствах и в данных о личности. Попутно замечу, у Палиева прокурор отметил только отягчающие моменты, у остальных подсудимых — только смягчающие... Это было несправедливо.

Предложение смертной казни Палиеву было высказано прокурором хотя и вполне буднично, но за этой будничностью угадывалась изрядная раздраженность. И подумалось: какую огромную роль играет всего лишь поведение человека на суде для его судьбы, для исхода дела!

Поскольку именно приводящие обстоятельства сыграли роль центра тяжести в требовании прокурора, нужно внимательно разобраться в том, на что он указал.

Итак, Палиев ранее судим. Палиев уклонился от участия в защите Родины в годы войны. Он незаконно получил военную медаль и «кошунственно носил ее, желая покуражиться».

Он являлся организатором преступлений в Москве и в Таджикистане. Он не выдал накопленных денежных сумм для возмещения ущерба.

Он грубо, резко и надменно держал себя с окружающими, унижал их достоинство.

Уже по одним лишь формальным причинам нельзя обосновывать приговор ссылками на эти обстоятельства, поскольку они не включены в перечень отягчающих ответственность по статье 39 Уголовного кодекса. Судимость же у Палиева имеет 30-летнюю давность, и, судя по назначенному тогда наказанию, ничего значительного за нею не стояло. Все остальные факты законом к отягчающим не отнесены.

Прокурор, правда, и не предлагает именовать их «отягчающими», он просит «иметь их в виду» при оценке личности... Но от этого не легче!

Что касается существа перечисленных фактов, то дело обстоит так. Палиев, по словам прокурора, «заручившись липовой справкой, всю войну кочевал по Средней Азии». Но у суда нет данных, что Палиев был здоров, что врачи и военкомат незаконно освободили его от службы.

Для получения военной медали Палиев никакого подлога не совершал. Он, правда, воспользовался ошибкой при составлении списков и медаль получил, но носил ее всего лишь из мелкого тщеславия, а не ради «кошунственного куража».

Палиеву не предъявлено обвинения в организации преступлений. Зачем искажать обвинение? Его соучастники Вахидов и другие вполне взрослые люди действовали из корысти, а не в силу некоего организующего влияния на них со стороны Палиева.

Он выдал все, что нажил преступлениями. Справка в деле и произведенный нами расчет подтверждают это.

Он был груб и резок с окружающими? Это так, это верно. Он и здесь был таким и немало напортил себе в суде своим характером. Но лучше ли преступник вкрадчивый, льстивый? Не страшнее ли это?

Неубедительны ссылки на сопутствующие отягчающие обстоятельства, те самые, которые повлекли требование смертной казни! Нет, наказывать надо за сами криминалы, а не за «сопутствующие» факторы.

Теперь немного о факторах смягчающих, прокурором не названных.

На момент рассмотрения дела ущерб возмещен, и это уже законный смягчающий мотив, указанный в статье 38 Кодекса.

В обвинительном заключении отмечено, что Палиев своими показаниями по эпизодам с валютой и тканями содействовал установлению истины. И это названо в законе моментом, смягчающим вину. А ведь это те самые составы, по которым прокурор просит казнить Палиева!

Скромно умолчал обвинитель о том, что у Палиева была еще одна судимость: в 1951 году тот был Особым совещанием осужден к 10 годам заключения и, отсидев не так уж мало, в 1956 году был реабилитирован. Иными словами, он уже пострадал от учиненного тогда беззакония.

Палиев тяжело болен. Один из моих коллег-адвокатов рассказал мне, как он, встретив после приговора в Мосгорсуде судью, спросил у него, не дрогнула ли у того рука, когда осуждал к казни старого и очень больного человека по «валютному» делу. И тот ответил ему, что осужденный, несмотря на свои болезни, такое наказание «выдержит».

Однако там была жестокость, доведенная до патологии. Человек душевно здоровый так не скажет, ибо тяжко больному всегда хочется смягчить наказание...

Позвольте теперь высказать несколько соображений для более широкого взгляда на вопрос. Свойственное человеческой природе стремление к возмездию за зло некогда привело к созданию системы наказаний, из которых крайним была смертная казнь.

Стремление к справедливому возмездию проявилось и в том, за что применялась казнь. Красной чертой — от принципов талиона¹ и до наших дней — человечество оправдывало (да и то не везде) применение казни за посягательство на чужую жизнь. Все остальные поводы к применению смертной казни в истории юстиции преходящи. Этот — вечен, ибо отвечает широко распространенному пониманию справедливости, убеждению, что лишь крайняя форма жестокости, проявленная преступником, заслуживает полного откупа в милосердии и кары в виде наивысшего страдания.

Вдумайтесь в этом свете в обвинение Палиева. Золотые монеты перешли из одних рук в другие. Яркий восточный атлас, завезенный в Москву, оказался не у московских, а у душанбинских модниц, хоть и втридорога.

Чья жизнь была искалечена этим, кому это принесло страдание, кто пролил из-за этого хоть слезу?

И когда требуют за это приговорить виновного к смертной казни, то есть к наивысшему страданию, такое требование противно нашему правосознанию, нашему человеческому пониманию соразмерности кары.

И еще одно. Почти во все времена в нашей стране допускалась смертная казнь за умышленное убийство и за пре-

¹ Наказание-возмездие, равное по силе преступлению, например: «Око — за око, зуб — за зуб».

ступления, причинявшие особые страдания личности. За имущественные, хозяйственные преступления подобное наказание применялось далеко не всегда, как правило, лишь в периоды опасности для страны, когда обострение внутренней или внешней обстановки диктовало жесткий курс во всем. Но когда напряженность ослабевала, государство отказывалось от использования этой крайней меры. Так было по окончании гражданской войны, так было после Победы в войне Отечественной.

«Холодная война» с Западом повлекла восстановление этой крайней меры в нашем правосудии. Но последнее десятилетие принесло нам существенное улучшение внутренней и внешней обстановки. В результате за последние годы мы почти не знаем применения смертной казни по «хозяйственным делам».

И было бы противоестественным, непоследовательным, если бы потепление климата внутренней жизни страны сопровождалось ужесточением наказаний за имущественные преступления. Это, на мой взгляд, было бы и неполитичным, так как дало бы пищу для пропаганды взглядов тех, кто выступает на Западе против экономического и культурного сближения с нашей страной.

Поэтому, граждане судьи, защита — против вынесения Палиеву необратимого приговора, требуемого государственным обвинителем.

Позвольте теперь обратиться к анализу конкретных частей обвинения Палиева, так как они требуют существенных изменений.

(Опущена вся часть речи с анализом конкретных пунктов обвинения.)

Объяснения защиты подходят к концу. Я сказал что мог, старался опираться на действительные материалы дела. И если говорил о сомнительности, спорности ряда обвинений и квалификаций, то это отражало мое подлинное убеждение в спорности обвинений и ошибочности оценок.

Как мог, я попытался привлечь ваше внимание к несерьезности ссылок на «особо отягчающие обстоятельства».

Как мог, сказал о ряде обстоятельств смягчающих: о помощи следствию, об отсутствии ущерба, о том, что Палиев пострадал однажды по ошибке, о том, что он стар и болен.

И если не смог донести свою убежденность, что применение смертной казни будет тягостной, горькой ошибкой, — печально.

На Введенском кладбище в Лефортове есть могила доктора Гааза, тюремного врача, который посвятил свою жизнь и отдал все сбережения делу смягчения участи заключенных, каторжников. О нем с почтением и симпатией не раз писал А. Ф. Кони.

На надгробном валуне, окруженном кандалными цепями, выбиты слова, обращенные к потомкам: «Спешите делать добро».

И когда отвлечешься от нашей суеты и задумаешься, то понимаешь, что Гааз был мудрым человеком. Ибо именно воспоминания о моментах, когда тебе посчастливилось сделать другим бескорыстное добро, светлым пятном остаются в душе навсегда.

Приговорить к смерти старого, больного, не причинившего никому страданий человека, который и так уже повержен, можно — закон разрешает.

Проявить к нему снисхождение тоже в вашей власти. И это будет добром, которое запомнится навсегда вам и запомнится людям. Спасибо.

Приговором Верховного суда РСФСР Палиев был осужден к смертной казни.

Вышестоящей инстанцией наказание было заменено на лишение свободы.

ДЕЛО ВАСИЛЬЕВА

(Посягательство на жизнь сотрудника милиции)

Васильев обвинялся в посягательстве на жизнь милиционера Фильчикова, выполнявшего свои служебные обязанности.

23 ноября 1967 года Васильев, инкассатор отделения Госбанка, прибыл на служебной автомашине в 21 ч. к магазину «Гастроном» для получения дневной выручки. Подъехав к служебному входу, Васильев направился за выручкой в кабинет директора. Шофер служебной машины Полукаров вошел вслед за Васильевым в магазин и попросил в торговом зале воды, чтобы напиться. Магазин уже был закрыт, продавец Матвеева отказала Полукарову и попросила находящегося здесь сотрудни-

ка милиции Фильчикова вывести Полукарова из помещения. Выводя Полукарова за рукав, Фильчиков в коридоре ударил его резиновой палкой, отчего Полукаров упал. Сам Фильчиков прошел далее во двор магазина. Вышедшему в этот момент инкассатору Васильеву Полукаров рассказал о нанесенном ударе и предложил выяснить фамилию милиционера. Направляясь к машине, они увидели Фильчикова, и Полукаров спросил, как его фамилия. Получив ответ, Полукаров записал его для памяти, в связи с чем Фильчиков взял Полукарова за рукав и толкнул его к выходу со двора. Васильев в резкой форме одернул милиционера, «толкнул его и пытался затеять с ним драку». Для пресечения его действий Фильчиков применил к нему резиновую палку, нанеся ею несколько ударов. Васильев выхватил револьвер и произвел из него выстрел в живот милиционеру, тяжело его ранив.

По этому обвинению дело Васильева рассматривалось Мосгорсудом в 1967 году.

Товарищи судьи!

Васильев обвиняется в одном из тягчайших преступлений, предусмотренных нашим законодательством. Наказание за него столь сурово, что, если он виновен, вся жизнь его, которую вы держите в руках, будет порушена до основания и на долгие годы. Прежде чем покарать его так тяжко, стоит внимательно разобраться в этом редчайшем деле.

Но чтобы оценивать и делать выводы, нужно иметь верное представление о картине происшедшего, о фактах события. Давайте поэтому восстановим точно в своем сознании эти факты.

Итак, Васильев подъехал к магазину на служебной машине, в которой было 190 тыс. руб., вошел, получил еще 6 тысяч и вышел. Здесь его встретил шофер Полукаров и рассказал, что только что какой-то милиционер без всякого повода ударил его дубинкой по голове и что следовало бы записать его фамилию. Выслушав это сообщение, Васильев вместе с шофером направился к машине, по пути они увидели Фильчикова.

Фильчиков же уверяет, что инкассатор с шофером дошли до машины, а потом вернулись обратно специально для справки с ним. Но это опровергается, во-первых, старшим инкассатором Березовским, который сидел в машине и утверждает, что Васильев и Полукаров появились у машины лишь после

происшествия; во-вторых — Полукаровым, который полностью подтверждает объяснения Васильева; в-третьих — логикой: при движении Васильева и Полукарова, о котором говорит Фитьчиков, он должен был дважды встретить их — по пути к машине и от нее, а он признает, что встретил их один раз. Тут мы впервые замечаем, что Фильчиков для чего-то фантазирует...

Обратившись к милиционеру, Полукаров спросил его фамилию. Тот ответил с некоторой издевкой, назвав вымышленные фамилию и имя. Полукаров стал записывать. Васильев стоял при этом молча и спокойно. Именно так, подтверждая показания Васильева, описывают эту сцену не только свидетель Полукаров, но также и случайные ее очевидцы, Матвеева и Крылов. Налицо и запись, сделанная Полукаровым.

Вступая в противоречие с показаниями всех этих лиц, Фильчиков говорит нам, что фамилию у него не спрашивали и записей никаких не делали. Снова Фильчиков не в ладах с правдой. Уместно тут подумать: зачем ему это? Полагаю, что он не случайно искажает эти детали. Ведь если у него спрашивали фамилию и записывали ее, то нужно признать, что люди подошли к нему без агрессивных намерений, что Васильев спокойно стоял в ожидании, пока Полукаров спрашивал, доставал ручку, бумагу, писал, и после этого вдруг «неожиданная» ярость Васильева и попытка нападения на него, Фильчикова, охраняемую законом личность! Все это выглядит уже явно неправдоподобно. А якобы ничем не спровоцированная ярость Васильева и нападение с его стороны позарез нужны Фильчикову, чтобы объяснить ими свои дальнейшие действия. Отсюда и следует: «Он подошел и схватил меня за бока», «он подошел и начал толкать» и т. п. Выдумка эта не заслуживает доверия, искусственность ее очевидна.

Когда Фильчиков дернул за рукав Полукарова и тот выронил и бумажку свою, и карандаш, что сделал Васильев? Он говорит: «В резкой возмущенной форме я сказал милиционеру: “Оставьте его, это мой шофер!”» Он утверждает, что вмешательство его выразилось именно в такой форме устного протеста. Статья 69 УПК признает показания подсудимого доказательством по делу. Следовательно, доколе показания его не опровергнуты, они должны считаться достоверными, отражающими правду. По нашему делу показания подсуди-

мого опровергает Фильчиков: «Он мне не замечание сделал, а толкнул меня и схватил за бока».

Защита полагает, что это опровержение не заслуживает доверия. Фильчиков вообще склонен к ложному описанию событий происшествия. В этом нетрудно убедиться путем сравнения его показаний на предварительном следствии и в суде — полный разницей в описании поступков всех участников этой истории. Но он к тому же прямо и остро заинтересован в том, чтобы приписать Васильеву агрессивные действия. Не по злу заинтересован, а ради собственного спасения. Вспомните, что он нам сказал здесь, в суде: «Раз палку применил, значит, нужно задерживать и вести в отделение, так как палку только за серьезное дело применять можно». Ход мыслей у него чисто «профессиональный»: задержание, по Фильчикову, производится не по причине действий нарушителя порядка, а наоборот — по причине применения палки... Значит, Фильчиков в случае беспричинного избиения им кого-либо палкой оказывается в плену собственного безобразия: или ему придется ответить за это, или нужно приписать своей жертве такие действия, которые оправдывали бы нанесение ей побоев. Надо думать, что Фильчиков не стал долго колебаться в выборе... Поэтому показания его не назовешь чистым как родник источником истины. Они явно не годятся для опровержения показаний Васильева.

Но, помимо отсутствия убедительного опровержения, показания Васильева еще и подтверждаются рядом данных. Это показания свидетеля Полукарова. Это данные о характере Васильева.

О свойствах его характера мы имеем сведения за последние десять лет. Мы знаем, что в быту он скромный и добрый человек. Мы знаем, что на производстве и на службе он предельно дисциплинирован. Знаем и то, что за годы службы на флоте он безупречно выдержал проверку на твердость, сдержанность, силу воли в суровых условиях дальних зарубежных походов. Не истерик, не хулиган, не драчун, человек уравновешенный, строго контролирующийся свои поступки. Поэтому с высокой степенью вероятности мы, зная его, можем сказать: Васильев не стал бы затевать драку, как это

утверждает Фильчиков, а заодно и обвинитель, но он мог твердо потребовать прекращения произвола.

Что было далее, мы знаем: требование Васильева вызвало взрыв негодования у Фильчикова. В его служебной характеристике отмечено, что он «вспыльчив». Сам он говорит нам: «У меня тоже самолюбие есть». И верно, понять его можно: ему, представителю Советской власти, в таком тоне предлагают оставить в покое этого «писаку» Полукарова?! Он сильно вспылит. И уже не от имени Советской власти, а по причине своего личного «норова», которому — не перечь! — начал наносить Васильеву удары.

В ходе судебного следствия мы затратили немало времени на выяснение вопроса: знал или не знал Фильчиков, что избивает инкассатора? Защита сдается в этом споре с обвинением и признает: не знал. Более того, я твердо убежден теперь, после речи прокурора, что Фильчиков не знал о служебной принадлежности Васильева. Убежден потому, что такие натуры, как Фильчиков, способны беспричинно избить человека только в расчете на полную безнаказанность для себя. А бить казенного человека, да еще вооруженного государством, это было более чем рискованно. Нет, не знал об этом Фильчиков! Думал, обойдется, как обычно.

Куда он бил? По голове и лицу. Об этом скромно умалчивается в обвинительном заключении, но мы теперь знаем об этом от самого Фильчикова, от Шатилова, Березовского и других, видевших потом эти багровые полосы на лице и лбу Васильева.

Чем он бил? Орудием, которое официально именуется «палкой». В действительности это полноценная дубинка с металлическим сердечником, динамическая сила удара которой весьма внушительна! 85—95 килограммов! Можно поверить Васильеву, когда он говорит, что у него темно в глазах стало и он понял, что сейчас рухнет без сознания.

Васильев выстрелил в милиционера, чтоб прервать избивание. И уехал.

Таковы факты этого происшествия. А теперь можно перейти к их оценке. Теперь давайте будем судить Васильева.

В постановлении Пленума Верховного суда Союза указано, что по статье 191-2 УК можно квалифицировать пося-

гательство на жизнь милиционера, который выполняет свои служебные обязанности, то есть действует в рамках закона. Легко доказать, что действия Фильчикова носили незаконный характер, так как инструкция о применении палки запрещает наносить удары по голове и лицу. Одно это уже исключает применение к Васильеву суровой статьи 191-2. Но такой мотив приговора очень огорчил бы защиту. Ибо коренной вопрос дела, вопрос политический, затрагивающий каждого из нас лично, иной: вправе ли был милиционер Фильчиков вообще поднимать руку (а тем более с дубиной) на советского гражданина Васильева?

Статья 127 Конституции СССР устанавливает, что личная неприкосновенность граждан гарантируется законом. Понимая, что наделение милиции правом бить палкой может вступить в противоречие с Конституцией, авторы инструкции были чрезвычайно осторожны, определяя условия, при которых допустимо применение этого орудия. Они прямо обусловили его применение ситуацией, при которой всякий гражданин вправе нанести другому удары, ситуацией необходимой обороны от преступника. Во вводной части инструкции прямо указано, что палка применяется на основании статьи 13 УК, то есть при обороне.

Далее перечисляются конкретно те случаи, когда возможна такая оборона. Ни одного из крайних положений, перечисленных в инструкции, Фильчиков перед собой не имел. И потому само применение им дубины к Васильеву носило противозаконный, скажем проще — преступный характер.

В обвинении противодействие Васильева названо «посягательством на жизнь милиционера, выполнявшего свои законные обязанности». Вдумайтесь, что предлагают вам одобрить приговором: по сути вам предлагают признать, что милиционер вправе по своему усмотрению избить всякого, кто ему несимпатичен... Для этого ему достаточно лишь впоследствии сказать, что тот «толкнул» его... Страшно подумать, что будет, если вы подтвердите авторитетом судебного приговора эту точку зрения на полномочия милиции, точку зрения, политический смысл которой явно не был продуман в прокуратуре до конца... С глубоким уважением отношусь я к трудной

и опасной работе нашей доблестной милиции, но пусть она меня, как и раньше, бережет!

Поэтому нужно не только признать противозаконным само применение Фильчиковым резиновой палки, но и частное определение вынести о преступлении Фильчикова. А статью 191-2 убрать из дела, чтобы не вводила в соблазн иных носителей резиновой дубины.

Дальше анализировать уже проще. Если действия Фильчикова были не выполнением служебной обязанности, а неправомерным нападением на гражданина, то ситуация и для Васильева резко меняется. Перед ним был уже не пользующийся повышенной защитой носитель власти, а просто распоясавшийся хулиган в мундире. А против хулигана, как известно, можно обороняться. Хулиган был вооружен, и оружие у него было нешуточное, сокрушительные удары обрушивались на череп Васильева. И потому Васильев, согласно статье 13 УК, вправе был отвечать преступнику не менее серьезно.

В этой статье УК говорится, что превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие средств обороны и нападения, то есть явное самому обороняющемуся. Я не уверен, что Васильеву было «явно» несоответствие вреда от выстрела той опасности, которую представляли удары дубиной. Когда эти 90 килограммов раз за разом обрушивались на его голову, то ни думать о защите руками, ни размышлять о приискании такой же дубины, ни радоваться прочности своего черепа было Васильеву некогда. Но если даже наделить Васильева сверхъестественной способностью к размышлениям в таком положении, как это делает обвинитель, то и тогда действия его не идут далее превышения пределов необходимой обороны, то есть статья 111 УК.

Есть тут и еще один вопрос, в котором защита не может согласиться с прокурором. В речи обвинителя утверждается, что Васильев выстрелил не под влиянием душевного волнения, а вполне хладнокровно. Так ли это? Даже сто лет назад, в задавленной, забитой царской России людям было доступно чувство личного достоинства и чести. Страдания физические, голод, каторга переносились легче, чем поругание личного достоинства. И когда Вера Засулич выстрелом в царского сатрапа выразила протест против гнусной порки

студента Боголюбова, оправдание ее было встречено восторгом всей передовой части общества. С тех пор немало воды утекло, и самосознание наших людей неизмеримо выросло. Полстолетия Советской власти были посвящены не только строительству социалистической экономики, но и воспитанию нового человека. Человека с большой буквы, свободного от приниженности, гордого своей великой страной, обладающего высокоразвитым чувством личного достоинства. Всеми этими качествами, воспитанными в нем Советской властью, обладает и Васильев. И потому беспричинное избиение его по голове, в присутствии товарища по работе не могло не вызвать в его душе глубочайшего волнения. Тяжкое оскорбление действием, безусловно, отразилось и на его способности хладнокровно оценить характер провокации Фильчикова. Полагаю, что состояние аффекта, в котором был Васильев, также должно быть учтено при оценке совершенного им.

Все это относится к гражданину Васильеву. Но в этой истории он был не только гражданином. Он был еще и стражем при государственных ценностях. Стражем, которого наставляли, что он должен быть бдителен, что он часовой на важном посту, что он несет уголовную ответственность за бездействие при нападении, что форма, даже милицеевская, на нападающем не должна притуплять его способности к отпору. Вы слышали здесь показания руководителей инкассаторской службы Госбанка Союза и потому знаете, как наставляют инкассаторов.

Поэтому, когда нападение, в напряженном ожидании которого всегда находится инкассатор на своей опасной работе, началось, когда посыпался град ударов, от которых темнеет в глазах и он вот-вот свалится, он ответил так, как его обучило государство, и тем единственным оружием, которое государство вручило ему для защиты.

Вот почему мы можем признать, что действия Васильева диктовались не только его правом на необходимую оборону, но и его служебной обязанностью обороны и потому вдвойне ненаказуемы.

Его нужно оправдать.

Приговором Московского городского суда Васильев был признан виновным в том, что, «находясь в состоянии необходимой обороны от нападения со стороны милиционера Фильчикова, под влиянием душевного волнения превысил ее пределы, причинив при этом Фильчикову тяжкие телесные повреждения», то есть по статье 111 УК. Осужден к 6 месяцам лишения свободы (истекавшим через несколько дней после приговора).

В адрес Главного управления милиции суд вынес частное определение о противозаконных действиях милиционера Фильчикова.

ДЕЛО ПРОФЕССОРА КОТЕНКО

(Обвинение во взятках)

Фрагменты речи

Проректор одного из наиболее крупных юридических вузов профессор Котенко Н.Ф. был арестован и предан суду по обвинению в получении взяток за содействие в поступлении в институт. Обвинение возникло на почве показаний арестованной ранее сотрудницы института Собчак, однако далее получило дополнительное развитие.

Дело рассматривалось Верховным судом РСФСР по 1-й инстанции в 1987 году.

Уважаемые судьи!

Начну с того, что необычное это дело. Из речи прокурора следует, что оно не просто суд над Котенко. Обвиняется в продажности наш юридический вуз. Тень брошена обвинительной властью на всю корпорацию юристов, поскольку значительная ее часть — выпускники того же вуза. Обвинение поэтому напоминает плевков против ветра.

Если бы возникла возможность убедиться, что все это напраслина, ошибка, подобный исход вызвал бы удовлетворение у каждого юриста. Такая возможность есть, если будет проявлена элементарная требовательность к качеству улик. И если вы используете эту возможность, то к уважению, которое мы питаем к Верховному суду России, добавится на долгие годы особое личное уважение к судьям данного процесса.

Мы читаем газеты — веет свежий ветер перемен, даже в нашей давно нездоровой юстиции. Читаем — и нам легче

дышится. Но утром приходим на работу и встречаемся с суровой реальностью повседневной практики: все та же предвзятость, все тот же обвинительный уклон, приоритет данных предварительного следствия перед судебной проверкой, верховенство бумаг, полученных келейно, бесконтрольно, не всегда — праведными следователями, не всегда — слушателями истины, верховенство их бумаг над живым словом, сказанным суду. Упорно держится этот мертвящий дух прошлого.

Однако вселяет надежду, что именно Верховный суд РСФСР — с его линией реформ, с его нацеленностью на перемены — рассматривает это дело. Итак, приступим.

Обвинение профессора Котенко возникло из того же источника, журчание которого породило обвинения еще по меньшей мере 10—12 преподавателей института, прекращенные впоследствии за несостоятельностью, то есть из показаний Собчак. С этого и позвольте начать.

Первый эпизод — с деньгами Рябина. В формуле обвинения Котенко по этому поводу написано: «21—22 августа 1982 года получил от Собчак принадлежащие Рябину 600 руб. за обещание помощи в поступлении Рябина в институт». За обещание, а не за помощь. Как будто Рябина интересовало обещание само по себе. Следователь был вынужден прибегнуть к этой своеобразной формулировке, поскольку решительно никакой помощи выявлено не было. Не то чтобы на 600 руб. — ни на копейку! Вот следователь и применил такую формулировку — дескать, за обещание... И верно, тут не только помощь не обнаружилась, а и вообще улики нет, кроме показаний Собчак.

Когда улика единственная, то она по меньшей мере должна быть безупречной, никаких поводов для сомнений давать не должна, иначе далеко можно зайти. Между тем показания Собчак этому минимальному требованию не отвечают. И вот почему.

В начале следствия Собчак дважды допрашивалась и оба раза отрицала криминальные связи с Котенко. Когда ее впоследствии спрашивали, чем это объяснить, она ответила, что тогда, мол, ей неудобно было что-нибудь плохое говорить о Котенко. Кроме того, боялась физической расправы.

Но если оставить в стороне вздорную ссылку на страх физической расправы со стороны профессора (поскольку он к тому времени находился в тюрьме, а Собчак и сама была надежно защищена от него тюремными стенами) и остановиться только на том, что ей неудобно, неловко как-то было его подводить, то и эта ссылка критики не выдерживает. Ведь в тех самых показаниях, где Собчак отрицала криминальные связи с Котенко, она одновременно приводила любые порочащие его слухи и сплетни, любые, которые ей удалось припомнить. Какая уж тут неловкость! Нет, этот мотив тут не проходит! А несмотря на это, после двух допросов с отрицанием криминальных признаков в поведении Котенко появляются ее показания, что те 600 руб., которые она затребовала от Рябинина, она целиком, до копейки отдала Котенко.

Итак, первый упрек, который мы можем бросить по этому эпизоду Собчак, первый повод для сомнений в ее правдивости вызван непоследовательностью ее показаний, их противоречивостью, не получившей вразумительного объяснения.

Но это лишь первый повод. Второй состоит в том, что вполне четко прослеживается прямой интерес Собчак в этой версии — в ссылке на Котенко как на конечного получателя денег. В чем мы усматриваем признаки такого интереса? Начать с того, что лежит на поверхности: когда она говорит, что действовала бескорыстно, то это смягчает ее роль и соответственно может отразиться на наказании. Одно дело судить человека, который гребет под себя, и совершенно другое — судить того, кто из сочувствия к Рябинину так поступил, ничего не приобретя... Это выгода, если можно так выразиться, процессуальная, для процесса. Но — есть и личная. Для Собчак отнюдь не безразлично, как она впоследствии будет выглядеть в глазах родных и окружающих. И если она сможет тогда сказать: «Я стала жертвой своего мягкого и доброго сердца, а вовсе не алчности, я действовала бескорыстно!», то такая возможность представляет личный интерес для нее.

И наконец, просматривается здесь вполне определенный материально-имущественный интерес, который просто мож-

но просчитать в рублях. Я при этом вот что имею в виду. По постановлению Пленума Верховного суда СССР при рассмотрении дел об исключении имущества из описи в пользу родных осужденного указание в приговоре о том, что описанное имущество нажито преступным путем, лишает членов семьи возможности отсудить свою долю. Так вот, если неосновательное обогащение осталось у Собчак и такая формулировка появится в приговоре, то шанса отсудить что-либо ее семья лишается. А если эти деньги прошли через ее руки транзитом, тогда и шанс этот у семьи остается. Эта мысль может посетить сидящего в тюрьме человека, даже если он не юрист. А уж если юрист... Поэтому был у нее и вполне определенный имущественный интерес сказать, что деньги дома не осели. Причем речь идет о достаточно серьезных суммах. Не стану конкретизировать, но из дела видно, что имущество в доме Собчак весьма значительно, происхождение его понятного объяснения не получило, и, судя по показаниям членов семьи Собчак, появилось оно в доме в тот именно краткий трехлетний период, который обнимает эпизоды настоящего дела.

Все это позволяет сделать вывод, что Собчак была заинтересована также и материально в даче показаний о передаче денег иным лицам. Здесь, думаю, и лежит ключ ко всем показаниям Собчак в отношении остальных сотрудников института: она прятала свои доходы. При этом не очень думала, сколько личных бед этим принесла. Некоторые из этих показаний по степени достоверности напоминают известный туннель от Лондона до Бомбея из фильма «Покаяние». Но не было времени тщательно продумать свои версии, надо было деньги прятать за чьими-либо именами. Прятались деньги и по эпизоду с Рябининым. И на следствии не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы интерес Собчак в таких показаниях обнаружить.

Верховные суды и Союза, и России многократно высказывались по поводу уликовой силы подобных показаний: обвинение не может опираться на показания лица, заинтересованного в исходе дела. Не стану зачитывать подборку обширной судебной практики по этому вопросу, но представлю ее вам в качестве рабочего документа.

И вот, несмотря на все это, мы читаем в обвинительном заключении на листе 34 такие слова: «Следствие рассматривает показания Собчак о передаче ею 600 руб. как достоверные, так как каких-либо оснований у Собчак для оговора Котенко не имеется». Что они там, слепые были, что ли?

Я постарался выше показать вам, что у Собчак были не «какие-либо», а вполне очевидные интересы в оговоре Котенко. Но как существуют невидимые миру слезы, так бывают и невидимые, внешне не просматриваемые причины оговора. Сколько дурных свойств может быть в человеческом характере, скрытых подчас от постороннего глаза! Разве не могут они послужить почвой для желания погубить ближнего своего? И вот посмотрите, как благодаря современной технике, благодаря фонограмме допроса мы стали не только слушателями, но и очевидцами произрастания ядовитого цветка... Без всякого удовольствия я уже привлек внимание судебной коллегии к этому месту звукозаписи показаний Собчак. Но еще раз позволю себе процитировать поразительные фрагменты пленки.

Итак, расшифровка магнитофонной записи допроса Собчак от 27 декабря 1985 года.

Вопрос: «Деньги вы когда-либо Котенко передавали?»

Ответ Собчак: «Нет, нет. Я ему ни разу не передавала денег, к сожалению. Лучше бы передавала».

«А почему “к сожалению”?» — спрашивает следователь.

«Ну почему? Потому, что вот сама здесь сидишь... Вот знала бы хоть, что он деньги брал, такой босс весь!..»

И на фонограмме слышится в этом месте вздох сожаления.

И дальше, на листе 92 — вопрос: «Сохранились ли у вас те списки, о которых вы рассказывали?»

Ответ: «Да нет, к сожалению. Черт побери! Я храню то, что меня губит, а не то, что его погубило бы».

Сколько тут неожиданного озлобления, какая жажда погубить Котенко! Но потом она приходит в камеру и вдруг соображает, что в общем-то все еще в ее власти, еще не упущена эта сладкая возможность погубить этого «босса» такого, который взятку не брал и которого потому нечем было погубить! Нечем? Найдем! Всех делов-то — погрешим чуть-чуть против правды...

Вот так мы стали свидетелями некоего душевного стриптиза. Черновато все это выглядит и страшновато.

Одно из заявлений Собчак заканчивается фразой: «В моем характере неизменной остается доброта». Возможно, так оно и было раньше. Но Елена Александровна очень изменилась с тех пор в заключении, судя по тому, что я позволил себе здесь процитировать. Очень изменилась. Не тот это источник, из которого можно без опаски воду пить.

Теперь эпизод с Кирцхалия — тот самый роковой подстаканник с ложечкой.

Согласно обвинению, тут события разворачиваются так: 10 августа 1984 года Нино Кирцхалия подала документы на вечернее отделение. После этого Собчак, как она говорит, обратилась к Котенко с просьбой помочь Нино. Он обещал. За это в конце сентября Собчак после зачисления Кирцхалия предложила ей дать деньги для подарка за оказанную помощь. Получив на это 600 руб. (опять шестьсот!), купила на них дорогой подстаканник с ложечкой и преподнесла Котенко. Это — обвинение. Теперь — защита. Здесь я разделю анализ так: скажу, что вне спора и что — спорно.

Вне спора два факта. В августе 1984 года Кирцхалия подала документы в институт, успешно сдала экзамены. Находившаяся в курсе ее дел Собчак, узнав, что сестра привезла ей от родных 700 руб. на зимнюю одежду и еду, забрала у них почти все — 600 руб. — под предлогом оплаты помощи на экзаменах. Это было не очень по-людски, но это факт, он вне спора.

Теперь факт номер два. Летом 1984 года Котенко было присвоено звание профессора. Об этом стало известно в институте не сразу — было время отпусков. С середины июля до конца августа Котенко не было в Москве, тоже ездил в отпуск. Поэтому поздравления начались с самого конца августа, когда все съехались. Стали его поздравлять, а некоторые и дарить памятные подарки. Прокурор нам говорит, что впору бы ему самому подарки делать окружающим по этому поводу. Ну, я не знаю, у кого как принято. Пока я был знаком с иной традицией: подарки делают тому, у кого торжество, а не наоборот. И тут тоже свидетели говорят, что ему подарки делали, чтоб отметить приятное событие. Дурнева

вот подарила подсвечник «Русалка», Замковой — авторучку, Квелидзе расщедрился на дорогую зажигалку. Понять этих людей можно, событие ведь поважнее юбилея будет! Примерно тогда же, чуть позже, Собчак подарила ему подстаканник с ложечкой, который потом и остался надолго у него в кабинете. Это — тоже вне спора.

Спорным является другой вопрос: какая связь между полученными Собчак от Кирцхалия деньгами и дарением подстаканника? Связь устанавливается опять-таки показаниями Собчак. После тех же упомянутых выше горьких сожалений о том, что ей нечем погубить Котенко, она опять-таки поясняет, что все же погубить есть чем: «Я просила Котенко о помощи Кирцхалия. Он обещал. Поэтому, получив у Нино 600 руб., я на все эти деньги купила ему очень дорогой подстаканник. И ложечку». Опять, как и в эпизоде с Рябиным, предварительное обещание помощи и вновь полное бескорыстие Собчак.

Потом, правда, после экспертизы, выяснилось, что роковой подстаканник (вкуче с ложечкой) стоит все же не 600, а 248 руб., но Елена Александровна стоит на своей позиции, как в Брестской крепости, утверждая, что заплатила больше, что ее, дескать, в ювелирном магазине обманули. Следовательно бы задать вопрос, как мы тут задали: «А бирка была?» — и получить ответ, как мы тут получили, что была бирка. Какой уж тут обман? Но нет, следовательно, верный своей паразитической доверчивости к показаниям Собчак, вместо этого возбуждает дело о том, что работники ювелирного магазина покупателя обманули... Абсурд какой-то! Интересно было бы узнать дальнейшую судьбу дела об обмане покупателя в ювелирном магазине...

Но существо, конечно, состоит не в том, во сколько обошелся Собчак подстаканник, и даже не в том, что она все прячет и прячет полученные деньги в чужих карманах. Существо в другом: в каком качестве был принят этот подстаканник — как плата за помощь Нино или как памятный сувенир по случаю радостного события? Собчак говорит: «Я, правда, не сообщала в сентябре Котенко, с чем связан дар», — обратите внимание на это место. «Он меня спросил: что это такое? А я ему сказала: “Да это так, Николай Федосеевич,

пустяк». Но так как я в августе просила его за Кирцхалия, то он не мог не понимать, за что этот презент». Значит, это ее предположение, основанное на том, что в августе она просила за Нино...

Хотелось бы также уточнить, когда именно она просила Котенко за Нино. 10 августа Нино подала документы, а 16 августа Собчак выехала в командировку, из которой вернулась лишь в сентябре, когда все экзамены были уже позади. Но, как видно из документов, истребованных судом, с июля до 19 августа Котенко в Москве не находился. Получается, что для личного разговора с Котенко и просьбы за Нино Кирцхалия Собчак в августе не имела физической возможности. Но тогда и причинная связь подстаканника с некоей просьбой за Нино повисает в воздухе, в теплом августовском воздухе, не имея видимой опоры.

Что в таком случае у нас остается по этому эпизоду? Остается поздравление с профессорским званием и знак внимания по этому поводу.

Прокурор задал в этой связи Котенко и такой вопрос: а не дороговат ли был подарок для поздравления со званием?.. Ну уж это, извините, по-разному бывает. К тому же Котенко говорит, что он в то время и не считал, что это действительно дорогая вещь, поскольку проба не видна была.

С этой самой пробой мы тут погрузились как бы в мир Булгакова с его дьявольской мистикой. Вы помните Воланда с деньгами, которые его свита щедро разбрасывала и они потом превращались в ничто, исчезая в руках у публики? Нечто подобное ведь и у нас происходит. На предварительном следствии собираются следователь с понятыми, осматривают подстаканник, заключают: пробы нет. Их там было трое. В прошлом судебном заседании, перед доследованием, подстаканник осматривают уже не трое: смотрят состав суда, прокурор с важной звездой, двое защитников — шесть человек. Отмечают в протоколе: нет пробы. Достаем подстаканник здесь, в этом заседании: проба есть. Как это понимать? Я сейчас со страхом думаю, что, если мы тут сию минуту откроем коробку с подстаканником, пробы может снова не оказаться...

Но шутки в сторону. Мы занимаемся вполне серьезным делом. Так вот, если за этой странной пробой не стоит фальсификация доказательств при доследовании, то защита имеет полное основание утверждать, что проба могла быть не замечена. Если все это назвать судебно-следственным экспериментом по вопросу о том, можно ли было не заметить пробу, то ответ один: пробу можно было не заметить, как об этом и говорит Котенко, как об этом сказали восемь или девять человек в ходе этого эксперимента. А если так, значит мог полагать, что подарок не столь уж ценен.

А даже если бы ведал, что это стоящая вещь? Двадцать лет они вместе работали, и вот она принесла ему этот подарок. Что же это с точки зрения закона? Корыстное злоупотребление служебным положением, статья 170 УК? Но нет тут указанных в законе признаков — ни ущерба интересам службы, ни вреда государству.

Остается один вопрос — об этичности принятия подобного подарка. Но это уже выходит за рамки уголовного судопроизводства. Несмотря на это, я задаюсь контрвопросом: а этично ли обидеть коллегу отказом? Она, может быть, от души принесла, это ведь не человек с улицы... Этично ли в этих условиях выставить ее за дверь? Тут что — конкуренция этичности начинается?..

Вот и все, что защита имеет доложить суду по этому эпизоду.

Теперь позвольте пойти дальше. Когда Верховный суд возвратил дело на доследование, серьезно усомнившись в показаниях Собчак, и потребовал соединения ее дела с делом Котенко, стало ясно, что следствию придется показать, как возникли уличающие Котенко показания Собчак, как они возникли после этих глубоких вздохов и сожалений, что нечем погубить его, что нет материала. Стало ясно, что дело на грани развала, потому что тогда, кроме эпизодов с Собчак, в деле не было решительно ничего. Все остальное появилось потом. История запахла крупным скандалом. Стало ясно, что дальше пойдет уже борьба не за эффектное дело с профессором юридического вуза, а вовсе даже за себя. Или мы уцелеем, или Котенко — вот так вопрос встал.

С этого момента следователи оказались в положении людей, лично заинтересованных в исходе дела. Повторяю — лично заинтересованных. А ведь в процессуальном законе говорится о том, что следователем не может быть лицо, прямо или косвенно лично заинтересованное в исходе дела. Мы сталкиваемся здесь с явным пробелом в УПК, в котором предусмотрена передача дела для нового рассмотрения после отмены приговора другому судье, но не установлен такой же порядок в отношении следователей при обращении дела для доследования. Ни в коем случае нельзя возвращать подобные дела в руки тех же следователей, работа которых признана дефектной, создавших сомнительное обвинение. Инерция мышления, ущемленное самолюбие или, как в данном случае, заинтересованность в исходе неизбежно отразятся на способности объективно относиться к доказательствам, к судьбам людским, наконец. Пусть это не указано в УПК, но прокуроры надзирающие должны же это понимать. Нет, возвращают в те же руки. И в этом случае возвратили. И уже одно это обстоятельство диктует необходимость особой осторожности и требовательности к качеству улик по возникшим после этой деликатной истории эпизодам обвинения.

Вот в этой обстановке, отнюдь не укрепляющей доверие к тому, что было добыто, и появились три новые фигуры: фигура Дволадзе, фигура Крайтер, фигура Фоминской.

В обвинительном заключении эпизод с Дволадзе выглядит в плане доказанности вполне пристойно. В августе 1983 года Котенко, находясь по работе в Железноводске, за содействие (уже хоть не за обещание, а за содействие) в поступлении племянника Дволадзе в институт получил от дяди абитуриента в качестве взятки ужин в ресторане «Олимпия», затем угощение на природе, угощение в столовой санатория и в заключение — ящик с фруктами, а всего на 500 руб. Это показания дяди Дволадзе. И показания Есько, что за это угощение Котенко дал указание ей в Железноводске в том же 1983 году о помощи племяннику Дволадзе в нужном направлении, что та и исполнила. Вот так все выглядит по обвинению. Два лица уличают Котенко, все пристойно.

Но уже тогда, уже на предварительном следствии насто-
раживало вот что. Во-первых, насто-раживала прожорливость
Котенко. Ну, согласитесь: судя по обвинению, он в течение
двух дней безостановочно ел и наел за эти два дня на 400 руб.
Во-вторых, удивляли бешеные цены этой еды, которые совер-
шенно не увязаны с ценами рынка. Там ведь справка рыночная
есть. Бешеные цены были у Дволадзе. Но помимо этих обстоя-
тельств в показаниях Дволадзе явно просматривались некие не-
ясности. Например, совершенно невозможно было понять, кто
покупал продукты для пикника на рынке: не то он, не то Ря-
бухин с женой, которые, собственно, и устроили пикник, при-
гласив Дволадзе. Неясно, что произошло с ящиком фруктов.
Котенко сказал, что он его не брал, поскольку сам купил свои
фрукты в дорогу. Дволадзе показывал, что ящик с фруктами
оставил в аэропорту, и они уехали (провожавшие), не дождав-
шись вылета. Чем все кончилось с этим ящиком, он не знает.

Показания Дволадзе на предварительном следствии о пре-
ступном кормлении Котенко носили какой-то странно размы-
тый характер. Ведь все то, что он, по его словам, покупал там
для угощения Котенко, съел, во-первых, он сам, во-вторых, Ря-
бухин с женой и, наконец, Отари Гогишвили. Так где же здесь
та самая доля, которая может рассматриваться как съеденная
Котенко в качестве взятки? Не вызывает также доверия к по-
казаниям Дволадзе его способность украшать картину лишни-
ми обстоятельствами, о которые вдруг спотыкаешься. Так, он
одно время начал было говорить, что в эти фрукты «доложил 5
тыс. руб.». На следующем допросе сказал: «Я очень извиняюсь,
это я неправду сказал». Ну что это за вранье! Нехорошо.

Кроме того, все время мешал следствию Рябухин. Он
на всем протяжении допросов настаивал, что это он пригла-
шал Котенко и на ужин, и на пикник, а Дволадзе тут ни при
чем... И еще с мясом там неясность. Ели мясо, жарили шаш-
лык, а о том, что покупали мясо, — никто ни полслова. Вдруг
источник мяса выясняется.

В одной компании был прокурор края, у них было мясо,
а у наших мяса не было. Они объединились и стали есть проку-
рорский шашлык и другую закуску уже от этой группы. Возник
уже полный ералаш с вычислением взяточной части питания.

Теперь в отношении Есько. На предварительном следствии тоже усматривались какие-то неясности. Прежде всего, она решила дать свои показания против Котенко только после того, как к ней применили достаточно крутую меру. Ее с операционной раной, не зажившей, посадили в КПЗ. Что это — мы знаем. Это — деревянные нары, без постели, без белья. Режим там нет, и кормят плохо. Худо там. К тому же не в Ставрополе поместили, где она живет, а вывезли за 40 километров в станицу. И там с этой раной она начала давать показания. Показания о том, что Рябухин просил за племянника Дволадзе, постепенно стали трансформироваться: сначала в то, что кроме Рябухина просил и Котенко, потом просто Котенко просил, уже без Рябухина, а кончилось тем, что Котенко не просил, а давал указания. Все это сопровождалось политикой кнута и пряника, так как ей по ходу допросов то угрожали привлечением к уголовной ответственности, то вдруг снимали опись с имущества, якобы описанного для конфискации. Нехорошая какая-то игра велась, и все это пахло соответственно...

Что же у нас произошло в судебном заседании в результате проверки улик по этому эпизоду? Результат проверки был подобен сходу лавины. Мы занимались этим эпизодом, когда на Кавказе отмечался массовый сход лавин. Этот эпизод тоже рухнул с той же стремительностью. Дволадзе пришел и сказал: «Меня и мою сестру обещали освободить. Сказали вот так: дашь показания против Котенко, тогда и тебе будет хорошо, и сестре твоей будет хорошо. Я потому так и говорил». Есько сообщила: «Меня вынудили дать эти показания, вынудили “перенести” мой визит в Железноводск с 1984-го на 1983 год, чтобы состыковать это с поездкой туда Котенко и поступлением племянника Дволадзе». Пикантность показаний Есько по этому поводу состоит в том, что она в течение многих лет была старшим помощником прокурора края и кухню эту знает. И если она с таким озлоблением говорит, что проделали с ней на предварительном следствии, то мы можем быть уверены, что имеем дело с грамотным человеком.

Таким образом, те два лица, которые уличали Котенко по этому эпизоду, не подтвердили обоснованность обвине-

ния. Вот все, что защита имеет доложить вам по этому временно скончавшемуся эпизоду.

Однако проверка по этому эпизоду, ее результаты, как полагает защита, должны быть отнесены не только к нему. Эти результаты позволяют заключить, что и в оставшихся эпизодах следует с крайней осторожностью относиться к уликовому материалу, полученному следователями на этой весьма острой и рискованной для них стадии работы. Неблагополучно здесь. Не случайно ведь, что тринадцать человек говорят о применении к ним недозволённых методов давления, чтобы склонить их к оговору Котенко. Тринадцать посторонних друг другу людей, не уличенных в сговоре, — это не пустяк!

Пора кончать. Мне — свою речь, а вам — с этим делом.

В литературе был один профессор, который продал душу дьяволу. Это — доктор Фауст. Но он хоть продал душу за возвращенную молодость. А Котенко за что продал? За подстаканник с ложечкой? За джинсы 46-го размера? Неправдоподобно все это. И беспочвенно.

По всем этим соображениям, вместе взятым, прошу вас об оправдательном приговоре.

Котенко был оправдан.

ДЕЛО С.

(Измена Родине, шпионаж, взятки)

Фрагменты речи

Летом 1997 года Военной коллегией Верховного суда РФ было рассмотрено по первой инстанции дело по обвинению бывшего начальника Главка Минобороны С. в шпионаже в пользу британской разведки и получении взяток в особо крупных размерах. Защитительная речь адвоката приводится в частях, посвященных смягчающим ответственность обстоятельствам.

Уважаемые судьи!

Конечная цель любой защиты в уголовном деле — облегчить участь подсудимого. Я буду пытаться делать это, привлекая внимание суда, в первую очередь, к недоказанности большей части обвинения, от которой нужно избавиться,

чтобы приговор был достоин уровня суда, а также к существенным нарушениям законности, допущенным в ходе следствия. Но не для того, чтобы опорочить следователей, а лишь с целью показать необходимость осторожности, умеренности в наказании. Я буду стремиться также обратить ваше внимание на ряд обстоятельств, смягчающих ответственность С. в той части, где вина его несомненна.

Достаточно трезво я отношусь к тому, что рассматривается неординарное по тяжести обвинения дело и что доводы свои излагаю перед высшей судебной инстанцией страны. Это налагает особую ответственность за весомость того, что буду говорить. Готовясь к выступлению перед вами, я старался избежать легковесности, безответственных выводов, фальши и тщательно выверил все ссылки на материалы дела. Вы, конечно, свободны в согласии или несогласии с ходом рассуждений защитника, но то, что все они заслуживают внимания суда, у меня сомнений нет.

Начну с нескольких общих замечаний — о положении с законностью по делу.

Любой, даже самый тяжкий преступник сохраняет в судебном процессе право на два блага: чтобы рядом был избранный им защитник (иначе не будет правосудия) и — на справедливость обвинения (иначе будет расправа).

К сожалению, к этим правам С. органы следствия отнеслись без внимания, пренебрегли ими.

Избранный С. с начала следствия защитник был через семь месяцев отстранен от участия в деле по мотиву недостаточности допуска к спецделам, и почти два года допросы С. велись либо вообще без защитника, либо с участием навязанных ему следствием адвокатов. И только после решения Конституционного суда РФ по его жалобе, «под занавес», выбранный им защитник был допущен к работе. Это отнюдь не значит, что я был чем-то лучше; более того, оба они были в прошлом полковниками юстиции, а я всего лишь сержантом. Но право обвиняемого на выбор защитника в этот тяжелейший момент его жизни должно быть свято.

Что касается права на справедливость, то с ним дело обстояло так. Единственным источником сведений обо всех

вмененных С. фактах — и по шпионажу, и по взяткам — явились его добровольные показания. Все объективные подтверждения его показаний были получены с его подачи и при его помощи. Если бы С. не принес повинную, то и дела бы не было. Но не справедливую оценку повлек в обвинительном заключении его поступок, а натяжки и искажения фактов. В нарушение статьи 20 УПК все, что смягчает или вообще устраняет вину С., скрыто, зато попытки С. защищаться от неосновательных обвинений именуется так: «В содеянном не раскаялся».

«Классовую» ненависть следователя к С. понять можно. Но когда только она диктует содержание обвинительных заключений (и приговоров), мы и получаем то, что имеем в угрюмой истории нашего правосудия.

К чему я это говорю? Жалуюсь, сетую? Нет. Но дефицит законности, допущенный в этом деле, требует компенсации в виде повышенной взыскательности к уликам и умеренности в наказании.

Была в деле и ненамеренная, ошибочная небрежность. Ни разу С. не предупреждался о праве на отказ от показаний согласно статье 51 Конституции России. Лишь в суде это разъяснение прозвучало. Вы знаете, что согласно постановлению Пленума Верховного суда РФ — вашему собственному постановлению — все показания С. на следствии по этой причине не могут использоваться как доказательства его вины.

Есть и вынужденное отступление от законности. Закон, по которому С. обвиняется в измене (ст. 64 УК РСФСР), предусматривает действия только против Союза ССР, против его суверенитета, территориальной целостности и обороноспособности. Но в 1993 году, о котором идет речь в обвинении, никакого преступления против Союза ССР уже нельзя было совершить — не осталось ни суверенитета, ни территориальной целостности, ни, к сожалению, обороноспособности. Одни руины. И не по вине С. ...

Поэтому вам приходится судить С. по закону, буква которого никак к нему не подходит, то есть по аналогии. А применение уголовного закона по аналогии, вопреки его тексту, запрещено статьей 3 действующего ныне Уголовного кодекса.

Я предвижу, что вы пренебрежете этим запретом. Более того, я готов признать, что это будет вынужденным нарушением закона: деваться некуда, ибо немислимо государство без кары за государственную измену. Но эта кара не будет иметь правовой почвы.

Зачем же я говорю об этом, если это вынужденно? А все затем же: лишь умеренность в наказании как-то совместима с таким, пусть вынужденным, но отступлением от законности.

(Далее опущен весь анализ конкретных разделов обвинения.)

Итак, я изложил суду свои доводы по существу обвинения, позволяющие отвергнуть большую его часть. Однако есть в нем ядро, находящееся вне спора. Поэтому следует вернуться к тому, с чего начала защита свои объяснения, — к вопросу о смягчающих ответственность обстоятельствах, расширив их перечень.

К сожалению, преступления такого рода не такая уж редкость в истории нашего многострадального государства. И потому мы можем определить место, которое занимает по своей тяжести преступление С. в ряду однородных.

Конституция России еще в 1993 году исключила применение смертной казни как наказания за государственную измену. Высшей мерой наказания по статье 64 УК РСФСР был, таким образом, оставлен предел в 15 лет заключения. Минимальный предел — 10 лет. В этом диапазоне должны караться все охватываемые составом статьи 64 УК преступления, исходя из степени их тяжести.

Наиболее тяжкими из них, несомненно, должны признаваться случаи «кротов», действующих изнутри органов государственной безопасности. К их числу относятся, например, преступления Лялина, Полякова, Гордиевского, Резуна, обзорная документация по некоторым из них имеется в деле.

С., в отличие от них, — технарь, сфера дел — экспорт вооружения. Явно менее тяжелый криминал.

Второй критерий — длительность преступления. Генерал Поляков работал на иностранную разведку 25 лет, Полищук — 11 лет, С. — 1 год. Этот срок определяет и меньшую значимость криминала все в том же диапазоне наказания.

Далее. Есть такой термин — «инициативная вербовка»: субъект сам стремится быть завербованным, предлагает свои услуги. Здесь иное: прямо из текста обвинения следует, что С. был завербован с использованием принуждения, угроз, то есть против его воли.

Еще один момент. Опаснейший случай измены — это работа на противника. Менее опасный — работа на потенциального противника, каковым считался весь западный мир в период «холодной войны». Но «холодная война» кончилась — начался «холодный мир». Оказалось, что нет у нас на Западе потенциальных противников. Более того, президент, выступая перед сотрудниками службы внешней разведки, разъясняет: период глобального противостояния закончился; отношения России с западными странами радикально улучшаются, с некоторыми из них мы вышли на уровень партнерства; принцип военной и внешнеполитической доктрин России ныне состоит в том, что ни одно государство более не рассматривается в качестве противника.

Согласитесь, что это существенно меняет представление о тяжести криминала.

Вопрос о причиненном ущербе. Известный ущерб был причинен действиями С. Но есть что положить и на другую чашу весов, так как С. успел за свою жизнь и пользу принести: 14 авторских свидетельств об изобретениях в оборонной технике, Государственная премия СССР, 86 печатных работ по лазерной тематике.

Наконец, он нездоров и немолод.

Все это позволило бы просить о наказании в пределах минимального уровня санкции закона. Но есть два исключительных обстоятельства, которые позволяют защите пойти дальше этой просьбы.

Первое из них — роль С. в раскрытии преступления.

В начале 1994 года, находясь с российской делегацией в Сингапуре, С. по телефону узнал от родных, что его сейф и служебный кабинет опечатаны сотрудниками спецслужб, чего никогда ранее не было при рутинных проверках секретного делопроизводства. Имея за спиной то, что он имел, ему нетрудно было понять, что это означает. И он тотчас это

понял. В записке, которую позже удалось получить от адресата, С. сообщил, что дома его ждет арест. Предстоял выбор. Не может быть сомнений, что при решении — остаться или нет — он, с его безупречным английским языком, с его репутацией в научной и торгово-промышленной сфере, не испытал бы за рубежом никаких материальных трудностей. Но он отказался от этой реальной возможности и, сделав мучительный, но достойный выбор, вернулся, остался россиянином.

Однако, вопреки его ожиданиям, ни в аэропорту Шереметьево, ни при вызове его 14 января на допрос ареста не последовало.

Протокол допроса в деле. Из него видно, что ставились вопросы, весьма далекие от ожидаемых. Можно было полагать, что все обошлось... 15 января он был вызван повторно. И здесь, под гнетом своей тайны, С. заявил о совершенном преступлении.

На первом листе первого тома находится постановление руководителя Федеральной службы контрразведки от 15 января 1994 года о возбуждении дела. В качестве оснований указаны два: первое из них — сделанное С. заявление, второе — оперативные материалы. Мы знаем, что это за материалы, и знаем, что они могли дать повод для подозрений, но не могли быть уликами. Надежное свидетельство тому — беспрепятственные двенадцатикратные выезды С. за границу уже после получения этих материалов.

В течение нескольких последующих дней С. представил доказательства своей работы на иностранную разведку. В протоколе допроса от 25 января 1994 года в вопросе следователя содержится оценка им поведения С.: «Вам предъявляется ваше заявление от 15 января 1994 года на имя директора ФСК. Можно ли считать его как явку с повинной?» Отвечая на этот вопрос, С. взыскателен к себе: «Да, но на допрос я был вызван».

И так он держался до конца, все три года следствия. Сейчас мы можем с определенностью сказать, что в те решающие дни января 1994 года С. дважды — при возвращении в Россию и при покаянном заявлении — совершал мужественные

поступки. Не ошибусь, если назову это обстоятельство исключительным.

Если не придать этому важного значения и не отразить в наказании, то это будет уроком известно кому. Как у Тютчева: «Молчи, скрывайся и таи...» И наоборот, если оценить и отразить, то и это будет уроком для тех, к кому обращается законодатель в примечании к статье 275 нового УК.

Поэтому поступок С. не только заслуживает, но и требует ошутимого отражения при определении наказания. Он стоит на самой ближней грани к тому, что в статье 275 Уголовного кодекса освобождает полностью от наказания.

Второе исключительное обстоятельство связано с неприметным серым листком, на котором ксерокопия удостоверения С. «Жителю блокадного Ленинграда».

Ему было тогда 6 лет, и он оказался блокадником с первого до последнего дня.

Из всех бесчисленных страданий, выпавших на долю народа в великой войне, блокада стала наитяжелейшим испытанием. Казалось бы, сколько лет прошло, а мы и сейчас не могли без спазмы в горле, без слез слушать показания сестры С. о тех днях их жизни втроем с матерью на 375 граммов хлеба в день.

К началу блокады в Ленинграде было около трех миллионов жителей. Из них только на Пискаревском кладбище остались лежать 960 тысяч. Миллион. Не считая других кладбищ, не считая унесенных по весне ледоходом и умерших потом в больницах других городов. Полгорода вымерло. Вина за мучительную смерть мирного населения огромного города лежит не только на фашистской Германии, но, увы, и на родном нашем государстве. Это оно перед войной истребило весь высший (и почти весь образованный) состав армии. Это оно оставило приграничный город без запасов продовольствия. И государство ныне верно оценивает свой неоплатный долг и перед сгинувшими, и перед пережившими эту трагедию. Указом от 18 января 1994 года Президент России приравнял лиц, награжденных знаком «Жителю блокадного Ленинграда», к участникам Отечественной войны по социальным льготам, «преклоняясь перед их подвигом». Амнистия в ознаменование 50-летия Великой

Победы освободила от наказания совершивших преступления блокадников наравне с участниками войны, включая и виновных в государственной измене. Но, оказалось, только работавших, то есть взрослых; на «детей блокады» это не распространялось. А ведь они-то и были самыми уязвимыми и страдающими. Мне это кажется несправедливым. Долг перед страдальцами блокады в виде милосердия нужно отдавать и пережившим блокаду детям, этим чудом выжившим дистрофикам.

Как видите, и здесь С. оказался на грани освобождения от наказания.

Сочетание двух этих исключительных обстоятельств позволяет защите просить о применении к нему статьи 43 УК РСФСР — наказании ниже минимального уровня санкции закона.

Благодарю за внимание!

По обвинению в получении взяток С. был оправдан. Была также признана недоказанной значительная часть обвинения в шпионаже. По остальной части обвинения С. был осужден к 10 годам лишения свободы по низшему пределу санкции уголовного закона.

ДЕЛО С. БАХМИНОЙ

(Условно-досрочное освобождение)

Из выступления адвоката Семена Арии на заседании в Преображенском суде 21 апреля 2009 года.

1. Дело Бахминой в целом и вопрос об ее условно-досрочном освобождении в частности приобрели столь широкую известность, что вошли уже в число факторов, влияющих на репутацию российского правосудия, на доверие к нему. В ряду странностей этого дела находится и удивительная ситуация, сложившаяся с вопросом об освобождении Бахминой: уже год идет об этом спор не обвинительной власти с защитой, а спор ВНУТРИ государственной системы, одних государственных органов с другими. При этом администрация исправительной колонии (знающая Бахмину лучше остальных участников спора), Верховный суд Республики Мордовия и даже прокурор, дававший заключение на первом рассмотрении дела, выступили за освобождение

Бахминой, исходя из мотивов прозрачных и соответствующих закону, а местный Zubovo-Полянский суд — против, по мотивам, в лоб противоречащим закону (и совести, добавим мы).

Нет нужды в догадках, что побуждало местных судей к такой позиции: перестраховка, угодливость или природные свойства. Для нас важно другое: этот спор внутри государственной службы свидетельствует о наличии там, внутри, серьезных разногласий и сомнений в надобности дальнейшего содержания Бахминой в местах лишения свободы. Это важно. Поскольку сомнения такого рода в цивилизованном правосудии разрешаются известно в чью пользу. И в России такое разрешение в пользу обвиняемого предписано в статье 49 Конституции.

Защита с тревогой и надеждой будет ждать, на чью сторону Вы станете в этом споре, где закон и совесть соревнуются с ложно понятым государственным интересом.

2. Те представители государства, которые были ЗА освобождение Бахминой, учитывали, что речь идет о женщине (смягченное отношение к женщинам всегда проявлялось и законодателем), что у Бахминой трое малолетних детей, что дело, по которому она осуждена, хозяйственное, что она находится в заключении более четырех лет и отбыла большую часть наказания, что она положительно характеризуется администрацией колонии и что закон позволяет в этих условиях вернуть ее домой, к детям.

Все эти лично к Бахминой относящиеся данные были сочтены достаточно весомыми.

Их противники в споре ссылались в своих решениях на второстепенную роль прав и интересов Бахминой перед государственным интересом в продолжении ее наказания.

Между тем, согласно статье 2 Конституции России, «ЧЕЛОВЕК, ЕГО ПРАВА И СВОБОДЫ ЯВЛЯЮТСЯ ВЫСШЕЙ ЦЕННОСТЬЮ».

Именно это конституционное положение определяет не только правоту сторонников освобождения Бахминой в возникшем по настоящему делу споре, но и необходимость учета прав и интересов ЕЕ ДЕТЕЙ, ни разу не упомянутых в вынесенных судебных решениях, на прекращение их сирот-

ства. Дети Бахминой наравне с матерью являются субъектами права, провозглашенного в статье 2 Конституции РФ, и защита их интересов по настоящему делу не может игнорироваться судом.

Неужели Вы от них отвернетесь, Ваша честь?

3. Настоящее дело рассматривается Преображенским судом по той причине, что предыдущее решение местного суда было отменено Верховным судом Мордовии. Для Вас, следовательно, кассационным определением, обязательным к исполнению в силу статьи 388 УПК, является это последнее постановление Верховного суда. В нем содержится и следующее указание: «Вывод судьи о том, что Бахмина не встала на путь исправления, нельзя признать обоснованным».

Это обязательное для последующего суда первой инстанции указание облегчает Вашу задачу.

Преображенский суд Москвы удовлетворил ходатайство об условно-досрочном освобождении экс-юриста НК «ЮКОС» Светланы Бахминой, осужденной за хищение акций Томскнефти.

ЖАЛОБЫ

Председателю
Верховного суда РСФСР

ЖАЛОБА

**в порядке надзора по делу Рейфнера И. Р.
(осужденного за взятки в 1966 году)**

Рейфнер, работавший заведующим лабораторией кафедры сопротивления материалов Московского института нефти и газа им. Губкина, признан виновным в подстрекательстве четырех студентов к даче взяток. Взятки — в общей сумме 100 руб. — были, согласно обвинению, получены им в декабре 1964 года для передачи преподавателю Саркисову. В действительности эти 100 руб. были присвоены Рейфнером.

За получение и присвоение 100 руб. Рейфнер осужден к 7 годам заключения.

Мосгорсудом приговор оставлен без изменения.

Осуждение Рейфнера считаю неправомерным — по изложенным ниже причинам.

I. Исключительные обстоятельства, требовавшие применения статьи 43 УК

Судьба семьи Рейфнер трагична.

В 1941 году отец осужденного — инженер Рейфнер Роберт Игнатьевич — был арестован и расстрелян по ложному обвинению; реабилитирован посмертно за отсутствием состава преступления в 1956 году.

В 1943 году мать осужденного — уборщица Рейфнер Надежда Дмитриевна — была арестована по ложному обвинению и заключена в лагерь, провела там 11 лет и погибла; реабилитирована в 1956 году.

Сам осужденный 16-летним подростком был арестован органами МГБ и безвинно сослан в отдаленные местности Сибири, где провел 14 лет; ссылка эта затем была признана незаконной и отменена. (См. документы на л. 289, 298, 300.)

Безвинное уничтожение отца и матери, тяжкое наказание, безвинно понесенное самим осужденным, являются обстоятельствами исключительными и требовали особо гуманного

отношения к Рейфнеру в случае его виновности, применения к нему статьи 43 УК РСФСР.

Дополнительными поводами к тому были наличие у него трех несовершеннолетних детей и язвенного заболевания. Не препятствовал такому подходу к делу и объем вмененного ему преступления.

II. Нарушения процессуальных гарантий прав подсудимого

Преступные нарушения законности, повлекшие некогда гибель семьи Рейфнер, требовали от суда по настоящему делу особенно тщательного соблюдения процессуальных гарантий прав подсудимого.

Вместо этого дело являет собой образец полного пренебрежения нормами процесса и правами подсудимого. Характер этих нарушений свидетельствует не только о неуважении к закону, но и о предвзятом отношении к делу, при котором всякая попытка подсудимого и защиты побудить суд более тщательно проверить обвинение огульно пресекалась.

В качестве примеров процессуальных нарушений можно привести следующие:

а) 8 апреля 1966 года, до предания Рейфнера суду, он на личном приеме передал судье письменное ходатайство о направлении дела на доследование. Судья отказал в приеме ходатайства, вследствие чего Рейфнер в тот же день направил ходатайство суду заказным пакетом (квитанция от 8 апреля 1966 года приложена к кассационной жалобе). Ходатайство это было получено и приобщено к делу, однако конверт со штемпелем, который позволил бы видеть, что получено оно было до предания Рейфнера суду, не приобщен. Тем самым Рейфнер был в нарушение статьи 46 УПК лишен права на обращение с ходатайством к распорядительному заседанию суда;

б) на том же приеме 8 апреля 1966 года Рейфнеру (еще обвиняемому, а не подсудимому) было вручено судьей обвинительное заключение и отобрана расписка с датой вручения — «8 апреля» (л. 241). Тем самым в нарушение статьи 237 УПК предание Рейфнера суду было предопределено судьей еще до этой стадии процесса и до постановления о предании суду.

Для сокрытия этого нарушения закона дата вручения Рейфнеру обвинительного заключения в протоколах судебных заседаний была затем подчищена и исправлена с 8 на 9 апреля, то есть на день предания суду (л. 288 об., 408 об.);

в) постановлением судьи от 9 апреля 1966 года Рейфнер был предан суду по статье 15—174 УК (без указания части). В таком положении дело было принято судом и выдано для ознакомления подсудимому, который ввиду неясности смысла постановления снял с него фотокопию (в деле).

В таком же виде обвинение сохранялось в судебных заседаниях 26 апреля и 24 мая 1966 года, что видно из вводной части протоколов за эти даты (л. 249 и 288).

Однако затем это обвинение было после вынесения приговора заменено на часть 2 статьи 17—174 УК путем подчистки и переделки постановления о предании суду (л. 240).

Таким образом, Рейфнер осужден по обвинению, по которому он в законном порядке предан суду не был. Превращение этой стадии в пустую формальность, выполненную к тому же с явными нарушениями норм этики и процесса, противоречит требованиям постановления Пленума Верховного суда СССР от 18 марта 1963 года «О строгом соблюдении судами законов при рассмотрении уголовных дел» и носит нетерпимый характер;

г) столь же вольно обращался суд с правами подсудимого и в судебном заседании:

— вопреки возражениям защиты была допрошена в качестве свидетеля гр-ка Дунаева, которая никогда ранее не допрашивалась и сидела в зале в качестве слушателя значительную часть процесса;

— в то же время было отказано в допросе свидетелей Горденина и Бранина, опровергавших обвинение;

— подробно мотивированные письменные ходатайства Рейфнера и защиты о доследовании дела и по другим вопросам в нарушение статьи 261 УПК были рассмотрены и отклонены судом без удаления в совещательную комнату, то есть практически даже без детального ознакомления с ними.

Подтверждая в частном определении факты прямых нарушений судом процессуальных гарантий по делу, Мосгорсуд оставил приговор, вынесенный в таких условиях, в силе, со-

славшись на то, что эти нарушения не отнесены статьей 345 УПК к перечню безусловных поводов отмены приговора.

С такой трактовкой закона согласиться нельзя, так как, согласно статьям 342 и 345 УПК, основаниями к отмене приговора являются не только безусловные поводы, но и всякие «существенные нарушения уголовно-процессуального закона... которые путем лишения или стеснения прав участников процесса... повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного приговора».

Подлоги в постановлении о предании суду и в протоколах судебных заседаний, отказ от законного порядка рассмотрения ходатайств подсудимого и т. п., несомненно, относятся к существенным нарушениям такого рода. Поэтому приговор, вынесенный при наличии подобных нарушений закона, не может считаться правосудным и подлежит отмене.

III. Неисследованность дела по существу

Сущность обвинения состоит в том, что Рейфнер получил в 1964 году с трех студентов — Алиева, Байтемирова и Оганезова — по 10 руб. под видом взятки для преподавателя Саркисова и присвоил их. Тогда же и таким же путем он получил отдельно 70 руб. от Майлибаева.

Все взяткодатели закончили институт в 1964 году. С заявлениями о передаче взяток они обратились в ноябре 1965 года, то есть спустя год. О причинах столь длительного молчания они вразумительных объяснений не дали.

Между тем причины этой «задержки» могут быть поняты в свете следующих обстоятельств:

в сентябре 1965 года Рейфнер сообщил руководству о пропаже с кафедры магнитофона и о предполагаемой причастности к этому Алиева, ранее имевшего выговор за попытку вынести магнитофон из института (л. 262);

в октябре 1965 года с учетом этой информации Алиев по настоянию преподавателя Саркисова не был принят в аспирантуру (л. 29, 129, 143, 421, 429 и замеч.).

Именно после этих событий близкая подруга Алиева — Трегубова — обратилась с заявлением о получении Саркисовым через Рейфнера взяток от ряда студентов в 1964 году.

Причины подачи такого заявления в ноябре 1965 года, а вместе с ними и возможность ложного оговора — очевидны.

Та же Трегубова привлекает к начатой ею акции и Байтемирова, которому она посылает по месту работы (на Урал) копию своего заявления и просит поддержать ее и Алиева (л. 426 и замеч.). Байтемиров соглашается и в феврале 1966 года присылает свое заявление, дословно списанное с заявления Трегубовой и Алиева (см. л. 23 и 93).

Ряд бывших студентов института показали, что в этот период Трегубовой велась подлинная кампания по сбору клеветнических заявлений против Рейфнера и Саркисова. Так, Корнева сообщила в партком:

«15 ноября ко мне подошла Трегубова... и предложила написать заявление в парторганизацию о том, что Рейфнер требовал у меня взятку, чтобы поставить зачет. Я отказалась, так как это клевета, зачет я не сдала из-за неподготовленности» (л. 37).

Не согласился поддержать Трегубову Оганезов, которого она уже указала в заявлении как взяткодателя. На следствии и в суде Оганезов категорически отрицал дачу им 10 руб. для Саркисова через Рейфнера. Суд объяснил показания Оганезова тем, что он — родственник Саркисова и потому не желает говорить правду. Между тем Саркисов ни в чем не обвинялся, а Рейфнер — лицо постороннее для Оганезова, и потому попытка суда сослаться на родство как на причину показаний Оганезова неубедительна.

В то же время в приговоре не объясняются два серьезных логических пробела обвинения:

а) Оганезов как родственник Саркисова, пользовавшийся его постоянной помощью и поддержкой, не нуждался в посреднике для обращения к нему с просьбой или для передачи денег;

б) та же родственная связь обеспечила Оганезову предельно благожелательное отношение к нему Саркисова и полностью исключала надобность уплаты за такое отношение 10 руб. в виде взятки.

При таких данных вмененное Рейфнеру получение 10 руб. с Оганезова под предлогом передачи Саркисову представляется неправдоподобным.

Заслуживает внимания также и следующее соображение: если бы на совести Рейфнера было вымогательство с Алиева 10 руб. под видом взятки, вряд ли он стал бы сознательно вызывать к себе острую неприязнь Алиева сообщением о вероятной причастности его к краже магнитофона. Для виновного Рейфнера такое сообщение было бы связано с неизбежной угрозой контробвинения его со стороны Алиева из мести.

Таким образом, обвинение Рейфнера по эпизоду получения 30 руб. с Алиева, Байтемирова и Оганезова основано на показаниях Алиева и Трегубовой, находящихся с Рейфнером в остро неприязненных отношениях и заинтересованных в мести ему, и Байтемирова, поддержавшего их лишь после получения от них информации, то есть на весьма недостоверных доказательствах.

Обвинение это к тому же опровергается показаниями Оганезова и логическими пробелами.

Тогда же, в ноябре 1965 года, Алиев помимо Байтемирова привлек к кампании против Рейфнера своего близкого друга Майлибаева. Последний заявил, что он год назад передал Рейфнеру для передачи Саркисову 70 руб. — в три приема.

Относительно сумм, которые он передал Рейфнеру, Майлибаев неоднократно менял свои показания и просил считать предыдущие показания недействительными (см., напр., л. 172). Соответственно изменениям этих показаний Рейфнеру трижды перепредъявлялось обвинение.

Говоря об источниках средств, Майлибаев показал, что 35 руб. на дачу взятки он занял у Горденина и Бранина. Последние опровергли это утверждение Майлибаева, и потому от допроса их следствие и суд отказались. Несмотря на это, они сочли нужным прислать свои заявления о ложности показаний Майлибаева (л. 266, 267).

В судебное заседание Майлибаев привел своего друга Абдурахманова, который был допущен к участию в деле как свидетель и показал, что это он дал Майлибаеву 10 руб. для передачи Рейфнеру.

Между тем на всем протяжении предварительного следствия Майлибаев утверждал, что 10 руб. он занял у неизвестного ему студента-заочника (л. 46, 57, 85, 89).

Таким образом, показания Майлибаева вызывают основательные сомнения как по их внутренней противоречивости, так и по отсутствию убедительных подтверждений его ссылок на источники средств.

С учетом дефектности доказательств вины Рейфнера и наличия оснований подозревать, что все обвинение создано Алиевым с целью мести за причиненный ему Рейфнером вред, дело требовало тщательной и всесторонней проверки.

Суд отказался от такой проверки. Все ходатайства, заявленные подсудимым и защитой о вызове свидетелей и истребовании документов для оценки личности Алиева и его показаний, о допросе Мирошников и Маляриса для выяснения характера отношений Алиева и Трегубовой, о допросе Горденина и Бранина для проверки основательности ссылок на них Майлибаева и другие, были отклонены судом, несмотря на их существенное значение для дела.

Поэтому не вызывает удивления тот факт, что свыше пятидесяти студентов и преподавателей института обратились в Прокуратуру РСФСР и органы печати с письмом, в котором выражали мнение о предвзятости следствия и суда и необходимости более тщательного исследования дела (л. 483, 505). Этот общественный протест против приговора отражает его действительные недостатки и необъективность.

По изложенным причинам прошу проверить дело Рейфнера в порядке надзора и опротестовать приговор.

Адвокат С. Ария

По настоящей жалобе Председателем Верховного суда РСФСР был принесен протест в президиум Мосгорсуда, по которому приговор был изменен, Рейфнер освобожден от дальнейшего отбывания наказания.

Председателю
Верховного суда РСФСР

ЖАЛОБА

в порядке надзора по делу Кольшницина В. Н. (убийство)

Кольшницин был осужден к смертной казни за убийство гр. Кытманова и покушение на убийство своей жены из хулиганских побуждений.

Верховным судом РСФСР в приговор были внесены существенные изменения: преступления Колышницына признаны совершенными из ревности, квалифицированы по пункту «з» статьи 102 УК, наказание избрано в виде 15 лет заключения. Утверждения защиты о неосновательности осуждения Колышницына за покушение на убийство жены были отклонены Верховным судом.

К настоящему времени Колышницын отбыл в заключении около 6 лет. По имеющимся сведениям, поведение его в течение всего этого срока в ИТК было безупречным. Положительными были и данные о его личности к моменту преступления. В кассационном определении, в частности, отмечались его «многолетняя трудовая деятельность и положительные характеристики». В определении указано далее:

«Колышницын за добросовестное отношение к работе имеет ряд поощрений, является членом народной дружины, агитатором, избирался членом совета ВОИР, являлся ударником коммунистического труда».

Все это позволяет защите возобновить просьбу об исключении из приговора ошибочного осуждения Колышницына за посягательство на жизнь жены и, соответственно, о квалификации убийства гр-на Кытманова по статье 103 УК РСФСР.

Обстоятельства преступления

Причины преступления были неверно освещены в приговоре: суд исказил их, чтобы обосновать свое утверждение о хулиганских наклонностях подсудимого. Верховный суд РСФСР исправил эту ошибку, справедливо указав на совершенно иные причины, повлекшие преступление.

Действительно, из материалов дела видно, что Колышницын, дружно прожив в браке с потерпевшей около 20 лет, в последние годы ссорился с женой из-за неправильного, по его мнению, воспитания дочери, которая не желала учиться, проявляла непослушание.

В начале 1969 года супруги разошлись и стали жить на разных квартирах. Колышницын мучительно переживал свое одиночество, продолжал любить жену и просил ее не спешить с выходом замуж. «Сам осужденный пояснил, — пишет

Верховный суд в определении, — что хотя брак между ними был расторгнут... он не терял надежды на восстановление супружеских отношений и неоднократно предлагал это потерпевшей» (л. 2 текста). На этой почве Колышницын ревновал жену ко всем мужчинам, которые могли бы помешать восстановлению его семьи. «Чувство ревности постоянно преследовало осужденного», — пишет Верховный суд.

В августе 1969 года состоялась свадьба дочери Колышницына, на которую был приглашен и осужденный. Вернувшись домой, он заподозрил, что присутствовавший на свадьбе Кытманов и является претендентом на руку его бывшей жены. Взяв топор, Колышницын вернулся во двор дома, где происходила свадьба. После того как гости разошлись, Колышницын увидел в полутьме двора свою жену и Кытманова, близко стоявших друг подле друга. Подбежав, Колышницын нанес топором смертельное ранение Кытманову, а затем легко ранил жену.

По изложенным ниже основаниям защита оспаривает виновность Колышницына в умысле лишить жизни жену.

Основания обжалования

I

В приговоре действия Колышницына в отношении жены описаны следующим образом:

«Когда потерпевшая Колышницына закричала о помощи, подсудимый с поднятым в руке топором набросился на нее и с целью убийства пытался нанести ей сильный удар топором по голове. Колышницына успела вовремя схватить его за руки, отвела их в сторону и уклонилась от удара, в результате чего не было нанесено смертельного ранения и ей обухом слегка задело левую часть головы и углом лезвия порезало левое плечо».

В определении Верховного суда РСФСР содержится подобное же описание.

«...Он пытался ударить по голове топором Колышницыну, но она схватила его за руки и получила лишь незначительные травмы головы и плеча».

Если бы такой характер действий осужденного (нападение, замах топором, нанесение удара в голову потерпевшей) подтверждался по делу, защита не имела бы никаких оснований оспаривать оценку поведения осужденного как покушения на убийство жены. Однако описание это, принятое только по последнему варианту показаний потерпевшей, опровергается материалами дела.

Как утверждал Колышницин, он не нападал на жену: после нанесения им ударов Кытманову жена схватила его сзади за туловище, и он, чтобы освободиться от этого захвата, толкнул ее топором в руку и, вырвавшись, тут же убежал (л. 226, 348).

Объективные данные дела полностью подтверждают эти показания осужденного.

а) Свидетель Галышева показывала:

«В этот момент (после ударов по Кытманову) женщина мужчину в плаще со стороны спины обхватила в обхват руками и мужчина через плечо имевшимся у него предметом нанес ей удар» (л. 76).

б) Потерпевшая Колышницина на предварительном следствии показывала следующее:

«Я не помню, с какой стороны схватила Колышницина, сбоку или сзади, но, почувствовав удар обухом, отпустила, и он от меня вырвался и убежал» (л. 119).

в) Судебно-медицинской экспертизой установлено у потерпевшей легкое, без расстройства здоровья, повреждение руки (верхней трети плеча), не установлено каких-либо признаков травмы головы, на которую ссылаются и суд, и кассационная инстанция (акт СМЭ, л. 34).

Таким образом, эти объективные доказательства опровергают все указанные в приговоре признаки покушения на убийство потерпевшей:

— Колышницин не нападал на жену (что явствует из ее же показаний о том, что она схватила его «сбоку или сзади», и из показаний Галышевой о том, что она схватила его «со стороны спины»);

— он не наносил ей удара в голову (никаких признаков подобного удара не обнаружено);

— он не стремился убить жену (поскольку после незначительного ранения в руку «вырвался и убежал»).

Осуждение Колышницына за попытку убийства жены при таких данных о его действиях может быть объяснено только стремлением суда вопреки обстоятельствам дела отягчить квалификацию преступления для применения исключительной меры наказания.

II

Не располагая доказательствами, которые подтверждали бы покушение на убийство потерпевшей, суд мотивировал приговор рядом рассуждений, не выдерживающих даже поверхностной критики.

Суд указывает:

«То обстоятельство, что подсудимый нанес потерпевшей только один удар и не предпринял дальнейших попыток к доведению преступления до конца, вовсе не свидетельствует об отсутствии у него умысла на убийство, так как и этого одного удара было достаточно для наступления смертельного исхода» (л. 4 текста, абзац б).

Таким образом, по логике приговора отказ Колышницына от причинения жене иных травм был вызван достаточностью для ее смерти одного незначительного пореза руки.

Ошибочность этого довода не требует комментариев, поскольку отсутствие в подобной травме какой-либо угрозы жизни потерпевшей вполне очевидно, не говоря уже о «достаточности» такого пореза для ее убийства. Зная, что никаких иных травм он жене не причинил, Колышницын убежал с места происшествия, так как не имел умысла на причинение более серьезных ранений жене.

Вступая в противоречие с приведенным выше утверждением о причинах ухода с места происшествия, суд пишет в приговоре, что покушение не было доведено Колышницыным до конца по «независящим от него» причинам: ввиду мер самозащиты потерпевшей и появления бегущих к ней людей (л. 4 текста, абзац б).

Это утверждение не соответствует материалам дела. Из показаний свидетелей Рыжковой и Гальшевой (л. 76 и 86) вытекает, что они, единственные находившиеся во дворе люди, после крика потерпевшей бросились бежать от нее в дом, а не к ней, то есть оставили Колышницына наедине с потерпевшей.

Что же касается «мер самозащиты» потерпевшей от Колышницына, вооруженного топором с длинной рукоятью, то действительность подобной самозащиты была достаточно четко опровергнута показаниями самой потерпевшей, которая дважды указывала:

«Он имел возможность убить меня» (л. 233);

«Убить меня он имел возможность» (л. 354).

Изложенный краткий анализ позволяет сделать вывод о несостоятельности мотивов приговора в этой части.

Необходимо учитывать также, что поступки Колышницына как в период, предшествовавший преступлению, так и в момент его совершения диктовались болезненно владевшей им навязчивой идеей: восстановить супружеский союз с женой. Устранение соперника совпадало с этой целью, а убийство потерпевшей было полностью несовместимо с нею.

Приведенные соображения позволяют защите утверждать, что для осуждения Колышницына за покушение на убийство жены оснований не имелось.

Из материалов дела видно, что потерпевшая пыталась пресечь нападение Колышницына на гр. Кытманова. В связи с этим Колышницын и нанес ей удар, причинивший легкую травму плеча, после чего вырвался и убежал.

Исправляя ошибку в квалификации по аналогичному с настоящим делу Бутырева, Верховный суд РСФСР указал, что подобные действия надлежит квалифицировать не по статье 102, а по части 2 статьи 193 УК РСФСР. (См.: Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1975. № 4. С. 7.)

Поэтому прошу в порядке статьи 371 УПК РСФСР опротестовать приговор и кассационное определение на предмет:

— переквалификации действий Колышницына в отношении потерпевшей на часть 2 статьи 193 УК РСФСР,

— а также соответственно — о квалификации совершенного им убийства Кытманова по статье 103 УК РСФСР с определением наказания в рамках санкции этого закона.

Адвокат С. Ария

Настоящая жалоба была по протесту удовлетворена Президиумом Верховного суда РСФСР полностью.

Прокурору
Украинской ССР

ЖАЛОБА
в порядке надзора по делу Хромчика А. М.
(изуверская секта) 1984 год

Настоящее дело было возбуждено прокуратурой Харьковской области по статье 209 УК УССР (организация изуверской секты) ввиду обнаружения при обыске в квартире, где проживал с семьей Хромчик, видеомагнитофона и 47 кассет с видеофильмами заграничного производства.

Проведенным расследованием было установлено, что из числа имевшихся у Хромчика видеофильмов четыре — «Бархатные руки» (комедия с участием А. Челентано), «Рокки» (о профессиональном боксе), «Укрощение строптивого» и «Али-баба» (последние два известны, так как шли на экранах в СССР) — просмотрели у Хромчика в разное время его знакомые Рыжиков и супруги Причинины.

Фактов просмотра у Хромчика иных фильмов, а также иных лиц, смотревших фильмы, в ходе следствия установлено не было.

Облпрокуратурой была сформирована «комплексная» экспертная комиссия, которая дала заключение, что как принадлежащие Хромчику фильмы, так и вообще все фильмы зарубежного (буржуазного) происхождения являются вредными для советского зрителя и должны рассматриваться как орудие идеологической диверсии.

На этом основании Хромчику и было предъявлено обвинение в том, что он в течение 1983 года показал Причининым и Рыжикову указанные выше четыре фильма. Эти его действия были квалифицированы как организация и руководство группой, «под иным предлогом» (каким именно, в обвинении не уточнялось) причиняющей вред здоровью граждан и посягающей на право отдыха.

При вынесении приговора суд изменил формулировку обвинения: из него были исключены ссылки на конкретные фильмы, показанные Хромчиком знакомым, а также перечень конкретных лиц, смотревших у него «вредные» фильмы. По приговору Хромчик осужден за то, что он приобрел

видеомагнитофон, 47 кассет с заграничными фильмами и демонстрировал их (кому — не указано).

В таком виде это новое обвинение было признано доказанным и содержащим состав статьи 209 УК.

Областным судом приговор оставлен без изменения, по имеющимся сведениям, один из членов кассационного состава приобщил особое мнение, содержание которого защите неизвестно...

Приговор по делу не может быть назван правосудным, он не имеет ни законного, ни доказательственного основания и облечен в форму, напоминающую решения Особого совещания, недопустимую для процессуального акта сегодняшнего дня.

Эти утверждения защиты опираются на следующие доводы.

I. Отсутствие признаков состава статьи 209 УК УССР в действиях Хромчика

Диспозиция статьи 209 УК предусматривает следующие признаки состава преступления:

- организация группы или руководство ею,
- деятельность этой группы,
- причинение деятельностью группы указанного в законе конкретного вреда гражданам.

Ни один из этих признаков в действиях Хромчика не установлен.

1. «Организация группы, разъясняет пункт 3 комментария к статье 209, предполагает действия, направленные на создание такого объединения... вербовку участников... разработку плана» и т. д. (Научно-практический комментарий. Уголовный кодекс Украинской ССР. Киев: Политиздат, 1978).

«Под руководством группой следует понимать активную деятельность лица, объединяющего усилия ее участников...» (Там же. П. 4).

Однако ни организующих, ни руководящих действий Хромчика, направленных на просмотр фильмов, не выявлено. Смотревшие их лица случайно, по своей инициативе зашли к Хромчику, присоединились к нему при просмотре кассеты, а после просмотра не получили от него приглашения прийти снова с этой целью.

Свидетель Причинин показал:

«Пошли с женой к брату в гости и по дороге зашли к Хромчику. Хромчик смотрел фильм с участием Челентано. Мы тоже его просмотрели... — отрывок “Бархатные руки”. Хромчик, после того как ушли, не приглашал к себе в дом. Смотрели добровольно, Хромчик не настаивал» (л. 227, 228).

Такие же показания дали он и его жена на предварительном следствии (л. 24, 41, 154).

Свидетель Рыжиков показал:

«Хромчик мой знакомый... Я пришел проведать его — он смотрел “Укрощение строптивого”. Второй раз я пришел — он смотрел “Бархатные руки”. “Рокки” я смотрел несколько минут, видел один бой. Хромчик не приглашал для просмотра. Смотрел я добровольно. “Рокки” разоблачает нравы буржуазного общества, вызывает чувство отвращения к нему. Наш спорт на этом фоне выглядит лучше и выше» (л. 229, 230).

В показаниях этих лиц нет и намека на организующие и руководящие действия Хромчика.

2. Состав группы, деятельностью которой якобы руководил Хромчик, в приговоре не указан. Видимо, имеются в виду те же свидетели — Причинины и Рыжиков.

Упомянутый в формуле обвинения гр-н Овсянников Ю. В. к составу преступной группы отнесен быть не может, так как роль его в «деятельности» ограничилась тем, что он как телевизионный мастер настраивал у Хромчика телевизор и взял у него для просмотра известный мультфильм «Ну, погоди!» (см. его показания на л. 105).

Что касается свидетелей Причининых и Рыжикова, то описанное ими пассивное созерцание фильмов не может быть приравнено к «деятельности группы», указанной в законе.

3. Из числа вредных последствий деятельности группы Хромчику вменяется вред здоровью граждан и посягательство на их конституционное право отдыха (см. мотивировку квалификации по приговору и формулу обвинения).

В чем именно выразился вред здоровью граждан Причининых И. А. и А. Н., а также Рыжикова В. И. от просмотра указанных ими фильмов, в приговоре не сообщается и на доказательства такого вреда ссылок нет.

Упомянутые лица на подобный вред в своих показаниях не жаловались, а Причинин пояснил: «От просмотра никакого вреда я не ощущал» (л. 228).

Ввиду того, что состав статьи 209 УК предусматривает действия, реально повлекшие вред здоровью, а также вызвавшие такие последствия (п. 6 комментария к ст. 209 УК), защита обратилась к суду с ходатайством о назначении соответствующей экспертизы лиц, смотревших видеofilmы у Хромчика (л. 210).

Суд безмотивно отказал в такой проверке (л. 211), предвидя ее исход.

В результате никаких доказательств причинения Хромчиком вреда физическому или психическому здоровью каких-либо граждан в деле нет.

4. Посягательство на конституционное право отдыха граждан, в котором обвинен Хромчик, предполагает активные действия виновного, выражающиеся в запрещении пользоваться этим правом или в агитации против его использования (см. там же п. 6 комментария к ст. 209 УК).

Из приведенных выше показаний Причининных и Рыжикова следует, что никаких запретов или предложений в их адрес со стороны Хромчика не имело места, что просмотр носил добровольный характер и к продолжению его Хромчик их не призывал.

Что имел в виду суд, ссылаясь на ущемление права на отдых этих лиц, понять из приговора невозможно.

Таким образом, в действиях Хромчика нет ни одного элемента состава статьи 209 УК УССР.

Изложенное позволяет сделать вывод, что органы обвинения и суд сочли возможным пренебречь волей законодателя и осудить Хромчика исходя не из буквы закона, а из своего личного представления о социальной опасности его действий.

Подобное использование уголовного закона вопреки его тексту представляет собой попытку восстановить в советском уголовном праве порочный метод аналогии, давно отвергнутый законодателем (см. комментарий к ст. 3 УК УССР).

Не действия Хромчика, а обвинение и приговор, противоречащие и закону, и здравому смыслу, наносят подлинный

вред интересам государства, дискредитируя правосудие и законность.

II. Несостоятельность общих оценок видеофильмов, показ которых вменяется Хромчику

В предъявленном Хромчику обвинении содержались ссылки на его конкретные действия, послужившие основанием для вменения ему вреда здоровью граждан Причининых, Рыжикова, Овсянникова «и других», а также нарушения им права на отдых этих лиц путем показа названных в обвинении фильмов.

Как отмечено выше, описывая в приговоре установленные судом действия Хромчика, суд исключил из обвинения ссылки на конкретные действия и ограничился общей оценкой принадлежавших осужденному видеофильмов как вредных вообще и особенно для молодежи... В результате изложенное в приговоре обвинение оказалось полностью лишенным фактического основания: ни даты демонстрации фильмов, ни их наименования, ни лица, смотревшие их, в описательной части приговора не указаны, что лишает приговор конкретности.

Однако, судя по ссылкам на показания подсудимого и свидетелей, можно догадаться, что Хромчик осужден за показ Причининым, Рыжикову и Овсянникову (иные лица в формуле обвинения не упоминались) заграничных фильмов «Бархатные руки», «Укрощение строптивого», «Рокки», «Али-баба и сорок разбойников».

Наличие у Хромчика всех остальных видеокассет ему вменяться не может, так как приобретение и хранение подобных предметов каким-либо законом не карается.

Есть основания полагать поэтому (прямо это в приговоре не указано), что именно показ перечисленных четырех фильмов и повлек за собой, по мнению суда, причинение идеологического (?) вреда.

С подобной оценкой нельзя согласиться за отсутствием у нее достаточных оснований в деле.

Фильмы «Укрощение строптивого» и «Али-баба» находились в прокате, и потому ссылка на их вредность нелепа: они апробированы уполномоченными на то госорганами для по-

каза на широком советском экране. (Справка Союзкинопроката представлена кассационной инстанции.)

Фильмы «Бархатные руки» и «Рокки» для проката в СССР не приобретались, но их оценка как «орудия идеологической диверсии» неосновательна.

Единственным основанием для утверждения о вредности этих двух фильмов послужила проведенная на предварительном следствии комплексная экспертиза.

Она именуется в приговоре «искусствоведческой», хотя ни в постановлении о ее назначении (л. 42), ни в акте самой экспертизы (л. 45) она таковой вполне основательно не именовалась: в ее составе не было ни одного искусствоведа или киноведа.

Проведение экспертизы было поручено юристу (хотя правовые вопросы относятся к исключительной компетенции органов правосудия и перепоручать их разрешение экспертам нельзя, — см. п. II постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 марта 1971 года «О судебной экспертизе по уголовным делам»); психотерапевту (хотя ни внутренние болезни, ни их лечение психометодами по делу не обсуждаются); преподавателю этики, науки о нравственности (хотя показ порнографических фильмов Хромчику не вменяется); преподавателю истории КПСС (хотя вопросы истории партии в фильмах не затрагиваются).

Таким образом, ни один из членов экспертной комиссии не обладал специальными познаниями, необходимыми для эстетической научной оценки кинофильмов «Бархатные руки» и «Рокки». Согласившись рецензировать фильмы, члены столь странно подобранной комиссии взялись за чуждое им дело.

Соответственно во вводной части акта экспертизы изложены расплывчатые общие рассуждения авторов об идеологической диверсии империализма, о фильмах, в которых искажается политика КПСС и Советского государства, и о вредности для советского народа всей буржуазной кинопродукции вообще. С этой позиции и приступают затем эксперты к оценке видеофильмов, принадлежащих Хромчику.

Не входя в обсуждение правильности этой исходной позиции (защита считает ее проявлением некомпетентности

экспертов, так как среди фильмов западного производства встречаются и шедевры мирового искусства, и фильмы прогрессивных режиссеров, разоблачающих нравы буржуазного общества, и просто развлекательные детективы, постоянно закупаемые СССР для широкого показа в стране), следует отметить, что даже эта общая позиция была затем искажена следователем при составлении обвинительного заключения. Из текста вводной части экспертизы прямо следовало, что содержащиеся в ней характеристики отнесены к кинопродукции Запада вообще. Органы обвинения же, недобросовестно исказив текст этой части экспертизы, привязали ее именно к принадлежащим Хромчику видеофильмам, что выявляется сравнением текстов.

То же самое повторил затем и суд в приговоре, наделив все видеофильмы Хромчика свойствами, противоречащими правовой квалификации по делу.

Что касается оценок вреда, наносимого двумя фильмами, показ которых вменялся Хромчику, то эксперты усмотрели в одном из них («Бархатные руки») «уроки изошренных методов воровства», «рекламу насилия, разврат, аморализм, возбуждение сексуальных переживаний», а в другом («Рокки») — «элементы расизма, садизм, нагнетание массового психоза».

Характерно, что, ссылаясь на мнение «экспертов», суд умалчивает о том, подтвердились ли их оценки при просмотре указанных двух фильмов в ходе судебного следствия. Этот пробел приговора не случаен: просмотр фильмов опроверг беспочвенные утверждения экспертов. В частности, в фильме «Рокки» нет и следа расизма, так как противник Рокки в первом бою белый, а во втором — и секунданты его и тренер — негры, изображенные с симпатией. К тому же видеокассета содержит не фильм, а лишь его третью серию.

Просмотр фильма «Бархатные руки» позволил убедиться, что этот фильм является примитивной кинокомедией, однотипной с остальными фильмами А. Челентано, прошедшими по экранам СССР, — «Блеф», «Укрощение строптивого» и др.

Оценка экспертов опровергается не только просмотром этих фильмов, но и мнением специалистов.

Так, суду были представлены отзывы об этих фильмах видных деятелей советского искусства С. Бондарчука и М. Магомаева.

Особого внимания заслуживает отзыв С. Бондарчука — крупнейшего советского кинорежиссера, народного артиста СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий, Героя Социалистического Труда, профессора, то есть специалиста, компетентность которого в оценке идеологической направленности и содержания кинофильмов бесспорна.

В своем отзыве С. Бондарчук указывает, что «Бархатные руки», как и «Укрощение строптивого» с Челентано в главной роли, «веселые кинокомедии, в которых явно просматривается ирония, а подчас сатира на буржуазные нравы... Что касается “Рокки”, то правая американская пресса приняла его буквально в штыки, потому что Сильвестр Сталлоне обнажил в ленте всю неприглядную подноготную профессионального спорта. Жанр “Рокки” — социальная драма, скорее — трагедия человека, живущего в условиях капиталистического общества» (л. 214).

(Именно такое полезное по идеологическому воздействию впечатление осталось от просмотра «Рокки» и у свидетеля Рыжикова, — см. его показания на л. 230.)

Народный артист СССР М. Магомаев в отзыве об этих фильмах отмечает, что Челентано — член Общества итало-советской дружбы, а его фильм «Бархатные руки» — развлекательная кинокомедия. «Рокки» «...разоблачает американский образ жизни» и потому «фильм почти не идет в США» (л. 215).

Таким образом, оценки подлинных авторитетов в области искусства не просто расходятся с «экспертизой» по делу, но и противоположны ее суждениям.

Суду были представлены для ознакомления также публикации об указанных двух фильмах в советской прессе — журналах «Советский экран» № 11 за 1984 год и «Искусство кино» № 7 за 1978 год. В первом из них сообщается, что Челентано — популярнейший у итальянского народа киноактер, участник XIII Московского кинофестиваля, а его кинокомедии «Укрощение строптивого» и «Бархатные руки» преследу-

ют «лишь одну цель — рассмешить зрителя любым способом» (с. 22 журнала).

Во втором (с. 143 журнала) — фильм «Рокки» именуется «ловко, не без юмора и трогательности скроенной лентой».

Авторы этих публикаций, советские кинокритики, не усмотрели в обоих фильмах тех вредных свойств «орудий идеологической диверсии», которыми наделили их эксперты по делу.

Суд ознакомился с этими публикациями. Прокурор от ознакомления с ними отказался...

Причины, по которым суд не согласился с опровергающими экспертизу оценками фильмов «Рокки» и «Бархатные руки» со стороны советских критиков, в приговоре не указаны.

Отзывы С. Бондарчука и М. Магомаева суд отклонил по той причине, что они не облечены в форму экспертизы и потому якобы доказательной силы не имеют.

Между тем, согласно статье 65 УПК УССР, доказательствами в уголовном процессе признаются не только заключения экспертов, но и «иные документы». Отзывы С. Бондарчука и М. Магомаева были официально запрошены защитой в порядке, установленном статьей 6 Закона об адвокатуре в СССР, а ответы на них являются официальными документами киностудии «Мосфильм» и депутата Верховного Совета союзной республики. Поэтому суд был обязан дать оценку существу этих документов, а не ограничиваться формальным и процессуально ошибочным отказом принять их во внимание.

Изложенное позволяет утверждать, что описание общего вреда, якобы причиненного зрителям просмотром у Хромчика фильмов «Рокки» и «Бархатные руки», лишено по делу серьезного основания и опирается лишь на мнение некомпетентных лиц.

III. Процессуальные нарушения

Расследование и рассмотрение дела сопровождалось также и серьезными нарушениями процессуальных гарантий.

1. Обыски в квартирах Хромчика и родных его жены были произведены на основании постановления о выделении из дела гр. Каретникова материалов в отношении лиц,

распространявших порнографические фильмы. В числе этих лиц Хромчик не значился, фамилия его была вписана затем в копию этого постановления без оговорок — то есть специально для создания видимости основания к обыскам (л. 2, 3, 12).

Тем самым была нарушена статья 177 УПК УССР и статья 55 Конституции СССР, гарантирующая неприкосновенность жилища граждан от произвольного вторжения.

2. С постановлением о назначении экспертизы видеofilмов Хромчик был ознакомлен лишь в день окончания следствия, через полтора месяца после ее окончания (л. 44).

Тем самым Хромчик был лишен гарантированного статьей 197 УПК УССР права отвода экспертов, предложения своих кандидатур, дачи объяснений и постановки вопросов.

3. Постановлением о предании суду дело было решено рассматривать в открытом судебном заседании.

Вопреки этому постановлению и требованиям статьи 20 УПК УССР, дело по предложению прокурора рассматривалось в закрытом заседании. Тем самым был без оснований, перечисленных в законе, нарушен принцип гласности правосудия.

4. Ходатайство защиты о проведении искусствоведческой и медико-психологической экспертиз, а также об уточнении сведений по поводу научной специализации членов комплексной комиссии было отклонено судом, несмотря на существенность для дела этих вопросов.

5. Выше отмечалась трудность анализа приговора ввиду отсутствия в нем указаний на установленные судом конкретные факты, вменяемые осужденному.

Этот дефект нарушает требования статьи 334 УПК УССР, превращая приговор из процессуального акта в бессодержательную декларацию.

6. При назначении наказания в виде обязательного привлечения к труду не учтено наличие у осужденного заболеваний почек и желудка (л. 126), вопреки разъяснениям пункта 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 23 декабря 1970 года № 14 с последующими изменениями.

Привлекает внимание, что откровенное и вполне очевидное беззаконие, допущенное в отношении Хромчика, совершено по инициативе прокуратуры, то есть того именно органа, которому государством поручен надзор за точным соблюдением буквального текста законов «вопреки каким бы то ни было местным и ведомственным влияниям» (ст. 4 Закона о прокуратуре СССР от 30 ноября 1979 года).

Подобная деятельность прокуратуры Харьковской области не имеет ничего общего с правоохранительной функцией.

Считая нетерпимым допущенное по делу грубое нарушение принципа законности, прошу:

а) проверить дело в порядке надзора, включая и просмотр вменявшихся Хромчику фильмов «Бархатные руки» и «Рокки»;

б) приостановить исполнение приговора;

в) опротестовать приговор для его отмены и прекращения дела за отсутствием состава преступления.

Адвокат С. Ария

Прокуратура УССР в проверке дела по жалобе отказала. По протесту Генерального прокурора СССР приговор был отменен и дело прекращено Пленумом Верховного суда УССР.

Клиническая абсурдность дела Хромчика частично оправдывалась тем, что оно явилось одним из проявлений кампании по борьбе с проникновением западной кинопродукции, проводившейся партийными органами Украины.

Генеральному прокурору СССР

ЖАЛОБА

**в порядке надзора по делу Валентины Малявиной
(убийство или самоубийство?)**

Малявина, актриса «Мосфильма», признана виновной в убийстве актера-вахтанговца Жданько С. А. в 1978 году и осуждена к 9 годам лишения свободы.

Она отбывает наказание, и, по имеющимся сведениям, поведение ее примерное.

Изучение материалов дела приводит к выводу об ошибочности приговора, решившего судьбу талантливой актрисы.

Обстоятельства дела

Жданько и Малявина состояли около двух лет в фактических брачных отношениях и проживали в принадлежавшей Жданько комнате коммунальной квартиры.

13 апреля 1978 года в 21 час 30 мин. Малявина по телефону вызвала «скорую помощь», сообщив о нанесении Жданько себе ножевого ранения в грудь.

Прибывшему на место врачу «скорой» Малявина объяснила, что она выпила вина «Гурджаани», из-за чего Жданько нанес себе ножевое ранение (показания врача Поташникова, — л. 24 т. 1).

Врач констатировал смерть Жданько. Услышав это, Малявина схватила нож и пыталась покончить с собой. «Взявши нож за лезвие двумя руками, — показал врач, — она нанесла себе удар в область груди или живота, послышался глухой удар о что-то, я подскочил, выбил нож и схватил ее за руки... До случившегося ее руки не были порезаны, а после удара ножом в себя она порезала пальцы на обеих руках» (л. 50 т. 3).

В квартиру пришли Проскурин (приятель Жданько), Евг. Симонов (сосед) и другие лица. Находившаяся в истерическом состоянии Малявина поочередно винила то себя, то Проскурина, то руководство театра в том, что Жданько был доведен до самоубийства (св. Малукова, л. 37 т. 1).

Затем Малявина была доставлена в институт им. Склифосовского для наложения швов на порезы пальцев, а оттуда — в отделение милиции, где около 3 часов ночи была опрошена зам. прокурора района Кондрашевым. Она рыдала и продолжала винить себя в гибели Жданько. Ничего связного она рассказать не смогла.

Столь же бессвязными были ее попытки рассказать о происшедшем у Симоновых, в квартиру которых ее привел из милиции Проскурин. Однако смысл ее объяснений сводился к тому, что она, войдя из кухни в комнату, застала Жданько с раной в груди (св. Рунова, л. 80 т. 3).

В последующие дни Малявина вместе с матерью Жданько сопровождала гроб с его телом в г. Черепаново и участвовала в похоронах и поминках.

Впервые она была допрошена следователем Мишиным в присутствии судебно-медицинского эксперта Быкова 17 апреля 1978 года. Допрос неофициально записывался на магнитофоне.

«Малявина сильно рыдала, многие слова были непонятны, — показывал позже практикант прокуратуры Звягин, прослушивавший пленку, — запись воспроизводила какие-то куски. Малявиной не удалось говорить слитным слогом» (л. 43 т. 5).

По утверждению следователя Мишина, во время этого допроса Малявина заявила, что Жданько убила она, но на предложение показать, как именно, пояснила, что убила его морально (л. 136 т. 2).

Аналогичные показания об этом допросе дал и эксперт Быков (л. 172 т. 2).

Протокол допроса составлен не был. Неофициальная звукозапись его за годы следствия была утрачена в прокуратуре.

На следующий день, 18 апреля 1978 года, Малявина была снова допрошена следователем. Она показала, что вечером 13 апреля между нею и Жданько произошла размолвка. Причиной ее послужило то, что Жданько, сильно захмелев во время выпивки с Проскуриным, после ухода последнего пожелал продолжить выпивку в ресторане, чему она воспротивилась. Жданько не обратил внимания на ее уговоры и начал одеваться. Тогда она демонстративно открыла ножом бутылку сухого вина «Гурджаани», купленного ему в дорогу, и отпила из нее более стакана. По особенностям их отношений этот поступок имел для Жданько особое, «чудовищное» (выражение Малявиной) значение. Она выбежала на кухню поплакать, а вернувшись через несколько минут, застала Жданько раненным в грудь и сползающим с кресла на пол. Она пыталась помочь ему, зажимая рану руками, а затем вызвала «скорую помощь». Считает, что своим поступком толкнула его на этот шаг (л. 6 т. 1).

Такие же показания о событиях вечера 13 апреля 1978 года Малявина давала затем на всем протяжении следствия. Она утверждала также, что Жданько не имел намерения покончить с собой, силу удара и его губительные последствия она от-

носила за счет взрывного характера Жданько и его сильного опьянения (л. 32 т. 1, л. 73 т. 5 и др.).

При вскрытии тела Жданько у него установлено единичное проникающее колото-резаное ранение грудной клетки. Иных повреждений или признаков обороны (порезов рук и т. п.) обнаружено не было. Установлена была также средняя степень опьянения перед смертью.

Опросом соседей по квартире сведений о скандале, о шуме из комнаты Жданько получено не было.

По совпадающим заключениям судебно-медицинской и медико-криминалистической экспертиз возможность причинения раны Жданько собственной рукой подтверждалась (л. 90 и 92 т. 1).

Была проведена также посмертная судебно-психиатрическая экспертиза, которая не обнаружила в данных о Жданько признаков психического заболевания («психотических расстройств»). В то же время экспертиза отметила у Жданько «психопатические черты характера с эмоциональной неустойчивостью и склонностью к истеро-возбудимым формам реагирования».

«Анализ записей Жданько, — указали эксперты, — дает основание предполагать, что в последние месяцы жизни у Жданько наблюдались частые колебания настроения с субдепрессивным состоянием, сопровождавшиеся... мыслями о самоубийстве» (л. 176 т. 1).

В сентябре 1978 года в комнате Жданько было произведено изъятие его личных записей — дневников, рабочих тетрадей, записок, писем (л. 81 т. 1). При просмотре находившихся в беспорядочном состоянии бумаг следователем был обнаружен листок, оторванный из рабочей тетради Жданько, на котором трижды повторялась фраза: «Прошу в моей смерти никого не винить». Листок этот также был приобщен к делу. В последней стадии следствия появлению этого листка придавалось особое значение, вопрос о нем затрагивается также и в приговоре — без каких-либо выводов о его уликовом толковании.

Таковы были собранные на первом этапе следствия материалы. Дело трижды — в октябре 1978 года, в феврале и ок-

тябре 1979 года — прекращалось производством за отсутствием события преступления (л. 108, 125, 185 т. 1).

В июле 1980 года последнее постановление о прекращении было отменено Прокуратурой РСФСР по заявлению матери Жданько. В своем заявлении она указывала, что упомянутая выше записка Жданько исполнена не его рукой, что из дела с целью сокрытия вины Малявиной похищены дневники ее сына и протокол допроса св. Попкова (л. 7 т. 2).

Ни одно из этих утверждений при проверке не подтвердилось. Однако самый факт отмены прекращения дела был воспринят сменившимся руководством прокуратуры района как указание к перемене позиции по делу.

За последующие три года следствия специально созданной бригадой во главе с зам. райпрокурора Петрушиным была проведена значительная работа, целью которой было обвинение Малявиной в убийстве Жданько. Иные версии происшествия не проверялись и не разрабатывались.

Поскольку улики виновности Малявиной не имелось, усилия следствия были направлены на получение данных о том, что Жданько по своему характеру не был способен на саморанение, на поиски порочащих Малявину слухов, а также сведений о возможных поводах к ее ревности как мотиву убийства. Большое внимание уделялось сбору показаний о том, как Малявина винила себя в гибели Жданько, — теперь эти самообвинения приравнивались следствием к признаниям в убийстве.

Тщательно фиксировались личные мнения (не сведения) всех знавших и даже не знавших Малявину и Жданько лиц о происшествии (см., например, допрос св. Ларионовой, въехавшей в комнату Жданько через 6 месяцев после события, — л. 88 т. 3).

Уровень этичности следствия в ходе этих допросов оставлял желать лучшего. В протоколы заносились подчас непристойные «рассказни», характеризовавшие не столько Малявину, сколько свидетеля и ведущего протокол следователя (см. концовку допроса св. Жеребцова, — л. 129 т. 2).

Что касается уровня объективности, то следствие на этом этапе напоминает более «охоту на Малявину», нежели под-

линные поиски истины, требуемые законом (ст. 20 УПК РСФСР).

Вся эта трехлетняя объемистая работа не принесла ощутимых результатов. Отношения Малявиной и Жданько, как выяснилось, не давали повода для убийства. Жданько до последнего дня жизни самозабвенно любил Малявину, был верен ей и стремился к браку. Никаких существенных конфликтов, кроме редких бытовых размолвок, в совместной жизни этой пары свидетели не наблюдали. Отношения омрачались лишь периодической склонностью Малявиной к спиртным напиткам после смерти ее ребенка, которую Жданько воспринимал крайне болезненно.

Грязные слухи о моральной распушенности Малявиной при следственной проверке не подтвердились. Служебные и творческие характеристики ее, собранные в деле, а также показания работавших с нею режиссеров отражают облик трудолюбивой и преданной своему делу актрисы, а не опустившейся личности, способной на бессмысленное убийство.

Народный артист РСФСР, свидетель Лановой В. С. показал на следствии:

«Малявину могу охарактеризовать как талантливую актрису, человека сложного, порывистого, порядочного. Любила работу над ролями, вообще любила работу» (л. 30 т. 5).

Малявина в период происшествия была одной из ведущих актрис Театра им. Вахтангова, активно снималась в кино, где сыграла главные или ведущие роли в 22 широко известных фильмах центральных киностудий (см. неполный перечень киностудии «Мосфильма», — л. 85 т. 3).

Показания о личных свойствах и душевном настрое Жданько носили разноречивый, подчас взаимоисключающий характер: категорические утверждения о его оптимизме и жизнелюбии чередовались с отзывами о нем как о человеке угрюмом, взбалмошном, с истерическими необузданными выходками, глубокими аномалиями поведения.

Все данные этого рода не опровергали показаний Малявиной о происшедшем и не могли всерьез рассматриваться как улики ее вины.

Были предприняты попытки установить, что Малявина намеренно затянула вызов «скорой помощи», искажила адрес

вызова и т. п., однако эти попытки ничего интересного для обвинения не дали.

С 22 по 25 ноября 1982 года — в течение четырех дней подряд — несколько следователей, сменяя друг друга, поочередно вели многочасовые допросы Малявиной с целью выявить противоречия в ее показаниях. Ознакомление с протоколами этих допросов существенно для верного представления о деле: ответы Малявиной на все поставленные ей (подчас бестактные) вопросы — достойные, в них нет ни одной фальшивой ноты, ни одного повода для сомнений в ее искренности (л. 40—85 т. 4).

Была назначена повторная комиссия судебно-медицинская экспертиза. Ее выводы и могут быть названы единственным серьезным для обвинения Малявиной доказательством.

Эксперты указали, что направление раневого канала в груди Жданько, хотя и не исключает возможности самоповреждения, «более характерно для причинения посторонней рукой» (л. 22 т. 4).

Ссылаясь на судебно-медицинскую практику, экспертная комиссия указала, что при саморанениях острыми предметами раневые каналы обычно имеют горизонтальное направление, а не наклонное, как это имело место у Жданько.

Несмотря на то что заключение экспертизы отражало лишь мнение экспертов о степени вероятности, о «частоте встречаемости» подобных раневых каналов при саморанениях, оно позволяло усомниться в невиновности Малявиной.

Иных данных для обвинения Малявиной получено не было. 30 мая 1983 года она была арестована прокурором района. Следствие завершилось беспримерным по форме обвинительным заключением: оно было составлено т. Петрушиным в стиле психологического романа.

Даже после того, как по требованию судьи оно было пересоставлено (дело для этого возвращалось), оно и в нынешнем его виде представляет скорее попытку литературного самовыражения автора, чем процессуальный документ.

Рассматривалось дело судом в июле 1983 года. В судебном заседании было получено доказательство, решающим образом повлиявшее на его исход. Эксперты т. Свешников и Сиро-

тинская (остальные эксперты отсутствовали), далеко выйдя за рамки мотивации экспертизы, проведенной на следствии, повторно, но в более жесткой форме указали на большую вероятность причинения раны Жданько посторонней рукой, приведя в обоснование этого новые мотивы. Кроме того, они впервые осмотрели рубцы от порезов на пальцах Малявиной и дали заключение о том, что они «характерны» и возникают при соскальзывании ладони с рукоятки на лезвие ножа в момент нанесения удара, а не при обстоятельствах, описанных Малявиной и врачом «скорой помощи».

Это новое заключение было оценено в приговоре как достоверное доказательство виновности Малявиной. 27 июня 1983 года, то есть через 5 лет после гибели Жданько, она была осуждена.

Мосгорсудом приговор был оставлен без изменения.

* * *

Утверждения защиты об ошибочности приговора основаны на изложенном ниже анализе.

Ввиду сложности и объемности материалов дела защита вынуждена излагать свои аргументы достаточно подробно. При этом анализируются лишь доказательства, приведенные в приговоре, и не затрагиваются иные доводы обвинения, в приговоре не упомянутые.

Все указанные в приговоре многочисленные улики могут быть сведены к следующим основным доводам суда (перечисляются по степени важности):

— между Жданько и Малявиной имели место личные неприязненные отношения и конфликт, послужившие причиной убийства;

— достоверной уликой убийства является заключение судебно-медицинской экспертизы в суде;

— Малявина неоднократно признавала свою вину в убийстве;

— возможность самоубийства Жданько исключается свойствами его характера и настроением;

— показания Малявиной о деталях происшествия и ее версии опровергнуты объективными данными.

Ни один из перечисленных мотивов приговора не имеет серьезного обоснования в материалах дела, а часть из них просто несостоятельна.

1. Мотивы убийства

В приговоре указано, что Малявина убила Жданько «на почве личных неприязненных отношений», в ходе «конфликта, возникшего незадолго до ранения» и «в состоянии алкогольного опьянения».

Доказательства «неприязненных отношений» в приговоре не приводятся вообще — за отсутствием сведений в материалах дела.

Отношения эти освещены в деле следующим образом:

«С Малявиной в эти дни у них были очень хорошие отношения» (Марьин, друг Жданько, л. 54 т. 1);

«Валентина была для него единственной женщиной, которую он любил по-настоящему», «она радовалась его успеху» (он же, л. 28, 56 т. 1);

«Отношения между ними были прекрасные. Стас и Валентина любили друг друга, как и все, иногда ссорились, но ссоры эти никогда не доходили до больших скандалов» (Проскурин, друг Жданько, л. 14 т. 1);

«Малявина говорила, что очень любит Стаса. Стас относился к ней очень хорошо»;

«Ссор между ними никогда не слышала» (Малукова, соседка, л. 37, т. 1, л. 108 т. 2);

«От Жданько знаю, что он очень любил Малявину, собирался регистрировать брак» (Петленкова, л. 64 т. 2);

«12 апреля 1978 года Жданько был у меня, рассказывал... что у него прекрасные отношения с Малявиной, что хотят пожениться» (Попков, л. 74 т. 1);

«Малявина относилась к Жданько очень хорошо, и их отношения были трогательными» (Мокке, л. 87 т. 2);

«Стас хотел зарегистрировать брак с ней... а она колебалась, советовалась с Ю. Борисовой» (Жеребцов, л. 29 т. 2);

«Жданько очень хотел жениться на Малявиной» (Васьков, л. 17 т. 5).

Так в действительности выглядят по делу отношения Малявиной и Жданько.

Как отмечено выше, единственную тень на эти отношения бросала периодическая склонность Малявиной к выпивке, которую тяжело переживал Жданько. Однако последние три месяца их совместной жизни Малявина к вину не прикасалась, и потому намеренное у него на глазах употребление ею вина вечером 13 апреля могло быть воспринято Жданько как «роковое» событие, как «знак судьбы» (см. л. 224 т. 6).

Доказательство «конфликта», повлекшего убийство, суд усмотрел лишь в следующих приведенных в приговоре показаниях Малявиной:

«Когда он хотел уйти (еще) выпить, я стала кричать, что никуда его не пушу и что я отучу его пить» (л. 1—2 приговора).

В приведенных судом показаниях Малявиной описана мелкая бытовая размолвка. Здравый смысл исключает возможность убийства по столь ничтожному поводу.

Об «алкогольном опьянении» Малявиной никаких достоверных сведений в деле нет. Незадолго до своей гибели Жданько принял большую дозу спиртного. Проскурин показал суду:

«Бутылку рома выпил в основном Жданько, так как мне надо было идти на спектакль. Малявина вообще с нами не пила и была трезвой» (л. 224 т. 6, утвержд. замечания).

Единственным источником сведений об употреблении Малявиной в этот вечер алкоголя являются в деле ее собственные показания о том, что в знак протеста против намерения Жданько продолжить выпивку она демонстративно открыла бутылку «Гурджаани» и отпила из нее. Никаких иных данных нет.

Описанное Малявиной действие имело место за 35 минут до происшествия, в течение которых указанное ею количество легкого сухого вина не может вызвать состояние осязаемого опьянения. Ресорбция (всасывание) алкоголя в кровь продолжается от 1 до 3 часов. (Судебно-медицинская экспертиза. Справочник для юристов. Юр. лит., 1980. С. 99.)

Видевшая ее уже примерно через час после происшествия св. Рунова показывала:

«...Среди всех металась Малявина во взвинченном возбужденном виде, но алкоголем от нее не пахло» (л. 86 т. 3).

Еще меньше оснований полагать, что употребление сухого вина в упомянутом количестве через несколько минут довело Малявину до потери рассудка, достаточной для бессмысленного убийства.

Таким образом, следует признать, что ни причин, ни поводов к убийству Жданько у Малявиной по делу не обнаружено, а ссылки в приговоре на мотивы преступления являются домыслом, лишенным доказательственной почвы.

Это обстоятельство само по себе дает пищу для серьезных сомнений в виновности Малявиной.

II. Заключение судебно-медицинской экспертизы в суде

Обе экспертизы, проведенные в 1978 году, без каких-либо оговорок подтверждали возможность ранения Жданько собственной рукой (л. 90, 92 т. 1).

Комиссионная экспертиза 1982 года пришла к выводу, что раневой канал у Жданько по своему направлению «более характерен» для причинения посторонней рукой (л. 20 т. 4).

Вполне очевидно, что это заключение имело не категорический (достоверный), а вероятный характер, так как не исключало возможности саморанения Жданько «менее характерным» (реже встречающимся) по направлению ударом.

Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 16 марта 1971 года «О судебной экспертизе по уголовным делам» указал:

«Обратить внимание судов на то, что вероятное заключение эксперта не может быть положено в основу приговора» (п. 14).

Из приговора видно, что в его основу положено в первую очередь заключение экспертов Свешникова и Сиротинской в судебном заседании (л. 5 печатного текста приговора).

Их заключение толкуется в приговоре как достоверное. Ссылка на достоверность (категоричность) этого заключения повторяется в приговоре неоднократно (л. 6 и 7 приговора). Как утверждает суд:

«Заключение судебно-медицинской экспертизы является доказательством, отвергающим (исключающим. — С.А.) версию о самоубийстве Жданько» (л. 7 приговора).

Между тем изложенное в приговоре толкование смысла экспертизы ошибочно. Из заключения экспертов Свешникова и Сиротинской следует, что оно — как и заключение комиссионной экспертизы — носит вероятный, а не достоверный характер. Это видно из примененных в заключении выражений «характерно», «обычно», хотя и завуалировано в нем.

Если бы эксперты Свешников и Сиротинская дали в суде категорическое заключение, исключающее возможность самоубийства (как это истолковано в приговоре), то следовало бы признать, что они вступили в противоречие с вероятными выводами комиссионной экспертизы на предварительном следствии, проведенной при их участии.

В действительности эксперты в суде лишь увеличили степень вероятности причинения раны Жданько посторонней рукой, исходя из новых, ранее не упомянутых признаков.

Суть этих новых признаков в основном сводится к следующему:

а) по мнению экспертов, хрящевая часть ребра составляла плотную преграду движению ножа, существенно отличную по сопротивлению от мышечных тканей, поэтому при встрече ножа с этой преградой рука Жданько должна была рефлекторно прекратить дальнейшее движение ножа или изменить его направление, — чего в данном случае не произошло;

б) ввиду того, что 3-й, 4-й и 5-й пальцы правой руки не выполняют хватательной функции, их порезы у Малявиной не могли возникнуть при удержании ножа, вырываемого из ее рук врачом Поташниковым; они могли поэтому возникнуть «при соскальзывании ее кисти с рукоятки на лезвие в момент удара и встречи с плотной преградой» (читай — с реберным хрящом?).

В обоснование эксперты сослались на «данные судебно-медицинской литературы и многолетнюю практику». Ни литература, ни обобщения практики экспертами не указаны, и потому возможность убедиться в научности и обоснованности мнения экспертов суду и сторонам не предоставлялась.

Анализ заключения экспертизы в суде (а оно явилось решающим доказательством вины Малявиной) дал при подготовке настоящей жалобы следующие результаты.

Уже при первичном изучении экспертизы выявляется явная ошибка экспертов в моделировании причин порезов на пальцах Малявиной. При описанном ими положении нападавшего и пострадавшего (лицом друг к другу) и вертикальном направлении кожной раны у Жданько с острым концом вниз (установлено при вскрытии и подтверждается экспертами) порезы при соскальзывании кисти с рукоятки на лезвие могут возникнуть только на ладони нападавшего и не могут образоваться на основных фалангах пальцев, как это имело место у Малявиной.

Эта необъяснимая ошибка — в сочетании с отсутствием в научной литературе сведений о тех «характерных» признаках саморанения и ранения посторонней рукой, на которые сослались эксперты (см., напр., монографию В. Карякина «Судебно-медицинское исследование повреждений колюще-режущими орудиями», изд. Медицина, 1966), — побудила защиту в порядке статьи 6 Закона «Об адвокатуре в СССР» обратиться за консультацией к признанным авторитетам в этой области: главному судебно-медицинскому эксперту Министерства обороны СССР профессору Томилину В. В., заведующему кафедрой судебной медицины Горьковского мединститута профессору Загрядской А. П. и заведующему кафедрой судебной медицины в Новосибирске профессору Карякину В. В.

Названные крупные ученые не согласились с заключением экспертов г. Свешникова и Сиротинской.

Особый интерес представляет ответ Центральной судебно-медицинской лаборатории Министерства обороны, проводившей проверку по поручению профессора Томила.

Комиссия экспертов ЦЛ в «Справке-консультации» от 11 апреля 1984 года указала:

а) выводы экспертиз 1982 и 1983 годов по вопросу причинения раны Жданько своей или посторонней рукой носят вероятный характер;

б) в ЦЛ была проведена серия экспериментов на биоманекенах с нанесением ударов таким же, как и проходящий по делу, ножом, в том же направлении и с повреждением тех же органов и тканей, как это установлено у Жданько. Энергия ударов замерялась.

Выяснено, что сопротивление ножу хрящевой части ребра практически не отличается от сопротивления мягких тканей; клинок ножа при прохождении через хрящ направления не изменял, значительной силы для такого ранения не требовалось.

Тем самым с помощью научного эксперимента было опровергнуто умозрительное представление экспертов товарищей Свешникова и Сиротинской, на котором построены их выводы о признаках ранения Жданько посторонней рукой.

В «Справке-консультации» ЦЛ указана далее возможность саморанения Жданько (без каких-либо комментариев о его малой вероятности) и описана поза, в которой оно могло быть нанесено им себе;

в) «Образование повреждений на пальцах правой руки Малявиной невозможно при том положении, которое описано комиссией экспертов в судебном заседании», — отмечается далее в «Справке» ЦЛ (справка ЦЛ прилагается).

Мнение профессора Загрядской А. П. полностью совпадает с выводами экспертов Министерства обороны.

В своей «Справке-консультации» от 1 июня 1984 года она также указывает на вероятный характер заключений экспертов 1982 и 1983 годов и не соглашается с мнением о наличии «характерных» признаков ранения Жданько.

«...Локализация кожной раны и направление раневого канала вполне допускают нанесение повреждения как собственной, так и посторонней рукой. Каких-либо признаков, имеющих достаточное теоретическое или экспериментальное обоснование, позволяющих сделать вывод о нанесении данного повреждения посторонней рукой, в представленных материалах не имеется. Что касается пересечения реберного хряща, то у молодого человека, когда хрящи эластичны, не требуется особого усилия, не создается значительной преграды для движения ножа и раневой канал при этом может не изменять направление», — пишет профессор Загрядская.

Аналогичное мнение высказал и проф. Карякин (все изложенное прилагается).

Таким образом, не только ссылка в приговоре на достоверный характер заключения проведенной в суде экспертизы, якобы исключившей возможность самоубийства Жданько,

но и само это заключение о признаках вероятного ранения Жданько посторонней рукой — ошибочны. Основная и решающая улика виновности Малявиной по приговору оценена авторитетными учеными как несостоятельная.

Не исключено, что одной из причин, повлиявших на экспертов при даче заключения, явилось содержание постановления следователя Петрушина о назначении экспертизы, в котором эксперты ложно информировались о фальсификации материалов дела для подтверждения версии самоубийства и о том, что данными следствия самоубийство Жданько исключено (л. 234 т. 3).

Независимо от причин ошибочность экспертизы очевидна, и потому налицо необходимость повторного исследования медицинских вопросов дела на более высоком научном уровне.

III. Признания Малявиной

Суд утверждает в приговоре, что Малявина признавалась рядом свидетелей в убийстве ею Жданько. В числе лиц, подтвердивших ее признание, суд указывает св. Мишина, Иванникова, Жданько А. А. (мать), Марьина, Проскурина и Иванова.

В протоколах допросов Малявиной по делу ее признаний в убийстве нет. Поэтому речь идет о признаниях, которые по смыслу статьи 69 УПК РСФСР процессуальным доказательством не являются.

Однако дефект этой улики определяется не процессуальной формой, в которой она дошла до суда, а подлинным смыслом этих «признаний», искаженным в приговоре.

Показания перечисленных в приговоре свидетелей освещают поведение Малявиной в течение нескольких дней — от момента сообщения ей о смерти Жданько до его похорон и поминок в Черепанове.

В течение этих дней Малявина находилась в потрясенном, шоковом состоянии и постоянно истерически винила то себя, то Проскурина, то Марьина, то Евг. Симонова в том, что Жданько довели до самоубийства (см. показания Малуковой — л. 37 т. 1, Попкова — л. 79 т. 2).

Свидетели именуют состояние Малявиной после трагедии «полусумасшедшим». В Институт им. Склифосовского она

для наложения швов на пальцы доставлялась с диагнозом «реактивное состояние» и была показана там психиатру (см. запись в рег. карте л. 214 т. 3 и показания врача Алексеева — л. 217 т. 3).

Полубредовые заявления оглушенной горем Малявиной в этот период определялись ее состоянием и не могут всерьез рассматриваться как показания о реальных фактах.

Именно так воспринимали самообвинения Малявиной в эти дни и перечисленные в приговоре свидетели, что видно из их показаний.

Мишин, следователь прокуратуры, пытался 17 апреля 1978 года допрашивать Малявину в присутствии эксперта Быкова:

«Малявина на допросе говорила, что это она убила Жданько... и затем, что убила его морально. Состояние ее на допросе было истерическим, протоколировать было невозможно, то слезы, то истерика». «Пришла она сама, я ее не вызывал» (в суде, л. 80, 82 т. 6). То же показывал он и на предварительном следствии (л. 138 т. 2).

Эксперт Быков так же описал это «признание» (л. 172 т. 2).

В тот же день, 17 апреля 1978 года, Малявина подробно рассказала св. Попкову о самоубийстве Жданько (л. 78 т. 2). По логике приговора, Малявина, якобы признавая себя убийцей в органах следствия, одновременно излагала ложную защитительную версию на стороне...

Ивашков, сотрудник милиции, присутствовал при первичном опросе Малявиной заместителем прокурора Кондрашевым вслед за трагедией, в ночь на 14 апреля 1978 года. Сомнений в подлинном смысле самообвинений Малявиной ни у него, ни у Кондрашева не возникло, и потому значения улики они им не придали (л. 159 т. 3).

Проскурин показал суду:

«Малявина говорила много и сумбурно, что она убила его, что он убил себя». «Она набросилась на меня, крича: “Это я его убила!”, затем — “Это ты его убил!”» (л. 75, 76 т. 6).

Об этих показаниях Проскурина суд пишет в приговоре: «Со слов Малявиной он знал, что Стаса убила она». С тем же

основанием суд мог бы написать о Проскурине, что от Малявиной он узнал о совершении убийства им самим...

Так позволяет себе суд излагать очевидные по смыслу показания свидетеля.

Жданько А. А. (мать) о признании Малявиной, сделанном на поминках в Черепанове, показала суду:

«Малявина говорила мне, что убила сына морально» (л. 87 т. 6).

На предварительном следствии Жданько А. А. показывала, как Малявина упрекала себя в том, что не удержала ее сына, винила себя в его самоубийстве (л. 67 т. 1). Она утверждала также, что ее родичу Селезневу Малявина призналась в убийстве (л. 56 т. 2).

Селезнев был разыскан в Белоруссии. Он показал, что на расспросы родных погибшего Малявина отвергла их подозрения в физическом убийстве ею Жданько и подтвердила свою нравственную вину (л. 64 т. 3).

Марьин показал суду:

«В Черепанове собралась родня, и у порога Малявину стали спрашивать жестко и требовательно. Валентина кричала, что она убила и делайте с ней что хотите, ей неизвестно, что там произошло. Малявина была не совсем во вменяемом состоянии» (л. 91 т. 6).

Подлинный смысл этих выкриков — тот же, что и в показаниях Жданько А. А. и Селезнева. Трактовать их как признание в физическом убийстве оснований нет.

На предварительном следствии Марьин показывал, что Малявина изложила ему все известные ей обстоятельства самоубийства Жданько (л. 1 т. 3).

Этим исчерпывается перечень свидетелей, указанных в приговоре как очевидцев признания Малявиной.

Следует отметить, что мучительные мысли о своей моральной вине в гибели Жданько преследовали Малявину еще много месяцев после происшествия — и через год привели ее в клинику неврозов (см. запись в истории болезни: «считает себя виновницей его трагической гибели», — л. 130 т. 3). И там Малявина истязала себя за то, что «довела его до самоубийства» (показания лечащего врача Романовой, — л. 119 т. 6).

А. Ф. Кони справедливо заметил, что вопрос об использовании подобных «признаний» в качестве улики относится не к процессуальным, а к нравственным проблемам правосудия (Собрание сочинений. 1967. Т. 4. С. 57. «Нравственные начала в уголовном процессе»).

Следователям первой стадии расследования был ясен смысл и причины самообвинений Малявиной, и они не считали нравственно возможным для себя пользоваться ими как уликой. Бригаде т. Петрушина (и суду) смысл этих самообвинений был также ясен, но они сочли возможным воспользоваться горестными криками потерявшей близкого человека женщины как процессуальной уликой ее вины...

В ряду указанных судом свидетелей «признания» особое место занимает Иванов, директор Театра им. Вахтангова.

Его показания качественно отличаются тем, что, по его словам, Малявина не только винила себя в убийстве, но и сообщила о драматических деталях преступления: «Жданько распахнул пиджак и крикнул: “На, режь!”, и она ударила его ножом» (л. 51 т. 6).

Эти показания являются прямой уликой виновности Малявиной, но они требуют весьма критического к себе отношения.

По словам Иванова, описанный им разговор происходил 13 апреля 1978 года в квартире гл. режиссера Е. Симонова. С вопросом о происшедшем к Малявиной обратился не он лично, а все присутствовавшие и ответ ее выслушали также сообща:

«Мы стали спрашивать, что произошло. Малявина рассказывала... Это происходило в присутствии Симоновых Рубена, Евгения, моей жены и бывшей жены Рубена Ольги», — показал Иванов (см. там же).

Ни один из перечисленных Ивановым свидетелей не подтвердил подобного рассказа Малявиной, хотя были допрошены:

Евгений Симонов: «Как все произошло, Малявина не говорила. Мнение Малявиной — что Жданько сам себя убил» (л. 42 т. 6);

Рубен Симонов: «Малявина пыталась что-то объяснить, но из ее слов я ничего понять не мог» (л. 173 т. 4);

Ольга Рунова: «Будучи у нас после случившегося, Малявина ничего связного нам о случившемся не говорила. То она говорила, что вытащила нож из груди Стаса, то она с ножом выходила из кухни, а Стас уже был ранен» (л. 36 т. 3); «Не помню, кто говорил о вытащенном ноже» (л. 108 т. 4).

Иванов был впервые допрошен на следствии через 5 лет после происшествия. Человеческая память небеспредельна. За столь длительный срок — в обстановке активно циркулировавших в театре слухов и вымыслов — Иванов мог оказаться жертвой добросовестного заблуждения, приняв услышанное со стороны за рассказ Малявиной (как это произошло с О. Руновой).

Очные ставки Иванова с названными им остальными участниками этого разговора не проводились.

В суде Иванов допрошен не был. В нарушение статьи 286 УПК его показания были оглашены при отсутствии каких-либо достоверных данных о причинах неявики. Поэтому все указанные выше противоречия и неясности, исключающие возможность пользоваться его показаниями как уликой, остались неразрешенными.

Изложенное свидетельствует, что ссылка в приговоре на факт признания Малявиной своей вины в убийстве основана либо на недобросовестном искажении имевшихся данных, либо на весьма сомнительных сведениях.

IV. Душевное состояние Жданько перед гибелью

Вина Малявиной доказывается в приговоре также и методом исключения: суд исключает возможность самоубийства Жданько, ссылаясь на показания свидетелей Марьина, Жданько А. А. и Катина-Ярцева о жизнерадостном, оптимистическом характере покойного, а также на заключение эксперта-психолога, не выявившего поводов к самоубийству в данных о Жданько.

Аргументы суда в этой части неубедительны.

Причины самоубийства вообще могут быть скрыты от окружающих во внутреннем мире человека.

В качестве известного примера достаточно сослаться на то, что в жизни поэта В. Маяковского 1930 год не давал никаких внешних «суицидных поводов», год был отме-

чен большим творческим взлетом. Произведения последних месяцев жизни («Стихи о советском паспорте», поэма «Во весь голос», «Птичка божия» и многие другие) оптимистичны и направлены в будущее. Поэт пользовался всенародным признанием, вел насыщенную личную жизнь.

Эксперт-психолог не обнаружил бы и в этом случае «суицидных поводов». Однако самоубийство В. Маяковского 14 апреля 1930 года является историческим фактом.

В отличие от приведенного примера, сведения о жизни и настроениях Жданько, имеющиеся в деле, давали поводы для серьезных сомнений в его душевном благополучии.

Поведение его давно отличалось странными выходками:

— из театрального училища он был отчислен за то, что вывесил в общежитии полотнище со свастикой (Егорова, — л. 34 т. 4);

— на съемках фильма в Белоруссии весной 1978 года он в порыве гнева сорвал с актрисы платье и бросил ее в реку (Проскурин, — л. 78 т. 6);

— за 3 дня до гибели Евгений Симонов обнаружил, что Жданько на репетиции скрывает в рукаве нож (ныне приобретенный к делу) (Симонов, — л. 42 т. 6), и т. д.

Приложенные к делу дневниковые записи Жданько конца 1977 — начала 1978 года отражают его глубокое разочарование в работе, в людях, в жизни, внутреннюю опустошенность и надлом.

Тетрадь № 4 начата Жданько в июне 1977 года (дата на л. 1). 25 октября он пишет о полном разладе между своими устоями и нравами окружающих, заканчивая словами: «Выдержу ли я все это?!» (л. 10).

В эту тетрадь вложена характеристика театра от 10 октября 1977 года, в которой отмечается, что Жданько поручена большая роль в спектакле «Гибель эскадры». Жданько испытывал к этой роли отвращение. 30 октября 1977 года он написал: «Роль малюсенькая, слова глупые» (л. 12).

Здесь же он поражается поведением Проскурина, «друга!», у которого «есть все», — и который пытался в его отсутствие изнасиловать Малявину, то есть отнять единственное, что есть у него, Стаса... (л. 13). (Уместно вспомнить, как Малявина после трагедии винила в ней и Проскурина.)

Дальнейшие записи отражают нарастающую опустошенность:

12 ноября: «Я давно уже перестал интересоваться чем-либо, книгами, кино, людьми. Все пустяковое, все безразличное...» (л. 14, 15);

«Пустота, пустыня...» (л. 22, 23).

Записи Жданько отражают также нарастающую депрессию и желание уйти из жизни:

«Я живу, и мне тошно, и мне жутко; господи, за что так мучаешь?»;

Февраль 1978 г.: «Не хватает, да, наверное, уже и не хватит сил бросить всю эту дребедень человеческую, весь этот актерский бедлам и уйти на истоки свои»;

«Продолжаем... потому, что потерянные. Скоты мы, скоты!!!»;

«Выйди из цепи, выйди без следа, без наследства, без наследника. Так, господи, я уже слышу тебя». «Пожалуйста, живи. Нет, не могу — я убью себя, убей...» (л. 101—106 т. 1);

«Я не знаю, я боюсь, мне страшно. Я делаю вид, что мне все равно, бросит она меня или нет. А на самом деле страшно боюсь — ревную и мучаю ее и себя. Господи, что мы делаем...». «Катастрофа неминуема» (тетрадь № 5).

Св. Заболоцкий показал суду:

«У Стаса были конфликты с режиссером Симоновым. Жданько говорил: “В театре мне теперь не жить”. Его собственная душа была в безысходном состоянии. В последнем разговоре по телефону я предложил Стасу встретиться после моего возвращения из поездки, но он ответил: “Нет, мы больше не увидимся”, — и бросил трубку. Этот разговор произошел за день до случившегося. Стас так часто говорил, что пора умирать, что этот случай произошел как должное» (л. 112 т. 6).

Показания этого свидетеля резко противоречили версии обвинения об оптимистичности Жданько накануне гибели. Они поэтому вызвали у прокурора раздражение. Выслушав их, прокурор спросил свидетеля, не состоит ли он на учете у психиатра... (см. протокол, л. 112 т. 6).

Заболоцкий — пожилой человек, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола,

постановщик всех фильмов В. Шукшина. Личный выпад прокурора в его адрес был глубоко неэтичен и заслуживал порицания со стороны судьи. Суд смолчал — что характеризует атмосферу, в которой слушалось дело.

Св. Роговой показал на следствии:

«Во время съемок был случай: меня вызвали участники съемок, сказав, что Жданько буйствует на этаже. Я пришел... и попытался ввести его в номер. При мне Жданько схватил нож со стола, мне показалось, что он попытался перерезать вены. Я выхватил у него нож и выкинул в окно. Почему Жданько пытался, как мне показалось, перерезать вены, я не знаю. Возможно, у него была накладка в работе. На следующий день, когда я рассказал Жданько, что он пытался сделать, то мне показалось, что он смущен» (л. 40 т. 5).

Описанный Роговым факт, вместе с данными о том, что ранее Жданько при сомнительных обстоятельствах порезал себе кисти обеих рук (запястья? — см. л. 76 т. 1 и л. 49 т. 3), гвоздем намеренно разорвал себе щеку (см. его запись в тетради № 5), свидетельствуют, что во время свойственных ему истерических вспышек агрессия была направлена не только на «внешнее окружение» (см. психологическую экспертизу), но и на себя.

Все эти данные не получили в приговоре никакой оценки, суд обходит их молчанием. А между тем они резко противоречат утверждению приговора о полном душевном благополучии Жданько, исключавшем саму возможность его самоубийства. Данные эти с определенностью свидетельствуют, что Жданько накануне смерти находился в состоянии глубокой душевной подавленности, которая в любой момент и по любому дополнительному поводу могла толкнуть его на безрассудный шаг, включая и самоповреждение.

Возможность эта усиливалась вечером 13 апреля 1978 года степенью опьянения Жданько.

V. «Версии Малявиной», опровергнутые в приговоре

В качестве одного из доказательств виновности Малявиной суд указал на ее неправдивость в ряде вопросов дела.

«Версия о совершении убийства какими-либо иными лицами является явно надуманной», — пишет суд. «Об этом подсудимая начала говорить, когда приезжала на похороны Жданько» (л. 2 приговора).

В показаниях Малявиной подобной «версии» нет.

Источником сведений о разговорах Малявиной на эту тему явились показания Жданько А. А., которая узнала об этом от Тыщенко (л. 67 т. 1).

Последний показал, что лично он с Малявиной не разговаривал, но слышал, что она говорила об этом с Зиминой (л. 75 т. 1).

Зиминая заявила:

«Я с Малявиной на похоронах ни о чем не разговаривала» (л. 168 т. 1).

Через год, на очной ставке с Тыщенко, Зиминая вспомнила, что разговор «о двух мужчинах» у нее с Малявиной был, но сослалась на свое «плохое состояние» во время похорон (л. 55 т. 2).

Этот «испорченный телефон» суд всерьез именуется в приговоре «версией Малявиной» ...

Далее. Ссылаясь на множественные следы, потеки и помарки крови на одежде Жданько, на подоконнике, полу, а также на руках и рукавах Малявиной, суд делает вывод о «неправдивости заявления Малявиной врачу Поташникову о неверии в смерть Жданько».

Протокол осмотра места происшествия (л. 3—6 т. 1), на который ссылается суд, составлен после порезов пальцев осужденной, вызвавших обильное кровотечение у нее.

Экспертизой кровь Жданько была выявлена только на его одежде и ноже. На остальных предметах оказались пятна крови Малявиной либо кровь не обнаружена (л. 7 т. 4).

Каким логическим путем суд по этим данным пришел к выводу, что Малявиной достоверно было известно о смерти, а не ранении Жданько, из приговора понять нельзя.

Суд указывает также на то, что, по словам Малявиной, она порезала палец левой руки, поднимая нож с пола, — хотя по заключению СМЭ этот порез «вряд ли» мог образоваться таким путем, но мог возникнуть, когда врач Поташников отнимал нож у Малявиной (л. 7 приговора).

Остается непонятым, какое доказательственное значение имеет это предположение экспертов по мнению суда.

Невразумительные рассуждения суда по этим вопросам оставляют чувство недоумения.

VI. О записке Жданько

В стадии следствия была предпринята попытка приписать Малявиной фальсификацию признака самоубийства — предсмертной записки Жданько.

Попытка эта оказалась бесплодной, так как ни данных о подлоге текста записки, ни доказательств представления ее следователю именно Малявиной получено не было.

Несмотря на это, вопросу о записке уделяется в приговоре определенное внимание — не как улике вины Малявиной, а для создания видимости сокрытия следователем истины в первой фазе расследования.

С этой целью суд указывает, что следователем Мишиным записка Жданько была якобы обнаружена среди записей покойного, хотя в действительности она «оказалась вырезкой» из текста ролей Жданько. С той же целью суд упоминает, что уголовное преследование против Мишина прекращено лишь «вследствие изменения обстановки».

Записка действительно оказалась частью листа из тетради Жданько, но она исполнена на чистом обороте листа с записью рассказа В. Шукшина «Прямым ходом» (тетрадь № 6, л. 59). Ни к этому рассказу, ни к тексту каких-либо ролей ее содержание никакого отношения не имеет.

Более того, при совмещении оторванной части с остальным листом выясняется, что под текстом «Прошу в смерти никого не винить» Жданько поставил дату — 24 ноября 1974 года — и свою личную подпись. Подлинность подписи сомнения не вызывает и подтверждена (вместе со всем текстом) экспертизой (л. 181 т. 3).

Таким образом, записка составлена Жданько от своего имени 24 ноября 1974 года.

Никаких данных о том, что она была вырвана (или вырезана) из тетради не самим автором, а после его смерти, в деле нет. Следователь Мишин при допросах его по делу пояснял, что записка в ее нынешнем виде была обнаруже-

на им при просмотре общего вороха личных бумаг Жданько, изъятых из его комнаты (л. 140 т. 2, л. 10, 20 т. 5, л. 80—82 т. 6). Опровергающих его показания данных не имеется.

Здравый смысл подсказывает, что если бы Мишин сам отделил эту часть листа для фальсификации признака самоубийства, то он не стал бы приобщать к делу вместе с запиской и тетрадь с ее «хвостом», то есть открыто демонстрировать подлог.

Постановление «О прекращении уголовного преследования в отношении Мишина» (л. 123 т. 5) выглядит весьма странно. Оно лишено процессуального основания, так как уголовное преследование против Мишина не возбуждалось.

Что касается его содержания, то оно курьезно: Мишину в качестве уголовно наказуемого деяния вменяется, в частности, что он, «поддавшись личному обаянию Малявиной, ее известности как актрисы театра и кино, проводил следствие вяло, безынициативно, односторонне оценивал доказательства», а работа его «отличалась поверхностностью» (так в тексте).

Юристу очевидно, что эти действия не образуют какого-либо состава преступления, а являются лишь темой для выговора на оперативном совещании...

Есть основания полагать, что это своеобразное постановление было вынесено т. Петрушиным лишь для того, чтобы изобразить несуществующее «признание Малявиной» как факт, установленный процессуальным документом, — что и сделано в вводной части постановления.

* * *

Этим исчерпываются доказательства виновности Малявиной, положенные в основу приговора. Изложенный выше их анализ приводит к выводу: почти все они несостоятельны и лишь некоторые сомнительны и заслуживают более тщательной проверки.

Приговор, построенный на подобной основе, не может быть назван правосудным и требует отмены.

VII. О ходе суда

Одной из причин неправосудности приговора явилось поверхностное исследование судом материалов дела и недостаточный уровень культуры процесса.

Из 31 свидетеля, вызванного постановлением о предании суду, 16 не явились в судебное заседание (л. 123 т. 6), из 10 экспертов различных специальностей не явились 8.

Ходатайства защиты о вызове и допросе экспертов — психиатра и психолога — были отклонены (л. 51 т. 6): суд спешил.

Почти все ходатайства защиты, направленные на более полное исследование дела (л. 16—19 т. 6), также были отклонены судом.

Дело рассматривалось в атмосфере предвзятости и односторонности, что повлекло за собой возражения защиты против действий председательствующего, неоднократные заявления отводов судье и составу суда со стороны защитника и подсудимой (л. 15 и др. т. 6).

В результате конфликтной обстановки, созданной необъективным ведением процесса, он не убедил представителей общественности, присутствовавших на нем, в виновности Малявиной. Это повлекло за собой обращение группы видных деятелей искусств (Р. Быкова, О. Стриженова и других) в органы печати. В своем письме они расценивают осуждение Малявиной как произвол и настаивают на пересмотре ее дела.

Мнение их по меньшей мере нельзя назвать беспочвенным.

По изложенным в настоящей жалобе основаниям и в порядке статьи 371 УПК РСФСР прошу опротестовать необоснованный приговор для его отмены и направления дела на доследование.

С учетом особой сложности дела и вызванного им общественного интереса прошу поручить доследование Прокуратуре РСФСР.

Одновременно прошу об изменении Малявиной меры пресечения с освобождением ее из-под стражи.

Адвокат С. Ария

По настоящей жалобе Прокуратурой СССР был подготовлен протест об отмене приговора и прекращении дела за недоказанностью вины Малявиной. По указанию Генерального прокурора протест был изменен: Малявиной предлагалось снизить срок наказания до 3 лет. Президиум Мосгорсуда по протесту сократил срок до 5 лет.

**Письмо адвоката С. Л. Арии
Председателю Верховного суда РСФСР по делу В. А. Малявиной**

Около трех лет я обращаюсь в надзорные инстанции с жалобами по делу актрисы В. А. Малявиной, безвинно, по моему мнению, осужденной за убийство Жданько к 9 годам заключения. Единственным результатом за это время явился протест зам. Генерального прокурора СССР, в котором предлагалось снизить наказание до трех лет заключения. Президиум Мосгорсуда согласился с протестом частично и сократил срок до 5 лет. На вопрос мой о причинах столь странного «компромиссного» протеста мне было разъяснено на приеме, что «твердой уверенности в невинности Малявиной все же нет...».

Возникает другой весьма важный вопрос: если нет твердой уверенности в невинности, то, очевидно, не может быть и твердой уверенности в виновности, без которой осуждение человека приобретает характер произвола?

Моя жалоба с подробным изложением всех имеющих значение данных дела имеется и в Верховном суде РСФСР.

Прошел год, как я получил на жалобу отказ, подписанный Вашим заместителем тов. Л. Л. Смирновым. Отказ этот не может быть назван удовлетворительным. Он содержит безосновательные ссылки на свидетелей, ни один из которых не давал уличавших Малявину показаний. (Готов конкретно продемонстрировать это, показания этих лиц приводятся в жалобе.) Отказ на жалобу явился результатом поверхностного изучения дела и невнимания к доводам защиты.

Достаточно сказать, что составитель его не ознакомился даже с заключениями трех крупнейших научных учреждений, опровергавших выводы последней судебно-медицинской экспертизы, положенной в основу приговора: во время изучения дела в Верховном суде РСФСР указанные заключения хранились в Прокуратуре Союза, откуда и были возвращены мне впоследствии. Нет в нем и следов ознакомления с дневниками Жданько, содержащими ключ к пониманию происшедшего с ним.

Отказ тов. Л. Л. Смирнова надолго обескуражил меня сознанием бесплодности борьбы с судебной косностью и рути-

ной. Лишь известные Вам события в сфере правосудия и связанные с ними публикации центральной прессы воскресили надежду на возможность добиться истины в деле Малявиной.

Среди причин, повлекших за собой трагические ошибки правосудия, достойное место занимает не только «преступная предвзятость следствия и суда» (Ю. Феофанов. Известия. 1987. 16 января), но и забвение принципа «сомнение толкуется в пользу обвиняемого». Именно отказ от этого принципа, замена его уродливым антиподом позволили осудить Малявину и до сих пор держать ее в заключении.

У меня невинность Малявиной сомнений не вызывает, я хорошо знаю дело. Такая же уверенность владеет и писателем О. Чайковской, досконально изучившей его (см. ее соответствующие публикации в журнале «Новый мир»).

Но даже тот, кто не обладает подобной уверенностью, после тщательного изучения дела убедится в сомнительности уликового материала, в его глубокой порочности и дефектности. Лишь такими сомнениями можно объяснить и «компромиссный» протест Прокуратуры СССР, и данное мне разъяснение его причин.

Разве этих сомнений не достаточно для того, чтобы признать приговор несостоятельным?

Мое обращение к Вам вызвано не только желанием выполнить свой профессиональный долг. Я пытаюсь на доступном защитнику высшем уровне отстоять жизненность одного из важнейших принципов, без которого вообще немислимо подлинное правосудие, и тем спасти безвинно осужденного человека.

Адвокат С. Ария

Примечание. В греческом зале Музея изобразительных искусств им А. С. Пушкина хранится эллинская статуя «Галл, убивающий себя и свою жену». Галл убивает себя тем самым вертикальным ударом ножа, которым поразил себя Жданько и который признан экспертами и приговором «нехарактерным» для самоубийства. Если дело будет истребовано для проверки, то мною будут представлены фотоснимки «Галла» в качестве иллюстрации беспочвенности мнения экспертов, принятого в основу приговора. Поэтому о решении по настоящей жалобе прошу меня известить.

Генеральному прокурору СССР

ЖАЛОБА

**в порядке надзора по делу Трускина В. В.
(спекуляция картинами)**

Приговором Верховного суда РСФСР В. В. Трускин, 70 лет, осужден к десяти годам заключения с конфискацией имущества.

Он признан виновным в том, что в течение 1954—1969 годов систематически занимался спекуляцией предметами живописи, в период с 1956 по 1969 год подделал авторские подписи на девяти картинах, впоследствии проданных в государственные музеи, чем причинил путем обмана крупный ущерб государству, в 1965—1968 годы, при продаже принадлежавших ему картин через комиссионный магазин, давал взятки директору этого магазина Иголю.

В ряде случаев суд в приговоре безосновательно отягчает вину и положение осужденного В. В. Трускина. Некоторые из этих ошибочных выводов имеют принципиальный характер, значимость их выходит за рамки настоящего дела, и потому они особо заслуживают Вашего внимания.

О наказании Трускина

Считаю, что в деле имеются исключительные обстоятельства, позволяющие просить о применении к осужденному статьи 43 УК, а именно:

1. Трускин — участник Гражданской войны, дважды ранен в боях, награжден именным оружием, а в 1928 году — Почетной грамотой Реввоенсовета СССР. Эти факты отражены в справке Госархива (л. 28 т. 14), а также в копии наградного ходатайства бывших командиров 8-й Красной Армии (пакет на л. 129 т. 14). Следы тяжелых ранений, указанных в этом ходатайстве, отмечены и в анкете следственного изолятора КГБ (л. 17 т. 1).

Участие в Отечественной войне, как правило, учитывается при вынесении приговора. Тем более заслуживало внимания участие в Гражданской войне, поскольку этот биографический признак по естественным причинам приобрел на сегодня редчайший, исключительный характер. Это важное

обстоятельство не только не учтено, но даже и не упомянуто в приговоре.

К моменту рассмотрения дела Трускину было 70 лет. Это дряхлый и тяжелобольной старик (см. справку мед. службы — л. 133 т. 1).

Назначение ему практически пожизненного заключения представляется защите ненужной и неоправданной суровостью. Возраст и состояние Трускина — фактор исключительный, требующий предельного снисхождения.

Весьма редким, исключительным обстоятельством являлось и то, что при продаже в музеи девяти картин с поддельными подписями Трускин одновременно и безвозмездно передавал тем же музеям десятки первоклассных полотен, в их числе работы Репина, Крамского, Врубеля и т. п. (л. 48, 50, 86 т. 14; л. 304, 307 т. 31 и др.), стоимость которых во много раз превосходила ущерб от хищения.

В 1969 году, еще до возбуждения уголовного преследования против него, Трускин добровольно передал музеям почти всю свою коллекцию картин, цена которой превышает также и размер его прибыли от спекулятивных операций. При неполной оценке переданных картин их стоимость составляет почти 40 тыс. руб. (см. сводку на л. 79 т. 31).

Таким образом, ущерб государству возмещался Трускиным одновременно с его причинением, а неосновательное обогащение от продажи картин было добровольно передано Трускиным в руки государства до возбуждения дела.

Есть основания считать, что опасность личности Трускина и объем криминала преувеличены в приговоре, так как его поступки, в том числе и противоправные, вызывались не жаждой обогащения, а одержимостью коллекционера, стремившегося к созданию первоклассного собрания картин. В этом свете заслуживают внимания объяснения свидетеля Р. Кармена, народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии, безупречного гражданина и художника: «Я с огромным уважением относился к Трускину. Встречи с ним были часами большой эстетической радости. Он с увлечением рассказывал о картинах и художниках. Он говорил, что все свои картины завещает государству. Для меня Трускин был всегда одержимым коллекционером» (л. 403 т. 31).

Защита считает, что перечисленные особенности дела Трускина носят исключительный характер, резко снижают общественную опасность личности осужденного и позволяют применить при его наказании статью 43 УК РСФСР.

Об осуждении Трускина по части 3 статьи 93 УК РСФСР

Без достаточных оснований Трускин был признан виновным в хищении у государства путем мошенничества 7090 руб. Эта сумма, а вместе с нею и признание хищения крупным, приняты судом из расчета, в основу которого положена экспертная оценка проданных Трускиным в музей картин и сравнение этой оценки с суммами, уплаченными Трускину. Фактические затраты осужденного на приобретение этих картин, установленные обвинением, не приняты во внимание.

Полагаю, что подобный метод расчета объема хищения в корне ошибочен по ряду причин, изложенных ниже.

1. Как известно, хищение — преступление умышленное. В ряде постановлений Пленума Верховного суда СССР подчеркивается, что и размер хищения должен оцениваться судами исходя из умысла субъекта (см. п. 10 постановления Пленума от 31 марта 1962 года и п. 6 «г» постановления Пленума от 24 июня 1968 года в постановочных материалах к ст. 92 УК).

Таким образом, квалификация хищения государственных средств любым способом определяется ущербом, на причинение которого был направлен умысел субъекта преступления.

В период совершения криминальных действий Трускин не знал и не мог знать о будущей экспертной оценке продаваемых им в музей картин. Его представление об их действительной ценности определялось затратами, которые он сам понес на их приобретение. Соответственно умысел его при продаже затем картин с поддельными авторскими подписями был направлен на присвоение разницы между уплаченной и получаемой от музеев ценой, то есть наживы от подделки.

Нажива Трускина от мошеннических сделок известна: по эпизодам № 1, 2, 3, 4 она прямо указана в обвинительном заключении; по эпизодам № 5, 6, 7, 8 Трускин показал суду о своих затратах (л. 294 и 409 т. 31). Показания эти в приговоре не оспариваются. Сумма этих затрат составляет 6270 руб., а нажива от продажи картин в музей — 1740 руб.

(Сводный расчет на л. 78 т. 31.) На хищение этой суммы у государства и был направлен умысел Трускина. Хищение на такую сумму согласно сложившейся практике подлежало квалификации по ч. 2 ст. 93 УК.

Что же касается экспертной оценки, то она могла быть условно принята лишь в основу расчета гражданско-правовой ответственности Трускина за объективный ущерб, причинно связанный с криминалом, но выходящий за рамки умысла осужденного.

Примененный в приговоре метод объективного вменения ущерба прямо противоречит принципу умышленной вины в хищении и потому принципиально неправилен. Будучи изложен в приговоре высшей судебной инстанции, он вносит путаницу в понятие хищения и дезориентирует нижестоящие суды.

2. Экспертная оценка стоимости картин не могла быть принята в основу определения размера хищения также и по другой причине: ввиду ее явной недостоверности и полной произвольности.

Каждая из представленных для оценки картин строго индивидуальна и неповторима. Поэтому никаких четких критериев для определения их стоимости нет, и оценка проводилась исходя из личного представления экспертов о примерных ценах, возможных для картин подобного класса, то есть более чем приблизительно. Это обстоятельство полностью исключало для суда возможность проверки экспертного заключения как доказательства за отсутствием какой-либо научной или конъюнктурной мотивировки экспертных заключений.

Есть основания полагать, что эксперты, не связанные никакими четкими отправными данными о ценах, во многих случаях страховали себя от нареканий, давая заниженные оценки картин. Так, например, картину неизвестного художника «Дети на террасе» осмотрел в судебном заседании свидетель Нерсесов, член Государственной экспертной комиссии и Художественно-экспертной коллегии Министерства культуры СССР (л. 14 т. 19, т. 31), то есть лицо, обладающее бесспорной авторитетностью в этих вопросах. Он оценил ее в 700—800 руб. (л. 335 т. 31). Ту же картину эксперты оценили в 200 руб. (л. 149 т. 18), то есть в четыре раза ниже!

(Просьба защиты о представлении Нерсесову остальных картин была отклонена определением суда.)

По той же причине отсутствия четких критериев эксперты резко меняли свое собственное заключение о ценности одних и тех же картин и об их возможном авторстве. Так, картина «Чаепитие в Сокольниках» была оценена на предварительном следствии в 150 руб. (л. 27 т. 17), а в суде — в 400 руб. (л. 69 т. 31). В отношении картины «Весна» на предварительном следствии допускалось авторство С. Иванова (л. 30 т. 17), в суде оно уже исключается... (л. 70 т. 31);

— в отношении картины «Художник на этюдах» ранее допускалось авторство К. Маковского (л. 10 т. 17), в суде категорически исключается;

— эта же картина ранее оценивалась в 300 руб. (л. 135 т. 18), а в суде ее оценка снижена до 150 руб. (л. 71 т. 31);

— о картине «Елабуга» ранее давалось заключение о ее музейном значении (л. 123 т. 18), в суде — об отсутствии музейного значения и полной бесценности (л. 72 т. 3).

Перечень противоречий и несообразностей в заключениях экспертов можно было бы продолжить. Однако и приведенных примеров достаточно для вывода: заключение экспертов не может рассматриваться как достоверная основа определения размера хищения, совершенного Трускиным, вследствие его противоречивости и недостоверности.

Этот вывод повторно свидетельствует о неосновательности осуждения Трускина по части 3 статьи 93 УК.

Примечательно, что, безоговорочно следуя за колебаниями экспертов, суд вышел за рамки предъявленного Трускину обвинения и признал его виновным по эпизоду № 5 (картина Киселева «Художник на этюдах») в хищении 850 руб., хотя он обвинялся в хищении 700 руб., а по эпизоду № 6 (картина «Сиверко») увеличил вмененную ему в вину сумму на 5 руб., нарушив тем самым статью 254 УПК РСФСР.

Выход за рамки обвинения проявился и в том, что приговором полностью исключены имевшиеся в предъявленном обвинении ссылки на суммы, уплаченные Трускиным при покупке им криминальных картин.

В приговоре указаны только экспертные оценки этих картин, полученные в судебном заседании. Таким образом, от-

меченное в обвинении представление Трускина о стоимости картин признано не играющим никакой роли и заменено представлением экспертов, которое якобы могло быть известно и Трускину в период совершения преступления.

Подобное изменение формулировки резко отягчило вину Трускина в сравнении с предъявленным ему обвинением. Оно противоречит фактическим обстоятельствам и здравому смыслу.

Об эпизоде, квалифицированном по части 1 статьи 147 УК РСФСР

Трускин осужден по этому эпизоду за обман неустановленного лица, выразившийся в продаже ему картины «Дети на террасе» с поддельной подписью Корзухина.

Не отрицая факта подделки им авторской подписи, Трускин показал, что совершил это без цели обмана покупателя, что приобрел эту картину у Данцигера за 200 руб., затем Данцигер ее на время забрал у него, но вернул;

он, Трускин, никому ее не продавал, но впоследствии обменялся с Музалевским, то есть отрицал тем самым и фактическую сторону обвинения, и цель наживы (л. 333 т. 31).

Эти показания Трускина так и не были опровергнуты в приговоре. Как видно из приговора и протокола судебного заседания (л. 333 т. 31), продавец картины Хенкин показал о продаже им картины Данцигеру, и ничего конкретного о Трускине он не знает.

Допрошенный судом Данцигер подтвердил, что картину покупал действительно он, но ничего точно не помнит об этой сделке (л. 322). Показания Данцигера, помимо отсутствия в них уличающей Трускина информации, вообще не могли рассматриваться как доказательство, так как даны психически больным человеком, признанным по суду невменяемым (л. 54 т. 31).

Ввиду полного отсутствия доказательств факта продажи указанной картины Трускиным неизвестному лицу и наживы Трускина осуждение его по части 1 статьи 147 УК РСФСР носит практически бездоказательный характер и подлежит исключению из приговора.

Об осуждении Трускина по части 2 статьи 154 УК РСФСР

Не считая целесообразным излагать анализ многочисленных эпизодов, по которым Трускин осужден за спекуляцию, ограничусь утверждением, что по большинству из них приговор основан только на самом факте продажи картин по ценам, превышающим покупные.

Факт этот установлен во всех случаях (кроме трех) только показаниями Трускина, которые, таким образом, признаны достаточно достоверной основой для обвинительного приговора. В то же время показания Трускина о покупке им 12 картин из числа вменяемых для себя, без цели перепродажи, судом во внимание не приняты, хотя, как сказано выше, никаких иных источников сведений о направленности умысла Трускина в деле нет.

Во многих случаях (эпизоды № 28, 34, 37, 39, 40, 41, 43, 46 и т. д.) продажа была отдалена от покупки сроком в 6—11 лет, который и сам по себе свидетельствовал о приобретении картины не для перепродажи, а для коллекции, и о том, что впоследствии картина продавалась не ради спекулятивной наживы, а для получения средств к обновлению той же коллекции.

Особенно ярко это проявилось во всех эпизодах продажи Трускиным картин в 1965—1968 годах через комиссионный магазин № 27 (эпизоды № 39—61). По этим эпизодам в приговоре не указана общая сумма разницы покупных и продажных цен, вмененная в вину Трускину как спекулятивная нажива. Она составляет 2958 руб. В то же время за продажу картин через магазин Трускин уплатил, как это признано в приговоре, в виде взяток директору Иголю 2364 руб., то есть почти всю сумму, вмененную ему как спекулятивная нажива от продажи...

Это парадоксальное положение, вызвавшее недоумение и у следователя (см. л. 347 т. 2), объясняется лишь отсутствием у Трускина цели получения наживы. Он просто реализовал часть своей коллекции и заплатил Иголю за ускорение этой реализации. В его действиях и при покупке картин, и при продаже их через 8—10 лет состав спекуляции отсутствовал.

Сумма переданных Трускиным за продажу картин взяток — 2364 руб. основательно взыскана приговором с Иголя как незаконное обогащение последнего. Но та же сумма повторно взыскана с Трускина без всяких оснований как оставшаяся у него спекулятивная нажива.

Считаю, что осуждение Трускина по этим эпизодам и взыскание с него указанной суммы надлежит признать неосновательными и исключить из приговора.

О некоторых имущественных вопросах в приговоре

В приговоре отмечено, что при наказании Трускина суд учитывает «безвозмездную передачу им ряда картин государственным музеям». О размере этих даров в приговоре умалчивается, и стоимость их не исключена из взысканных с Трускина сумм неосновательного обогащения и ущерба.

Эти безвозмездные передачи, как видно из материалов дела, составили в общей сложности 79 полотен и 115 листов графики (сводный подсчет на л. 79 т. 31), из коих около половины была передана Трускиным в различные музеи в период с 1960 по 1967 год, то есть в криминальный период.

В 1969 году, в период следствия по его делу, Трускин добровольно передал государству 46 картин и 30 листов графики, из коих только переданные Минскому музею были оценены при их приемке в 19050 руб. (Акт на л. 93—95, т. 19.)

Вполне очевидно, что стоимость этих картин не могла рассматриваться к моменту вынесения приговора в качестве оставшегося у Трускина неосновательного обогащения. Поэтому защита после приговора обратилась к суду с ходатайством о зачете стоимости картин, добровольно переданных Трускиным государству в погашение взысканной с него суммы обогащения.

Определением от 15 сентября 1971 года суд отказал в таком зачете. Мотивы отказа в определении практически отсутствуют, они подменены единственной фразой: «Законных оснований для удовлетворения ходатайства нет» (л. 169 т. 32).

Между тем добровольная передача незаконно нажитых ценностей прямо поощряется законом (ст. 38 п. 1 УК РСФСР) и рассматривается как возмещение ущерба.

Отказ в зачете стоимости этих картин (особенно переданных в ходе следствия) только потому, что Трускин сам, не дожидаясь принудительного изъятия, передал их государству, совершенно непонятым, противоречит воспитательным целям статьи 38 УК РСФСР и безосновательно отягчает положение осужденного нереальным взысканием большой суммы.

О прежней судимости Трускина

В сведениях о личности осужденного по приговору указано: «Судим 30 июля 1949 года Особым совещанием при МГБ СССР по статье 7—35 и 107 УК РСФСР».

Считаю, что эта ссылка на судимость Трускина принципиально неправильна.

Даже в период, когда Трускин был подвергнут указанной репрессии, решения Особого совещания МГБ СССР не могли приравниваться к актам правосудия в силу статьи 5 УПК 1923 года.

Тем более не может эта административная репрессия рассматриваться как судимость сейчас, в период действия статьи 3 УК и статьи 13 УПК РСФСР, провозгласивших юридическую ничтожность установления вины в преступлении любым правовым актом, кроме судебного приговора.

Постановление Особого совещания, на которое сослался суд, представляет собой документ из 4—6 строк, подписанный одним лицом и не содержащий никакой конкретной информации о вине и преступлении Трускина. Исходя из действующих принципов правосудия и из свойств данного документа, считаю, что он не мог быть признан законным актом, устанавливающим судимость за преступление.

По изложенным причинам прошу опротестовать приговор, вынесенный В. В. Трускину, с целью:

— изменения квалификации его действий, связанных с хищением, на часть 2 статьи 93 УК РСФСР;

— исключения из приговора в части, относящейся к спекуляции, всех эпизодов продажи картин через магазин № 27 и исключения из взыскания с Трускина суммы 2958 руб., связанной с этими эпизодами;

— отмены приговора и прекращения дела в части осуждения Трускина по части 1 статьи 147 УК РСФСР;

- снижения назначенного Трускину наказания с применением статьи 43 УК РСФСР и смягчением режима ИТК;
- отмены определения Верховного суда РСФСР от 15 сентября 1971 года об отказе в зачете стоимости добровольно переданных Трускиным государству картин с направлением этого ходатайства защиты на новое рассмотрение;
- исключения из установочных данных осужденного ссылки на его судимость.

Адвокат С. Ария

Жалоба была Прокуратурой СССР отклонена. Два года спустя Трускин был освобожден в порядке помилования.

В Прокуратуру Союза ССР

ЖАЛОБА

**в порядке надзора по делу Сайкина Е. М.
(о нарушении правил о валютных операциях)**

Сайкин осужден за покушение на продажу валютных ценностей к 4 годам, а с присоединением неотбытого условного срока по приговору от 1974 года — к 5 годам 10 месяцам лишения свободы без конфискации имущества.

Он признан виновным в том, что 16 апреля 1981 года пытался продать неизвестному лицу 397 бриллиантов за 18500 руб.

Товароведческой экспертизой подлинная стоимость всех бриллиантов определена в 734 руб., то есть менее 2 руб. штука (л. 222 — об.).

Изучение дела приводит к выводу, что приговор в части признания изъятых у осужденного камней валютными ценностями противоречит закону, разъяснениям Верховного суда СССР и здравому смыслу. В части же доказанности самой попытки продажи этих камней приговор основан на предположении и сомнительных, не выдерживающих критики уликах.

Фактическая сторона дела

16 апреля 1981 года Сайкин был задержан у ювелирной мастерской на ул. Сретенка г. Москвы. У него были изъяты 397 мелких бриллиантов. Внештатные сотрудники УБХСС

Шилкин и Ковальчук, участвовавшие в задержании, показали, что Сайкин передал «что-то» неизвестному мужчине в зеленой куртке со словами «Иди проверь», после чего этот мужчина вошел в мастерскую. Выйдя оттуда спустя некоторое время, мужчина вернул Сайкину это «что-то» и сказал ему: «Если цена прежняя, 1800 руб. за карат и 500 сверху, то я согласен». Ответа Сайкина не последовало.

Заподозрив, что происходит сделка, Шилкин и Ковальчук привели инспектора Никольского, по заданию которого вели наблюдение. Мужчины в зеленой куртке, слова которого привлекли их внимание, на месте уже не оказалось, а Сайкин стоял там же и был задержан.

После ареста Сайкина были допрошены его жена и ряд знакомых, давших совпадающие показания о том, что Сайкин, получив в дар мелкие камни, пытался найти ювелира для заказа украшений жене и дочери (л. 30, 38, 44, 46). Согласно показаниям осужденного, не оспариваемых и приговором, мелкие бриллианты являются осыпью старого браслета, принадлежавшего его приятелю, и были подарены ему последним «на память» перед отъездом за границу. Он, Сайкин, хотел использовать осыпь для изготовления украшений жене и дочери, для чего искал мастера-ювелира.

Сайкин показал также, что случайный знакомый, «Яша», рекомендовал ему показать осыпь в ювелирной мастерской, где он якобы знал мастеров, для чего и назначил ему на 16 апреля встречу в мастерской. Намерения продать осыпь он не имел и попытки такого рода не предпринимал.

Работники ювелирной мастерской по делу не допрашивались. На основании показаний Шилкина и Ковальчука о произнесенной неизвестным «Яшей» фразе Сайкин был обвинен в попытке продать осыпь, а затем и осужден. Приговор оставлен в силе Мосгорсудом.

Вывод об ошибочности приговора основан на следующих соображениях.

I. Детали бывшего ювелирного изделия не являются валютными ценностями

Судом, как отмечено выше, не оспариваются показания осужденного о том, что изъятые у него мелкие камни явля-

ются осыпью старого браслета. Показания эти подтверждаются к тому же заключением товароведческой экспертизы, признавшей по объективным признакам «... большую вероятность того, что представленные бриллианты находились ранее в ювелирном изделии» (л. 222).

Согласно пункту 1 «д» Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 года, ювелирные изделия из драгоценных камней и лом таких изделий валютными ценностями не являются. Из этого следует, что камни, выпавшие или вынутые из украшений, как детали таковых, не могут признаваться валютными ценностями.

Опровергая этот довод защиты, суд ссылается на заключенные экспертизы о том, что в русском языке слово «лом» относится к изделиям из металлов, слово «бой» — к изделиям из хрупких неметаллов, выражение «требующие переогранки» — к драгоценным камням (л. 222). Из этого суд делает вывод, что примененное в Указе Президиума Верховного совета СССР слово «лом» относится только к металлическим частям ювелирных изделий, а выпавшие из них камни «ломом быть не могут» и становятся валютными ценностями.

Однако указание эксперта на то, что в товароведении термин «лом» применяется только к металлам, а к хрупким материалам и камням применяются иные термины, отнюдь не исключает применения в юриспруденции (в частности, законодателем) общего по смыслу термина «лом» ко всем видам ювелирных изделий. Эксперт и сам отмечает, что все три указанных различных по звучанию термина «совершенно одинаковы по смысловому значению» (л. 222).

Примененное в приговоре языковое толкование (в котором ни суд, ни эксперт не являлись специалистами) опровергается и текстом Указа от 30 ноября 1976 года, в котором термин «лом» применен не только к металлическим изделиям (п. 1 «г»), но и отдельно — к изделиям из камней (п. 1 «д»).

Ошибочное толкование закона судом было продолжено кассационной инстанцией, которая в своем определении возвела эту ошибку в принципиальную установку:

«Ломом может являться лишь само изделие с бриллиантами. С момента изъятия бриллианта из изделия он расценивается самостоятельно и является валютной ценностью».

Это мнение противоречит не только смыслу закона, но и разъяснению Верховного суда СССР. В редакционном «Обзоре судебной практики» по валютным делам Верховный суд СССР отметил: «Суды иногда неправильно толкуют понятие валютных ценностей, в результате чего в отдельных случаях необоснованно выносят обвинительные приговоры».

В качестве одного из примеров таких ошибок приводится осуждение Ташкентским горсудом гр-на М., продавшего бриллиант без оправы за 5500 руб. Приговор был отменен для проверки объяснений М., что проданный им камень «являлся ранее составной частью кольца и был изъят из него и продан в связи с нуждой в деньгах». Дело затем было прекращено, поскольку объяснение М. о происхождении бриллианта подтвердилось (п. 3 Обзора, Бюллетень Верховного суда СССР № 5 за 1980 год, с. 29—30).

Даже изготовление на заказ в частном порядке ювелирного украшения с использованием камней, являющихся валютными ценностями и принадлежащих изготовителю (при котором по существу происходит продажа таких ценностей заказчику), не признается нарушением Правил о валютных операциях (см. п. 8 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 18 апреля 1980 года «О судебной практике по делам о нарушении Правил о валютных операциях»). То есть не только происхождение камня из ювелирного изделия, но и предназначение его при сделке для изготовления такого изделия исключает его из категории валютных ценностей.

Закон и разъяснения Верховного суда СССР четко направлены на ограничительное толкование понятия «валютные ценности», приговор же и кассационное определение по настоящему делу являются рецидивом порочного расширительного толкования этого понятия, применявшегося до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 года и отвергнутого законодателем.

II. Изъятые у осужденного камни не являются драгоценными

Из текста статьи I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 года следует, что валютными цен-

ностями признаются лишь те названные в указе природные камни, которые являются драгоценными.

Общая стоимость изъятых у Сайкина мелких камней определена экспертом в 734 руб., а стоимость отдельных камней — от 60 коп. до 5 руб. 76 коп., то есть средняя цена — менее 2 руб. (л. 222 — об.).

Следовательно, все эти камни МАЛО-, а не ДРАГОценны.

Суд не придал этому обстоятельству никакого значения. По мнению суда, выраженному в приговоре, любые названные в указе минералы относятся к числу драгоценных, то есть к валютным ценностям.

Это утверждение представляется весьма спорным. Слово «драгоценный» отражает не тип минерала, а особо высокую товарную ценность камней, позволяющую использовать их как валютный запас (см. прилагаемую выписку из Толкового словаря).

Между тем изъятые у осужденного конкретные камни непригодны по своей товарной ценности ни для пополнения валютных резервов государства, ни для превращения во внешнеторговое платежное средство. Валютными ценностями они могут быть названы только в шутку, так как стоят дешевле синтетических имитаций и стеклянных украшений галантерейного класса, то есть не обладают признаком драгоценности. Утверждение суда о том, что любые ограненные алмазы являются драгоценными камнями, противоречит не только доводам здравого смысла, но также и научной классификации и заключению экспертизы.

Согласно принятой научно-промышленной номенклатуре алмазы подразделяют на: 1) ювелирные (драгоценный камень) и 2) технические (недрагоценные). (См.: И. Шафрановский. Алмазы. М.: АН СССР, 1953. С. 73.) В акте экспертизы также сообщается, что «лишь 1/4 добываемых в мире алмазов являются драгоценными камнями» (л. 222). К тому же и ограненный алмаз (бриллиант) со временем может утрачивать свои ювелирные качества.

Что касается камней, изъятых у Сайкина, то 80 процентов из них экспертизой просто отнесены к категории технических. Остальные 20 процентов, хотя и являлись в прошлом ювелирными, в их нынешнем виде, как указывает эксперт, не обладают эстетическими и техническими качествами брил-

лиантов (средняя цена 3 руб. 60 коп. за штуку). Они могут быть впоследствии использованы как ювелирные лишь после «сложной реставрации» и «переогранки» (л. 222). О целесообразности подобной переогранки низкосортных и дешевых мельчайших камней эксперт, однако, умалчивает...

Общий смысл экспертизы сводится к тому, что все изъятые у осужденного камни на момент происшествия не обладали свойствами драгоценных камней. Как полагает защита, они и по этому признаку не могли быть признаны валютными ценностями.

III. Недокazanность вмененных осужденному действий

Согласно приведенным в приговоре показаниям Шилкина и Ковальчука, вернувшийся из ювелирной мастерской мужчина сказал Сайкину: «Если цена по 1800 руб. за карат, то я согласен». Именно эта фраза, произнесенная не осужденным, и послужила основанием для обвинительного приговора. Иных доказательств преступления никаких нет, так как ни наличие у Сайкина камней, ни желание проверить их доказательствами покушения на сделку не являются.

Указанная выше фраза неизвестного лица позволила следствию и суду сделать вывод, что, видимо, ранее осужденный предлагал неизвестному продать осыпь за 18 500 руб. «плюс 500» (?).

Поскольку подобного предложения Сайкина никто из проходящих по делу лиц не слышал, вывод суда носит характер предположения. Статья 309 УПК РСФСР запрещает основывать обвинительный приговор на предположительных выводах.

В комментарии к УПК РСФСР разъясняется:

«Предположение о виновности лица в совершении преступления при отсутствии достоверных доказательств не может служить основанием для вынесения обвинительного приговора» (Комментарий к УПК РСФСР, изд. 1981 года, с. 370).

Поэтому сам метод обоснования приговора порочен и противоречит требованиям закона.

Однако дефекты улик по приговору этим не исчерпываются.

Мужчина, произнесший фразу, послужившую единственной основой для осуждения Сайкина, по делу не проходит, и личность его не установлена. Между тем целый ряд странностей, связанных с этой решающей фигурой дела, не нашел в приговоре никакого объяснения, хотя они порождают веские сомнения относительно подлинной роли этого мужчины и цели произнесения им указанной выше фразы.

В деле нет никаких сведений о попытках оперативной группы преследовать или искать мужчину в зеленой куртке («Яшу») на месте происшествия. Он не «скрылся», как указано в приговоре, а попросту тотчас ушел после произнесения своей фразы, что видно и из рапорта на листе дела 2.

Несмотря на отдельное поручение следователя о допросе работников ювелирной мастерской, к которым «Яша» заходил якобы «проверить» камни (л. 84), поручение это не исполнялось и ювелиры не допрашивались. Из этого можно заключить, что бесплодность подобных допросов была очевидна органам дознания. Это обстоятельство в сочетании с ценой, которую «Яша» далее предложил за малоценную осыпь (по приговору — 18 500 руб.), приводит к выводу, что «Яша» не показывал осыпь мастерам, не выяснял ее подлинную ценность и заходил в мастерскую лишь для виду, инсценируя консультацию.

Дальнейшие действия «Яши»: публичное, доступное слуху случайных прохожих (Шилкина и Ковальчука) заявление о своем согласии совершить рискованную сделку с четким акцентом на высокой цене «за карат» (!), а также логически не увязанный с этим согласием его немедленный уход усиливают сомнения по поводу роли «Яши» в событиях. Есть основания полагать, что произнесенная им фраза явилась продолжением инсценировки, начатой ложным визитом в мастерскую, и была предназначена для слуха «прохожих» (Шилкина и Ковальчука) в качестве повода для задержания им же вызванного на место Сайкина. В Уголовном кодексе РСФСР подобные действия именуется «искусственным созданием доказательств обвинения».

Таковы качества и достоверность единственной улики виновности Сайкина.

Сомнения по поводу роли «Яши» и цели его поступков дополнительно свидетельствуют о непригодности произнесенной им фразы для каких-либо достоверных выводов об осужденном.

Таким образом, в части доказанности попытки Сайкина продать осыпь приговор основан лишь на предположении, источником которого к тому же явилась единичная фраза более чем сомнительной и безымянной личности. Подобное обоснование приговора ничего общего с правосудием не имеет.

Считая приговор несостоятельным, прошу опротестовать его на предмет отмены и прекращения дела производством за отсутствием в действиях осужденного состава преступления.

Адвокат С. Ария

По настоящей жалобе Прокуратурой СССР был принесен протест, в котором предлагалось приговор отменить с прекращением дела. Верховным судом РСФСР протест был удовлетворен частично: дело было направлено на дополнительное расследование, при котором впоследствии оно было прекращено.

Председателю Верховного суда
Литовской ССР

ЖАЛОБА

в порядке надзора по делу В. Тартайниса (хищение государственного имущества)

Тартайнис, бригадир убойного отделения Друскининкайского цеха Алитусского мясокомбината, осужден за особо крупное хищение государственных средств к 10 годам заключения и взят под стражу в зале суда. Он признан виновным в том, что по инициативе иных осужденных в 1984—1985 годах трижды принял участие в совершавшихся ими хищениях госсредств на общую сумму 12 652 руб., а также причинил ущерб без признаков хищения на 2669 руб.

Изучение дела приводит к выводу о неправосудности приговора. Наказание Тартайнису назначено несоразмерное его описанной в приговоре роли во вмененных ему эпизодах, объему их и личных данных. Приговор составлен с весьма серьезными нарушениями процессуальных требований. Достаточных улик виновности Тартайниса в деле не имеется.

Ранее предпринятые попытки Тартайниса самостоятельно обжаловать приговор в надзорные органы Литвы результата не дали, а полученные им ответы как из Верховного суда, так и из прокуратуры республики отражают нежелание не только вникнуть в дело, но даже и внимательно прочитать приговор. В отказе и. о. зам. председателя Верховного суда перепутана дата одного из эпизодов. В отказе прокурора республики ошибочно указан период криминала по приговору, а также неверно указано на частичное признание вины осужденным, ибо он вины своей по делу не признавал.

Между тем дело Тартайниса, как полагает защита, заслуживает подлинного внимания надзорных инстанций и их вмешательства.

Обстоятельства дела

Согласно приговору, группа работников Друскининкайского цеха: ст. бухгалтер Папелене, ветврач Вилканцас, зав. приемкой скота Кварацеюс, приемщик Янулявичюс — вступили в сговор о хищении государственных средств. Они вовлекли в преступление ряд работников цеха, в числе которых были мастер убойного отделения Сайкаукас, а также бригадиры этого отделения Тертелис и Тартайнис. Хищение, согласно приговору, совершалось следующим образом.

Принимая скот у населения и хозяйств, приемщики цеха занижали его вес и упитанность, обманывая сдатчиков и создавая в цехе безучетный излишек веса скота. Для реализации этого излишка Вилканцас и Папелене заключали с гражданами фиктивные договоры о якобы купленном у них скоте, перечисляли им деньги на счета в сберкассах, которые затем снимались гражданами и передавались организаторам хищения.

Приписанный таким образом скот проходил затем по учету убоя в общей массе реально забитого скота по числу и весу, а при сдаче туш на склад-холодильник их число приписывал в весовых ведомостях мастер убойного отделения Сайкаукас, а в отдельных случаях — бригадиры Тертелис и Тартайнис. Склад приемку производил только по весу и учета числа туш не вел. Работники склада к криминалу причастными не признаны.

Так описана механика хищения в приговоре (л. 3—5 приговора; здесь и далее в жалобе номера листов приговора указаны по прилагаемому печатному тексту официального перевода).

Тартайнис признан виновным в причастности к трем эпизодам преступления — № 26, 27 и 35 по принятой в приговоре нумерации. Описания их изложены на л. 61, 64 и 83 приговора.

По этим эпизодам, согласно приговору, организаторами хищения было присвоено 12652 руб. — стоимость приписанных ими свиней, вес которых был реально сдан в склад-холодильник, а число умышленно приписано в ведомости сдачи Тартайнисом.

Бухгалтерская экспертиза по делу не проводилась. Документальной ревизией недостатков и излишков свиней ни по весу, ни по числу не выявлено.

Возражения защиты против вынесенного Тартайнису приговора сводятся к следующему.

I. О назначенном наказании

Тартайнис, как сказано выше, приговорен к 10 годам заключения и дополнительным мерам. Наказание это представляется неоправданно жестоким и не соответствующим ни делу, ни духу времени.

Из 44 эпизодов хищения на общую сумму около 175 тыс. руб., совершенного организаторами (л. 5—104 приговора), Тартайнис, по версии суда, был причастен лишь к трем эпизодам, при которых указанные организаторы похитили 12652 руб. Есть основания заключить поэтому, что Тартайнис, согласно приговору, являлся не только второстепенным, но и случайным участником криминала.

Сумма присвоения во вмененных ему случаях близка к низшему пределу понятия особо крупного хищения.

Никаких показаний или иных доказательств того, что какая-либо часть похищенной в этих трех случаях суммы была кем-либо уплачена Тартайнису за содействие организаторам в ее хищении, в приговоре не приведены и в деле нет. Поэтому помощь эта, по версии приговора признанная умышленной, даже в этом случае представляется техническим со-

действием, продиктованным не корыстными интересами, а слабоволием и зависимостью от вышестоящих лиц.

В прошлом Тартайнис не судим и ничем не опорочен, являлся рабочим комбината. Производственная характеристика его весьма положительна (л. 40 т. 66). Материально-ответственным лицом он не был.

При таких обстоятельствах назначение Тартайнису 10-летнего заключения противоречит принципу индивидуализации наказания соответственно объему вины и криминала каждого из осужденных, а также современной карательной политике. Несмотря на то что подобное наказание находится в рамках санкции статьи 95 УК Литовской ССР, оно явно не соответствует ни второстепенной роли Тартайниса, ни особенностям вмененного ему криминала, ни личным данным. Поэтому суд имел основания в подобном случае использовать право, предоставленное ему статьей 37 Основ уголовного законодательства СССР, отступив от санкции закона ради справедливого смягчения наказания.

Защита полагает, однако, что приговор по изложенным ниже причинам требует более радикального исправления.

II. Процессуальная неполноценность приговора

Особая значимость приговора для судьбы гражданина, в отношении которого он вынесен, определяет и особо жесткие требования к его качествам, изложенные в процессуальном законе и руководящих разъяснениях высших судов.

В частности, суд обязан был изложить в обвинительном приговоре не только собственную версию событий, но также и позицию подсудимого, его объяснения по предъявленному обвинению, перечень доказательств, подтверждающих и опровергающих обвинение, их анализ и выводы из него (ст. 346 УПК Литовской ССР, п. 4 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 30 июня 1969 года «О судебном приговоре»).

В Постановлении Пленума Верховного суда Литовской ССР от 4 октября 1967 года «О недостатках в судебных приговорах» особо подчеркивается:

«Изложение доказательств должно быть начато в приговоре с объяснений подсудимого. Должны быть изложены его

позиция в отношении предъявленного обвинения, его показания, затем все другие доказательства» (п. 8).

Приговор в отношении Тартайниса не отвечает этим обязательным требованиям. В нем не сообщается: 1) признал или не признал себя виновным Тартайнис; 2) какие объяснения дал он суду по предъявленным обвинениям; 3) не указано также, кто из допрошенных по делу подсудимых и свидетелей уличал Тартайниса и в чем именно; 4) не сообщаются и мотивы, по которым суд признает вмененные ему в вину действия совершенными умышленно, с целью хищения и в результате сговора, а не по иным возможным причинам.

Тартайнис как субъект права на защиту вообще отсутствует в приговоре, он полностью игнорируется судом как участник процесса и упоминается лишь как объект для выводов и назначения срока наказания. Подобный приговор не может быть терпим. Он не просто принижает роль подсудимого в процессе, а сводит ее на нет, превращая в некую формальность, а процессуальные гарантии его прав — в пустую декларацию.

Полагаю, что страдающий столь грубыми дефектами приговор уже по одной этой причине не может считаться правосудным и требует отмены.

III. Недоказанность обвинения Тартайниса

Как отмечено выше, в приговоре полностью отсутствуют ссылки на какие-либо уличающие Тартайниса в хищении показания, нет также и упоминания лиц, давших такие показания.

Этот пробел приговора не случаен. В деле, по которому гражданин осужден к столь тяжкому наказанию, нет решительно никаких показаний свидетелей, обвиняемых или подсудимых о том, что Тартайнис находился в преступном сговоре с кем-либо из них, получал какую-либо долю похищенного или разовую плату за те редкие содействия, в которых он обвинен, или что он хотя бы знал о совершаемых в цехе хищениях.

Как видно из описания вмененных Тартайнису трех эпизодов (л. 61—63, 64—65, 83 приговора), соучастниками его по ним признаны осужденные Вилканцас, Папелене, Янулявичюс. Тартайнис работал в убойном отделении вместе с ма-

стером Сайкаускасом и бригадиром Тертелисом, признанными участниками иных эпизодов хищения, которые могли знать о причастности Тартайниса к криминалу. Однако ни одно из перечисленных лиц ни на предварительном следствии, ни в суде не упомянуло Тартайниса как участника хищения. Более того, когда некоторые из них, признавая свою вину, подробно описывали механику преступления и называли замешанных в нем работников цеха, то они на прямо поставленные вопросы следствия отрицали причастность к хищению Тартайниса.

Так, Вилканцас, один из организаторов вмененных в вину Тартайнису эпизодов, производивший вместе с Папелене, согласно приговору, раздел похищенных денег, показал:

«Об участии в приписках Тартайниса я ничего сказать не могу. Денег ему не платил» (л. 149 т. 3).

Янулявичюс показал:

«О приписке я договаривался с Папелене, Вилканцасом, Кварацеюсом. С Тартайнисом не сговаривался никогда, ни разу» (л. 198 т. 22).

Сайкаускас и Тертелис, работавшие вместе с Тартайнисом и признанные по приговору активными участниками хищения, признавая свою вину, также отрицали причастность Тартайниса (л. 178, 202 т. 46, л. 201 т. 65). Сам Тартайнис на всем протяжении дела виновным себя не признавал (л. 1, 3, 18, 28 т. 66, л. 102 т. 69).

Он утверждал, что в случаях, когда ему приходилось замещать мастера, никаких приписок он не совершал, отражая в документах реально сдаваемое на склад число туш. Он показывал также, что в отдельных случаях, когда количество туш при сдаче на склад из убойного отделения не совпадало с накладными приемки свиней на убой, убойщики либо дописывали, либо уменьшали число туш «для баланса». Но эти плюсовые или минусовые ошибки подсчета никогда не превышали одной-двух туш свиней (л. 18 т. 66).

Полное отсутствие в деле чьих-либо показаний об участии Тартайниса в хищении свидетельствует, что обвинительный приговор основан исключительно на предположении суда о виновности Тартайниса.

Из описания в приговоре вмененных Тартайнису трех эпизодов видно, что в качестве единственного доказательства его вины упомянуто заключение почерковедческой экспертизы о том, что ведомости взвешивания туш свиней при сдаче их из убойного отделения на склад в эти дни были составлены Тартайнисом. В ведомостях этих, по мнению суда, были указаны туши не только реально забитых, но и приписанных в эти дни приемным отделением свиней.

Представляется принципиально недопустимым обосновывать приговор только заключением экспертизы без каких-либо иных улик виновности, поскольку любая экспертиза включает в себе известную вероятность ошибки.

Однако возражения защиты основаны не на этом.

Можно полагать (прямо это в приговоре не сказано), что, признавая факт составления Тартайнисом ведомостей взвешивания за указанные дни достаточной уликой его участия в хищении, суд исходил из того, что все иные возможные причины неверного указания числа туш в ведомостях, кроме умышленного содействия расхитителям, материалами дела исключаются; что подача свиней из приемного отделения в убойное определялась наличием стада, то есть что все имевшиеся в приемке в эти дни свиньи подлежали в эти же дни передаче на убой, и потому Тартайнис реально не получал на убой того количества свиней, которое было обозначено в приходной накладной, а затем и в расходной ведомости взвешивания.

Между тем изучение дела приводит к выводу, что обе эти логические позиции, на которых, видимо, держится осуждение Тартайниса, несостоятельны и не подтверждаются материалами дела:

1. В самом приговоре отмечается: «В отделение убоя скот передавался формально, без пересчета и взвешивания, а лишь на основании остатков по книге базы, которую вела Папелене, имея возможность оприходовать и якобы сданный скот» (л. 5 приговора).

Этот порочный порядок, заведенный руководством цеха, препятствовал обнаружению количественной нехватки животных при подаче их на убой из приемного отделения. Тартайнис также пользовался им в тех редких случаях, когда замещал

мастера. Каких-либо выгод от его применения он не получал, так как материально-ответственным лицом в отделении убоя не являлся (см. акт ревизии, л. 8—24 т. 58).

Из описания вмененного Тартайнису эпизода № 26 (л. 63 приговора) следует, что 19 июня 1984 года по накладной № 252 Янулявичюс сдал на убой 182 свиньи без их пересчета и взвешивания, а по книжным данным. Из приговора видно, что именно выписка накладной «формально, а не в натуре» и позволила Янулявичюсу включить в общее число свиней 23 несуществующие. Никаких ссылок на то, что эта махинация удалась Янулявичюсу благодаря сговору с Тартайнисом, в приговоре не содержится (см. л. 63 приговора).

Совершенно аналогично описание сдачи свиней на убой и по остальным двум эпизодам, вмененным Тартайнису (л. 65 и 84 приговора).

Так обстоит дело с приемкой свиней в убойном отделении: применявшийся при этом порядок позволял участникам хищения оформлять передачу приписанных свиней без сговора с Тартайнисом и без умышленного содействия с его стороны.

Что касается учета туш при сдаче их из убойного отделения на склад-холодильник, то и на этой стадии заведенный независимо от Тартайниса порядок не обеспечивал точности обозначенных в документах (ведомостях) данных. Из приговора (л. 8 и др.) видно, что склад, куда сдавались туши убойным отделением, вел учет только их общего веса и потому числом их не интересовался. Соответственно и работник убойного отделения, составляя и подписывая ведомость взвешивания, отвечал перед складом лишь за правильное указание веса партии сдаваемых туш, а не за их количество. Вес сдаваемой партии (как видно из приговора) всегда указывался в ведомости правильно, и реальность его контролировалась складом.

Количество же туш при безалаберном учете, насажденном в отделении его руководством, должно было соответствовать лишь накладной прихода и потому переносилось с нее без подлинного пересчета, к которому и стимула никакого не было.

Мастер Сайкаускас относительно применявшегося «порядка» показал суду:

«Перед убоем скот мы не взвешиваем. Журнала в убойном отделении нет. При сдаче голов не считаем, считаем общий вес, сравниваем с данными склада. Кладовщик и я считаем отдельно, потом сравниваем» (л. 93, 94 т. 69).

Кварацеюс показывал: «Число голов при сдаче туш на склад определяется по приемным документам» (л. 61—62 т. 69).

Таким образом, не только при приеме свиней на убой, но и при сдаче туш на склад неправильное указание их числа в документации могло объясняться не умышленным содействием хищению со стороны Тартайниса, а порочной системой оформления документов по книжным данным, без реального пересчета.

2. Неосновательно и второе логическое основание приговора, состоящее в том, что все имевшиеся в приемном отделении свиньи подавались для убоя в день их приемки и потому Тартайнис должен был обнаружить их нехватку против указанного в документах.

Из дела следует, что подача свиней на убой определялась не наличием стада в приемном отделении, а потребностями торгующих организаций, то есть заказами склада убойному отделению. Вследствие этого на убой могло подаваться не все принятое в данный день приемщиком стадо: часть его могла остаться в резерве на следующий день. Так, мастер Сайкаускас показал суду:

«Я уточняю с утра на складе, сколько нужно мяса. Сообщаю приемщику, сколько дать на убой» (л. 93 т. 69). «Накладная от 13 февраля 1985 года, например, не могла быть за один день — скот забит на другой день» (л. 101 т. 69).

Янулявичюс показал:

«Принятый скот передавался в убойное отделение, а остаток его оставался до следующего дня, но повторно его не перевешивали» (л. 73 т. 69).

Из этого следует, что работники приемного отделения, располагая резервом из стада предыдущего дня, имели полную возможность и 19 июня 1984 года, и 2 июля 1984 года, и 23 сентября 1985 года (дни вмененных Тартайнису эпи-

зодов) подать на убой полное число реальных, а не приписанных свиней, скрыв от Тартайниса факт приписки и оставив оформление лжеубоя «бестоварных» приписных свиней до следующего дня, то есть до возвращения на работу своего соучастника. В подобном случае Тартайнис и в ведомости взвешивания указывал за эти дни подлинное, а не завышенное количество туш, сдаваемых на склад.

Изложенное свидетельствует, что сам факт составления Тартайнисом в указанные выше три дня ведомостей, в которых, по мнению суда, наряду с реально забитыми указаны и свиньи, реально не принятые в эти дни приемным отделением, недостаточен для вывода об участии Тартайниса в хищении: факт этот по обстоятельствам дела может объясняться и иными, некриминальными причинами.

Иных улик виновности Тартайниса не имеется.

То, что указанные выше обстоятельства оказались вне поля зрения суда, объясняется и весьма поверхностным исследованием относящейся к Тартайнису части дела.

Протокольная запись допроса Тартайниса в суде уместилась на трех страницах, то есть на полутора листах (л. 102—105 т. 69). Судя по протоколу, ни одного вопроса ему задано не было.

Из описания вмененных Тартайнису эпизодов видно, что к нему имели отношение всего 3 приходные накладные и 3 расходные ведомости. Однако 2 накладные по первому и второму эпизоду (л. 197 и 210 т. 5) Тартайнису при его допросе судом не предъявлялись и объяснений его по ним нет (см. л. 102 т. 69).

На листе 138 тома 63 находится почерковедческая экспертиза по третьему эпизоду Тартайниса. Этот лист в судебном заседании не оглашался (см. л. 212 т. 69), что не помешало суду в нарушение закона обосновать приговор ссылкой на эту экспертизу как единственную улику по эпизоду.

Изложенный выше анализ позволяет сделать общий вывод о приговоре в отношении Тартайниса: он составлен с недопустимыми отступлениями от процессуальных требований, принижающими роль подсудимого в процессе и его права на защиту; он вынесен практически без доказательств виновности Тартайниса во вмененных ему преступлениях и опира-

ется лишь на предположения суда, не находящие подтверждения в деле.

IV. Дополнительные соображения

При изучении дела привлекает внимание одно обстоятельство, относящееся не лично к Тартайнису, а ко всем осужденным вообще.

Ни один из них, как видно из протокола, по существу, не признал своей вины в судебном заседании.

В этой связи представляет интерес, что, согласно данным документальной ревизии, проведенной по цеху (л. 8—24 т. 53):

в 1983 году цех сдал Вильнюсскому кожзаводу всего на 16 свиных шкур меньше числа свиней, забитых по учету убойного отделения,

в 1984 году — на 29 шкур больше, чем надлежало получить по числу забитых, учетных свиней, а в 1985 году отклонений не установлено.

Из этого следует, что цех в 1983—1985 годах сдал Вильнюсскому кожзаводу не только шкуры «реально забитых», но, по существу, и все шкуры свиней, признанных по приговору «бумажными», приписанными с целью хищения. Эта абсурдная ситуация не исследовалась и никакого объяснения в деле и в приговоре не получила.

В то же время можно с уверенностью заключить, что учет количества сданных шкур не «подгонялся» осужденными под учет скупки и забоя с целью сокрытия хищения, поскольку ни один из них не пытался на следствии или в суде сослаться на сведения о числе сданных шкур как на опровергающее обвинение обстоятельство.

Указанные данные из акта ревизии ставят под вопрос обоснованность обвинения в целом.

По изложенным основаниям обращаюсь с просьбой опротестовать приговор в отношении Тартайниса на предмет отмены и прекращения дела в касающейся его части из-за отсутствия доказательств **ВИНОВНОСТИ**.

Адвокат С. Ария

По настоящей жалобе приговор был опротестован в Президиум Верховного суда Литовской ССР, который признал осужде-

ние Тартайниса за хищение неосновательным, действия его оценил как преступную халатность и смягчил наказание до 2 лет лишения свободы, отбытых им.

Генеральному прокурору СССР

ЖАЛОБА

в порядке надзора по делу Н. Чачхалиа (убийство)

Чачхалиа совместно с Мачавариани и Майсурадзе признан виновным в убийстве гр. О. Ш. Гелашвили и осужден с присоединением неотбытого условного срока к 13 годам и 6 месяцам лишения свободы в колонии строгого режима.

Тем же приговором он осужден за хулиганство.

В 1974 году заместителем Председателя Верховного суда СССР приговор был опротестован по мотиву «неисследованное дело». Протест был отклонен Президиумом Верховного суда Грузинской ССР, который одновременно заменил смертную казнь осужденному Мачавариани лишением свободы.

К настоящему времени Чачхалиа отбыл почти 9 лет заключения.

Изучение дела приводит к выводу, что вина его не только в убийстве, но и в пособничестве таковому не доказана.

Неосновательно осужден Чачхалиа и за хулиганство, что усматривается даже из текста приговора. Однако обжалование приговора в этой части представляется беспредметным ввиду полного отбытия наказания, и настоящая жалоба приносится лишь на осуждение Чачхалиа за убийство. Жалоба в отношении Чачхалиа приносится в Прокуратуру СССР впервые.

Вывод о неосновательности осуждения Чачхалиа за убийство основан на изложенном ниже анализе.

Обстоятельства дела

18 ноября 1972 года один из жителей г. Рустави справлял свадьбу, на которую явилось до 120 гостей. Мачавариани, дядя которого был тамадой свадьбы, привел на нее своих товарищей — Майсурадзе и Чачхалиа.

Как установлено ныне приговором, Чачхалиа на свадьбе совершил следующие поступки: затеял словесную ссору с одним из гостей, унизил тамаду, назвав его «мужланом», «неу-

чем», потребовал наполнить вином большой рог, но все вино из него не выпил, частично пролил, а в конце свадьбы, уходя, нецензурно бранился.

Из многословного и нечеткого текста приговора с трудом можно уяснить, что именно эти поступки Чачхалиа послужили поводом к осуждению его за злостное хулиганство по части 2 статьи 228 УК Грузинской ССР к 5 годам заключения, которые он и отбыл.

Резо Мачавариани, опьянев за столом, также совершил ряд противоправных действий: ударил ногой гр. Циклаури, затем вступил в драку с применением ножа, причинил ряду лиц легкие телесные повреждения. После этого Мачавариани ушел со свадьбы. В это время О. Ш. Гелашвили с целью задержать и наказать хулигана последовал за уходившим по улице Мачавариани, настиг его и, схватив за руки, прижал к стене. Как утверждает Мачавариани, Гелашвили при этом ударил его головой в лицо.

Эту сцену видели следовавшие позади Майсурадзе и Чачхалиа. Как признано приговором, они сзади напали на Гелашвили, нанесли ему побои и, схватив с боков, оторвали его от Мачавариани, освободив последнего. Тогда Мачавариани имевшимся у него ножом нанес Гелашвили несколько ножевых ранений, одно из которых оказалось смертельным. Гелашвили умер на месте происшествия.

Приговором признано, что Майсурадзе и Чачхалиа освободили Мачавариани умышленно, чтобы дать ему возможность убить Гелашвили, то есть явились соисполнителями убийства. Именно это утверждение суда и оспаривается защитой.

1. Умысел Чачхалиа и Майсурадзе на убийство Гелашвили не доказан по делу

На всем протяжении дела Чачхалиа и Майсурадзе показывали, что в момент нанесения ранений Гелашвили не присутствовали, пришли позже и увели Мачавариани с места происшествия.

Сосредоточившись на опровержении их версии и утверждая, что именно они освободили Мачавариани от захвата со стороны Гелашвили, суд обошел молчанием решающий для квалификации вопрос: какими доказательствами установ-

лено, что действия Майсурадзе и Чачхалиа совершены с целью убийства Гелашвили?

Из текста самого приговора следует, что объективно действия Майсурадзе и Чачхалиа были направлены лишь на освобождение Мачавариани от примененного Гелашвили захвата, а не на убийство последнего: никакого опасного для жизни Гелашвили насилия над ним они, как видно из приговора, не учинили. Поэтому в приговоре квалификация их действий как убийства обоснована ссылкой на субъективную сторону: по мнению суда, они освободили Мачавариани с целью дать ему возможность убить Гелашвили.

Между тем утверждение суда о такой направленности умысла Чачхалиа и Майсурадзе носит характер предположения, лишённого серьезной доказательственной основы. Единственный мотив, приведенный по этому поводу в приговоре, состоит в том, что осужденные знали о наличии у Мачавариани ножа и о предшествующем ранении им нескольких лиц на свадьбе.

Однако это обстоятельство само по себе не давало Майсурадзе и Чачхалиа оснований предвидеть совершенное затем убийство. Как видно из приговора, всем раненым до этого лицам Мачавариани причинил легкие телесные повреждения. Поэтому возможность использования своего освобождения Мачавариани для нанесения тяжелых, а тем более смертельных травм Гелашвили отнюдь не вытекала из его предшествующих поступков.

Предположительный вывод суда о цели действий Майсурадзе и Чачхалиа при освобождении Мачавариани не имеет опоры и в прочих данных дела:

— поведение Чачхалиа на свадьбе даже в описании по приговору не свидетельствует о его стремлении причинить кому-либо телесный вред: все вмененные ему в вину нарушения порядка носили характер малозначительной перебранки;

— с Гелашвили Чачхалиа знаком не был, на свадьбе столкновений с ним не имел и потому личной вражды к нему испытывать не мог;

— в сговоре с Мачавариани о согласованных действиях с целью убийства Гелашвили Чачхалиа не обвинялся;

— из показаний Мачавариани в начальной стадии следствия (то есть в период, когда он, по мнению суда, еще не пытался «выгораживать соучастников») видно, что после происшествия

Чачхалиа и Майсурадзе упрекали его в применении ножа. «На следующий день Майсурадзе и Чачхалиа сказали мне: “Зачем ты употребил нож? Ты должен был действовать только руками”» (6 декабря 1972 года, л. 34 т. 2, конец протокола). Подобный упрек свидетельствует, что возможность убийства Гелашвили не охватывалась предвидением Чачхалиа и Майсурадзе.

Как правильно указал в своем постановлении Президиум Верховного суда Грузинской ССР, Мачавариани воспользовался для убийства Гелашвили своим освобождением со стороны Майсурадзе и Чачхалиа (л. 4 текста перевода). Однако президиум не сделал из этой правильной оценки ситуации надлежащих выводов: убийство не было для Майсурадзе и Чачхалиа ни согласованным, ни предвиденным последствием их действий; оно явилось эксцессом третьего лица.

Действия их по освобождению Мачавариани, за отсутствием объективной и недоказанностью субъективной стороны состава убийства, подлежали квалификации по части 2 статьи 209 УК Грузинской ССР как насилие над гражданином, выполнявшим свой общественный долг.

II. Дополнительные соображения

В мотивах приговора заслуживают внимания также ссылки суда на показания осужденного Мачавариани и свидетелей Сунцовой и Кетиладзе, которые якобы подтвердили участие Чачхалиа и Майсурадзе в убийстве.

Суд пишет (л. 13 текста перевода), что даже сам Мачавариани подтверждал в начале следствия прямое соучастие Майсурадзе и Чачхалиа в совершенном им убийстве. В приговоре цитируются эти показания Мачавариани:

«Если бы мои товарищи... не пришли бы, там убийства не произошло бы. Если бы мы были одни, он меня побил бы, и этим бы кончилось, тем более что он меня держал, и я не мог использовать нож».

Выдержка эта взята из показаний Мачавариани от 2 декабря 1972 года (л. 212 т. 1). Вырвав приведенную фразу из контекста показаний Мачавариани, суд неверно истолковал ее смысл. Подлинный текст этих показаний свидетельствует, что Мачавариани не описывал в них роль своих товарищей в совершенном им убийстве, а попытался исказить общую картину

происшествия, представив Майсурадзе и Чачхалиа главными виновниками убийства. К этому побуждала его реальная угроза высшей меры наказания за серию совершенных преступлений.

В дальнейшем Мачавариани отказался от этой попытки, по существу признал, что ножевой удар в грудь потерпевшего был нанесен им, и перестал ссылаться на вину Майсурадзе и Чачхалиа в убийстве.

Выдержки из этих показаний наглядно подтверждают изложенное.

При первом после задержания допросе Мачавариани пытался переложить вину за убийство только на Майсурадзе:

«Я увидел, что один из танцоров погнался за мной. Я кричал: “Не подходи!”, пятился и махал ножом. Но тот схватил меня за руки и прижал к стене. Он ударил меня головой в подбородок. В это время от парикмахерской прибежал Майсурадзе и сбоку замахнулся рукой на этого парня. Тот отпустил меня и покачнулся. Тут прибежал Чачхалиа и начал бить этого парня. Я закричал: “Бежим!” И мы убежали. На другой день Майсурадзе сказал мне, что если бы не он, то этот парень избил бы меня» (л. 129—137 т. 1).

В следующих показаниях, выдержка из которых использована в приговоре, Мачавариани изменил описание событий, стремясь выпятить роль не только Майсурадзе, но и Чачхалиа:

«Он схватил меня за руки, прижал к стене и ударил головой в подбородок. Тут одновременно подбежали Майсурадзе и Чачхалиа. Кто-то из них толкнул или ударил Гелашвили, тот сразу сник, отпустил меня...» (л. 212—123 т. 1).

При очередном допросе и особо на очной ставке 6 декабря 1972 года Мачавариани впервые признает, что именно он убил Гелашвили:

«Когда он держал мои руки, то прибежали Майсурадзе и Чачхалиа, столкнулись с Гелашвили, он отпустил меня, и тогда я ударил его один раз ножом, после чего он согнулся...» (л. 26 т. 2).

Через два дня, 8 декабря 1972 года, допрошенный уже в качестве обвиняемого, Мачавариани окончательно отказывается от попытки переложить на Майсурадзе и Чачхалиа свою вину:

«Пытаясь освободиться от Гелашвили, когда он держал мои руки, я ударил его коленом в живот, и тогда он отпустил меня. Пользуясь этим, я ударил его ножом. Он согнулся и схватил меня за ногу. Я несколько раз махнул ногой, чтоб вырвать ее. Тут прибежали Майсурадзе и Чачхалиа, которые увели меня» (л. 64 т. 2).

Аналогичные показания дал он и в суде (л. 43—48 т. 5). Таким образом, те показания Мачавариани, цитата из которых использована в приговоре, являлись попыткой ввести в заблуждение следствие относительно подлинного убийцы Гелашвили. Эта попытка, от которой далее отказался и сам Мачавариани, была отвергнута затем и следствием, и судом. И потому использование одной из деталей этой несостоятельной версии происшествия для осуждения Майсурадзе и Чачхалиа нельзя признать обоснованной.

Суд упоминает также показания свидетелей Сунцовой и Кетиладзе. Сунцова показала, что видела ночью из окна, как трое лиц побили четвертого, после чего потерпевший был уведен по улице с места избиения к парикмахерской (л. 242 т. 2 и л. 87 т. 5).

Поскольку по заключению судебно-медицинской экспертизы Гелашвили после ранения передвигаться не мог (л. 56 т. 1) и скончался непосредственно на месте происшествия у дома Эсиава (что указано и в приговоре, л. 15 текста перевода), вызывает серьезные сомнения, что лицо, уведенное кем-то после драки у дома Сунцовой к парикмахерской, было потерпевшим по настоящему делу. В противном случае сомнения вызывает и вопрос о том, действительно ли Сунцова видела то, о чем показала.

Что касается свидетеля Кетиладзе, то из его показаний следует, что он происшествия с Гелашвили не видел, а услышанная им фраза, произнесенная неустановленным лицом после убийства (л. 42 т. 3), безразлична для оценки роли Майсурадзе и Чачхалиа в происшествии.

Изложенный анализ мотивов приговора позволяет с определенностью заключить, что ни основной довод суда (осведомленность Майсурадзе и Чачхалиа о наличии у Мачавариани ножа), ни дополнительные ссылки в приговоре на показания убийцы в ходе следствия и свидетелей Сунцовой

и Кетиладзе не колеблют вывода об отсутствии доказательств умысла на убийство в действиях Майсурадзе и Чачхалиа при освобождении Мачавариани.

Поэтому прошу проверить дело в плане настоящей жалобы и опротестовать приговор в отношении Чачхалиа и Майсурадзе для изменения квалификации их действий на часть 2 статьи 209 УК Грузинской ССР с соответствующим изменением наказания.

Адвокат С. Ария

Настоящая жалоба была после изучения дела отклонена.

Председателю Московского
городского суда

ЖАЛОБА

в порядке надзора по делу Писарева А. А. (грабеж)

Несовершеннолетний Писарев осужден за ограбление гр. Петушкова к 6 годам лишения свободы.

Он осужден также за самовольный угон автомашины, однако приговор в этой части не обжалуется.

В части осуждения по части 3 статьи 145 УК приговором неосновательно вменяется в вину Писареву и осужденному вместе с ним Горячеву признак проникновения в жилище потерпевшего, что повлекло за собой отягченную квалификацию преступления и соответственно чрезмерное наказание.

Обстоятельства дела по приговору вкратце сводятся к следующему.

Взрослый Горячев и 16-летний подросток Писарев, вступив в сговор о похищении имущества своего знакомого Петушкова, 28 февраля 1985 года в первом часу ночи пришли на квартиру последнего с бутылкой водки. Поужинав вместе с ним на кухне, они начали требовать у потерпевшего деньги, угрожая насилием, однако Петушков на эти требования ответил отказом. Когда опьяневший Петушков уснул, осужденные похитили у него имущество на значительную сумму и ушли.

Утверждение защиты об отсутствии в этих действиях признака проникновения в жилище и о чрезмерности наказания Писарева основано на изложенных ниже соображениях.

I. В действиях Писарева нет признака проникновения в жилище

Квалификация ограбления Петушкова по части 3 статьи 145 УК мотивирована в приговоре ссылкой на то, что осужденные с целью хищения «проникли в жилище Петушкова против воли последнего». Эта ссылка противоречит материалам дела и, в частности, показаниям потерпевшего.

Петушков показывал на следствии:

«С Писаревым познакомился в декабре 1984 года на улице... завязались приятельские отношения. Он несколько раз у меня ночевал...»

«27 февраля 1985 года в полпервого, когда я открыл дверь на звонок, в квартиру ко мне вошли Андрей и с ним незнакомый парень, который уже бывал у меня вместе с Андреем. Андрей сказал, что, мол, мы ненадолго. Я им сказал, чтобы они уходили пораньше, так как завтра я должен ехать... кататься на лыжах. Они достали бутылку водки и попросили поставить в холодильник. Андрей сказал, что хочет есть. Я нарезал колбасы, достал все, что можно было кушать. Мы попили втроем чай. После чего я достал бутылку из холодильника, открыл ее и налил всем...» (л. 13, 14). Аналогичные показания Петушков давал и на последующих допросах, и в суде (см. л. 39, 40, 414). Таким образом, из показаний потерпевшего с очевидностью вытекает:

— что ранее он находился в приятельских отношениях с подростком Писаревым (при разнице в возрасте в 9 лет!) и был знаком с Горячевым;

— что в день происшествия осужденные попросили у Петушкова позволения войти в его квартиру, а последний не только разрешил им войти, но и угощал их затем чаем, ужином и водкой.

В этих условиях наличие у осужденных цели хищения имущества Петушкова не наделяет сам по себе их визит к нему признаками «проникновения в жилище», так как таковым признается лишь противоправный вход в помещение без согласия его законного владельца (гражданина, государственного учреждения). Это принципиальное положение основано на следующем анализе:

1) Согласно разъяснению, изложенному в пункте 14 постановления Пленума Верховного суда СССР от 6 апреля 1984 года № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении Указов Президиума Верховного Совета СССР...», проникновением должно считаться тайное или открытое вторжение в жилище или хранилище с целью совершения кражи (Бюллетень Верховного суда СССР. 1984. № 3. С. 22).

2) Языковое толкование слова «вторжение» определяет безусловно противоправный характер такого действия, совершаемого самоуправно, без согласия владельца помещения (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1984. Т. 1. С. 273).

3) В «Обзоре судебной практики» по делам о хищениях на транспорте Верховным судом СССР в прямой форме разъясняется, что «наличие этого признака хищения предполагает не всякое, а только незаконное, недозволенное тайное или открытое вторжение в помещение или иное хранилище с целью совершения кражи, грабежа или разбоя» (Бюллетень Верховного суда СССР. 1985. № 2. С. 42).

В качестве иллюстрации в «Обзоре...» далее приводится пример, в котором признак проникновения был исключен из оценки действий лица, вошедшего в помещение с целью кражи, поскольку доступ в это помещение был разрешен ему законным владельцем для выполнения производственных обязанностей (там же. С. 43).

4) Аналогичное толкование этого признака Верховным судом РСФСР изложено в обзоре кассационной и надзорной практики за 1984 год, где в качестве примера приводится дело П., вошедшего в универмаг с целью хищения товаров. Действия его «нельзя считать совершенными с проникновением в помещение, ибо не было “вторжения”» (Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1985. № 10. С. 15).

Исходя из приведенных разъяснений Верховных судов СССР и РСФСР, действия Писарева и Горячева, вошедших в квартиру Петушкова в качестве его гостей, знакомых с согласия и разрешения потерпевшего, не могут рассматриваться как «проникновение в жилище», несмотря на наличие у них умысла на хищение.

Квалифицирующий признак «проникновения» должен быть поэтому исключен из описания действий осужденных по приговору, а содеянное ими должно быть переклассифицировано на часть 2 статьи 145 УК РСФСР.

II. О наказании Писарева по приговору

В качестве смягчающего ответственность обстоятельства суд указал только несовершеннолетие Писарева. Для примененной по приговору разницы в наказании Горячева и Писарева возраст последнего, возможно, был достаточно серьезным основанием.

Однако по делу имелся и ряд иных, не менее серьезных смягчающих обстоятельств, не указанных и, следовательно, не учтенных судом.

В их числе, в первую очередь, заслуживало внимания поведение самого потерпевшего. Завязав подозрительную дружбу с подростком, которому только что исполнилось 16 лет, и неоднократно оставляя его у себя ночевать, Петушков тем самым способствовал его разложению.

«Мать Писарева, — показывал Петушков, — обратилась ко мне с просьбой о том, что, если ее сын у меня появится, чтобы я позвонил домой, она приедет и заберет сына» (л. 40).

Однако потерпевший не только не выполнил просьбу матери Писарева в день происшествия, но и принялся сам угощать подростка водкой, как это видно из показаний Петушкова. Поведение последнего явилось, таким образом, одной из способствовавших преступлению причин.

Не учтена и значительно менее активная роль Писарева в ограблении сравнительно с ролью взрослого соучастника Горячева.

Не указано и не учтено в приговоре, что Писарев по собственной инициативе сообщил следователю о втором из вмененных ему в вину преступлений: самовольном угоне машины (л. 238), что свидетельствует о его стремлении к искренности.

Заслуживало внимания и состояние здоровья Писарева, который, как это видно из прилагаемых медицинских спра-

вок, страдает заболеваниями сердца и желудочно-кишечного тракта.

Все эти факторы существенно смягчают вину Писарева и позволяют утверждать, что ему избрано чрезмерно суровое наказание.

По изложенным соображениям прошу опротестовать приговор в отношении Писарева для исключения из него ссылки на проникновение в жилище потерпевшего и, соответственно, об изменении квалификации на часть 2 статьи 145 УК РСФСР, со смягчением в связи с этим назначенного ему наказания в пределах отбытого им.

Адвокат С. Ария

По мотивам жалобы был принесен протест, который был удовлетворен президиумом Мосгорсуда.

Генеральному прокурору СССР

ЖАЛОБА

в порядке надзора по делу Сергеева Н. А. (взятка)

Сергеев, работавший начальником управления бытового обслуживания в г. Коломне, был осужден за получение взятки в сумме 150 руб. и угощение в ресторане к 8 годам заключения.

Этот приговор был вынесен при повторном рассмотрении дела, так как ранее дело было иным составом облсуда обращено к доследованию ввиду сомнительности и недостоверности улик получения Сергеевым взятки.

Определением Верховного суда РСФСР от 4 февраля 1982 года в кассационном порядке приговор был отменен с возвращением дела на новое рассмотрение — с указанием на грубые нарушения судом процессуальных прав Сергеева и противоречия в доказательствах его вины.

По протесту заместителя Председателя Верховного суда РСФСР это определение было отменено постановлением Президиума Верховного суда РСФСР с передачей дела на новое кассационное рассмотрение.

При повторном рассмотрении кассационных жалоб коллегия Верховного суда РСФСР оставила приговор в силе,

одновременно применив к Сергееву статью 43 УК РСФСР и снизив ему наказание до 5 лет заключения.

Вынесенные по делу судебные постановления, и, в первую очередь, постановление Президиума Верховного суда РСФСР, считаю неосновательными.

Полное пренебрежение суда первой инстанции к процессуальным гарантиям прав обвиняемого в стадии предания суду и при судебном разбирательстве оценивается Президиумом Верховного суда как несущественное. Такая ориентировка нижестоящих судов ведет на практике к правовому нигилизму. Она противоречит постановлениям Пленума Верховного суда СССР по этим вопросам и дискредитирует их значимость, превращая в пустые декларации.

Столь же поверхностна и оценка Президиумом глубоких дефектов и противоречий в доказательствах вины Сергеева. В результате ни в приговоре, ни в кассационном определении по делу нет ответов на прочно обоснованные доводы защиты, а Сергеев осужден при более чем сомнительных доказательствах его вины.

Подобное отношение к закону и судьбе гражданина не может быть терпимо в правосудии.

Фактическая сторона дела

В начале 1978 года Сергеев, работавший до этого заместителем директора Песковского комбината стройматериалов, был переведен на должность начальника Коломенского управления бытового обслуживания. В феврале того же года к нему обратились граждане Угулава и Чекурашвили, приехавшие из Грузии, с предложением организовать в Коломне производство по изготовлению гравированных «под хрусталь» стаканов и показали образцы своей продукции.

Образцы понравились Сергееву. Показав их районному руководству, он обратился к областному управлению бытового обслуживания за разрешением на открытие указанного производства. Получив добро облуправления на разработку технической документации и изготовление экспериментальных образцов 21 февраля 1978 года (л. 77 т. 37), Сергеев весной 1978 года приступил к организации мастерской. В марте было получено разрешение санэпидстанции на устройство

такой мастерской в помещении Дома быта в с. Пески, после чего Угулава и Чекурашвили начали в нем монтаж несложного оборудования, изготовленного по их заказу местными мастерами.

Закончив монтаж оборудования — деревянной станины с двигателем и ванны для протравки, Угулава и Чекурашвили в начале июня изготовили на нем пробную партию стаканов в количестве около 400 штук, которые были оприходованы управлением и использованы Сергеевым для разработки ТУ и утверждения образцов и цен.

Как впоследствии выяснилось, Угулава и Чекурашвили не ограничились выпуском пробной партии. Они изготовили также дополнительную партию стаканов, которую незаконно реализовали на рынках района. В связи с тем, что сведения об этом стали известны в управлении, Угулава и Чекурашвили были отстранены от дальнейшей работы, а цех закрыт. Угулава и Чекурашвили покинули Коломну.

В начале 1979 года против Сергеева и директора Песковского комбината стройматериалов Цыплакова было возбуждено уголовное преследование по части 1 статьи 170 УК РСФСР за безнарядный отпуск ими асфальта с комбината в течение 1976—1977 годов. В поле зрения следствия по этому делу попал и описанный выше эпизод с незаконной продажей стаканов Угулавой и Чекурашвили. Последние были разысканы в г. Элисте, где они работали, вызваны в Коломну и задержаны за частнопредпринимательскую деятельность.

Вскоре после задержания Угулава и Чекурашвили заявили, что были вынуждены скрытно изготовить и продать стаканы на 600 руб. ввиду безденежья: все наличные деньги они израсходовали на угощение Сергеева в ресторане и дачу ему взятки в сумме 150 руб.

Эти показания и послужили основанием для обвинения, а затем и осуждения Сергеева по части 2 статьи 173 УК РСФСР.

На всем протяжении дела Сергеев вину отрицал, утверждая, что оказался жертвой оговора. Материалы дела подтверждают основательность утверждений Сергеева: приведенные в приговоре улики при их изучении по делу оказываются не-

состоятельными, глубоко дефектными и не заслуживающими доверия.

Единственной прямой уликой послужили показания Угулавы об угощении им Сергеева за свой счет в ресторане, а также о передаче на другой день 150 руб. Косвенной уликой явились показания Чекурашвили о том, что ему со слов Угулавы были известны эти факты.

Все остальные лица (официантка, шофер и другие) показаний о самих фактах уплаты взяток не давали и освещали лишь некриминальные спорные обстоятельства.

Поскольку объективных подтверждений передачи взятки (признание Сергеева, обнаружение переданных денег и т. п.) не было, первостепенное значение для дела приобретали сведения об отсутствии или наличии у Угулавы возможных мотивов для оговора Сергеева, о последовательности и стабильности его показаний, о его общей правдивости, то есть достоверности этих показаний как решающего доказательства.

Анализ дела в этом плане приводит к следующим выводам.

I. Обстоятельства возникновения уличающих Сергеева показаний

28 февраля 1979 года вызванные в Коломну Угулава и Чекурашвили были задержаны следователем за частнопредпринимательскую деятельность и заключены в КПЗ (л. 69 и 173 т. 37).

В тот же день они были допрошены. Признав факты безучетного изготовления гравированных стаканов и их частной продажи, задержанные пояснили на вопрос следователя, что взятку Сергееву «за открытие цеха не давали» (л. 170 и 174 т. 37).

Однако на третий день раздельного содержания под стражей Угулава и Чекурашвили подали следователю совершенно идентичные заявления, в которых оправдывали совершенное ими правонарушение вынужденностью своих действий:

«Хочу рассказать всю правду, почему продавал стаканы. Мне больше ничего не оставалось делать, потому что Сергеев от нас все деньги забрал» (текст одинаков, — л. 187 и 184, т. 37).

В этих заявлениях-близнецах и в данных тут же показаниях подозреваемые впервые выдвинули версию о том, что были доведены до крайности угощением Сергеева и уплатой ему 150 руб.

«Мне ничего не оставалось, как продать стаканы на 600 руб.», — показал Угулава (л. 190 т. 37).

Зафиксировав эти объяснения на магнитофоне, следователь немедленно освободил Угулаву и Чекурашвили по мотиву «наличия у них постоянного места жительства» (л. 182, 183 т. 37).

Таким образом, уже из текста заявлений и допросов от 2 марта 1979 года вытекало, что оба подозреваемых применили дачу показаний на Сергеева как средство защиты по своему уголовному делу, то есть имели вполне понятный личный интерес в такой версии.

Побуждая подозреваемых к оговору, следователь использовал следующий незаконный прием. Чтобы озлобить их против Сергеева и снять моральную преграду перед ложным изобличением, он пригласил в КПЗ Бекрeneuve, квартирную хозяйку изготовителей гравированных стаканов. Дочь ее участвовала в сбыте неучтенной продукции цеха. И Бекрeneuve, находясь в связи с этим в зависимости от «благоволения» следователя, стала убеждать Угулаву и Чекурашвили в том, что Сергеев обманывал их при заключении договора на организацию производства стаканов.

Как была реализована эта идея, видно из показаний Бекрeneuve и Угулавы.

Бекрeneuve: «Следователь мне предложил посмотреть (?) на этих ребят, я и пошла в милицию» (л. 50 т. 46).

Угулава: «Меня привел в кабинет дежурный. Там была хозяйка квартиры. Она сказала: “Говорите всю правду, я говорила, что Сергеев вас обманет” (л. 147 т. 38). “Я считаю, что Сергеев обманул нас с пропиской. Он хотел обучить местных, а нам бы пришлось уехать, так как нет прописки”» (л. 53 т. 38).

В определении Мособлсуда от 1 октября 1979 года, по указанию которого проверялись обстоятельства и цели проникновения Бекрeneuve в КПЗ, отмечается:

«Как пояснили Угулава и Чекурашвили в судебном заседании, заявление о передаче взяток Сергееву они написали после того, как в КПЗ их посетила бывшая квартирная хозяйка. Последняя убедила их в том, что Сергеев обманул их, и предложила рассказать “всю правду”» (л. 181 т. 38).

Таким образом, из приведенных данных видно, что уличающие Сергеева показания о взятках возникли не только как средство защиты Угулавы и Чекурашвили от уголовного обвинения, но и как средство мести этих озлобленных против Сергеева лиц за обман в деловых отношениях. Эта организованная следователем двойная настроенность Угулавы и Чекурашвили определяла высокую вероятность оговора Сергеева с их стороны. Поэтому уже обстоятельства возникновения этих показаний вызывают обоснованные сомнения в их достоверности.

Немедленное освобождение Угулавы и Чекурашвили должно было убедить их в действенности избранной ими версии и целесообразности ее продолжения. Дело о них действительно было затем прекращено (л. 315 т. 37).

II. Существенные противоречия в доказательствах

Сомнения в правдивости показаний Угулавы и Чекурашвили, вызванные причинами их возникновения, не рассеиваются и в дальнейшем. Более того, они усиливаются ввиду крайней противоречивости этих показаний в их развитии.

В описании почти всех деталей криминала (времени, источников средств, сопутствующих фактов) у Чекурашвили, Угулавы и их земляков царит полный ералаш, подрывающий к ним доверие.

Мособлсуд в определении от 1 октября 1979 года дал следующую оценку этим показаниям:

«Обвинение Сергеева в получении взяток основано на крайне противоречивых доказательствах» (л. 179 т. 38).

В обширной жалобе, присланной из тюрьмы, Сергеев достаточно полно приводит перечень этих противоречий, повторять его нет надобности. Поэтому считаю целесообразным привести лишь наиболее существенные несуразности в показаниях этих лиц, ставящие под сомнение саму возможность уплаты взяток.

Сергеев был арестован 9 февраля 1979 года по обвинению в безнарядном отпуске асфальта (л. 146, 149 т. 37).

Через четыре месяца, в течение которых Сергеев находился в условиях изоляции, следствием была допрошена о посещении ресторана свидетельница Петрунина. Она показала:

«Однажды в 1978 году я попросила Сергеева подвезти меня в Озеры в магазин... По пути в машину сел какой-то грузин. В Озерах мы проехали по магазинам и заехали в ресторан. Мы не хотели в ресторан, но этот грузин буквально заташил нас. Во время ужина Сергеев... попросил у меня 15 руб., сказав, что не хочет, чтобы грузин платил за него» (л. 253 т. 37).

В суде она показала:

«Деньги он отдал грузину, и тот пошел платить. Счет был рублей на 40. Сергеев давал и свои деньги. Грузин отказывался от денег, но взял их все-таки» (л. 201—205 и 30 т. 38).

Такие же показания дала она и в последнем судебном заседании (л. 104 т. 51). Из показаний Петруниной следовало, что Угулава не угощал Сергеева, а каждый из участников ужина рассчитался за себя, как это утверждал и Сергеев (л. 72 т. 50).

В приговоре показания Петруниной не отвергаются: им просто не дано там никакой оценки.

Угулава на всем протяжении дела показывал, что при визите в ресторан он имел при себе не более 15—17 руб. В последнем судебном заседании он подтвердил это:

«У меня было всего 17 руб.» (л. 137 т. 51).

Сумма счета значительно превышала эту денежную наличность Угулавы. Отсюда следует, что Угулава оплатил счет официантке не только своими 17 рублями, но и деньгами остальных участников ужина, что подтверждала и Петрунина.

Когда логическая неизбежность этого вывода была разъяснена Чекурашвили в заседании Мособлсуда, он предпринял попытку спасти версию «об угощении», изменив только что данные им показания о том, что в ресторан не приезжал. Чекурашвили заявил:

«На машине поехал в Озеры и отдал Угулаве 12 руб. и часы» (л. 127 т. 38).

Впоследствии Чекурашвили откажется и от этих показаний:

«Я в суде говорил, что деньги передал Шоте, я и отдал 12 руб., но это не так» (л. 32 т. 46).

В свою очередь и Угулава, уяснив неувязку своих и даже новых показаний Чекурашвили с арифметикой, попытался исправить дело, признавшись: «Я сейчас наврал». Затем он увеличивает якобы доставленную ему сумму до 50 руб. и вводит в событие нового фигуранта, Кохреидзе (л. 130 и 33), на которого возлагает миссию доставки денег для «угощения».

Этот калейдоскоп ложных показаний повлек обращение дела к доследованию.

Однако Кохреидзе, согласившись поддержать эту новую версию, проявил при допросе судом крайнюю неуверенность (осторожность?) в описании своего визита в ресторан, подрывающую доверие к его попытке помочь своим землякам:

«Не помню, один ездил в ресторан или с Шалвой Чекурашвили. На автобусе ездил, а может, на такси» (л. 150 т. 51).

Таким образом, надуманная версия Угулавы о доставке ему денег в ресторан, опровергавшаяся его же предыдущими показаниями, не получила надлежащего подтверждения. В то же время она наглядно продемонстрировала его способность к вымыслам и их легкой, беззастенчивой смене применительно к ситуации.

Вместе с этой версией надлежит признать недоказанной саму возможность дачи взятки в форме угощения.

Ложность показаний Угулавы и Чекурашвили по предыдущему эпизоду, частично признанная ими самими, вызывает весьма критическое отношение и к их показаниям по эпизоду передачи Сергееву 150 руб.

Однако сомнения в доказанности этого второго эпизода основаны и на более существенных фактах.

Практически все допрошенные на следствии лица относили события, в период которых, по словам Угулавы, он угостил Сергеева и дал ему 150 руб., к апрелю–маю 1978 года. Это время криминала соответственно было указано и в первом обвинительном заключении.

Однако в суде выяснилось, что лицо, у которого, по словам Угулавы и Чекурашвили, они заняли деньги на взятку, никак не могло дать их в апреле или мае, так как находилось в Коломне лишь в феврале–марте 1978-го.

При доследовании было приложено немало усилий для «переноса» событий этого эпизода с апреля—мая 1978 года, о которых показывали все допрошенные по этим событиям многочисленные свидетели, включая Угулаву и Чекурашвили, на февраль—март. Следствию удалось обосновать такой «перенос» событий только с помощью свидетельницы Ильиной, вспомнившей, что визит в ресторан имел место в желательный для следствия период, после ее поездки к матери в Ригу, для чего она взяла краткосрочный отпуск. Однако ее показания не являлись надежной основой в этом вопросе, так как ранее она столь же уверенно относила этот визит к маю месяцу (л. 203 т. 37). Кроме того, из прилагаемой справки видно, что Ильина в феврале и марте отпуском не пользовалась.

Между тем в деле есть данные для точного определения периода этих событий.

По утверждению Угулавы, взятка в 150 руб. была передана им Сергееву на другой день после посещения ресторана.

В свою очередь, визит в ресторан Угулава и Чекурашвили на всем протяжении дела, включая и последнее судебное заседание, твердо относили к периоду монтажа оборудования «после осмотра второго помещения». Так, Угулава относил поездку в ресторан к периоду монтажа оборудования как в «заявлении» (л. 187 т. 37), так и во всех последующих показаниях (л. 188, 193, 195 т. 37, л. 44 т. 33 и т. д.). В последнем судебном заседании Угулава также сообщил, что в ресторан ездили с Сергеевым «после просмотра второго помещения» (л. 146 т. 51).

Такие же показания давал об этом и Чекурашвили (л. 185, 234 т. 37). В последнем заседании Чекурашвили показал:

«Когда устанавливали оборудование, то они и были в ресторане» (л. 193, т. 51).

Ссылка их на «второе помещение», в котором они начали монтаж, вызвана тем, что выбор места монтажа был произведен не сразу. Вначале имелось в виду разместить цех гравировки в одном из производственных помещений комбината в Коломне. Однако после осмотра его инспектором санэпидстанции и отказа последнего в санкции было предложено к осмотру второе помещение в с. Пески, которое инспектор

СЭС и одобрил, после чего в помещении начался монтаж оборудования.

В санэпидстанции сохранилась документация по обшм осмотрам, что и позволяет произвести точную привязку по времени указанных событий. Из служебных дневников инспектора СЭС Аксаковой и ее показаний видно, что первое помещение в Коломне было осмотрено ею 13 марта 1978 года, а второе, в Песках, — 16 марта 1978 года (л. 79 и 99 т. 46). 21 марта 1978 года санэпидстанция официально уведомила комбинат о разрешении монтировать цех в с. Пески (л. 101 т. 46).

Тем самым документально устанавливается, что монтажные работы, в ходе которых, по утверждениям Угулавы и Чекурашвили, состоялось посещение ресторана, начались не ранее 16 марта 1978 года, когда состоялся осмотр пустовавшего помещения в Песках.

Эти данные совпадают и с показаниями свидетеля Черного о заказе ему оборудования для монтажа «в конце марта или начале апреля» (л. 206 т. 37), а также с показаниями свидетеля Гвимбрадзе.

В приведенном анализе нет ни одного слабого звена, он основан на документах, показаниях Угулавы и Чекурашвили и неоспоренных в приговоре свидетельских показаниях. Между тем он полностью опровергает ссылку Угулавы и Чекурашвили на источник получения 150 руб. для взятки Сергееву, что видно из дальнейшего.

Вопрос об источнике средств для передачи Сергееву 150 руб. вызвал в начале следствия очередное противоречие между Угулавой и Чекурашвили. Последний показал, что 150 руб. они взяли из имевшихся у них общих средств (л. 187 и 234 т. 37), в то время как Угулава объяснил, что своих денег у них не было вовсе и потому 180—200 руб. он накануне вручения взятки «занял у Омара» (л. 235 т. 37).

В судебном заседании Чекурашвили изменил в этой части свои показания и, приспособив их к версии Угулавы, показал:

«Денег у нас не было, и мы взяли в долг у парня из Грузии» (л. 115 т. 38).

Этой общей версии о получении 180—200 руб. в день вручения взятки у приезжего из Грузии Омара они далее и придерживались.

Личность гостя из Грузии, Омара Микучидзе, была при доследовании установлена, однако о деньгах он дал противоречивые показания.

При допросе его в г. Рустави местным следователем Микучидзе пояснил, что весной 1978 года он ночевал у своих земляков в Коломне и дал им 60 руб. из жалости, так как видел, что они «сидят без еды»; денег этих они не просили, он дал их «по своему желанию» (л. 70 т. 47).

Эти показания не совпадали с обвинительной версией, и потому Микучидзе был повторно допрошен следователем, приехавшим из Москвы. На сей раз такое совпадение было обеспечено. Микучидзе, изменив показания, подтвердил дачу им Угулаве 180 руб. (л. 92 т. 46). В суде Микучидзе допрошен не был, и потому причины изменения им показаний не выяснились.

Последние показания Микучидзе и были приняты судом по приговору как подтверждающие источник получения Угулавой 150 руб. на взятку. При этом ни следствие, ни суд не обратили внимания на то, что, согласно справке Руставского металлургического комбината, Микучидзе находился в отпуске лишь до 4 марта 1978 года (л. 106 т. 46). Поэтому для дачи взятки, якобы состоявшейся не ранее 16 марта, денег Угулаве он дать не мог.

Этому важному обстоятельству не дано в приговоре никакой оценки, хотя оно опровергает ссылку Угулавы на источник средств для передачи взятки.

Перечень несообразностей и противоречий в показаниях Угулавы и Чекурашвили можно было бы продолжить. Но и изложенного выше достаточно для определенных выводов.

Показания эти возникли как средство защиты указанных лиц от обвинения.

С помощью стороннего воздействия лица эти к тому же были озлоблены против Сергеева. В ходе следствия показания оказались крайне противоречивыми, непоследовательными и сомнительными, что лишает их достоверности. Шаткими

оказались и показания иных лиц, допрошенных для проверки отдельных деталей в объяснениях Угулавы и Чекурашвили.

Обвинительный приговор построен на дефектной, не выдерживающей критики основе.

По изложенным соображениям прошу проверить дело в порядке надзора и опротестовать состоявшиеся судебные постановления в части осуждения Сергеева по статье 173 УК РСФСР для их отмены и прекращения дела за недоказанностью обвинения.

Адвокат С. Ария

На жалобу последовал отказ Прокуратуры СССР в опротестовании приговора.

Председателю Верховного суда СССР

ЖАЛОБА

в порядке надзора по делу Т. Камалова (контрабанда)

Камалов осужден к 3,5 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Внесено представление о лишении его ордена Трудового Красного Знамени и ученой степени.

Верховным судом РСФСР в кассационном порядке жалобы осужденного и защиты отклонены. Президиум Верховного суда РСФСР по протесту заместителя Прокурора РСФСР исключил из приговора представление о лишении Камалова ученой степени, оставив в остальном приговор без изменения.

Между тем, как полагает защита, имелись веские основания для более существенных изменений назначенного Камалову наказания.

Обстоятельства дела вкратце таковы.

Являясь заместителем министра мелиорации Узбекистана пограничной работе, Камалов постоянно выезжал в заграничные командировки для проверки хода работ на объектах, возводимых с помощью советских специалистов.

Вернувшись с объекта в Афганистане, Камалов тут же был вызван в Москву для подготовки к выезду в Гвинею.

Выезжая из Ташкента, Камалов взял с собой личные средства в сумме 5785 руб., предназначенные для многомесячного и сложного лечения тяжелобольной жены, покупки лекарств

и других целей. Жена выезжала в Москву вслед за ним для помещения ее в больницу.

Кроме того, Камалов имел при себе конверт с 370 долларами — остатком от командировочных, выплаченных ранее при поездке в Никарагуа и хранившихся им при себе в качестве НЗ на случай непредвиденных обстоятельств при выездах.

По прибытии в Москву Камалов имел достаточное время для подготовки к выезду и для устройства личных дел. Однако 12 июня ему и главному инженеру Мерзлову, ехавшему с ним, было сообщено, что выезд в Гвинею по ряду причин должен состояться срочно, завтра, что вызвало у них «цейтнот» и спешку (см. показания Мерзлова, — л. 55).

В этих условиях Камалов, испытывая недостаток времени, легкомысленно решил оставить при себе имевшиеся у него деньги с тем, чтобы провезти их «без хлопот» туда и обратно. Расчет Камалова оправдался при выезде, но при возвращении он был подвергнут досмотру и деньги были обнаружены.

Столь же самонадеянно отнеся Камалов в Гвинею и к просьбам ряда советских специалистов о передаче в СССР принадлежавших им чеков ВПТ и дешевой бижутерии их родственникам. Такие действия разрешены законом, но требуют получения соответствующей справки от Торгпредства о цели перевозки чеков, которую Камалов брать в Гвинею поленился.

Изложенные обстоятельства основаны на материалах дела и не оспариваются в приговоре. Поступок Камалова опрометчив, но не заслуживал столь сурового наказания, разрушившего судьбу этого в принципе достойного человека. Вывод этот основан на изложенных ниже соображениях:

1. Контрабанда, как правило, является корыстным преступлением, направленным на извлечение материальной выгоды. Это справедливо отмечено первым заместителем Генерального прокурора СССР А. Н. Баженовым в интервью центральной газете («Известия» от 10 апреля 1986 года). Это же обстоятельство отражено и в пункте 1 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 3 февраля 1967 года «О судебной практике по делам о контрабанде», где говорится о необходимости выявлять «источники приобретения и каналы сбыта предметов контрабанды».

Преступление Камалова существенно отличается от обычных криминалов этого рода полным отсутствием в нем корыстных мотивов в действиях осужденного.

Данных о приобретении Камаловым советских денег и инвалюты специально для контрабандного вывоза из СССР в деле никаких нет. Показания его о наличии у него при выезде 13 июня 1985 года не сданных в установленном порядке денег и небольшой суммы инвалюты по причине непредвиденной срочности выезда, напряженной предотъездной подготовки, притупления контроля за своими действиями, тяжестью состояния жены подтвердились документальными данными о болезни жены (л. 208), а также показаниями свидетелей Утаниязовой (л. 239) и Мерзлова (л. 55).

Отсутствие у Камалова материальных интересов в вывозе указанных денег убедительно подтверждается и тем фактом, что за 18 дней пребывания в заграникомандировке Камалов не приобрел на эти деньги ничего для себя и иных лиц, несмотря на очевидную возможность подобных покупок.

Нет в деле и данных о том, что он изыскивал в командировке возможность такого расходования своих средств. Отсутствие у Камалова цели извлечения выгоды от контрабандного вывоза денег 13 января 1985 года косвенно отмечено и в приговоре (л. 6 печатного текста).

Что касается обратного ввоза им тех же денег в СССР, то отсутствие у него при этом корыстного интереса вытекает из самого факта ввоза денег в той же сумме, что и при выезде, и в доказывании не нуждается. Следует признать поэтому, что причинами преступления послужили недомыслие Камалова и утрата им чувства ответственности за свои действия под влиянием случайных факторов.

Полностью подтвердились и объяснения Камалова об отсутствии у него личной корысти в незаконном ввозе в СССР чеков ВПТ на сумму 3500 руб., а также сувениров стоимостью 1166 руб. для передачи родным советских специалистов, работающих в Гвинее. Источники получения этих предметов и цели их провоза установлены приговором. Согласно Правилам таможенного контроля от 15 декабря 1977 года, провоз через границу чеков ВПТ при обстоятельствах, установленных по приговору, разрешен (л. 108). Халатное отноше-

ние Камалова к соблюдению формальностей такого провоза (отсутствие у него соответствующей справки) дополнительно освещает подлинные причины совершенной им контрабанды.

Необычное для контрабанды отсутствие корыстных мотивов в действиях осужденного резко выделяет настоящее дело из обычных дел такого рода и существенно снижает его общественную опасность.

2. Личные данные Камалова исключительно положительны. Выходец из крестьянской семьи, представитель малого народа, он благодаря способностям и упорству стал подлинным техническим интеллигентом, кандидатом наук, видным инженером в области ирригации. Имеет печатные научные труды.

3. В приговоре и обвинительном заключении отмечены правдивое поведение Камалова в ходе следствия и суда, его раскаяние, помощь в установлении истины по делу.

Сочетание указанных выше обстоятельств:

- бескорыстность преступления;
- значительная социальная ценность осужденного в области, особенно важной для его народности;
- правильное отношение к содеянному позволяет утверждать, что примененное к нему наказание излишне сурово и не вызывается надобностью.

4. Неоправданно и применение к нему дополнительного наказания в виде представления о лишении ордена. Совершенное им преступление не имеет никакого отношения к деятельности, за которую он в 1978 году был удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Ссылка в этой части приговора на то, что совершенное преступление отнесено к категории тяжких, сама по себе не объясняет применения дополнительного наказания. Согласно Постановлению Пленума Верховного суда СССР от 25 февраля 1967 года «О практике применения судами статьи 31 Основ уголовного законодательства» при осуждении за преступление, отнесенное к числу тяжких, суды «могут», но не обязаны входить с представлениями такого рода. Других же мотивов решения суда в этой части приговором не указано.

5. Несмотря на установившуюся практику, защита позволяет себе выразить сомнение в наличии состава статьи 78 УК РСФСР в деянии Камалова, так как сам факт наличия у него дипломатического паспорта вряд ли может быть приравнен к «исполь-

зованию служебного положения», указанному в диспозиции закона как признак уголовно наказуемой контрабанды.

6. В судебном заседании 18 февраля 1986 года защитник Камалова отсутствовал. Согласно статье 251 УПК РСФСР разбирательство дела по этой причине подлежало отложению. Возможность разбирательства каких-либо иных вопросов в этих условиях законом не предусмотрена.

Несмотря на это, прокурор заявил ходатайство об избрании Камалову меры пресечения в виде заключения под стражу, а суд, не располагая мнением защиты, как этого требовала статья 276 УПК, удовлетворил ходатайство прокурора (л. 197—199). Между тем никаких поводов для ареста Камалов своим поведением не давал. Что касается степени тяжести предъявленного ему обвинения, то она ни следственными органами, ни прокурором при утверждении обвинительного заключения, ни судом при предании Камалова суду не была признана обстоятельством, вызывающим применение к нему такой меры пресечения.

Оставив Камалова без защиты при разрешении достаточно важного для него вопроса, суд не только нарушил существенную процессуальную гарантию, но и разрешил этот вопрос с неоправданной суровостью.

Та же неоправданная и не вызываемая необходимостью суровость была проявлена судом и в приговоре при назначении наказания.

Считая по изложенным причинам примененное к Камалову наказание чрезмерно суровым, прошу опротестовать приговор на предмет смягчения наказания.

Адвокат С. Ария

По настоящей жалобе Председатель Верховного суда СССР внес протест, вышедший за рамки ее просительной части. В нем указывалось, что наличие дипломатического паспорта само по себе не освобождает от таможенного досмотра и потому не равнозначно использованию служебного положения. Пленум Верховного суда СССР согласился с протестом, отменил приговор и дело прекратил. Президиум Верховного Совета СССР оставил без последствий представление Генерального прокурора СССР об ошибочности данного Постановления Пленума Верховного суда СССР.

ЖАЛОБА

в порядке надзора по делу В. Журиной (нарушение правил о валютных операциях)¹

Журина, зубной врач по профессии, осуждена приговором от 17 апреля 1974 года по части 2 статьи 80 УК УССР к 6 годам заключения. С присоединением срока, не отбытого ею по предыдущему приговору от 6 апреля 1972 года (ст. 80 ч. 1 УК УССР), окончательное наказание определено в виде 8 лет заключения.

По обоим приговорам Журина признана виновной в частном зубопротезировании с применением своего золота: в первом случае — принадлежавшего по наследству, во втором — купленного в ювелирном магазине.

Считаю, что в обоих случаях Журина была осуждена за действия, не содержавшие признаков состава преступления.

Это утверждение основано на изложенном ниже анализе.

Действия, вмененные по приговору от 17 апреля 1974 года

Как указано в приговоре от 17 апреля 1974 года, «Журина, являясь зубным врачом, подыскивала клиентов в г. Никополе, подготавливала им полость рта к протезированию, договаривалась об оплате за каждую золотую единицу протезирования, изготавливала слепки и передавала их не установленному следствием лицу, являвшемуся зубным техником.

Из скупленного в ювелирных магазинах золота в виде обручальных колец высоких проб, которые приобретали Журина и зубной техник, последний изготавливал золотые зубные протезы. Полученные от зубного техника протезы Журина ставила обращающимся к ней за протезированием зубов гражданам по 50—60 руб. за единицу. Наживу от продажи

¹ При чтении жалобы нужно иметь в виду, что до 1976 г. в течение многих лет судебной практикой любые изделия из драгоценных металлов, включая ювелирные и зуботехнические, признавались валютными ценностями, а любые сделки с ними между гражданами — преступными. Жалоба была направлена на слом противозаконной практики.

В 1976 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, впервые прямо разъяснивший, что изделия бытового назначения из драгметаллов валютными ценностями не являются и сделки с ними не запрещены законом.

зубопротезных изделий Журина делила с зубным техником» (л. 2 печатного текста). И далее:

«Таким образом, подсудимая Журина за указанный период вопреки требованиям Правил о валютных операциях реализовала золото 33 гражданам путем установки им 98 новых зубных протезов на 5360 руб. С учетом затрат на покупку золота подсудимая с не установленным следствием лицом получила наживу в сумме 4236 руб., которые были разделены между ними» (л. 3 печатного текста).

«Ее действия правильно квалифицированы по части 2 статьи 80 УК УССР, так как она ранее была судима за нарушение правил о валютных операциях... и вновь совершила аналогичное преступление» (л. 4 текста).

В приведенном тексте для дальнейшего анализа существенно следующее: приговором признаются преступными только действия Журиной по реализации золота путем зубопротезирования больных. Незаконность приобретения использованного на эти работы золота ей не вменяется.

В спекуляции золотом Журина не обвинена: часть 2 статьи 80 УК УССР применена к ней по признаку повторности нарушения Правил о валютных операциях.

Правовой анализ описанных действий

При вынесении обвинительного приговора суд исходил из того, что зубопротезные изделия из золота являются валютными ценностями, а также из того, что все валютные ценности изъяты из гражданского оборота и потому совершение сделок с ними частным лицам запрещено Правилами о валютных операциях.

Не входя в данном разделе жалобы в обсуждение первого из этих положений, считаю второе ошибочным, так как не все виды валютных ценностей отнесены законом к числу изъятых из гражданского оборота и соответственно сделки не со всеми валютными ценностями запрещены гражданам.

Действительно:

1. Основной нормой, регламентирующей валютные операции, являлось до сих пор Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 января 1937 года «О сделках с валютными ценностями и о платежах в иностранной валюте», которым было уста-

новлено исключительное право государства на совершение в СССР сделок с драгоценными металлами в монете, слитках и сыром виде (извлечение см. на л. 61 т. 1).

Монополия государства на изделия из драгоценных металлов законом не предусматривалась.

2. В точном соответствии с текстом этой союзной нормы гражданскими кодексами союзных республик был затем установлен Перечень валютных и фондовых ценностей, изъятых из гражданского оборота (ст. 24 ГК УССР — в редакции 4 февраля 1938 года; ст. 24 ГК РСФСР — в редакции 20 марта 1937 года и т. д.).

Изделия из драгоценных металлов к числу предметов, сделки по которым запрещались, отнесены в гражданских кодексах не были. Поэтому в силу прямого указания статьи 6 ГК УССР сделки об отчуждении изделий из драгоценных металлов между гражданами признавались разрешенными.

3. Уставом Государственного банка СССР (утвержден Постановлением Совета Министров СССР от 29 октября 1960 года № 1146) было вновь подтверждено исключительное право Госбанка СССР на совершение сделок с тем же перечнем видов валютных ценностей без включения в их число изделий из драгоценных металлов (выписка из ст. 55 Устава Госбанка СССР, см. на л. 60 т. 1).

4. Согласно статье 81 УПК УССР 1961 года «вещи, изъятые из обращения, передаются соответствующим учреждениям».

В официальном Комментарии к аналогичному тексту статьи 86 УПК РСФСР разъясняется, что под «вещами, запрещенными к обращению», надлежит понимать драгоценные металлы в монетах, слитках и сыром виде. Изделия в этом качестве не указаны (Научно-практический комментарий УПК РСФСР. Изд. 3. 1970. С. 129).

5. В 1972 году Пленум Верховного суда СССР при рассмотрении конкретного дела зубного врача Верещагиной признал ошибочность отнесения золотых зуботехнических изделий к числу запрещенных предметов гражданского оборота. Пленум, в частности, указал:

«Не установлено нарушений Правил о валютных операциях и при использовании золотых изделий для изготовления зубных протезов, а также при расчетах за работу... Изложенное в приговоре понимание закона является неверным. В со-

ответствии с указанным Постановлением ЦИК и СНК СССР, как прямо в нем записано, исключительным правом Госбанка СССР являются лишь сделки с золотом в монетах, слитках, в сыром виде и с ломом. Не содержится запрета на осуществление подобного рода сделок гражданами с драгоценными изделиями и в последующих нормативных актах, изданных в развитие Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 января 1937 года» (Постановление Пленума Верховного суда СССР от 11 июля 1972 года № 152—72 по делу Т. Ф. Верещагиной).

Протест по указанному делу был поддержан Генеральным прокурором СССР (надзорное производство Прокуратуры СССР № 4—1078—72).

6. Так же, в соответствии с текстом закона, трактует этот вопрос и уголовно-правовая наука.

В период наиболее острой карательной политики по валютным преступлениям М. П. Михайлов в пособии «Уголовная ответственность за спекуляцию валютой» писал:

«В настоящее время гражданам СССР разрешено совершение любых валютных сделок, кроме тех, на которые объявлена государственная монополия. Государственной монополией являются лишь сделки с основными видами валютных ценностей... Нарушение Правил о валютных операциях может выражаться в совершении любой сделки (купля-продажа, дарение, залог, обмен и др.), предметами которой являются золото, серебро, платина и металлы платиновой группы в сыром виде, слитках, ломе и монетах.

...Нельзя рассматривать как нарушение правил о валютных операциях совершение гражданами тех или иных сделок с золотом, серебром и платиной в изделиях, которые могут быть предметом гражданского оборота при условии отсутствия спекулятивных целей при совершении таких сделок» (Указанная работа. Изд. «Юридическая литература», 1964. С. 21.)

В шеститомном «Курсе советского уголовного права» АН СССР указывается:

«Для того чтобы установить, какого рода деяния могут рассматриваться как нарушение Правил о валютных операциях, необходимо обратиться к действующему советскому законодательству, регулирующему производство валютных операций в СССР, и, в частности, к Уставу Государственного

банка СССР, утвержденному Постановлением Совета Министров СССР от 29 октября 1960 года.

Согласно статье 55 этого Устава совершение на территории СССР операций по покупке золота, серебра и других драгоценных металлов в монетах, слитках, ломе и сыром виде... является исключительным правом Госбанка СССР». «Закон запрещает совершение различного рода сделок с золотом, серебром и платиной в слитках и монетах. Поэтому не может дать состава рассматриваемого преступления совершение тех или иных сделок (купля—продажа, обмен и т. п.) с золотом в изделиях, которые могут быть предметом оборота с соблюдением правил пробирного надзора» (Курс советского уголовного права. Изд. «Наука», 1970. Т. IV. С. 255—257). Таким образом, основной нормативный акт и изданные в его развитие законы и подзаконные акты, официальные комментарии к законам, практика Верховного суда СССР и научные источники не относят изделия из золота к числу тех основных валютных ценностей, сделки с которыми запрещены для граждан Правилами о валютных операциях.

7. В известной степени представляет интерес практическое проявление в повседневной жизни общества отсутствия запрета на сделки с изделиями из драгоценных металлов для граждан.

Известно, например, что дарение золотых ювелирных изделий свободно применяется в отношениях между людьми, а в некоторых случаях является традиционным, например дарение обручальных колец при вступлении в брак. Оценка подобных действий как преступного нарушения Правил о валютных операциях была бы явно абсурдной.

А между тем дарение является двусторонней сделкой (см. понятие сделки в ст. 41 ГК УССР) и в этом качестве не отличается принципиально от иных сделок с изделиями из драгоценных металлов. Поэтому не только правовые мотивы, но и доводы здравого смысла свидетельствуют об ошибочности отнесения сделок со всеми видами валютных ценностей к числу запрещенных в гражданском обороте.

8. Сделки с золотыми изделиями, не запрещенные Правилами о валютных операциях, приобретают наказуемый по статье 80 УК УССР характер лишь в единственном случае,

прямо указанном в диспозиции закона: если они направлены на куплю—перепродажу с целью нетрудовой наживы, то есть образуют состав спекуляции валютными ценностями.

Однако Журина, как отмечено выше, не обвинялась в спекуляции и не признана виновной в ней по приговору.

Кроме того, как разъяснил Пленум Верховного суда СССР в Постановлении от 3 сентября 1954 года № 7 «О судебной практике по делам о занятии запрещенным промыслом», действия лица, изготавливающего товар по заказу из своего материала (сделка подряда), не содержат состава спекуляции материалом (сделка купли—продажи).

Изложенное позволяет утверждать: не существует правовой нормы, которая относилась бы к числу запрещенных валютных операций сделку по зубопротезированию с использованием законно принадлежащего врачу золота.

Поэтому следует признать, что Журина осуждена без законного основания, исходя из общего представления суда о социальной опасности ее действий.

Подобный способ вынесения приговора противоречит принципу законности, изложенному в статье 4 Основ уголовного судопроизводства СССР, и представляет собой попытку возродить порочную аналогию как основание уголовной ответственности.

Дополнительные соображения

1. В стадии предварительного следствия Журиной было предъявлено обвинение, согласно которому ей вменялась лишь установка золотых протезов и договоренность с клиентами. Согласно обвинению, протезы «изготавливал зубной техник из своего золота и передавал Журиной» (л. 367 т. 1). Приобретение золота Журиной не вменялось. По этому обвинению она и была предана суду.

Суд не вправе был в нарушение статьи 42 Основ уголовного судопроизводства СССР изменять в приговоре описание действий Журиной и указывать, что кольца для изготовления протезов она покупала вместе с техником в ювелирных магазинах.

2. Солидарная ответственность предусмотрена законом лишь для лиц, совместно причинивших ущерб. Для взыскания неосновательного обогащения такая форма совместной

ответственности не предусмотрена, и потому его взыскание должно носить долевого характер.

Устанавливая приговором, что плату за выполнение зубо-протезных работ Журина разделила с неизвестным техником, суд не вправе был поэтому взыскивать всю сумму полученной платы — 4230 руб. — с нее одной.

При расчете суммы неосновательного обогащения судом не принята во внимание также и стоимость колец в ювелирных магазинах (20 руб. за грамм), которые согласно приговору, приобретались в качестве материала для изготовления протезов.

3. Суд в приговоре весьма туманно утверждает, что Журина «протезировала граждан с применением золота» и «таким путем продавала золото», допуская тем самым ошибочное отождествление двух разнородных сделок: подряда и купли—продажи. Это смешение понятий потребовалось только для того, чтобы именовать полученную Журиной плату за работу (см. определение подряда в ст. 64 Основ гражданского законодательства СССР) наживой от продажи, то есть искусственно отягчить ее вину.

Между тем вполне очевидно, что Журина не «продавала золото» в виде коронок, а занималась врачебной работой, используя золото в качестве материала для протезирования в лечебных целях так же, как в иных случаях ею использовался недорогой исходный материал (см. постановление на л. 63 т. 1).

Характерно, что вопрос об уголовной ответственности пациентов Журиной вообще не возникал по делу, хотя они, пользуясь терминологией суда, «скупали золото».

В отличие от ювелирных и технических изделий из драгоценных металлов зуботехнические протезы из золота, установленные в полости рта, не могут использоваться владельцами в качестве валютных ценностей, пока они используются по назначению как суррогатная часть человеческого организма. Поэтому вызывает серьезное сомнение, чтобы работа врача по установке подобных протезов в лечебных целях могла вообще рассматриваться как сделка с валютными ценностями.

Представляет интерес в этой связи, что ограничение числа изделий из драгоценных металлов (валютных ценностей), раз-

решенных к вывозу за границу лицам, выезжающим из СССР, не распространяется на золотые зуботехнические протезы (п. 13 Инструкции Министерства финансов СССР от 1 апреля 1949 года № 436 по применению Постановления Совета Министров СССР от 25 октября 1948 года № 4006 «О порядке вывоза, ввоза и пересылки валюты и валютных ценностей»).

Изложенные в настоящем разделе соображения носят дополнительный, а не решающий характер. Однако они также могут быть учтены при проверке обоснованности приговора.

Нарушение права на защиту

Право на выбор защитника является одной из гарантий общего конституционного права подсудимого на защиту.

Как видно из дела, дочь Журиной по выбору подсудимой заключила соглашение на ее защиту с адвокатом Островским. Последний оказался занятым по работе до 22 апреля 1974 года. Об этом дочь подсудимой поставила в известность суд и своевременно просила перенести дату слушания дела на 8 дней — на 23 апреля 1974 года (заявление на л. 450 т. 1).

Однако в переносе слушания дела было отказано резолюцией председательствующего.

В судебном заседании 15 апреля судом был приглашен адвокат Похил. Подсудимая, не возражая против участия в процессе вызванного судом адвоката, ходатайствовала о ведении ее защиты избранным ею адвокатом Островским (л. 3 т. 2).

Ходатайство Журиной было отклонено судом по мотиву занятости адвоката Островского до 23 апреля 1974 года (л. 4 т. 2).

Считаю, что срок в 8 дней, по истечении которого избранный Журиной адвокат мог осуществлять ее защиту, нельзя назвать длительным. Поэтому отклонение ходатайства Журиной было необоснованно.

К тому же приглашенный судом адвокат Похил не имел полномочий на осуществление защиты (ордер юридической консультации в деле отсутствует).

При обжаловании приговора адвокат Похил признал основательность осуждения Журиной по статье 80 УК УССР, то есть по существу опроверг кассационную жалобу осужденной, не выполнив тем самым функций защитника в этой стадии процесса.

О приговоре от 6 марта 1972 года

В предыдущем приговоре (после существенных изменений, внесенных в него определением Верховного суда УССР от 17 мая 1972 года) Журиной вменялись в вину совершенно аналогичные действия. Отличие состоит лишь в том, что вместо колец, приобретенных техником в качестве материала для протезирования, Журиной использовался золотой крест, принадлежавший ей по наследству.

Поэтому все доводы об отсутствии состава преступления (нарушения Правил о валютных операциях), изложенные выше, могут быть полностью отнесены и к приговору от 6 марта 1972 года.

Считая осуждение Журиной в обоих случаях неосновательным, прошу по изложенным мотивам в порядке статьи 48 Основ уголовного судопроизводства СССР опротестовать приговоры Днепропетровского областного суда от 6 марта 1972 года и 17 апреля 1974 года, а также определения Верховного суда УССР от 17 мая 1972 года и 21 мая 1974 года в отношении В. П. Журиной для их отмены и прекращения дел за отсутствием состава преступления.

Адвокат С. Ария

По настоящей жалобе в 1975 году Генеральным прокурором были принесены протесты в Пленум Верховного суда УССР, а затем в Пленум Верховного суда СССР, постановлениями которых приговоры в отношении Журиной были отменены, а оба дела прекращены производством.

Председателю Верховного суда РСФСР

ЖАЛОБА

в порядке надзора по делу С. Лукьянова (дача взяток)

Лукьянов был осужден в группе лиц Мосгорсудом за двукратную дачу взяток работникам магазина «Автомобиль» по части 2 статьи 174 УК к 8 годам заключения с конфискацией имущества. Верховным судом РСФСР приговор был оставлен без изменения со смягчением наказания.

Изучение дела приводит к выводу, что действия Лукьянова подлежат квалификации по части 1 того же закона.

Обстоятельства криминала

Согласно приговору, преступления Лукьянова состояли в следующем. По первому эпизоду (№ 3 по нумерации в приговоре) в октябре 1982 года Лукьянов дал взятку в сумме 1 тыс. руб. зам. зав. секцией магазина Шевченко за содействие в покупке автомашины на имя гр. Урина, имевшего право такой покупки, но фактически купленной Лукьяновым для себя.

Основательность осуждения Лукьянова по этому эпизоду в настоящей жалобе не оспаривается.

По второму эпизоду (29-й по нумерации в приговоре) Лукьянов осужден за то, что в январе 1983 года повторно дал взятку в сумме 1 тыс. руб. Шевченко и экономисту Фурман за их содействие в покупке автомобиля его приятелем Андреевым, на что получил соответствующую сумму от Андреева.

По этому эпизоду Лукьянов был осужден вопреки примечанию к статье 174 УК РСФСР, так как о даче этой взятки органам следствия стало известно лишь из добровольного заявления самого Лукьянова, сделанного им по собственной инициативе.

Несмотря на то что Лукьянов отбыл основное наказание, назначенное приговором, последствия допущенной в отношении него ошибки существенно влияют на его положение. Он считается осужденным за тяжкое преступление и лишен возможности вернуться на постоянное место жительства к семье. Поэтому исправление этой ошибки имело бы для него отнюдь не символическое, а вполне ощутимое практическое значение.

Основания обжалования

Ни на предварительном следствии, ни в приговоре и кассационном определении Верховного суда РСФСР вопрос о применении к Лукьянову примечания к статье 174 УК РСФСР не возникал, а защитой его не ставился, так как че-

рез несколько месяцев после заявления о даче взятки в январе 1983 года Лукьянов изменил свои показания и в дальнейшем оспаривал самый факт дачи взятки, а не возможность уголовной ответственности за него.

Между тем вопрос этот заслуживал внимания и соответствующих правовых выводов.

Согласно тексту закона, для освобождения виновного в даче взятки от уголовного преследования требуются лишь два условия: 1) добровольное заявление о факте дачи взятки и 2) мотивы подобного заявления не должны быть связаны с наличием у органов власти информации об этом факте (п. 2 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 23 сентября 1977 года).

Оба эти условия были выполнены Лукьяновым, что видно из следующего.

Добровольность сообщения Лукьяновым о даче им взятки Шевченко в январе 1983 года установлена приговором.

Перечисляя доказательства виновности Лукьянова по эпизоду № 29, суд указал:

«Лукьянов еще вперед Шевченко 18 февраля 1984 года написал собственноручное заявление, в котором сообщил добровольно о том, что...»

(Далее излагаются обстоятельства эпизода; см. л. 66—67 печатного текста приговора.)

Это указание в приговоре вполне основательно. Будучи задержан 16 февраля 1984 года по подозрению в даче им взятки Шевченко в октябре 1982 года (эпизод № 3), Лукьянов действительно по собственной инициативе 18 февраля 1984 года добровольно заявил о даче им аналогичной взятки Шевченко также и в январе 1983 года (см. л. 3 и 17 т. 11).

Из текста заявления Лукьянова видно, что по его представлению он не должен подвергаться преследованию по этому эпизоду ввиду добровольности своего сообщения органам власти. До указанного заявления Лукьянова о даче им взятки в январе 1983 года (эпизод № 29) не было известно следственным органам. Это видно из материалов дела.

Впервые фамилия Лукьянова была упомянута по делу в «чистосердечном признании» гр. Орехова, сделанном им

12 февраля 1984 года (л. 13 т. 80). Однако в этом заявлении Орехов сообщает следствию лишь о даче Лукьяновым взятки в 1982 году при покупке себе автомашины.

Содержание информации Орехова подтверждается и тем, что все последующие следственные действия по проверке его сообщения с 12 по 17 февраля 1984 года касаются только эпизода № 3 (взятка при покупке Лукьяновым машины в 1982 году на имя Урина). Только об этом эпизоде упоминается в протоколе задержания Лукьянова, в постановлении об обыске у него, в тексте очных ставок с Ореховым и Валюх, в допросе Лукьянова от 17 февраля 1984 года (л. 3, 8, 13, 14, 16 т. 11).

Таким образом, к моменту сделанного Лукьяновым 18 февраля 1984 года заявления о даче им взятки в январе 1983 года при покупке машины Андреевым (эпизод № 29) никакой информации об этом эпизоде у органов следствия не имелось.

В тот же день об этом факте заявил и Андреев, но после заявления Лукьянова, что видно из времени их допросов (см. л. 44 и 89 т. 11). Из текста постановления о прекращении дела в отношении Андреева также видно, что сведения об этом эпизоде были впервые получены от Лукьянова (л. 95 т. 11).

Согласно примечанию к статье 174 УК РСФСР Лукьянов подлежал освобождению от уголовной ответственности по эпизоду № 29, о котором он сам сообщил властям. Однако в течение нескольких месяцев этого сделано не было. И потому в конце мая, а затем окончательно 5 июля 1984 года он отказался от сделанного признания (л. 41 и 44 т. 11).

Это обстоятельство не могло лишить его права на привилегию, установленную примечанием к статье 174 УК РСФСР, так как закон не ставит применение этой привилегии в зависимость от последующего поведения заявителя на следствии или в суде.

В связи с тем, что ни в руководящих постановлениях Верховных судов СССР и РСФСР, ни в опубликованной практике разъяснений этого принципиального вопроса не содержится, представляет интерес, как вопрос этот разрешен по настоящему делу применительно к иным лицам.

Орехов, осужденный Мосгорсудом по иным эпизодам этого же дела, на предварительном следствии первым добровольно заявил о передаче им двух взяток. Несмотря на то что Орехов в дальнейшем отказался от своих признаний (см. л. 115 т. 22, л. 482 т. 30, л. 40 печатного текста приговора), Верховный суд РСФСР в кассационном определении признал необходимым прекратить дело по этим двум эпизодам в силу примечания к статье 174 УК РСФСР (см. л. 22 печатного текста определения).

Аналогичная ситуация в отношении Лукьянова по эпизоду № 29 не повлекла никаких последствий для него в определении Верховного суда, что создало внутреннюю противоречивость кассационного определения в применении закона.

Андреев в тот же день, что и Лукьянов, но независимо от него, хотя и на полчаса позже, добровольно заявил о даче им взятки по эпизоду № 29. Дело на него было прекращено в стадии следствия (л. 95 т. 11).

Мосгорсуд, сославшись на последующий отказ Андреева от своего признания, предложил привлечь Андреева к уголовной ответственности по этому эпизоду (л. 69 печатного текста приговора). Мотивируя свою позицию, Мосгорсуд указал также, что «до возбуждения этого дела» Андреев и Лукьянов заявления о передаче взятки не сделали, хотя «это дело» до заявления указанных лиц было возбуждено и расследовалось только по иному факту.

Органы следствия не согласились с мнением Мосгорсуда и постановлением от 15 апреля 1987 года подтвердили основательность прекращения дела в отношении Андреева по примечаниям к статье 174 УК РСФСР, указав: «Коль скоро Андреевым было написано заявление о даче взятки, он согласно закону от ответственности освобождается, и процесс этот не может быть обратим даже при изменении им своих показаний» (копия прилагается).

При подготовке настоящей жалобы Московская областная юридическая консультация в порядке статьи 6 «Закона об адвокатуре в СССР» обратилась в Институт государства и права АН СССР с просьбой высказать свое мнение по этому вопросу.

Вопрос был обсужден в секторе уголовного права, руководитель которого сообщает: «Коль скоро взятокодатель деятельно раскаялся указанным в законе образом, он выполнил условия, необходимые и достаточные для освобождения его от уголовной ответственности в силу примечания к статье 174 УК РСФСР.

...Его последующий отказ от этого заявления при доказанности дачи взятки может иметь юридическое значение лишь как повод для привлечения его к уголовной ответственности за заведомо ложные показания».

Хотя мнение Института государства и права АН СССР о наличии признаков лжесвидетельства в отказе заявителя и не играет никакой роли для решения вопроса, поставленного в настоящей жалобе, оно представляется весьма спорным, так как любое лицо не может быть субъектом лжесвидетельства по делу о собственном криминальном поступке, поскольку осуществляет лишь свое право на защиту (см. статью: Субъект лжесвидетельства // Советская юстиция. 1979. № 17).

Таким образом, по совпадающему мнению Верховного суда РСФСР (в кассационном определении по настоящему делу в отношении Орехова), следственных органов (в итоговом постановлении в отношении Андреева) и авторитетного научного учреждения правовая ситуация, при которой осужден Лукьянов по эпизоду № 29, требовала освобождения его от уголовной ответственности по этому эпизоду.

Исправление ошибки, допущенной в отношении Лукьянова, способствовало бы укреплению авторитета буквы закона и одновременно осветило бы принципиальный вопрос, достаточно часто возникающий в судебной практике.

По изложенным соображениям прошу опротестовать приговор Мосгорсуда на предмет исключения из него осуждения Лукьянова по эпизоду № 29, переквалификации его действий на часть 1 статьи 174 УК РСФСР с соответствующим смягчением наказания.

Адвокат С. Ария

Жалоба была удовлетворена полностью.

**КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА
по делу Любич (контрабанда)**

Приговор считаю требующим частичного изменения по следующим мотивам.

I. Действия осужденных по эпизоду от 1 марта 1983 года являлись покушением, а не оконченной контрабандой

Согласно диспозиции статьи 78 УК РСФСР, контрабандой признается незаконное перемещение предметов через Государственную границу СССР.

В аэропорту Шереметьево Государственная граница СССР не проходит. Это обстоятельство общеизвестно и в доказывании не нуждается. Поэтому суд, признавая Любич и других осужденных виновными в оконченной контрабанде, исходил из представления о наличии в аэропорту условной государственной границы ввиду нахождения там пунктов пограничного и таможенного контроля.

Это представление суда ошибочно и противоречит союзному закону, мнению Верховного суда СССР и научному толкованию.

Закон «О Государственной границе СССР» от 24 ноября 1982 года (Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 48) в статье 1 однозначно определяет Государственную границу как линию, ограничивающую пределы территории СССР. Понятия условной границы закон не предусматривает.

В то же время в законе предусмотрено установление пунктов пограничного и таможенного пропуска, а также соответствующей им «линии контроля», местонахождение которых не совпадает с линией государственной границы, в частности в аэропортах вылета (ст. 9, 10, 11).

Отождествление в приговоре линии таможенного контроля с Государственной границей СССР противоречит поэтому тексту союзного закона.

На ошибочность подобного отождествления обратил внимание и Верховный суд СССР в своем обзоре судебной пра-

ктики по делам о контрабанде (см.: Бюллетень Верховного суда СССР. 1978. № 6. С. 35).

Журнал Верховного суда РСФСР в научной публикации излагает аналогичное мнение:

«Полагаем, что перемещение товаров и ценностей через Государственную границу СССР происходит в момент, когда граница пересечена и они оказались за пределами территории СССР. Поэтому при обнаружении контрабандных товаров в пределах Государственной границы СССР, действия виновного лица следует квалифицировать как покушение на контрабанду» (Советская юстиция. 1983. № 21. С. 7).

Это мнение совпадает и с буквальным текстом пункта 4 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 3 февраля 1978 года, в котором покушением на контрабанду именуется попытка вывоза товаров «за пределы СССР», а не через линию таможенного контроля в пределах страны.

Сочетание этих доводов приводит к выводу об ошибочности квалификации действий осужденных по этому эпизоду как законченной контрабанды. Действия их должны рассматриваться как покушение.

Исходя из меньшей социальной опасности покушения в сравнении с опасностью законченного криминала, подлежит смягчению и наказание, избранное Любич судом по данному эпизоду.

При этом заслуживает внимания и незначительная степень причастности Любич к покушению, имевшему место 1 марта 1983 года.

Приговором установлено, что изо всех предметов, попытка вывоза которых была предпринята осужденными в этот день, Любич имела долевой интерес лишь в одной акварели Нольде стоимостью 1,5 тыс. руб.

Из приговора видно также, что ни к поискам исполнителя вывоза, ни к передаче ему указанного рисунка, ни к содействию в вывозе Любич никакого отношения не имела, и вина ее ограничивается лишь согласием на вывоз, то есть минимальной причастностью.

В подобных условиях назначение Любич по этому эпизоду наказания, превышающего наказание за предыдущий эпизод,

связанный с более существенным квалифицирующим признаком, представляется нецелесообразным.

Вместе с тем защита просит учесть 30-летний трудовой стаж осужденной, положительные характеристики на нее за длительный срок (л. 117, 120, 124, 126 т. 5, л. 31—35 т. 6), ее пол, наличие у нее дочери-подростка, оставшейся в одиночестве, состояние здоровья Любич (л. 192 т. 5), ее второ-степенную роль в криминале, раскаяние и правдивость в ходе следствия, отсутствие судимости в прошлом. С учетом этих обстоятельств назначение Любич реального лишения свободы представляется излишне суровым.

II. Имущественные вопросы в приговоре

В качестве неосновательного обогащения приговором взыскано с Любич 15 тыс. руб., полученных ею от Левина осенью 1982 года.

Между тем, как видно из дела, большая часть указанной суммы, в размере 11 300 руб., была тогда же передана Любич осужденному Куритко для приобретения акварельного рисунка Нольде, кувшина Галле и предметов из стекла (см. показания Куритко на л. 13 т. 3).

Все эти предметы в личном владении Любич не находились, затраченная ею сумма 11 300 руб. не осталась у Любич ни в денежном, ни в вещевом выражении, и потому для изъятия ее у Любич оснований не имелось.

Из числа этих предметов акварель художника Нольде, на покупку которой у гр. Горошени (факт этот признается и в обвинительном заключении) Любич затратила 7 тыс. руб., изъята органами следствия и обращена приговором в доход государства. Взыскание судом с Любич в доход государства также и денег, израсходованных ею на покупку той же акварели, является повторным взысканием.

Соответственно неосновательное обогащение Любич составило не 15, а 3,7 тыс. руб.

Любич проживала вдвоем с дочерью Евгенией Боярской 15-ти лет. После ареста матери и изъятия имущества дочь

осужденной осталась в квартире одна без средств к существованию.

Следственными органами весной 1983 года обязанности попечителя были временно возложены на В. М. Ярцева, брата осужденной, проживающего по иному адресу и имеющего свою семью. В силу статьи 134 КоБС РСФСР В. М. Ярцев содержать дочь осужденной не обязан. Поэтому он обратился к суду с заявлением о выдаче ему на эти цели 1300 руб., принадлежащих Любич и изъятых у нее при аресте (л. 167 т. 3).

Суд отказал не только в рассмотрении, но и в принятии от Ярцева этого заявления (см. л. 101, 103 т. 6), пояснив, что вопрос этот должен быть поставлен в порядке иска об исключении имущества из описи.

Разъяснение суда ошибочно, так как истцами по подобным искам могут быть лишь собственники имущества, каковым В. М. Ярцев не является. Заявление Ярцева подлежало рассмотрению в уголовном деле при решении вопроса о конфискации имущества Любич по приговору. Оно было подано в интересах подростка, оставшегося без средств к жизни. Отказ в учете этих интересов и полная конфискация имущества Любич в подобных условиях негуманны (заявление В. М. Ярцева прилагается).

По изложенным мотивам прошу:

1. Исключить из квалификации действий Любич по приговору статьи 78 УК РСФСР, оставив ее в виде ст 15—78 УК РСФСР.

2. Смягчить назначенное Любич наказание путем применения к ней статьи 43 УК РСФСР.

3. С учетом положения и интересов несовершеннолетней дочери осужденной снизить размер конфискации имущества Любич до половины.

4. Снизить размер взыскания с Любич неосновательного обогащения до 3700 руб.

Адвокат С. Ария

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР частично согласилась с жалобой, признав действия Любич покушением на контрабанду.

ЖАЛОБА

в порядке надзора в интересах малолетней Натальи Хрущевой

Настоящая жалоба направляется мною от своего имени без поручения клиента по причинам, ясным из дальнейшего изложения.

Обстоятельства вкратце сводятся к следующему.

Супруги С. М. и Т. В. Хрущевы с малолетней дочерью Натальей, 1983 года рождения, проживали совместно в доме ЖСК «Фрязино», где занимали двухкомнатную квартиру. Членом ЖСК являлся С. М. Хрущев. 14 июля 1985 года С. М. Хрущев совершил умышленное убийство жены с особой жестокостью, за что приговором Мосгорсуда от 1 апреля 1986 года осужден к 15 годам заключения. Ребенок остался без родителей. Опекуном Натальи был назначен дед, В. Р. Хазиков.

В этом качестве В. Р. Хазиков предъявил С. М. Хрущеву иск о лишении его права наследования имущества убитой жены, а также о праве ребенка на долю в ЖСК, принадлежавшую матери.

В подготовленном иске предлагалось с учетом особых обстоятельств дела определить эту долю в 4/5 имевшегося на имя ответчика пая.

На личном приеме народный судья предложила истцу изменить текст иска и просить о признании права ребенка на весь пай. Текст иска был соответственно изменен. 1 января 1987 года дело было рассмотрено судом. Его решением доля ребенка в пае определена в размере половины. Что касается просьбы о существенном увеличении этой доли, то в ней судом было отказано по мотиву «незаконности».

Оставляя в стороне вопрос об этичности поведения судьи, которая сама сориентировала истца на просьбу, признанную затем в решении незаконной, считаю решение о частичном отказе в иске ошибочным как по мотиву, так и по существу.

На совет мой обжаловать решение в этой части истец ответил отказом, заявив, что пережитое горе и многомесячное

хождение в суды исчерпали его силы и здоровье (он стар и перенес тяжелый инфаркт, вызванный гибелью дочери). Подготовленную мною кассационную жалобу истец не подал. Между тем интересы малолетней Натальи требуют защиты и вмешательства надзорных инстанций независимо от желания и состояния здоровья ее опекуна.

Решение о частичном отказе в иске считаю неосновательным по следующим соображениям.

Мотив «незаконности» просьбы об увеличении доли матери ребенка за рамки обычной половины супружеского имущества неоснователен, так как именно закон (ст. 21 КоБС РСФСР) признает возможность такого увеличения.

Закон устанавливает возможность неравного определения долей в имуществе супругов в интересах ребенка, у которого есть мать, с которой он остается, и есть отец, способный платить алименты. В неизмеримо более тяжелом положении находится Наталья, у которой нет матери и нет отца, способного к ее содержанию (получаемые ныне от него алименты в размере 10—20 руб. в месяц не могут быть названы средствами существования ребенка).

Хазигов В. Р., как опекун Натальи, освобожден юридически от обязанности ее содержания в силу статьи 134 КоБС. Практически же его возможности в этом отношении также крайне ограничены. Он слесарь по профессии, а возраст и состояние его здоровья могут внушать любые опасения. Бабушка Натальи специальности не имеет и не работает по возрасту.

Таким образом, у суда имелись более чем достаточные основания для полного удовлетворения иска, значительно превышавшие по весомости условия, предусмотренные для этого в статье 21 КоБС РСФСР.

Круглой сиротой, находящейся в таком материальном положении, Наталья оказалась только по вине ответчика. И защита его имущественных интересов судом против интересов Натальи в этой ситуации противоречит нравственным взглядам советского общества.

Ввиду того, что решением в принципе правильно установлены обстоятельства дела, но из них сделаны юридически (и этически) неверные выводы, прошу в порядке статьи 329 ГПК

РСФСР опротестовать решение на предмет отмены его в части определения размера права Натальи Хрущевой на пай в ЖСК, с вынесением нового решения о полном удовлетворении иска.

Адвокат С. Ария

В удовлетворении настоящей жалобы было отказано.

Генеральному прокурору
Российской Федерации

ЖАЛОБА
в порядке статьи 220 УПК (по делу Лойтера)

В производстве Главной военной прокуратуры более года находится приостановленное дело иностранного гражданина Лойтера. Он обвиняется в даче взяток на сумму 10 тыс. долл. за содействие в продаже российской оборонной продукции за рубежом. Дело это выделено из уголовного дела гр. Синцова В. Н. (ст. 64 УК), законченного расследованием.

Обвиняемый Лойтер в мае 1995 года после задержания и уплаты залога в сумме 500 тыс. долл., а также подробных допросов был выпущен за границу, где и пребывает, периодически присылая медицинские справки.

В октябре 1995 года защитой было заявлено ходатайство о прекращении дела по статье 6 УПК, чему не препятствовали и обстоятельства дела. Защита просила при этом учесть высокую степень полезности продолжения деловой активности Лойтера в России, что подтверждалось письмами ряда оборонных предприятий. Доводы защиты с пониманием встречались на приемах у генералов ГВП. Однако после восьмимесячной борьбы мнений все завершилось обжалуемым отказом.

Видимых правовых причин для такого исхода в деле нет. В то же время он наносит весьма ощутимый урон экономическим интересам страны и ее оборонной промышленности, не принося и пользы правосудию.

В преамбуле Конституции России провозглашается цель, общая для всех трех ветвей ее власти, — «обеспечить благополучие и процветание России». Полагаю, что отступление от этой конституционной установки со стороны ГВП по настоящему делу заслуживает Вашего внимания.

Доводы защиты сводятся к следующему:

1. Лойтер, глава крупной сингапурской фирмы «Игл-Аэро», с 1992 года занимается продвижением российской оборонной продукции на азиатские рынки. Деловой уровень и тесные личные связи в руководящих кругах стран Юго-Восточной Азии наделяют его высокой, если не уникальной, ценностью для заключения выгодных России контрактов. К моменту его задержания Лойтером велась предконтрактная подготовка по продаже в страны азиатского региона российского вооружения на общую сумму около 1 млрд 650 млн долл. (сводная справка у следователя). Все эти переговоры, в ходе которых Лойтером были организованы взаимные визиты делегаций высокого уровня, полигонные демонстрации и т. д., приостановлены.

В приобщенных к ходатайству защиты письмах известных оборонных предприятий подчеркивается жизненная важность и желательность возобновления переговоров с участием Лойтера. В частности, дирекция ОКБ Сухого, с которым готовился контракт на продажу 35 истребителей СУ, сообщает:

«Размер предполагаемого контракта, который может занять определяющее место во внешнеторговом обороте по этому региону, привлекает наше особое внимание к его реализации. С учетом высокого профессионализма г. Лойтера, его вклада в продвижение нашей продукции в страны азиатского региона считаем крайне необходимым продолжение с ним указанных переговоров».

Аналогичное мнение высказано в письмах ОКБ им. Яковлева и вертолетного завода им. Миля (копии писем прилагаются).

Масштабы пользы, которую может принести возвращение Лойтера к деловой активности в России, достаточно велики, чтобы явиться серьезным доводом к прекращению дела.

2. Как сказано выше, нет препятствий к такому исходу дела и в иных его обстоятельствах (подробно изложено в ходатайстве). Объем вмененного нельзя назвать значительным. Лойтер оказал следствию помощь в установлении истины, понеся на это затраты. Он также проявил понимание ошибочности своих действий — то есть «перестал быть общественно опасным» (ст. 6 УПК).

Характерно, что (как мне известно) положительные заключения исполнителей по ходатайству защиты дважды по туманным мотивам отклонялись руководящими лицами, — вопреки здравому смыслу и интересам страны.

3. Было бы неверным полагать, что урон экономике наносится руководством ГВП вынужденно, ради выполнения своего долга по соблюдению законности. Известная латинская формула — «Да свершится правосудие даже ценой гибели мира...» — не имеет никакого отношения к позиции ГВП по настоящему делу.

Правосудие не свершится в данном случае по двум причинам:

— приезд Лойтера в Россию в качестве обвиняемого исключается, о чем защита неоднократно сообщала следствие. Дело поэтому обречено на вечное пребывание «на полке», что вполне очевидно и руководству ГВП;

— правовая оценка действий Лойтера и судебная перспектива дела весьма спорны: получатель денег Синцов в период события был сотрудником не государственного учреждения, а коммерческой структуры — концерна, акционерного общества, то есть не был субъектом статьи 173 УК. Защита, ходатайствуя о применении статьи 6 УПК, занимает компромиссную позицию.

В свете этих факторов невозможно понять, ради каких достижимых целей приносятся в жертву столь существенные интересы общества.

4. Странности сопровождают и судьбу полученного залога в сумме 500 тыс. долл. Залог этот, вопреки требованиям статьи 99 УПК, был помещен не в депозит судебных органов, а на заграничный счет малоизвестного московского Базис-банка. Лишь в 1996 году он был после появления жалоб защиты перемещен в Россию, однако — на счет ГВП в том же банке. Вполне очевидно, что длительное нахождение валюты в иностранном и российском банках выгодно владельцам Базис-банка. Они и являются, видимо, единственными лицами, получающими пользу от ошибочной позиции ГВП.

Если же такая выгода извлекается органами следствия (чего нельзя исключить), то они вообще не способны на объективный подход к оценке доводов защиты и материально заинтересованы в бесконечном владении залогом.

5. Сомнительна и подследственность дела ГВП: выделенное в отдельное производство дело гражданского лица выходит за рамки полномочий органов военной прокуратуры, указанных в пункте 4 статьи 46 Федерального закона «О Прокуратуре Российской Федерации» от 18 октября 1995 года.

По изложенным причинам обращаюсь к Вам с просьбой:

1) передать дело в производство Следственного управления Генеральной прокуратуры РФ;

2) запросить соображения экономических спецслужб ФСБ РФ, курирующих данные вопросы, о степени возможной полезности продолжения деловой активности Лойтера в России;

3) благоприятно рассмотреть ходатайство защиты о прекращении дела производством.

С уважением,

адвокат С. Ария

По настоящей жалобе дело Лойтера было в 1997 году прекращено производством Главной военной прокуратурой на основании статьи 6 УПК с возвращением внесенного обвиняемым залога в сумме 500 тыс. долл. США.

Заместителю Генерального прокурора России

ЖАЛОБА

в порядке ст. 220 УПК РСФСР (по делу Б. Л. Кабака)

Мною принято поручение на защиту гр. Кабака Б.Л. по делу, находящемуся в производстве прокуратуры Кемеровской области (ордер прилагается).

Следствие в отношении Кабака, работавшего внешним управляющим Западно-Сибирского металлургического комбината (ЗСМК), ведется с 25 августа 1998 года. За отсутствием признаков состава преступления дело дважды прекращалось производством.

Последнее постановление о прекращении дела, вынесенное 25 августа 1999 года прокурором Главного следственного управления Генеральной прокуратуры РФ Павловой В. М., было 13 октября 1999 года отменено постановлением ст. помощника Генерального прокурора РФ государственного советника юстиции 2 класса Аристов С. А. Срок следствия по делу продлен до 3 июля 2000 года.

Имеющаяся документация, отражающая обстоятельства возбуждения дела в 1998 году и его последующего движения в течение двух лет, с достаточной определенностью свидетельствует о допущенных по нему серьезных отступлениях от процессуальных норм, от положений Закона «О Прокуратуре Российской Федерации», а также от конституционных гарантий прав личности. Отступления эти носят принципиальный характер и поэтому заслуживают Вашего внимания.

Утверждения эти основаны на нижеследующем:

1. Дело служит примером вмешательства местной власти в правоохранительную деятельность прокуратуры

По объяснениям Кабака, он по непонятным ему причинам вызвал недовольство администрации области и лично губернатора, что и повлекло меры, осуществленные через посредство прокуратуры области. Эти утверждения небесспорны. Из имеющихся данных с очевидностью следует, что как возбуждение дела, так и его неосновательное затягивание на протяжении двух лет инициированы Администрацией области для достижения целей своей хозяйственной политики.

Использование прокуратуры местным руководством как орудия достижения указанных целей проявляется вполне наглядно.

Летом 1998 года комплексная бригада из представителей девяти (!) ведомств области — Прокуратуры, УВД, ФКО, УФСНП, ФСБ, КРУ Минфина, ГУ ЦБ РФ, налоговой инспекции и аудита — была направлена на ЗСМК для проверки работы Кабака Б. Л. Поскольку никаких поводов, предусмотренных в статье 108 УПК РСФСР, не имелось, можно с уверенностью заключить, что эти массивные поиски компромата осуществлялись не по инициативе прокуратуры, а по инициативе властного органа, преследующего цель замены Кабака. Цель эту как свою личную позицию в прямой форме выразил губернатор области А. Тулеев, отклоняя протест представителей трудового коллектива против происходящего (см. Приложение).

Вопреки законодательству об аудите, проверку частного акционерного предприятия — ЗСМК — заказала и оплати-

ла Администрация области, что видно из вводной части акта (Приложение).

Для достижения той же цели в завершающей стадии «проверки» прокуратурой области было 3 августа 1998 года внесено представление в комитет кредиторов ЗСМК об отстранении Кабака от должности арбитражного управляющего. Именно это представление и было затем использовано губернатором как мотив требования об увольнении Кабака и для отказа в ходатайстве коллектива.

Между тем указанное представление прокуратуры не было легитимным. Согласно статьям 21—24 Закона «О Прокуратуре РФ», представление в порядке общего надзора может относиться к деятельности государственных органов и их должностных лиц и вносится для обязательного рассмотрения в указанные органы, к числу которых комитет кредиторов не относился. Вмешательство в отношения между должником и кредитором путем представления, адресованного одной из сторон, с рекомендациями или предписаниями о способе действий не входит в функции органов прокуратуры в условиях рыночной экономики.

Прокуратура Кемеровской области, несомненно, знала об изложенном. Поэтому выход ее в данном случае за рамки законных полномочий являлся лишь средством содействия местному руководству в удалении Кабака Б.Л. с комбината.

С той же целью, идя навстречу намерениям Администрации, Прокуратура возбудила против Кабака уголовное дело, которое далее было успешно использовано Администрацией в арбитражном процессе по замене управляющего.

Поскольку дело это имело откровенно заказной характер и изначально не содержало признаков криминала, оно закономерно окончилось прекращением 25 мая 1999 года, о чем Генеральная прокуратура РФ 1 июля 1999 года уведомила Кабака Б. Л. (Приложение).

Однако к этому времени у Администрации области возник новый интерес в продолжении следствия. Как видно из имеющихся документов, 7—8 июля 1999 года в прокуратуру области поступил запрос Арбитражного суда, рассматривающего вопрос о погашении долгов ЗСМК, о наличии

или отсутствии следствия по делу Кабака Б. Л., поскольку от этого зависела возможность приостановления арбитражного процесса, в чем была заинтересована Администрация области. В тот же день, 7 июля 1999 года, заместитель прокурора области отменил постановление о прекращении дела Кабака, о чем 9 июля 1999 года и направил в Арбитражный суд свое сообщение (Приложение). Причинно-следственная связь этих событий не вызывает никаких сомнений: уголовное преследование было возобновлено исключительно как средство поддержки в арбитраже хозяйственных интересов местной Администрации.

Более того, уже после этой неправовой по сути акции была проведена по делу судебно-экономическая экспертиза, которая, однако, дополнительно подтвердила основательность прекращения дела (см. Приложение, ответ Генеральной прокуратуры РФ Федеральному Собранию РФ). Несмотря на это, так называемое расследование продолжалось, пока странности дела не повлекли проверку его в Генеральной прокуратуре РФ, завершившуюся очередным прекращением (Приложение).

Обжалуемым постановлением ст. помощник Генерального прокурора РФ 13 октября 1999 года отменил повторное прекращение дела и направил его для продолжения следствия, длящегося и поныне.

На личном приеме 4 мая 2000 года я обратился к ст. советнику юстиции Тюрину В. Я. с просьбой пояснить, кем на сей раз инициирована отмена прекращения дела и его продолжение. Мне было объяснено, что сведения эти никогда не будут сообщены защите. Поскольку секретность эта не могла относиться к инициативе прокуратуры области, остается заключить, что и на сей раз, уже на уровне Генеральной прокуратуры, возобновление следствия осуществлено по просьбе и в интересах Кемеровской администрации, более года этим способом тормозящей арбитражный процесс вполне успешно.

Таким образом, объективные признаки свидетельствуют, что дело Кабака Б.Л. возникло и бесосновательно продолжается следствием без законных к тому оснований, в результа-

те вмешательства со стороны, в условиях нарушения статьи 5 Федерального закона «О Прокуратуре РФ».

Представляется, что именно сейчас, когда Президентом РФ принимаются меры по устранению местнических влияний на прерогативы федеральной власти, было бы своевременным вмешаться в аномалию, происходящую с делом Кабака Б.Л., путем его прекращения.

2. Об отсутствии видимых и законных оснований для возобновления следствия

Мотивы постановления от 13 октября 1999 года, которым было возобновлено следствие по делу, носят расплывчатый и невразумительный характер.

Не оспаривая ни основательности анализа дела в постановлении прокурора Павловой В. И., ни обоснованности ее выводов об отсутствии состава преступления, автор текста ссылается на то, что «комбинат продолжает оставаться в кризисном положении из-за неэффективности управленческих решений», а также на... недостаточное изучение доводов Кабака о причинах такого положения.

Первый из этих моментов не относится к предмету расследования, поскольку ни «степень эффективности управленческих решений», ни современное финансовое состояние комбината не являются факторами, определяющими уголовную ответственность Кабака.

Второй мотив, то есть ссылка на неизученность доводов, приведенных Кабаком в свою защиту, как повод к возобновлению уголовного преследования, нелогичен и заключается в себе дискредитацию конституционного нрава на защиту. Нелогичность этого мотива выявляется также при упрощенном его изложении: «За отсутствием доказательств виновности Кабака следует проверить его доводы, что он невиновен...»

Именно вследствие отсутствия законных оснований для возобновления следствия в постановлении не содержится ссылок на установленные буквой закона (ст. 211 УПК РСФСР) поводы к отмене постановления о прекращении дела — на незаконность и необоснованность постановления Павловой В. И. Вместо них указаны не предусмотренные

процессуальным законом иные мотивы: «преждевременность» и «неполнота исследования обстоятельств». Этот формальный дефект тем не менее представляется недопустимым — с учетом значимости для душевного мира и жизни гражданина возобновления следствия против него, которое возможно потому лишь при строгом соблюдении буквы регулирующих такую акцию законов.

Вызывает сомнения и вопрос о соблюдении субординации при отмене постановления о прекращении дела, вынесенного ст. советником юстиции Павловой В. И. 25 августа 1999 года. Постановление это было 6 сентября 1999 года утверждено начальником отдела госсоветником юстиции Крышневским В. Л., а 22 сентября 1999 года заместителем Генерального прокурора РФ В.В. Колмогоровым был направлен в Федеральное Собрание РФ ответ на депутатский запрос с информацией о состоявшемся прекращении дела Кабака (Приложение). Из содержания ответа видно, что он носил взвешенный, детализированный характер и отражал согласие с итоговым постановлением по делу.

В этих условиях последующая отмена 13 октября 1999 года указанного постановления ст. помощником Генерального прокурора РФ госсоветником юстиции 2 класса Аристовым С. А. представляется неправомерной, поскольку противоречит официально выраженному мнению вышестоящего прокурора, то есть нарушает принцип субординации, установленный в пункте 1 статьи 4 Закона «О Прокуратуре РФ».

3. Неограниченность срока предварительного следствия не может трактоваться как беспредел

УПК РСФСР, как известно, не устанавливает общего предельного срока для предварительного следствия по уголовному делу.

Однако многократное продление срока следствия в отношении конкретного лица по несостоятельным поводам превращает законную правоохранительную деятельность в неоправданную жестокость, в делящуюся пытку, вступая тем самым в противоречие с запретом, изложенным в части 2 статьи 21 Конституции России.

Именно такое качество приобрело следствие по делу Кабака к настоящему времени, что нельзя признать нормальным.

Привлекая Ваше внимание к изложенному, обращаюсь с ходатайством:

— истребовать дело Кабака Б.Л. в Генеральную прокуратуру для проверки;

— отменить обжалуемое постановление ст. помощника Генерального прокурора РФ Аристова С. А. с прекращением дела производством.

Адвокат С. Ария, засл. юрист РСФСР

Дело Б. Л. Кабака было прекращено производством.

ОЧЕРКИ, ЗАРИСОВКИ, ЭССЕ

ПРО ВОЙНУ

Из ее дикой круговерти наиболее четко вспоминаю несколько выражений

ВСТРЕЧИ С КОРОЛЕМ

Откровенно говоря, ни до, ни после войны я не был лично знаком с Королем, и потому встречами они могут быть названы лишь условно. Король был постарше меня и, соответственно, имел свою компанию в школе и дома. И я был для него поэтому полный нуль — так, мелюзга. Но я знал, что в переулке за углом от моего дома живет Димка Король, с которым цапаться не стоит, и чью курносую физиономию я встречал то и дело. А он меня не встречал: не видел вообще.

Кроме того, мы оба с ним ходили в гимнастическую секцию на стадион «Динамо», невдалеке от нас. Но и там я смотрел на него снизу вверх в прямом и переносном смысле. Он был в старшей группе, разрядников, крутил уже «солнце» на турнике, подбирался даже к «кресту» на кольцах, о чем я и мечтать еще не смел и смотрел на него с завистью и почтением.

А затем Король исчез с моего горизонта неведомо куда. Но, как оказалось, не навсегда.

Хмурой военной осенью сорок второго года маялся я дневальным в казарме 19-го учебного танкового полка в Нижнем Тагиле, где из нас готовили экипажи танков, как вдруг увидел Димку Короля. Нет, не вживую, а на одном из плакатов, прославлявших подвиги героев-фронтовиков на стенах нашей казармы.

Плакат назывался «Семь против двадцати пяти». На нем описывался победный бой семерки наших истребителей с армадой фашистских асов. Наши сбили нескольких врагов, разогнали остальных и без потерь вернулись на базу. Плакат был заполнен изображением боя. С овальных портретов на нем глядели семеро героев. Под одним из них значилось: «Старший сержант Д. Король». Я взгляделся. Это был он, Димка!

Плакат — и Димка на нем — вызвали у меня разноречивые чувства.

«Старший сержант» означало, что он незадолго до боя прибыл на фронт после ускоренного курса в училище военного времени, где успевали научить только взлету и посадке. Короля послали в бой, не обучив бою...

Их было семеро в небе войны. Можно было догадаться, что эскадрилья, в которой полагалось иметь 15—18 самолетов, успела понести тяжелые потери и не могла потому подняться в воздух на бой с противником большее число машин.

Плакат поэтому вызывал не только гордость за отвагу героев, но и щемящую тревогу: на долго ли могло их хватить при таком раскладе?..

Задумчивым отошел я от плаката, мысленно пожелав удачи ангелам-истребителям и Димке в их числе.

А также и себе. Мне было в ту пору лишь девятнадцать.

Прошли годы и десятилетия, должна была с громом и кровью прокатиться война и долгая жизнь после нее, чтобы Король вновь напомнил о себе. Эта третья встреча была скорбной. Она состоялась совсем недавно, когда уже в наши дни мне попала в руки книга «Я дрался на истребителе» — сборник воспоминаний военных летчиков с подзаголовком «Принявшие первый удар». Я читал эти свидетельства редчайших выживших пилотов с интересом и волнением, как и все о войне, оставшейся частью моей жизни. И вдруг на одной из страниц мелькнуло знакомое имя, и я понял, что читаю описание судьбы Короля и его семерки...

«Еремин Б. Н., бывший в том прославленном победном бою 9 марта 1942 года ведущим нашей семерки, описав подробно ход сражения, сообщал о судьбе ее участников в последовавшие дни: “Первым из семерки погиб Король, недалеко от Лозовой. Он сел на фюзеляж и, видимо, был очень сильно ранен, потому что когда наши потом добрались до самолета, увидели много крови в кабине, а летчика нет. Оказалось, отступавшие солдаты его вынули и (где-то) похоронили”».

Из дальнейшего повествования следовало, что гибель затем настигла почти всех летчиков семерки.

Эти несколько скупых строк в записках Еремина — все, что осталось на свете от прекрасного юноши с гордой фамилией Король, даже имя которого автор не удержал в памяти и не смог назвать.

Ни могилы, ни тела, ни очевидцев боя. Лишь обильно залитая его кровью кабина, говорящая сама за себя... Он растаял в прошлом, в далеком туманном воздухе войны, не оставив следов.

«Кому память, кому слава,
Кому — черная вода,
Ни приметы, ни следа...»,

— как писал поэт.

Не выслужил он себе ни салюта, ни надгробного слова. Пусть хоть мой малый глас послужит памяти воина Дмитрия Короля.

Мир праху твоему! Честь имени твоему!

ЧТО ЭТО БЫЛО?

Те, кто вернулся с войны, возвращались либо фаталистами, либо с верой в Бога. Нигде перст Судьбы не обнаружился столь наглядно, столь жестко и неотвратимо, как там. Мне довелось это испытать на себе, и не раз.

Зимой 1942—1943 годов танковая бригада, в которой я имел честь тогда служить, в боях за Моздок понесла тяжелые потери, в число которых я в данном конкретном случае не попал. Судьба, предвидя, как я понимаю, предельно вероятное развитие событий, тогда же приняла твердое решение перевести меня с должности механика-водителя танка в другой, менее смертельный род войск. И срочно. И любой ценой. Это удалось Ей не сразу, но она была тверда и упорна в достижении поставленной цели.

Сумрачным зимним днем танковая колонна, в которой следовал и наш Т-34, после долгого марша втянулась в станцию Легокумскую. Отступавшие немцы взорвали за собой мост через Куму, и нашим взорам, когда мы подъехали к берегу, предстала временная бревенчатая переправа, только что наведенная саперами из того, что Бог послал. Недоверчиво осмотрев ее, наш комбат спросил у саперного начальника:

— А танк пройдет? Двадцать пять тонн?

— Не сомневайся! — ответил тот. — Гвардейская работа!
Но — по одному.

Первый танк медленно и осторожно прополз по играющему настилу, второй столь же осторожно въехал, слегка отступив от осевой линии, добрался до середины и вдруг начал у всех на глазах двигаться не через реку, а вдоль нее, а затем вместе с мостом боком рухнул в поток, оставив на поверхности лишь ведущую «звездочку» гусеницы. Экипаж был не без труда выловлен из ледяной воды, за водителем пришлось нырять. Наш танк был третьим.

После энергичного мата-перемата с саперами и угроз расстрелом комбат привел откуда-то местного деда, взявшегося указать брод. Усадив деда на свой «виллис» и разъяснив мне всю меру ответственности как головного, комбат велел нам следовать за ним.

— Не особо разгоняйся, но и не отставай, — сказал он. — Если что не так, я тебе фонариком посигналю.

И мы двинулись полевыми дорогами вдоль реки. А между тем окончательно стемнело. Фар у нас не было с первого же боя, а даже если бы они и были — светить нельзя в опасении авиации. Поэтому во тьме, слегка разбавленной неверным лунным светом из-за туч, не видя дороги, я следовал только за прыгающим синим огоньком командирского «козлика». Колонна шла за мной.

Так проехали километров с десять. Как стало понятно впоследствии, комбат попросту прохлопал ничтожный мосток через овраг и проскочил его, не остановившись и не просигналив, вследствие чего наш танк подлетел к нему на доброй скорости и со всей своей могучей многотонной инерцией. Мосток рухнул враз и не задумываясь. Танк с ходу ударился лобовой броней в скат оврага, перевернулся и кверху лапами сполз на дно.

Оглушенный ударом, я обнаружил себя погребенным под грудой выпавших из «чемоданов» 76-миллиметровых снарядов вперемешку с пулеметными дисками, инструментами, консервами, трофейными продуктами, пилой, топором и прочим танковым имуществом. Тонкими струйками сверху лилась кислота из перевернутых аккумуляторов. Все освещалось зеленым зловещим светом сигнала их разрядки.

Сам я был цел, но хорошо помят. Моей первой мыслью было: я раздавил экипаж... Дело в том, что на марше эки-

паж, как правило, сидит не в утробе машины, а на трансмиссии — на теплом месте позади башни, укрывшись брезентом. Однако оказалось, что все живы, — их швырнуло при перевороте, как из катапульты, вперед на землю. Теперь командир, лейтенант Куц, кричал откуда-то снаружи:

— Ария! Ты живой?

— Вроде, — отвечал я. — А как ребята?

Затем я выбрался через донный (но ставший потолочным) «десантный» люк и осмотрелся. Зрелище было впечатляющее. Танк стоял на башне, задрал гусеницы. Ствол пушки торчал снизу, от земли. Ни разу за всю войну я не встречал более танка в такой противоестественной позиции. Мы молча взирали на своего поверженного боевого друга.

Комбат возник тут же, как черт из табакерки. Он объяснил мне по-русски все, что обо мне думает, и приказал:

— Оставляю для буксира одну машину. К утру чтоб мне вытащить наверх, привести в порядок и следовать за нами. Не сделаете — расстреляю!

Что мы думаем о нем — объяснять не стали и взялись за дело. За ночь мы вырыли дорогу наверх, буксиром перевернули свой танк сначала на бок, а затем и на гусеницы с жутким, рвущим душу громоуханием всей его начинки при каждом перевороте. Затем мы разгрузили его от железного завала внутри и попытались завести аварийным пуском — сжатым воздухом. И этот лучший танк Второй мировой войны после таких передраг — завелся!

На сон и еду оставался час. С рассветом мы двинулись дальше. Первая попытка Судьбы убрать меня с танковой службы не удалась.

К середине дня, поднажав и успешно преодолев обозначенный брод, мы догнали свою колонну, доложились комбату и влились в ее строй. Все четверо мы были изнурены до предела, но больше всего досталось мне. Я неудержимо засыпал на своем водительском месте, и мне снился идущий впереди танк. Это было опасно. Лейтенант, видя мое состояние, остался внутри, подбадривал и то и дело толкал ногой в спину со своего сиденья в башне. Подменить меня было некому. Командир ссылался на ничтожную практику вождения в училище военного времени, башнер Колька Рылин

и радист-пулеметчик Верещагин вообще не обучались этому делу. Обязательная взаимозаменяемость экипажа напрочь отсутствовала, и они полеживали снаружи на теплом кожухе дизеля. А я в одиночку маялся за рычагами управления, принимая к тому же на грудь поток ледящего ветра, всасываемого ревущей за спиной турбиной вентилятора.

На первом же привале, поев каши с лендлизовской тушенкой, мы обнаружили в двигателе течь маслопровода — падение в овраг не обошлось без последствий. Решили, что течь незначительна, и, плотно затянув трещинку несколькими слоями изоленды и проводом сверху, тронулись дальше.

Еще через полсотни километров случилось нечто: после краткой остановки на перекур двигатель не завелся. Нет, не завелся. Позвали технаря. Тот недолго полазил внутри, попытался провернуть турбину ломиком и изрек:

— Только кретин мог рассчитывать, что такой манжет удержит масло! Оно все вытекло. Движок ваш сдох, его заклинило.

— Что будем делать? — спросил лейтенант.

— Что будете делать вы — решит командир бригады. А танк в полевых условиях вернуть в строй невозможно, нужно менять движок, для этого нужен стационар. Сидите пока здесь, я доложу, завтра пришлю буксир.

Колонна ушла, мы остались в одиночестве. В голой припорошенной снегом степи мела поземка. Ни дерева, ни кустика и лишь вдаль, в стороне от дороги пара приземистых сараев, — полевой стан.

Сидеть в ледяном танке невозможно. Попытались соорудить подобие шалаша, набросив брезент на пушку. Внутри для видимости тепла зажгли ведро с соляжкой. Кое-как поели. Через пару часов нас было не узнать от копоты.

— Так, — подвел итог лейтенант, — не подыхать же здесь. Идем ночевать туда, — он махнул рукой на черневшие вдаль сараи. — Труба там есть, значит, есть печка. Солома тоже наверняка осталась. У машины оставляем пост. Тебе нужно отоспаться (он кивнул мне). Поэтому ты первым и отстоишь полтора часа — и я пришлю смену. Зато потом всю ночь будешь кемарить.

И я остался у танка с ручным пулеметом на плече. Во тьме мучительно тянулось время. Взад — вперед. Взад — вперед. Прислоняться нельзя — смыкаются веки. Но ни через полтора, ни через два часа смена не появилась. Сморенные усталостью, они, видимо, спали каменно. Дал очередь из пулемета — никакого эффекта. Нужно было что-то делать, иначе я просто замерз бы насмерть. Да и ноги уже не держали.

Я запер танк и, спотыкаясь, побрел по заснеженной стерне в сторону сараев. С трудом разбудив спавшего на соломе лейтенанта, сказал ему, что так не делают. Был поднят со своего ложа угревшийся, плохо соображавший Рылин и выпровожен с пулеметом за дверь. Не раздеваясь, я рухнул на его место и тотчас провалился в сон.

Рылин постоял на холодном ветру — и нарушил присягу. На рассвете мы вышли из сарая, браня проспавшего свою смену Верещагина. Глянули на дорогу — танка нет. Нет танка. Украли. Рылина тоже нет. Нашли его в соседнем сарае, где он мирно спал, обняв пулемет. Когда ему обрисовали ситуацию, он, как ужаленный, выскочил наружу проверить. А убедившись, сообщил, что, оказывается, придя ночью на место и обнаружив полную пропажу объекта охраны, вернулся и лег досыпать. На естественный вопрос, почему всех тут же не поднял по тревоге и почему завалился в другой сарай, объяснил, что не хотел беспокоить.

Эта версия, несмотря на полную ее абсурдность, полностью снимала с него немалую вину. Поэтому он стоял на своем твердо и врал нагло, глядя нам троим в глаза. Поскольку опровергнуть эту чушь было, кроме логики, нечем, крайним для битья оказывался я, бросивший свой пост часовой. И лейтенант Куц — как командир, отвечающий за все.

С тем и побрели мы по широкому кубанскому шляху, по мерзлым его колеям, с чувством обреченности и без вещей.

Протопав в полном молчании километров десять, мы добрались до околицы обширной станицы, где и обнаружили следы своего злосчастного танка. Оказалось, что шустрые ремонтники, приехав ночью и найдя танк без охраны, открыли его своим ключом, а затем и уволокли на буксире. Конечно,

они видели полевой стан и понимали, где экипаж, но решили немного пошутить...

Эта шутка в сочетании с упорной ложью нашего боевого товарища и друга Рылина обошлась нам дорого. Комбриг за все наши дела приказал отдать лейтенанта Куца и меня под трибунал и судить по всей строгости законов военного времени, что после недолгого следствия и было сделано.

Но это уже совсем другая и совсем не такая веселая история, после которой я уже никогда не вернулся в танковые войска, хотя и вынырнул из этой очередной передраги достаточно живым.

На этом примере видно, сколько изобретательности может проявить Судьба, если захочет перевести опекаемое Ею лицо из одного рода войск в другой. Кто, кроме Нее, мог использовать для этой цели столь удивительное нагромождение происшествий?

Остается добавить, что через много лет после войны я попытался выяснить дальнейшие судьбы членов моего экипажа. Но Центральный архив Министерства обороны не располагал такими сведениями. Они бесследно растаяли в прошлом, и лишь тени их бродят в зарослях моей памяти...

И еще одно. Рылин сознательно принес меня в жертву: он знал, что губит меня. Но разве не оказался он при этом слепым орудием оберегавшей меня Судьбы? Все относительно в этом обманчивом мире.

ШТРАФНИКИ

Марш, марш, смелей вперед!
Мы — штрафные роты,
Впереди нас слава ждет,
Сзади — пулеметы.

*Из фронтового фольклора
Великой Отечественной войны*

Среди бессмертных афоризмов вымышленного Козьмы Пруткива есть тексты, потешность которых обманчива, — они вполне серьезны. Пример: «Где начало того конца, которым заканчивается начало?»

Где начало наших запутанных путей, ведущих незримо к концу или к новому началу? Разве кому-то даны прямые дороги? И кем даны?

«Что это было?» — так назывался очерк, где я не в шутку описал Нечто, избравшее странный и опасный путь спасения меня, двадцатилетнего солдата, от танковой гибели. Этот путь к новому началу был проложен дальше через еще более чреватые концом повороты судьбы. На этом пути была и штрафная рота, о которой потом нелегко было вспоминать.

Но теперь, когда мне уже стукнуло не скажу сколько лет, пора запротоколировать хоть те отрывочные образы, которые еще сохранились в памяти и которые, наверное, не покинут меня никогда.

Отдача под трибунал на войне сулила солдату такие бедственные глубины, заглядывать в которые не хотелось. Чему быть — того не миновать. Однако само исполнение приказа взбешенного комбрига в отношении лейтенанта Куца и меня не заняло много времени. Всего за пару-тройку дней после того дикого марша, на котором танк наш неведомой силой был перевернут, затем испорчен и, наконец, украден, нас обоих успели допросить в особом отделе, наскоро составили обвинение в халатном обращении с боевой машиной, подшили в папку собранные бумаги — и под конвоем повезли в кузове грузовичка навстречу карающей длани правосудия.

Длань эта, как выяснилось, временно расположилась в сотне километров от нас, в станице Белая Глина, куда нас и доставили околевшими от холода.

Комендант караула, коренастый пожилой старшина, бегло просмотрел документы, досадливо крикнул и, приняв нас от конвоя, велел идти за ним.

— Вот что, хлопцы, — сказал он по дороге, — вы, я вижу, те еще преступники, а сидеть до суда должны. И посажу я вас в общий сарай со всяким сбродом, где и без того битком. Больше некуда. Так что терпите...

Мы молча следовали за ним. Конвоир с автоматом шел поодаль сзади. Подошли к приземистому обширному бараку с зарешеченными маленькими окошками, по виду — совхозному гаражу. Часовой отдал честь. Лязгнул замок, заскрипели

ржавые петли, и мы втиснулись в скопище людей, стоявших и сидевших внутри. Но не лежавших: лечь было негде.

Все эти люди были собраны сюда патрулями и контрразведкой для проверки и расследования. Почти все они, кроме кучки пленных немцев, были в гражданской одежде. Полицай, старосты, служащие немецкой администрации, случайные прохожие — все, кто внушал подозрение, были выловлены сетями зачистки тыла и втиснуты сюда до решения их дальнейшей судьбы. Атмосфера была гнетущая. В воздухе царил страх. Приглушенные разговоры почти не нарушали общего тревожного безмолвия.

Мы, военные, были здесь явно чуждым элементом. На нас покосились, но расспросов не последовало.

Кое-как примостившись у стены и пожевав сухарей из скудного своего припаса, мы с Куцем подремали, поджав ноги, часа полтора, а затем принялись обсуждать невеселое свое положение. Ни спать, ни вообще существовать долго в этой давке было невозможно. А между тем нужно было быть готовым к тому, что ждать рассмотрения дела нам придется, быть может, и долго. Нет, подыхать здесь мы не были готовы и принялись стучать в запертую дверь.

Не сразу, после перебранки с часовым, но все же пришел тот же пожилой комендант, и мы наперебой начали звать к его совести:

— Ты же по бумагам видел, кто мы есть — фронтовики с переднего края, твои же товарищи. А ты нас в такой гадюшник втиснул — ни места, ни питья, ни сна, ни воздуха. Да с кем! Не по-людски это. Давай придумай чего-нибудь, будь человеком!

Старшина помолчал, раздумывая, потом нерешительно сказал:

— Есть хорошее место. Но — погреб. Света почти нет. Но просторно, это да. Могу перевести. Но там скучно будет.

— В каком смысле?

— В плохом. — Он понизил голос: — Там смертники сидят. Осужденные к высшей мере. Ждут исполнения. Или перед судом, но чувят уже... Скучают. Но зато просторно. Пойдете?

— Давай! Была не была. Все лучше, чем здесьдохнуть.

И нас повели к смертникам.

В доме, занятом под караульное помещение, открыли люк в полу, и мы спустились по крутой стремянке в преисподнюю, в темень, из которой на нас смотрели несколько с трудом различимых бледных лиц. Люк грохнул, закрываясь, звякнул засов, темень стусилась еще больше. Потребовалось время, чтобы глаза начали различать окружающее — сначала полоску горящего фитилька, зажатого в сплющенной латунной гильзе от артиллерийского снаряда, потом скупо освещенный дощатый ящик, на котором стояла гильза, а затем смутно видимые фигуры людей, сидевших и лежавших на земляном полу вокруг ящика с лампой. Еще позже круг видимости расширился до стен просторного подполья, обнаружив толстые лежанки из сена, покрытые рогожами и дерюгой, парашу с крышкой в углу. Кто-то еще лежал там, в темени, и вспыхивал подчас огонек сигарки.

Наше появление не вызвало интереса. Грех любопытства уже оставил этих людей. Безразлично скользнув взглядом по нашим лицам и одежде, они вернулись в свою дрему и к своим мыслям.

Лишь один из них, отличавшийся от всех офицерской формой, с шинелью без погон внакидку, поднялся навстречу, спросил наши имена и причины появления в столь нехорошем месте. Мы назвали и в двух словах описали свое дело.

— Ну а я — Ванька-дурак, — представился офицер, — и сию всерьез, могут и шлепнуть. Вот жду суда который день. Пока что я здесь за старшего, поскольку майор. Располагайтесь.

Это был — как позже мы узнали от него — комендант штаба 44-й армии. Приняв под свой караул пятьсот немецких военнопленных, он, получив с началом наступления приказ следовать за штабом, расстрелял их всех в овраге под Кисловодском — за неимением достаточного конвоя. Дело для советской власти обыденное, но в общевойсковой армии, где существовали свои представления о пределах полномочий и о чести, ему этого не спустили и отдали под суд за массовое убийство. Перспективы у него были неважные. Майор тосковал, но виду не подавал. Целыми днями он взвинченно вышагивал по подвалу, напевая себе под нос блатные куплеты.

Не было минуты, чтоб не пел.
Заложу я руки в брюки
И хожу пою со скуки.
Что же будешь делать, коль засел?

Был майор в прошлом, как объяснил, из ленинградских урок, пока еще до войны не подался в армию. Курносое лицо его с выпученными наглыми глазами вполне соответствовало этому происхождению.

На следующее утро, едва встав, грешный майор сказал нам:

— Слышь, танкисты, разговор есть, последние известия. Я свою линию вроде нашел. Не виноват я. Товарищ Сталин в ноябрьском приказе дал войскам прямую директиву: «Уничтожить всех немецких оккупантов до единого, пробравшихся на нашу землю». Точка. Был такой приказ Верховного или я вру? Вот я и выполнял приказ. Так трибуналу и доложу. А раз так, то и спросу с меня быть не может. Я это все под утро понял. Прямо как просветление нашло! Ну как?

— Вполне, — сказали мы. — Звучит.

А Куц добавил:

— Только вот просветление, надо полагать, не сегодня нашло, — а тогда же? Верно?

С этого момента майор заметно приободрился. «Не посмеют пойти против товарища Сталина, духу не хватит!» — то и дело убеждал он себя. Ход был подлым, но удачным.

Майор был здесь единственным нашим собеседником и советчиком. Все остальные обитатели подвала были отгорожены от нас стеной молчания. Кроме редких «да» и «нет», общение с нами уже не было возможным. Мы остались для них за чертой, отделившей продолжающих путь от них, закончивших его. Мы были чужими, наш язык и наши интересы остались за этой чертой. Погруженные в себя, они почти не общались и друг с другом.

Мы знали уже что-то о них, но в детали не вдавались. Один, школьный учитель физики, при немцах нашел себя в роли начальника районной полиции. Двое — каратели из зондеркоманды. Один — станичный староста. Молоденький азербайджанец, совсем мальчик, — диверсант, взятый в плавнях Кубани со всем своим подрывным арсеналом. Этот

сидел почти все время в дальнем углу, откуда порой доносились его всхлипывания.

Майор, томившийся от безделья и предчувствий, иногда принимался выпытывать у этих нежилцов детали их преступлений и прошлой жизни. Ему не отвечали вовсе либо ответы эти были односложны и замедленны. Это не мешало ему завершать каждую свою попытку гневными обличениями и оценками:

— И правильно вас, гадов, уничтожат! Предателям матери-Родины никакой пощады быть не может!

После одной из таких его тирад, когда казалось, что реакции как обычно не последует, ему после долгой паузы тихо ответил из темноты учитель-полицай:

— Ты, наверное, прав, майор, что расстреляют нас за дело. Иного я и не ждал. А насчет измены вопрос, думаю, сложнее. Не было ведь матери-Родины. Не было. Была жестокая мачеха. И были мы ей не дети, а пасынки, жертвы ее. Это она нам изменила, загубила-замучила безвинно полстраны. А мы уж потом изменниками стали, когда увидели, кто она нам есть. А в остальном ты, будем считать, прав.

Со стесненным сердцем внимали мы этим страшным словам, ни слышать, ни понимать которые было невозможно.

— Дак ты еще и антисоветчик, мать твою! — рявкнул в его сторону майор.

— Что есть, то есть, теперь чего уж тут скрывать, — миролюбиво ответил тот и умолк.

А между тем жизнь в потемках продолжалась. Утром и вечером спускали чайник с кипятком и по куску хлеба. Днем полагалась каша, но ее не брали. Местным осужденным их жены и родные приносили в изобилии превосходную снедь, последнюю их отраду. Но не елось им и не пилось, и не было в том отрады. Все эти благоуханные наваристые борщи в заботливо укутанных посудинах, вся эта отменно приготовленная домашняя еда доставалась нам и караульным. И потому угощались мы, как давно не приходилось и как долго еще не придется...

Днем обитатели подвала отсыпались после бессонных, напряженных ночей, проведенных в ожидании шагов наверху:

придут или не придут этой ночью — и за кем... Прислушивались, курили, молчали.

Приговор трибунала исполнялся не сразу, а после утверждения его Военным советом армии. Но регулярности в заседаниях совета не было, он собирался в зависимости от боевой обстановки, и потому невозможно было даже примерно определить время наступления рокового момента. Ждать можно было каждую ночь. И каждую ночь они ждали.

За ту неделю, что мы просидели в подвале, увели двоих — карателей. Обоих в глухое время, перед рассветом, как и полагается почему-то по закону жанра. Они — и с ними — не прощались. Выстрелов слышно не было — должно быть, увозили подальше, в степь.

Но настал день седьмой, и из нестерпимого сияния открывшегося люка воззвал к нам глас архангела:

— Эй, танкисты, вылезай давай с вещами! Засиделись небось? Вызывают на правеж, пора!

Пока мы торопливо собирали свои мелкие пожитки, с нами попрощались из темноты:

— Ну, ни пуха, ребята! Держитесь!

Это были первые слова человеческого общения, донесшиеся к нам оттуда, из-за черты. Лишенные сами надежды, они подбадривали нас. Мы махнули им рукой. Майор промолчал, глядя нам вслед.

Наверху нас ослепило обыкновенное солнечное утро. Нам дали чаю и побрили: так полагалось. Потом повели по морозцу, по хрустящему ледку, по дивному, пахнущему навозом и сеном ветерку, под голубым и чистым высоким небом. Где-то брехали собаки, восторженно орал петух. Все вокруг было продолжением прекрасной жизни, остановившейся для нас на шесть долгих дней, проведенных в мире теней. Даже предстоящий суд не портил нам праздника вознесения оттуда.

Праздник, к сожалению, длился недолго. Трибунал оказался невдалеке, в крепком конторском доме на высоком фундаменте. Нас завели в просторную горницу, наскоро приспособленную под зал. Несколько рядов деревянных лавок, возвышение для суда с надлежащими портретами над ним. Видно, возили с собой как реквизит.

Сели, ждали с полчаса. Но дело наше суд в зале слушать не стал: важностью, видимо, не вышло. Завели в малую комнатушку, где уже тесно сидели за колченогим столом трое военных — майор и два капитана — судьи. Сбоку еще один, лейтенант, секретарь. Тоненькая папка, наше дело, была перед ними.

Отпечаток хорошей жизни лежал на их розовых, чисто выбритых лицах, на свежих опрятных гимнастерках. Донесся давно забытый запах утреннего одеколона.

— Садитесь! — На нас бегло взглянули.

Мы неотрывно смотрели на них. Черная кость Красной Армии робко глядела на ее белую кость.

— Итак, что тут у нас? — Майор надел очки, придвинул к себе дело, рассеянно полистал его и прочел вслух обвинительное заключение: — Виновными себя признаете? Громче. Еще громче. Ага, ну, тогда ждите в зале, вас вызовут.

Не прошло и пятнадцати минут, как нас вызвали обратно, и мы оба оказались уже осужденными «именем Союза Советских Социалистических Республик» к семи годам исправительно-трудовых лагерей. Прозвучало это столь странно, столь потусторонне, что внутри ничто даже не дрогнуло, как будто это касалось не меня...

— На основании примечания к статье двадцать восьмой Уголовного кодекса, — продолжал стоя читать майор, — исполнение приговора отсрочить до окончания военных действий с направлением осужденных в действующую армию.

Это означало штрафную роту. Все сели.

— Вопросы есть? — спросил майор.

— Но мы же не умышленно! — запоздало объяснил я.

Майор снял очки и впервые посмотрел на меня с интересом. Потом сказал:

— Если бы умышленно, мы бы вас расстреляли. Понятно? А теперь идите с лейтенантом, вам оформят подорожную, и — вперед!

Через залу нас провели в канцелярию и там, после недолгого треска машинки, печатавшей приговор и еще что-то, вручили Куцу запечатанный сургучом пакет.

— Здесь документы на вас двоих и еще на одного осужденного, — лейтенант кивнул в сторону, где у стены сидел

мордастый солдат в ладной шинели и хромовых сапогах: — Это старшина Гуськов. Пойдете втроем. Пакет доставите в отдел комплектования штаба армии. Где он сейчас — черт его знает! Но думаю, где-то за Ростовом, потому что вчера был в Ростове. В общем, найдете сами. А там уже направят вас по адресу. Следуете в шестьсот восемьдесят третью штрафную роту. Отправляйтесь немедленно. Что еще?

— А как же насчет провианта? — спросили мы.

— Провианта не будет. На всех вас не напасешься. Питайтесь подножным кормом. Не мне вас учить, как солдат кормится. Все. Шагом марш.

И мы вышли из канцелярии на высокое крыльцо трибунала. Познакомились. Покурили.

— Ты по какому вопросу сюда явился? — спросил Куц у старшины Гуськова.

— Хищение. Закон от седьмого августа.

— Что именно?

— Полуторку концентрата пшеничного местным продал.

— Какая вышла резолюция?

— Червонец.

— Ну что же, — задумчиво сказал Куц, — пойдём искупать кровью...

И мы тронулись в путь. Выйдя за околицу, принялись обсуждать маршрут. Ростов, как следовало из названия, был, во-первых, на Дону. Во-вторых, он имел место быть на северо-запад от Белой Глины. Общее направление определялось этим.

Идти нам предстояло километров двести пятьдесят. Именно идти, а не ехать, поскольку случайных попутчиков на военные машины (а прочих не бывало) брать запрещалось категорически — опасались диверсантов. Итак — пешком и двести пятьдесят.

— Бери все триста, — сказал Гуськов. — Чтоб ночевать пустили, придется с тракта подальше уходить на хутора. Там хоть надежда будет.

— И сколько же мы так топтать будем? — рассуждал Куц. — В день хорошо если двадцать километров осилим. Зима, темнеет рано. До сумерек надо еще привал найти. Это же в лучшем случае две недели пути.

— Ну, я лично особо спешить не намерен, — твердо пояснил Гуськов, — а вы как — не знаю... Не на свадьбу.

Мы покосились на него.

— Что значит — ты лично? Пакет-то один на всех!

Он промолчал. Между тем мы шагали уже часа три. Низкое солнце клонилось к закату. Хотелось есть. На первые пару дней кое-какой тощий продукт у нас имелся. Дошли до вытянувшегося вдоль дороги небольшого селения и принялись стучать в ворота, проситься на ночевку. Нас встречали хмуро и под любым предлогом провожали от ворот. Уже смеркалось, и уныние почти овладело нами, когда чуть ли не десятая наша попытка увенчалась успехом. Две старухи впустили нас в дом, разрешили сварить себе каши и дали по стакану молока. На лавки в горнице бросили старые овчины, что попало под головы, и мы провалились в сон.

Наутро доели остатки каши, попили кипятку со своими сухарями и, оставив хозяйкам в благодарность полстакана сахара, двинулись дальше.

У одного из последних домов станицы я понял, что мне нужно уйти от мира сего за забор и присесть подумать. Собщил своим спутникам, и они дали мне добро:

— Иди, милый, а мы неспеша побредем до крайнего дома. Там тебя подождем.

Я удалился. И думал довольно долго, минут, может, пятнадцать. Что поделаешь?

Когда наконец вышел на дорогу, на ней никого не было. Ни у крайнего дома, как условились, ни далее по тракту, который достаточно далеко просматривался в степь, ни влево, ни вправо, ни назад. Куда они могли деться? Ни одна машина, на которой они могли бы уехать, бросив меня, мимо не проходила. Я заметался по селу, заглядывал в окна и во дворы, спрашивал редких встречных — все было тщетно. Они исчезли. Исчезли.

Стало ясно, что это всерьез и безнадежно, и я с ослабевшими ногами присел на краю кювета, попытался осмыслить происшедшее и свое новое положение. Оно было аховым.

До сих пор у нас был трибунальский пакет, а в нем — документы, объясняющие, кто мы, куда направляемся и почему находимся в далеком тылу армии. А на пакете — над-

пись, заверенная печатью, что именно мы трое этот пакет доставляем.

Теперь никаких объяснений моего пребывания в прифронтовой полосе не было. У меня осталась лишь затертая солдатская книжка, в которой коряво значилось, что я — водитель танка такого-то полка, но не было никаких ответов на вопрос, почему я один блуждаю по кубанским степям. Любой патруль, любой бдительный офицер мог, приметив меня, заподозрить неладное. Это было еще полбеды. Любой заградотряд НКВД, задержав меня, мог, не утруждая себя проверкой, запросто пустить меня в расход. Так было проще, и таким правом он был наделен по приказу Сталина № 227.

Из этого следовало, что идти мне можно только строго на север, к фронту, поскольку дезертир к фронту не идет. А также, что мне ни в коем случае нельзя скрывать, что я — осужденный и направляюсь в штрафную роту, поскольку только эти сведения могли подтвердиться при проверке, если ею захотят заняться. Ну а если не захотят, тогда что уж...

С этим я встал, огляделся последний раз по сторонам и одиноко зашагал по припорошенному снегом шляху. «Один солдат на свете жил, веселый и отважный, но он игрушкой детской был — ведь был солдат бумажный...» Почему я вдруг остался один, думал я, что могло побудить их бросить меня в положении, бедственность которого была очевидна? Невозможно было поверить, чтобы мой командир Куц, разумный тихий отрок с печальным взором, ни разу не повысивший голоса на нас даже под огнем, вдруг пожертвовал бы мною, предательски бросив на произвол судьбы. Нет, думал я, это не он. Но тогда это авантюра старшины Гуськова, носителя хромовых сапог? Почему же не воспротивился ему Куц? А может быть, и Куца уже нет? И куда они вообще могли исчезнуть столь странно?

Мысли мои путались, не находя разгадки. Но так или иначе жизнь за короткое время повторно столкнула меня с вероломством, она давала мне уроки законов человеческого бытия, усваивать которые было мучительно тяжело.

Мой дальнейший путь был долог и тревожен. Я брел степными дорогами, колеблемый и продуваемый всеми ветрами, плохо защищенный от них своей солдатской х/б одежкой,

в стоптанных уже пудовых башмаках с обмотками, с неотступным беспокойством о пище и ночлеге, от одной станицы к другой. Редкие попутные машины не останавливались на мои молящие жесты, а попытки подсесть к кому-либо, стоявшему у домов и колодцев, отвергались с порога.

Притупилось чувство унижения от привычных отказов в ночлеге, я уже равнодушно стучал в намертво запертые ворота и двери, переходя от дома к дому, пока не заставал случайно кого-либо из хозяев снаружи, на усадьбе. Тогда на мои оклики подходили нехотя к забору и молча рассматривали странного одинокого солдата в замызганном бушлате до колен, с жалкой торбой и без оружия, худого и изможденного.

Одиночество — не солдатское свойство. Солдат должен быть в строю, тогда это воин. Даже втроем, вдвоем — это уже строй. А один в поле — не воин. На современном автомобильном шоссе Москва—Петербург в Псковской области есть хутор Одинокий Воин, и звучит это старинное название, пришедшее из XIX века, грустно. Но еще печальнее — одинокий солдат в натуре и с протянутой рукой. Таким печальным и странным зрелищем предстал я перед людьми, к которым обращался.

И все же хоть с трудом, но всегда под конец отыскивалась добрая душа, которая пускала в дом и давала мне похлебки и ломоть хлеба. Спать приходилось, где укажут и на чем придется. Утром без улыбки давали скудно закусить на дорожку. Через эти станицы и эти усадьбы прокатились за короткое время четыре прожорливые, как саранча, волны: сначала наши уходили от немцев, потом бежали обратно немцы и вслед за ними проходили наши. Эти людские волны опустошили казачье подворье. Поэтому скудость угощения была вынужденной и понятной. Мало что осталось. И мало кто.

Дважды за время пути я заставал в станицах воинские части на марше. Первая встреча была озвучена знакомым ревом танковых моторов и родным запахом сизого соляного выхлопа, столбом стоявшего на улице. Здесь я предпринял акцию. Нашел зама по техчасти, показал ему солдатскую книжку с записью специальности, в двух словах объяснил, предложил себя на службу.

Зампотех проявил интерес, в полку имелась нехватка водителей танков. Повел меня в штаб, велел подождать, сам пошел к полковнику. Потом вышел, развел руками:

— Командир полка не дал согласия. И рад бы, говорит, но контрразведка прицепится обязательно: как могли случайного человека допустить к танку? Так что жаль, но не смогу тебя взять.

Дали на кухне пшенной каши. И на том спасибо. Пошел дальше.

На седьмой или восьмой день такого режима я совсем отошал. Меня начало пошатывать на ходу, приходилось часто отдыхать. С севера все слышнее стало доноситься отдаленное гроыханье фронта. Там люди усердно убивали друг друга с помощью различных остроумных орудий. Мне нужно было спешить туда, но силы были на исходе и появилось сомнение, дойду ли.

В одной из станиц я застал крупную часть. Люди размещались на постой, ревели, въезжая во дворы, машины. Спросил, где найти особый отдел, зашел в дом. За столом, разложив бумаги, сидел рыжий капитан. Я обратился к нему по форме, уточнив, что именно он — контрразведка «Смерш».

— Ну, я, — сказал тот, — чего тебе?

— Прошу меня арестовать, товарищ капитан.

— Какие основания?

— Нахожусь в прифронтовой полосе, в тылу армии, без оправдательных документов, вне части. Являюсь подозрительным лицом, заслуживаю по меньшей мере тщательной проверки. Все основания — налицо.

Капитан отложил бумаги и стал меня рассматривать. Потом сказал:

— Хорошо, я тебя арестую. Но кормить не буду. На довольствие не поставим. Так будешь сидеть.

— Нет. Так я не согласен. Кроме того, это не положено.

— А! — радостно вскинулся капитан и поднял палец. — Я тебя сразу раскусил, у меня глаз наметанный. Не согласен, так давай мотай отсюда! Кру-у-у-гом!

И я вышел из особого отдела. И снова лежала передо мной заснеженная февральская степь, и бесконечный марш на выживание продолжался.

Быть может, я так и свалился бы в пути от истощения, в голодном обмороке, и хищные степные птицы склевали бы бранные мои останки, оставив при дороге лишь белые кости, но две встречи спасли меня и поддержали.

Во-первых, удалось украсть свитер. На очередном привале у полевого стана мне крупно повезло: меня согласились-таки взять в кузов машины два интенданта, ехавшие в ближний поселок. Пока ехали туда, я покоился на плотно упакованных фабричных тючках, в один из которых удалось машинально просунуть руку по локоть. Вытащив, обнаружил в ней нечто шерстяное, что и сунул тут же за пазуху. С большим спасибом покинув интендантов, я, отойдя подальше, извлек добычу наружу — это оказался грубо связанный свитер. И хоть свитер очень не помешал бы мне самому, я, не колеблясь ни минуты, тут же в поселке сменял его у местного деда на добрый кусок сала и полкаравая хлеба в придачу. Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее, как было сказано в близкой к этому ситуации.

Я не осуждаю себя за этот грех. Есть в уголовном праве такое понятие — крайняя необходимость. Ее наличие оправдывает виновное лицо. Считал тогда и считаю до сих пор, что украл свитер оправданно.

Вторая встреча воскресила во мне веру в человечество.

Есть километрах в двадцати от Ростова небольшой городок Батайск. При подходе к нему я пересек железнодорожные пути и пошел вдоль них. Тут же увидел в полосе отчуждения опрятный домик, в каких обычно живут путевые обходчики, и подошел к ограде со слабой надеждой на удачу. Неправедно заработанное сало, конечно, прибавило сил в последние пару дней, но голод уже стал привычным и продолжал мучить неотступно.

За оградой обнаружилась небольшая девочка с черным котом на руках, а затем и ее средних лет мама в ватнике и с пустым ведром. Увидав это ведро, я подумал, что дело плохо, но все-таки спросил, не найдется ли супчику для бедствующего солдата.

— Как раз есть, — приветливо ответила хозяйка, — заходите, пожалуйста.

В доме мне дали умыться с дороги, подали даже чистый рушник, а затем щедро угостили свежим пылающим борщом и запеченной рыбой дивного довоенного вкуса. Завершила все чашка парного молока.

В небогатом этом доме поделились с совершенно чужим прохожим всей, видимо, имевшейся в этот день у семьи пищей, с давно невиданной мною приветливостью и без единого косога взгляда. С тех пор прошло много лет, но я и до сих пор помню домик путевого рабочего у Батайска, этот островок человечности и доброты, возникший вдруг в жестоком хаосе войны.

В тот же день я мирно форсировал Дон и овладел Ростовом. Вернее, той его частью, где нашел какой-то саперный штаб и где мне не слишком охотно рассказали, что, по слухам, нужный отдел армии должен быть в Чалтыре, на запад от города. Куда я и направился, обойдя окраинами центр, чтобы лишний раз не искушать судьбу.

Ориентиром служил все более слышимый артиллерийский гул, то замиравший, то рокотавший вновь, в котором различались уже отдельные крупные звуки на общем басовитом фоне. Фронт всего несколько дней назад прокатился здесь, еще дымились местами развалины, и цель моего затянувшегося странствия близилась.

Последний бросок к Чалтырю мне удалось совершить, забравшись в числе других солдат на пустую платформу товарняка.

Городок был забит войсками до отказа. Не без труда я все же добрался до отдела комплектования, где меня без особого доверия выслушали, записали мои странные объяснения и, посоветовавшись, согласились дать возможность пасть за Родину на поле боя. Но пригрозили более серьезными последствиями, если выяснится, что я что-то соврал. Ни Куц с Гуськовым, ни наш трибунальский пакет здесь, как и следовало ожидать, не появлялись.

Мне выписали предписание о явке в такую-то часть и объяснили, где ее искать.

— Переночуешь здесь, в Чалтыре, — сказали мне, — но утром чтоб духу твоего не было.

Я был снова узаконен как боец родной Красной Армии.

Предстояло найти ночлег перед сближением с противником. А сделать это в кряхтящем, стонущем от переизбытка войск Чалтыре было невысказано.

Ночлег этот, который я с великим трудом все же отыскал после долгих поисков, просьб, брани и обещаний, явился достойным завершением посланных мне во испытание странствий. Когда я открыл обитую рваным одеялом дверь, оттуда крутой спиралью пахнул загустевший от испарений, от запаха пота, табачного дыма, сивухи спертый дух, пронизанный гоном множества голосов. За столами тесно сидели на длинных лавках за вечерней трапезой, с кипятком и водкой. На полу не было проходу из-за спавших вповалку повсюду военных мужиков.

Переступив через чье-то тело, я обратился к обществу:

— Ребята, нельзя ли заночевать у вас как-нибудь?

Ко мне повернулись несколько распаренных лиц:

— Браток, не видишь, что здесь полный комплект? Где тут еще втиснешься?

Я показал на узкую щель под лавкой, между ногами сидевших и стеной.

— Ты что, собака? Сможешь там спать?

Не отвечая, я согнулся и пополз по-пластунски в тесный проем, ограниченный снаружи рядом грязных сапог, стеной напротив, а сверху — низкими темными досками лавки. Разместив себя в длину, я, извиваясь, умудрился еще организовать себе в этом гробу изголовье из собственных ботинок и вещмешка, а также подоткнуть под бок полу бушлата и им же кое-как накрыться. Ступни остались голыми, но я ублажил их сверху портянками.

Замерев в этой позе, я ощутил счастье полного комфорта. Мешали только сквозняки, донимавшие меня при частых входах-выходах постояльцев, и грохот проклятой двери. Но скоро я перестал замечать эти мелочи и погрузился в сладостный, молодой солдатский сон. Впоследствии выяснилось, что это был еще далеко не худший вариант ночевки.

Утром я выполз из своей ниши, умылся из бочки во дворе, перекусил остатками сала с хлебом — и был готов к выдвижению на позиции. Теперь я имел законную бумагу и с нею без труда доехал попутным транспортом на войну.

Она оказалась за бугром и приветствовала меня двумя далекими минометными разрывами, поднявшими свои фонтаны в поле. Осколки не долетели.

Немцы знали, куда метят. Вскоре я увидел в голой снежной степи развалины молочно-товарной фермы, в кирпичных фундаментах которой должен был находиться штаб стрелкового полка, моего отныне. Штаб в развалинах со своим хозяйством был прекрасной мишенью, но деваться, видно, было некуда: только здесь имелось какое-то подобие укрытия.

Отсюда меня без задержек спроводили, дав очередную бумагу и указав полевую дорогу, ведущую на передний край, в роту.

На полпути меня встретил солдат с винтовкой: из полка по телефону известили о подкреплении в моем лице. Поделившись последней шепотью махорки, я, пока дошли, узнал от связного немало о ближайшей своей жизни. Я узнал, в частности, что курю в последний раз: табака штрафникам не привозят. Питание, вернее то, что так называется, дают дважды и оба раза ночью — после заката и перед рассветом, поскольку днем не подвезешь — накроют огнем. Питание это выглядит как остывшая бурда с редкой крупой, пайка сырого хлеба, хвост рыбы и через день сахару два куска.

— На чем привозят-то? — спросил я.

— На лошаде! — пояснил связной. — Пока выстоишь свою очередь за той, прости Господи, едой, стрескаешь, — время за полночь, через полчаса — опять брюхо поет, ждешь завтрака. А день весь только и мысли об этом.

— А когда же вы спите?

— А где спать-то? — вопросом на вопрос ответил он.

Смысл этой реплики я понял позже. Вид у связного был заморенный, согласный со словами его. Сердце мое сжалось. Видимо, предстояло продолжение испытанных уже долгих мук голода.

Пройдя километра с два, мы перевалили через гребень, и перед нами открылась широкая панорама фронта, разобраться с которой помог мне связной. Это была пойма реки Самбек, на дальнем высоком берегу которой раскинулась небольшая станица Вареновка, а чуть ниже — линия немецкой обороны.

— Все роет и роет гад, — объяснил связной, — каждый день все новое городит.

Противоположный низкий берег Самбека поднимался полого вплоть до наших ног, и на нем в километре от реки горбились брустверами наши окопы.

— А что так далеко от немцев окопались? — спросил я.

— Так ведь ему сверху мы как на ладони. Просматривает и простреливает любой вершок. Ближе — так совсем гибель была бы, не высунешься...

Слева на горизонте синели высокие трубы Таганрога. Они предательски дымили. Невидимое отсюда, там было Азовское море. И мы двинулись вниз.

Блиндаж командира роты возник внезапно. Собственно, это был не блиндаж, а глубоко врытое в земляной холм хранилище горючего для совхозных тракторов. В обложенном бетонными плитами помещении сохранилась цистерна с керосином, на кирпичном фундаменте. Бетонная плита и слой земли на ней обеспечивали надежность помещения. Керосин же, как выяснилось, вообще был золотым запасом местного воинства — он давал жизнь.

Пространство возле цистерны и под ней оказалось достаточным для расположения командного пункта роты. Здесь жили офицеры и стояли их топчаны. Здесь же помещался почти настоящий стол из снарядного ящика с большой гильзой-лампой, горевшей всегда и заправленной из нависавшей над головой цистерны. Сбоку стоял полевой телефон и сидел связист. В другом углу помещался ротный писарь.

Командир роты, капитан Васенин, круглолицый и вообще круглый со всех сторон седоватый дядя с наганом на боку, молча выслушал мой рапорт о прибытии, просмотрел бумагу, спросил — «сколько» и «за что» — и указал на сидевшего рядом юного офицера:

— Это — твой взводный, старший лейтенант Леонов. Зачисляешься к нему во второй взвод. Остальное он тебе покажет.

Меня занесли в списки, выдали из пирамиды карабин, подсумки с патронами без счета, две гранаты-лимонки.

Взводный Леонов, еще не убитый, нахлобучил ушанку и вышел со мной из блиндажа. Пока мы шли с ним ходами

сообщения, он обрисовал мои несложные новые обязанности, основной из которых было — стоять насмерть или отважно атаковать, в зависимости от приказа. Затем перешел к распорядку службы и закончил советом — не унывать, если что будет не так...

В расположении взвода он представил меня новым товарищам, начисто лишенным светского лоска, вылез из окопа и бегом рванул поверху обратно. Немцы молчали.

Начались будни моей службы в штрафняке.

Боевая ее часть состояла в наблюдении за противником из двух закрепленных за взводом ячеек. Дежурство несли по-сменно, и длилось оно днем два часа. При появлении движущихся целей полагалось стрелять. Немцы лениво отвечали тем же.

Патронов было навалом, и лежали они тут же, на краю окопа, в «цинках» — длинных коробках из оцинковки.

Ночами дежурство несли в боевом охранении — в персональных одиночных окопах, отрытых впереди, метрах в ста от позиции. Это дежурство было особо важным, от него зависело многое, и потому смена производилась каждый час.

На взвод полагался ручной пулемет, и расчет его имел свою ячейку. Автоматов не было.

Оружие было вверено довольно пестрому воинству. Здесь были всякие провинившиеся военные люди — от самовольщиков до воров различного калибра, от лиц, давших затрещину сержанту, до растратчиков-интендантов. Был представлен и социально близкий власти элемент — урки, но по первой судимости. Попадались нетипичные кадры. Так, в нашем отделении имелся здоровенный, но поникший духом электрик Иван Приходько. Жил-поживал в солнечном Тбилиси, пользуясь бронью от призыва на своем спецзаводе. Но влез пьяным в банальную уличную драку, набил кому-то морду, матерился — в общем, вел себя плохо. Это обошлось ему всего в год за хулиганство. К сожалению, с «отсрочкой исполнения», которая и привела его в окопы. Вечерами Приходько сидел, привалившись к стенке, и, глядя неотрывно на языки пламени в топке бочки (о ней ниже), раскачивался, как раввин, бормоча тоскливо:

— Что я наделал... Что я наделал... Как я жил... Что я наделал... — И так без конца.

— Иван! Не трави душу, и без тебя тошно! — говорили ему.

Тогда он умолкал, продолжая все так же раскачиваться в своем горе.

Санитаром во взводе был майор медицинской службы Арташез. Будучи командиром медсанбата, он организовал себе гарем из медсестер. Все были довольны. Но, как и во всяком гареме, начались интриги, склоки, а затем доносы. Для майора его телодвижения кончились трибуналом и практикой в нашей роте. Он нес свой крест со стеснительной, извиняющейся улыбкой. Его любили за кроткий нрав и уважительно называли только «доктор».

Легендарной личностью был рыжий еврей из первого взвода. Трудно поверить, но его фамилия была Фриц. На фронте Отечественной войны с фрицами иметь такую фамилию и быть к тому же евреем в штрафной роте — это был уже перебор бедствий на одну голову. Но Фриц в своем положении держался мужественно. Всякие попытки пройтись по поводу его данных замирали на устах после информации о причинах осуждения Фрица. Являясь офицером дивизионной разведки и находясь со своей группой в поиске, Фриц умудрился захватить в ближнем тылу важную птицу — полковника вермахта. Но при возвращении через немецкие позиции связанная добыча как-то избавилась от кляпа и начала взывать о помощи. Тогда, спасая разведгруппу, Фриц придумал полковника. За срыв операции он и был отдан под суд.

Из этого следовало, что обижать Фрица не стоит. Чем и руководствовались.

Упомяну еще двоих грешников. Москвич Авдеев, худой и длинный, с лошадиным лицом, сочинял стихи и иногда читал их нараспев, независимо от наличия аудитории.

Минджия, повар из Нальчика, вступал в словесный контакт только для показа фотографий своих детей. Их у него было восемь.

Оба они были осуждены, по их словам, ни за что. В конкритику не вдавались.

Ежедневным развлечением в ясные дни был пролет «рамы»: на недоступной для зениток высоте медлительно утюжил небо двухкорпусный огромный «Фокке-Вульф» — фоторазведчик.

Кошмарами нашего окопного бытия были голод и неприютность. Голод терзал нас неотступно. Описанный мне в общих чертах еще связным по пути в роту, он оказался главной мучилочкой нашей жизни. Подобие пищи, которое дважды в ночь доставляли нам на «лошаде», лишь на короткое время обманывало желудок. Говорят, что чувство голода со временем притупляется. Возможно. Но я этого не заметил.

Мы быстро слабели. Появились большие «куриной слепотой». С наступлением сумерек они ничего не различали в темноте, в том числе и в боевом охранении. Это было чревато.

На полпути от окопов к блиндажу в снегу долго лежала павшая лошадь. Когда и отчего она пала, никто не знал. На нее поглядывали, однако трогать опасались — еще пришьют какое-нибудь новое обвинение... Но однажды ночью кто-то все же решился, и к утру от трупа остались только кости. Зря старались — даже после двухчасовой варки старая конина не годилась в пищу.

А между тем в воздухе витало постоянное ожидание немецкой атаки, которую мы обязаны были отразить любой ценой, или не менее обязательного приказа наступать. «Впереди нас слава ждет», сзади — известно что. И миссия эта возлагалась на дистрофиков.

Было ли это одной из форм наказания штрафников? Не думаю. Штрафники держали участок фронта. Просто забота о людях не была характерным свойством ни Отечества нашего, ни его полководцев.

Теперь о другом.

«В чистом поле, в чистом поле, колосок растет на воле».

В чистом поле, где чаще всего воюет пехота, солдат должен иметь себе хоть какой-то приют. Пехота поэтому делает при окопах землянки или блиндажи, где можно обогреться, посушить портянки, преклонить голову на ночь, отдохнуть душой. Но землянку, тем более блиндаж, не сделаешь без кровли. В голой степи, где мы находились, материала

на кровлю не было никакого — ни деревца, ни бревнышка, ничего годного вообще. Однако в зимней степи надо было как-то выживать. И солдат, способный, как известно, сварить суп из топора, придумал, чтоб не пропасть, нечто. В низине, слева от командирского блиндажа, было замерзшее болото, а вокруг — густые заросли камыша. Камыш срезался у основания. Длины камышин хватало на то, чтобы плетенкой из них накрыть сверху окоп, не более. Затем к такой ненадежной кровле приставлялись с обеих сторон в окопе ширмы из того же сплетенного камыша — и убежище от ветра было готово. Оно, правда, давало тесный приют всего нескольким бойцам, и потому пользоваться им приходилось только поочередно.

Внутри ставилась пустая бочка. В ней были пробиты две дыры: сбоку — топка, сверху — вытяжка. Над верхней дырой камышовая кровля раздвигалась, и бочка топилась по-черному: труб в округе тоже не было.

Не было и дров. В печке горели кирпичи. Вымоченных предварительно в керосине, их хватало примерно на час горения. Затем бочка остывала, их заменяли.

Стены окопа у бочки старались расширить в нижней части. В результате можно было уже подремать в неустойчивом уюте, где иногда начинала тлеть шинель от прикосновения к бочке или замерзала возле ширмы голова. Этот полусон-полубред не давал отдыха, но создавал хоть видимость приюта, а иного не было дано.

Раз или два в неделю в одном из взводов пересохшая над отверстием топки камышовая кровля загоралась в ночи. Все стремглав выскакивали из окопа и разбегались подальше, поскольку начинали рваться оставленные под плетенкой патроны в цинках и ракеты. Феерический костер, из которого разлетались во все стороны трассирующие разноцветные пули, зловеще озарял все вокруг. И тут же начинали садить из миномета по возникшему в ночи ориентиру немцы, прижимая нас намертво к мерзлой земле. Остаток ночи проходил кое-как. Наутро приступали к восстановлению.

Казалось бы, завезти к передовой одну-две машины круглого леса, несколько печек-буржук, угля или торфа —

и люди были бы избавлены от этого ада. Но сие никого не заботило, поскольку не заботило никого...

Однажды все были взбудоражены ночным ЧП. Командир роты, обходя с караулом посты, обнаружил уснувшего в боевом охранении штрафника-аварца. Он привел его в свой блиндаж, арестовал и доложил по телефону наверх. Последовало решение: расстрелять на месте, доведя до сведения всех. Аварца в одном белье и без сапог повели кончать в овражек, пересекавший линию окопов. Пройдя немного, тот внезапно бросился что есть мочи бежать от конвоя со скоростью, доступной только босому. Ему вслед стали беспорядочно стрелять. Но он мгновенно растворился — белый на белесом фоне ночного снежного поля. Ушел к немцам.

И опять же ночью, озаряемой лишь редкими беззвучными сполохами где-то далеко справа, тишину вдруг нарушил одинокий голос, негромко затянувший совсем лишнюю здесь песню:

Позабыт, позаброшен
С молодых ранних лет,
Я остался сиротою,
Счастья-доли мне нет.

Столь же негромко его поддержали еще несколько голов:

Как умру я, умру я,
Похоронят меня.

И вдруг расплозлось по всей линии окопов, уже не таясь, грянуло тоскливым всеобщим хором:

И никто не узнает,
Где могилка моя...

Тянули, жалуясь ночному небу, изливая песней то, что накопилось:

И никто не узнает,
И никто не придет,
Только раннею весною
Соловей запоеет...

От командирского блиндажа с топотом побежали, крича: «Прекратить пение, мать вашу! Замолчать!»

Замирало уже, сходило на нет, но чтоб только допеть до конца рвущие душу слова.

Все долго еще не могли успокоиться, взбудораженные внезапным ночным плачем. Утром был проведен политчас. Пытались выявить запевалу. Но бесплодно.

Вскоре после этого появились признаки нараставшего напряжения. Было усилено наблюдение за обороной противника. Особое внимание уделялось вероятным пулеметным гнездам, которые многозначительно молчали. Старлей Леонов, еще не убитый, с озабоченным лицом водил по окопам незнакомых офицеров, работавших со стереотрубой и планшетом, старательно делая пометки и на своей карте.

Все это пахло приближением момента икс, когда все наши тяготы и страдания окажутся ничего не значащими пустяками в предстоявшей главной игре с ее пугающими ставками.

Нас где-то упомянули. Это было видно по тому, что стали лучше кормить. Не настолько, чтобы быть сытым, но все же... Возник табак. Вдруг привезли рукавицы, в которых мы не нуждались. Чистилось и проверялось оружие.

В этом предстартовом состоянии прошла неделя. И наконец мы поняли — да, наш час настал.

С вечера привезли не только невиданную ранее кашу с мясом, но и водку, раздавать которую, однако, не спешили. Лишь после того, как в середине бессонной ночи был объявлен приказ — атаковать противника, выбить в рукопашном бою с занимаемых позиций и на его плечах ворваться в станицу Вареновку, овладеть ею, было влито в каждого по сто граммов, с голодухи резко поднявших присущий нам боевой дух. На душе было смутно. Решалось многое, точнее — все.

В три часа ночи взводный Леонов, пока не убитый, велел нам подняться на бруствер и без единого звука двигаться вперед.

— Никаких разговоров. Огонь только после сближения и только по моей команде. С Богом, ребята, мы их одолеем!

И он повел нас вниз по полю. Ночь была благосклонной к нам, безлунной и беззвездной. Было уже начало марта, снег сел, и нога не проваливалась в него. Мы удачно, незамеченными прошли большую часть своего пути. Но шорох мно-

жества ног все равно звучал в тишине, и за сотню метров от реки мы были обнаружены.

Взлетело сразу несколько осветительных ракет, с немецких позиций раздались резкие, как лай, крики команд, топот и вслед затем по полю хлестнули зеленые и красные струи очередей. Мы залегли и начали отвечать, целясь туда, где были истоки этих струй. Но наш редкий ружейный огонь был несравним с этой скорострельной лавиной, методично обрабатывавшей свою ниву. В редкие промежутки между очередями мы по команде взводного обреченно вскакивали и успевали сделать несколько прыжков вперед, чтобы снова пасть в снег, спасаясь от очередного светящегося веера.

Когда много лет спустя я живописал другу Юрке свои героические действия в этой схватке с немецким фашизмом, то сообщал о некоей удачно найденной ложбинке, неподвижно лежа в которой, в полной безопасности, я орал в ночное небо: «Вперед за Родину! Вперед за Сталина!», что и было по достоинству оценено потом довольным командованием. Друг восхищенно хохотал.

На самом деле все обстояло несравненно хуже. Не было на этом поле спасительных ложбинок. Мы все были как на ладони. И это не я звал бойцов вперед за Родину, а взводный наш Леонов, еще не убитый, все поднимал и поднимал нас в бессмысленные и безнадежные атакующие броски.

Но я был рядом. Он должен был видеть, что это я, как обреченная на бессмертие тень, следую за ним по пятам, откликаюсь на все его крики и тупо стреляю туда, вперед, куда он велит, хоть это и ни к чему. И когда я, уже почти поверив в свою неуязвимость в этом крошечке, прыгнул вперед без него, он вдруг закричал:

— Стой! Там мины!

И тотчас где-то на левом фланге рванула в ответ пехотная малая мина, и раздался режущий душу вопль:

— А-а-а-а!!!

Потом настала тишина. Атака захлебнулась.

Она не могла не захлебнуться. Немецкие позиции перед Вареновкой были частью мощного оборонительного пояса, «Миус-фронта», неприступного для пехоты. Позиции эти так и не были взяты с фронта никогда. С ними справились мно-

го позже глубоким обходом с севера. Командование знало, что перед нами. Поэтому приказ штрафникам о рукопашной схватке и о взятии Вареновки был «для балды». Подлинной его целью была разведка боем: ценой атаки вызвать на себя и засечь огонь пулеметных гнезд и других оборонительных узлов противника. Нас обманули, нам не сказали даже о минном поле у реки. В этом обмане по долгу службы участвовал и грешный наш взводный. Грешный и святой.

Но все это я понял и узнал позже. А сейчас было не до размышлений. Подняв над полем еще пару ракет, немцы почему-то не стали контрольными очередями прошивать то, что и так уже неподвижно лежало перед ними. Распластавшись, не двигались и мы... Так прошло немалое время, близился гибельный для нас рассвет. Это было всем понятно. И тогда старлей Леонов, все еще не убитый, почти шепотом передал по цепи:

— Отходим ползком. Ни звука.

Отход этот был предельно осторожен и длился, казалось, вечность. Лишь метров через двести можно было позволить себе, пригнувшись, встать в слабеющей темноте. То, что осталось от взвода, возвращалось восвояси, в окопы.

Свалившись в спасительные свои щели, стали смотреть, кого нет. Старлей построил нас и сделал переключку. Из взвода не вернулось с поля девять бойцов. Десятого, тяжело раненного в ногу, с трудом дотащил вконец обессиленный доктор Арташез. Это было все. Около трети взвода осталось там. Среди них — Иван Приходько и поэт Авдеев. Отмучились.

Вернувшиеся постепенно приходили в себя. Некоторых била нервная дрожь. Все жадно курили. Есть не хотелось, хотя коняга наш с полевой кухней все еще стоял за командирским блиндажом, несмотря на полное утро.

Понемногу потянулись туда, согреть утробу. Порции супчика выдавались непривычно обильные, поскольку приготовлено было на всех, включая и тех, кому не повезло.

На другой день — почему-то после, а не до — нам устроили баню. На ночь привезли и поставили на отшибе большую палатку. В ней на настоящих дровах нагревали в бочках воду. В угаре и пару мы кое-как помыли впервые свои измо-

жденные телеса. В то же время снаружи еще в двух бочках «прожарили» горячим духом нечистую нашу одежку. Выдали сырую смену белья. Праздник кончился. Палатку и бочки увезли.

Прошло пару обычных дней, и меня позвали к командиру роты. В блиндаже оказались еще трое вызванных туда из других взводов солдат.

— Сейчас получите предписание, — сказал капитан, — направляетесь пока в распоряжение начштаба полка. Там укажут.

— Надолго ли? Вещи брать?

— Не знаю. Можете и не вернуться. На вас подано представление о снятии судимости. От меня всем благодарность.

— Если не вернемся, товарищ капитан, прошу позволения проститься с бойцами и с командиром взвода. Где его найти?

Васенин потемнел лицом и вышел из блиндажа.

— Нет больше старшего лейтенанта Леонова, — тихо сказал мне сидевший с бумагами писарь, — расстрелян по приказу командира дивизии. Как вызвали, так и не вернулся.

— За что?!

— За самовольный отход с поля боя. Без приказа взвод отвел.

Не в силах произнести ни слова, я подошел к топчану, где обычно спал старлей и где висела до сих пор приколотая к стене фотография его девушки, и постоял, сняв шапку. Душили слезы. Глядя на меня, встал молча и писарь.

Взяв у него предписание, все мы вышли из блиндажа. Капитан Васенин, отвернувшись, курил в стороне.

Все еще ошеломленный, я тоже нервно закурил. Ах, старлей, ах, Леонов! Значит, ты заметил и запомнил, что я был рядом, что это я, как обреченная на бессмертие тень, следовал за тобой по пятам, откликался на все твои призывы и все стрелял и стрелял туда, вперед, куда ты велел, хоть это и было ни к чему... И прыжок мой вперед, уже без тебя, к минному полю, запомнил!

Ах, старлей, спасший нас старлей, еще тогда не убитый, ты успел подать обо мне добрый свой рапорт, хоть на душе у тебя гирей лежала уже тревога! Вот, значит, как суждено

было быть тебе убитым! Мир праху твоему, старлей, святая душа!

Забрав ничтожные свои пожитки, мы двинулись в полк. Оттуда нас подвезли к штабу дивизии.

В тот же день я стоял в сумрачной избе перед тремя членами военного трибунала и слушал определение: «За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с фашистскими оккупантами, со старшего сержанта такого-то снять судимость».

Справка с этим блеклым уже текстом, очередной раз повернувшим мою судьбу, ветхая и истертая на сгибах, лежит сейчас передо мной. Я достал ее, чтобы проверить дату.

Итак, мое пребывание в чистилище уложилось в три недели. Но я запомнил их на всю оставшуюся долгую жизнь.

После меня в трибунале, откуда я не успел еще выйти, судили солдата нашей же роты, отсидевшегося во время боя в медсанбате: зубы заболели. Его приговорили к высшей мере. Выслушав приговор, он повалился на колени, протянув к судьям в мольбе руки. Но это уже было бесполезно. Трагедии маленьких людей здесь никого не волновали.

Мое избавление от штрафняка было отмечено обедом. Получив как технарь направление в запасную часть, я был отоварен в продслужбе дивизии на двое суток дороги здоровенной сырой рыбой — благо море было рядом. Ни хлеба, ни соли не дали.

Пустившись тут же бодро в путь, я невдалеке от шоссе соорудил немудреный костерок, сварил в длинном своем котелке, сделанном из патронной цинки, в два приема всю рыбу — и съел ее всю без соли, хлеба и десерта. Рыба была весьма кстати. Но я не наелся досыта.

С тем и отправился я далее по дорогам Великой войны советского народа. Но об этом я еще, быть может, напишу, если не буду убит.

ЗАВТРАК

Лето того военного года застало меня разведчиком пятьдесят первого гвардейского минометного полка на Южном фронте, на Украине. Фронт двигался на Запад, шло наступление.

Занятие мое состояло в вождении единственного в полку мотоцикла. Это была сильная и добродушная машина М-52, с люлькой и турелью для пулемета, но без оногo, в меру капризная. А впрочем, мы успели привыкнуть друг к другу и неплохо ладили. Мотоцикл не был штатным, он откуда-то прибудился или был найден и к моменту моего появления в полку хозяина не имел. Меня, как объявившего себя знающим это дело, определили состоять при нем разъездным при штабе полка.

В то утро вестовой поднял меня ни свет ни заря и велел явиться к начальнику штаба майору Сторожуку. Позевывая, я выбрался из землянки на утренний холодок и через минуту был у майора. Тот сказал:

— Конь твой в порядке? Заводи, едем в первый дивизион.

— Разрешите доложить, товарищ гвардии майор, я не завтракал. Вон, Громов только кухню растапливает.

— Не ты один, — заметил майор, — мы тоже не емши. Не беда, перекусим на месте. Дело срочное, не терпит.

Бросив карабин за спину, я завел свой мотоцикл и подогнал к штабной землянке. Когда мы тронулись, рассвело. День надвигался отменный, напоенный запахом солнца и разнотравья. По росистой степи мы без напряжения, в охотку, за полчаса домчались до небольшой лошинки, где, спрятанные в кустарниках, стояли замаскированные и утопленные в укрытиях боевые установки первого дивизиона.

Командир дивизиона, здоровенный подтянутый капитан, ждал нас. По форме отдав рапорт, он с ходу начал упрашивать майора Сторожука, чтобы он разрешил использовать так удачно подваливший мотоцикл для разведки местности перед маршем.

— Тут еще такое дело, товарищ гвардии майор, — гундел он, — тут еще из пехотной разведки двое прибыли: соседи просят их захватить на рекогносцировку. И мой один поедет. Километров бы хоть пятнадцать прошупать. Туда — назад всего-то около часу, меньше даже... А?

Майор обратился ко мне:

— Твой аппарат четырех человек повезет? — Я подтвердил не колеблясь.

— Тогда так, — решил майор, — бери. Тем более нам с тобой нужно обсудить задачу. Но (он поднял палец) прежде моего мотоциклиста накорми. Он натошак, и голодным забирать не дам. Вот так.

— Время не терпит, Захар Ильич! Ведь он не меньше получаса лопать будет... Слушай, а может, я своего водителя дам? У меня есть умелец.

— Кто таков? — спросил майор. Но тут же повернулся ко мне: — Впрочем, это тебе решать: доверишь другому машину?

Я колебался. Потом сказал:

— Пусть покажет, что он умеет.

Капитан крикнул куда-то в сторону:

— Бурмистров!

От группы стоявших у машин солдат отделился и бегом направился к нам небольшой крепыш сержант. Был он светел волосом и лицом. Ничего иного в облике его я не запомнил. Подбежав и выслушав капитана, он подтвердил, что с мотоциклом дело имел и водить может. Что и продемонстрировал: толково завел, без рывка тронул, сделал несколько маневров. Вопросительно поглядел на нас:

— Ну как?

— Пожалуй, — сказал я, — только не гони.

Тут же были вызваны и расселись в люльке и позади Бурмистрова два пехотных разведчика с рацией и один наш солдат, по карте была показана трасса предстоящего марша, и они, покачиваясь на ухабах проселка, медленно скрылись за гребнем лощины.

Я поел на кухне. Я покурил. Я поспал в холодке под кустами. Начало припекать. Прошло часа два, когда мы — майор, капитан и я — почти одновременно поняли, что разведка не возвращается слишком долго. Причины могли быть разные, включая и поломку мотоцикла. Не хотелось думать о худшем.

Но график марша на терпел дальнейшей задержки, и дивизиону было приказано выступать. Вместе с его колонной двинулись и мы с майором: он — в кабине боевой машины, я — лежа на крыле «Студебеккера». Впереди, в километре от колонны шел дозор...

Мы увидели их километров через семь-восемь, слева, невдалеке от шляха. Они пытались развернуться и уйти, когда поняли, что нарвались на засаду. Но не успели. Так они и лежали перед въездом в село, сшибленные наземь очередями крупнокалиберного пулемета, глядя в летнее безоблачное небо незрячими глазами. Здесь же валялся и расстрелянный мой мотоцикл. Немцев в селе уже не было.

Дивизион, постояв, двинулся дальше, он не мог ждать. Была оставлена лишь похоронная команда, чтобы достойно предать земле разведчиков. С нею остался и я, вечный и неплатный должник Бурмистрова.

Бурмистров... Без имени и отчества — я успел узнать только фамилию. Но пока жив, фамилию эту не забуду, потому что этот человек погиб вместо меня. Не из-за меня и не спасая меня, а именно вместо. Бурмистров.

ЧАСЫ

Знакомый обратный адрес на конверте был написан на сей раз неизвестным мне чужим почерком, по-видимому женским, и потому я не сразу решился вскрыть письмо: понял, что беда случилась.

«Все рука не поднималась писать об этом, но Федор умер еще в начале мая. Он долго болел, умирал в полном сознании и просил сообщить вам, Орлову и Кумышу — фронтовым друзьям. Ушел из жизни умный и добрый человек. Помяните Федора», — писала вдова.

...Когда я впервые увидел Царева, он, склонившись над мандолиной, сидел на березовом пне у входа в землянку. Шинель внакидку была аккуратно подоткнута снизу, чтоб полы не отсырели. Была ранняя весна, снег еще пятнами лежал в полях, но на проталинах уже пробивалась молоденькая травка, и дерн, которым укрыта была землянка, тоже робко зеленел.

И освещенного тревожным закатным солнцем Царева, и травку эту, и даже пронзительный холодок того вечера на фронте помню отлично, как сейчас. А вот что играл Царев — не помню. Но был это мотив не простецкий, а что-то сложное, из классики. Я подошел, стал слушать, спросил, что он играет. Мы разговорились и познакомились. После

госпиталя я только что прибыл с пополнением в этот полк прославленных «катюш».

- Ты кем раньше воевал? — спросил Царев.
- В пехоте пришлось, — ответил я, — и в танковых...
- Ну, тогда не пожалеешь...
- Догадываюсь, — сказал я.

Он мне понравился, этот Царев. На костистом с желваками лице у него было крепко прилажено хорошей лепки нос с горбинкой («А я родом из терских казаков, во мне, наверное, что-то от горца есть», — пояснил однажды Царев); из-под лохматых бровей строго и прямо глядели стальные глаза, но за этой суровостью прятались доброжелательность и скрытый юмор. До войны работал он сельским учителем, строгость вида была у него, должно быть, профессиональной. Лет ему было, как я теперь понимаю, под сорок, в свисавшем на лоб чубе поблескивала седина, и мне, двадцатилетнему, он казался пожилым.

Меня определило начальство мотоциклистом, связным при штабе полка. Здесь же в штабе служил писарем и Царев. Несмотря на разницу лет, мы быстро сблизились. Тогда, весной сорок третьего, фронт стоял, накапливая силы. И вечерами, если я не был в разгоне по дивизионам, мы с Царевым вместе перед сном курили махру и толковали о всякой всячине. Потом он выносил из землянки мандолину и принимался извлекать из нее звуки. Играл он умело, задушевно, и игра его всегда собирала круг солдат. Слушали его задумчиво. Как запрещенный здесь вечерний костер, музыка становилась центром притяжения для лишенных дома людей и так же, как тлеющие угли, будила в душах воспоминания, уводила от суровой реальности в милое прошлое.

В один из таких вечеров, когда Царев отложил свой инструмент и задымил сигаркой, возник у нас разговор — когда же она кончится, эта война — ведь скоро два года ей, а конца не видно... Позади был Сталинград, вера в победу упрочилась, но когда придет эта победа и доживешь ли до нее?.. Большинство сходилось на том, что союзники вот-вот откроют второй фронт, а значит, задавим врага уже скоро, может, к осени, а нет — так к зиме.

Царев слушал эти рассуждения молча, покуривая.

— А ты что скажешь, Данилыч? — обратились к нему.

Из-под своих насупленных бровей Царев внимательно оглядел нас, словно взвешивая, можно ли доверить нам важную тайну, и затем сказал:

— Война кончится в мае сорок пятого года.

Он сказал это твердо, уверенно, не предполагая, а сообщая об известном ему факте.

Я поглядел на него с удивлением.

— Не может быть, чтоб еще два года, — заметил кто-то.

А другой добавил со смешком:

— Ишь ты — «в мае»! Не раньше и не позже... Ты что, Данилыч, пророк? Почему ты знаешь, что в сорок пятом, да еще в мае?

— Знаю, — спокойно сказал Царев.

— Не можешь ты этого знать, — возмутился я. — А впрочем, давай на спор: если кончим войну в мае сорок пятого и оба живы будем, отдаю тебе часы, какие будут у меня к дню победы. Если ошибся — с тебя портсигар. Часов не требую — шансы неравные... Вернее, нулевые твои шансы.

— Идет! — согласился Царев. И мы ударили по рукам.

А война продолжалась. Вскоре после того памятного дня был разбит мой мотоцикл, и меня отправили разведчиком в дивизион. Встречи наши с Царевым стали редкими, мы виделись с ним теперь только при перебросках полка с одного участка фронта на другой, когда штаб и дивизионы ненадолго соединялись для марша.

Бои на Украине шли жестокие. И хотя потери полка были меньшими, чем, скажем, в пехоте или у танкистов, мы тоже то и дело теряли людей, и никто не был уверен, что доживет до завтра. Судьба, однако, пока щадила и меня, и Царева.

Так кончился в боях сорок третий, начался сорок четвертый, но конца войны не было видно.

— Когда же конец-то, Данилыч? — тоскливо спрашивал я при встречах.

— Не спеши, Сеня! — отвечал Царев. — Все равно раньше сорок пятого не кончим.

— Мая? — усмехался я.

— Да, мая.

И наконец в начале лета сорок четвертого союзники высадились в Нормандии. Долгожданный второй фронт, которого мы ждали три бесконечных года и с которым было связано столько надежд, открылся!

— Ну, что скажешь, Данилыч? — торжествуя, набросился я на Царева где-то под Бендерами, на Днестре. — Конец-то на носу? Второй фронт — это тебе не свиная тушенка! Теперь фрицы покатятся, а?! Ско-о-ренько прикончим с двух-то концов!

Но, весь серый от густой бессарабской пыли, отряхиваясь и плюясь, Царев заорал сквозь рев двигавшейся мимо танковой колонны:

— Может, и покатятся, дай-то Бог! Только все равно до мая сорок пятого еще нахлебаемся горя!

Они не покатились. Они яростно и упорно огрызались, продолжая уже проигранную ими войну. Весь сорок четвертый мы все еще делали свое тяжелое солдатское дело, не то освобождая, не то завоеывая для румын, для югославов, для венгров их собственные города и села, все так же наскоро хороня тех, кому не повезло, но теперь уже в чужую землю. И в январе сорок пятого, завязнув в тяжелейших боях на заснеженных равнинах Венгрии, войска фронта испытали трагическое потрясение...

В том январе судьба свела меня с Царевым на целые две недели. На сей раз мы оба с ним оказались на койках в санчасти полка. Я был ранен в ногу, но легко и отказался от госпиталя, боясь отстать от полка. Лечил меня наш полковой врач, и уже вскоре я начал ходить с костылями. Там же в санчасти лежал желто-лимонный от малярии Царев со своей неизменной мандолиной. Санчасть стояла в большом селе, название которого помню до сих пор — Шерегельеш, километрах в сорока от передовой. Здесь были не только наши полковые медики — все село было заполнено полевыми госпиталями. Мы наслаждались домашностью больничного уюта и непривычной тыловой тишиной.

Тишина эта была нарушена однажды самым неожиданным образом. Девятнадцатого января на исходе ночи в санчасть прибыл заместитель командира полка. Бледный и взъерошенный, он приказал немедленно поднять всех по тревоге и гру-

зиться на машины: немцы прорвали фронт у озера Балатон, ввели в прорыв мощный танковый кулак, который движется сейчас сюда... Это была известная впоследствии «балатонская трагедия». Одиннадцать танковых дивизий Гудериана рвались на помощь осажденному Будапешту, сметая и громя по пути ошеломленные тылы Третьего украинского фронта.

Наскоро одевшись, мы с Царевым вышли на улицу. В крошечной предрассветной темени слышались приглушенные команды, тяжелое шарканье ног, тревожно сновали людские тени, урчали, разворачиваясь, грузовики — госпитальная обслуга пыталась погрузить раненых. И сквозь все эти ночные звуки, слабее них, но господствуя над ними в нашем сознании, доносились с запада едва слышные пулеметные очереди и многоголосое гудение танковых моторов.

Грузовик санчасти, в который мы уже с трудом втиснулись с Царевым, тотчас тронулся и, не зажигая фар, начал выруливать на большак. Когда мы выбрались на него, уже светало, и в мгlistом утреннем тумане мы увидели отходящие войска. По дороге, покрытой смесью грязи со снегом, сплошным потоком двигались машины и повозки с армейским имуществом, а по обочинам густо шли люди в шинелях и ватниках. Это были тыловые части и разрозненные хозяйственные команды. Весь этот поток двигался в одном направлении — назад, от фронта, как кошмарный призрак ожившего вдруг сорок первого года.

В гнетущем молчании мы ехали так с десятков километров, когда стихнувшие было дальние пулеметные очереди и рокот танков возобновились внезапно совсем близко, за гребнем холма. И тогда отход перешел в паническое бегство. С побелевшими лицами, сбрасывая на ходу шинели и сапоги, бежали солдаты, пытаясь цепляться за борта переполненных грузовиков, в черных комбинезонах бежали какие-то забинтованные танкисты, бежали в шлемах летчики с не успевших подняться самолетов, ездовые верхами неслись на лошадях, волоча за собой остатки порубленной упряжи и построжки брошенных повозок.

Страшен вид бегущей в ужасе толпы. Но еще страшнее бегущая армия. Самой сутью своей предназначенная к тому, чтобы — наступая или отходя — сражаться, она не может

бежать. Это противоречит ее природе, ее естеству. И потому зрелище бегущих в панике солдат вызывает содрогание именно своей противоестественностью.

Даже сейчас, через столько лет, мне трудно вспоминать об этом. Но это было. Мы это видели.

...А рокот настигавшей нас танковой лавины, тупые пушечные удары и дробь пулеметов слышались все ближе за увалами шоссе. И тогда Царев сказал мне:

— Пропадем здесь. Надо уходить с дороги.

Кое-как скатившись с ползущего грузовика, мы подобрали выброшенные нам вслед вещмешки, мои костыли и, спотыкаясь, двинулись по пашне в сторону от шоссе, туда, где, по нашим представлениям, должен был быть Дунай. Ощущение нереальности происходящего владело мною, но я все-таки крикнул Цареву:

— Мандолину забыл!

Он только махнул рукой...

Уже издали, из спасительной гуши березовых перелесков мы увидели, как на гребень холма выполз чудовищный силуэт «тигра», за ним другой, третий — и они ринулись со склона вниз, на незащищенную, переполненную дорогу... «На солнце и на смерть нельзя смотреть в упор».

Мы шли долго и трудно — мешала моя хромота, шатался от слабости больной Царев, но, в поту и одышке, мы все-таки засветло вышли к Дунаю. Пройдя заснеженным берегом еще километра три, мы увидели понтонный мост, а перед ним скопище людей и машин, валом валивших на желанный другой берег. Мост гудел, понтоны кренились в стылой воде. Нечего было и думать пробиться сквозь эту обезумевшую толчею.

Внезапно позади пробки появилась группа автоматчиков. Стреляя очередями в воздух, они проложили себе путь к мосту и перекрыли вход на него. Толстенный и багровый генерал, командовавший ими, начал зычно распоряжаться, наводя порядок. Через мост стали пропускать только машины с грузами и раненых. Всех остальных, имевших оружие, генерал тут же сколачивал в боевые группы и под командой выхваченных из толпы офицеров направлял занимать оборону у подходов к мосту. Сиплый голос его ревел, как

треснувшая труба, и ликвидация пробки заняла считанные минуты.

Два старых ездовых вместе с нами оторопело наблюдали за его действиями со своей повозки. Затем один одобрительно сказал другому:

— Худошаавой!..

Только перейдя мост, мы оба поверили наконец, что этот день еще не последний в нашей жизни.

— Где же победа, Данилыч? — спросил я. — Где же твой май сорок пятого?

— А вот в мае и будет победа, — ответил Царев, перематывая портянки дрожащими руками. И добавил: — Часы не потерял?

Унесшая тысячи жизней «балатонская трагедия» не могла изменить общего хода войны. Танковая армада немцев была остановлена, а затем разгромлена на подступах к Будапешту. И фронт снова двинулся на запад, устилая солдатскими телами теперь уже австрийские поля. Здесь, в отрогах Альп, мы и встретили трижды благословенную Победу. Был май сорок пятого. Предсказание Царева сбылось.

Но я не отдал ему часов. К концу войны у меня были замечательные часы: с модным черным циферблатом, на редком еще тогда металлическом браслете, элегантные и точные. Добыл я их путем сложных обменов и очень ими гордился. Я был молод, и мне было безумно жаль расставаться со своими часами. После долгой внутренней борьбы я решил — не отдам.

Презирая себя, я что-то лепетал Цареву о том, как неловко будет мне, солдату-победителю, вернуться домой даже без часов... Ссылался на предстоящие мне после возвращения материальные трудности: дескать, долго придется учиться, купить часы будет не на что, предлагал ему что-то взамен... Вспоминать свой лепет тошно.

Царев к ситуации отнесся на удивление спокойно. Послушав меня, он ухмыльнулся, а потом сказал:

— Да ладно, Сеня, не переживай. Бог с ними, с часами. Будем считать, что я их тебе подарил. По случаю Победы. Ты просто еще не знаешь, что вещи не многого стоят. Не они важны.

Он еще меня успокаивал!

Мы расстались с ним вскоре, солдат его возраста отпустили домой уже к концу лета, прямо из Австрии. Мы обнялись на прощание и обменялись адресами. А через полгода настала и моя очередь возвращаться к мирной жизни. Мы отвыкли от нее, и потому нас ждали нелегкие испытания. Армия делает человека беспечным в известном смысле: она кормит и одевает его, она командует его действиями и снимает с него ответственность за последствия. Свобода воли проявляется только в поисках пути к наилучшему выполнению приказа. И если наилучшим окажется путь, на котором нужно пожертвовать собой, армия дает солдату право избрать его. Ибо безмерно важна общая цель, к которой она стремится.

Теперь для нас все изменилось. Мы должны были сами избирать свои личные цели и сами находить свои пути к их достижению, сами искать свое место в жизни и сами заботиться о хлебе насущном. Мы были предоставлены сами себе, и бремя этой свободы оказалось тревожным и полным забот. Мир и свалившаяся на нас самостоятельность требовали такой отдачи сил душевных и физических, что мысли о Цареве и об истории с часами надолго оставили меня.

Лишь через пару лет, вспоминая недавнее прошлое, я споткнулся об этот постыдный свой поступок. Написал Цареву — он не ответил. Я снова и снова посылал письма по адресу, который он дал при расставании, но бесплодно. И постепенно время и сознание невозможности загладить скверну отдалили ее, затянули тиной, а потом и вовсе растворили память о ней, оставив лишь мутный осадок в душе.

Что было потом? Потом прошла жизнь. Она даже не прошла, «как Азорские острова», а пронеслась, полная приобретений и горестных потерь, взлетов и падений, промчалась пейзажем за окном электрички, упоительная, но слишком быстротечная, эта мирная жизнь. И, резко отличаясь от нее силой воспоминаний, война осталась с нами, как мрачный, но долгий и четкий сон. Мы помним ее почти день за днем и до конца остаемся прежде всего ее солдатами.

Поэтому велико было мое волнение, когда однажды позвонил мне один из бывших наших офицеров и сказал, что

создан комитет ветеранов полка, что они разыскали по стране десятка три однополчан, списались с ними и намерены организовать встречу.

Месяца через два он снова позвонил мне:

— Слушай, ты меня спрашивал о Цареве. Так вот, мы не только нашли его, — он сейчас живьем сидит у меня. Можешь ты его взять на постой?

— Не выпускай его никуда!!! — закричал я, срываясь с места.

Когда я вошел, то узнал его сразу. Царев встретил меня тем же стальным взглядом из-под совершенно седых наспуленных бровей. Он был по-прежнему жилист и крепок в своей старости. Я бросился к нему, мы обнялись.

Я увез его к себе. Весь вечер мы говорили ненасытно и, крепко выпив, легли уже под утро. Когда я уходил на работу, Царев еще спал.

Возвращаясь в конце дня, я зашел в часовой магазин, заведующий которого был мне знаком. Из закромов он продал мне особенные, сверхсовременные часы, с автоматическим заводом, с календарем, хронометром, на блистательном браслете, и я двинул домой.

Там меня встретил сизый табачный туман: Царев разыскал в Москве какого-то своего друга времен начала войны и угощал его.

— Ну, Данилыч, — сказал я, входя, — сейчас я тебя удивлю. Ты помнишь, как я тебе проспорил часы и не отдал их?

— Да было что-то в этом роде, — неуверенно ответил Царев.

— Вот они, — сказал я и положил на стол свою покупку.

Царев посмотрел на часы, потом воззрился на меня:

— Ты что, спятил? Я не приму от тебя такого подарка!

— Это не подарок, Данилыч, — возразил я. — Это полуприличный возврат карточного долга с опозданием на тридцать лет. И если ты не примешь, считай, что плюнул мне в лицо!

Царев встал. Он побледнел, потом заплакал.

— Ты опьянел, Данилыч, — сказал я ему.

Потом мы втроем «обмыли» это дело, и несказанная радость облегчения наполнила меня.

Назавтра мы отправились на встречу с однополчанами, а после я проводил Царева, и он уехал в свою глухомань.

От него стали приходить письма. «Я показываю здесь часы, — писал он. — Люди удивляются: через столько лет... Ты расширил мое представление о человеческих странностях».

Между прочим, я спросил Царева в тот наш вечер, как удалось ему точно предсказать срок победы. Он внимательно посмотрел на меня и, помолчав, сказал:

— Угадал просто. Чистая случайность... — И отвел взгляд.

Но я знаю, что это не так. Он не захотел быть откровенным.

Вот и помянул я Федора...

ЗАБЛУДИЛИСЬ

Писатель, рассказывающий о войне, должен сам иметь военный жизненный опыт. Это частный случай общего правила, но применительно к теме военной правило приобретает категоричность. Воображаемая, а не пережитая война — фальшива и смехотворна в описании. Мы верим, читая Константина Симонова: он там был, варился в этом котле и там остался душой до самой смерти. Лев Толстой не сражался с Наполеоном, но он был на Крымской войне, и этого опыта хватило ему на «Войну и мир». Алексей Толстой блестяще писал о судьбах русской эмиграции, потому что пережил все это. Но когда он, не выходя из особняка и полагаясь на воображение, взялся сочинять лубочные рассказы о героях-фронтовиках, получилось смешно и позорно. Например, в цикле «Рассказы Ивана Сударева» есть рассказ «Семеро чумазах». Чумазые — это танкисты, которые в тылу у немцев ремонтируют в лесу свои танки: починяют карбюраторы и заваривают пробойны в пушке. В танках, о которых пишет Толстой, нет карбюраторов, а пушку в лесу не залатаешь... Хоть по телефону бы проверил, что ли...

Недавно читаю в столичной газете о подвиге капитана Флерова, командира первой на войне батареи «катюш». Попав в окружение под Ельней, Флеров геройски покончил с собой, нажав специальную кнопку для подрыва орудия. Проявленный Флеровым героизм неоспорим, но обстоятель-

ства гибели его были иными, поскольку никакой кнопки для самоподрыва в «катюше» не было и быть не могло. Принцип самоубийства солдата не закладывался в конструкцию орудия. Фантазия журналиста обернулась поклепом на Красную Армию.

Было в «катюше» устройство для подрыва, было! Но выглядело оно как заряд тола, к детонатору которого был протянут обычный бикфордов шнур из кабины, от места командира орудия. В «бардачке» лежал неприкосновенный коробок спичек, и в критический момент, при реальной угрозе захвата установки противником, командир обязан был зажечь конец шнура и отбежать на безопасную дистанцию. Святая обязанность эта была однажды роковым образом нарушена у меня на глазах.

Было это в Секешфехерваре. Город с таким сложным названием, второй по величине в Венгрии, важнейший магистральный узел, считался воротами Будапешта. Немцы обороняли его ожесточенно, и город трижды переходил из рук в руки. В декабрьскую ночь 1944 года, когда наш дивизион перебросили с другого участка фронта под стены Секешфехервара, он представлял собой слоеный пирог, в котором взятые нами кварталы чередовались с кварталами, еще удерживаемыми противником. Нам предстояло скрытно заночевать в поле близ города и по команде перед рассветом совершить бросок в один из «наших» кварталов, чтобы обрушить на немцев внезапный залп, поддержав ночную атаку.

Стояла звездная и очень русская морозная ночь на этом венгерском поле, когда мы без огней въехали на него и укрыли машины в скупой лунной тени высоченных стогов. Всухомятку поев, стали готовить ночлег. Это было не просто на каменно промерзшей земле. Выход нашли в том, что каждый вырыл себе в стогу горизонтальную нору, в которую и укладывался — ногами вглубь, в сенное тепло, пока не погружался в свой туннель с головой. Снаружи была либо голова в ушанке, либо и она укрывалась пухом сена. Спать кое-как было можно, хотя макушка все же мерзла. Сенная труха сыпалась за ворот, кололась, но было не до комфорта: лишь бы не околеть. В городе лениво постреливали, и время

от времени поле наше издали озарялось зеленоватым светом немецких осветительных ракет.

Так удалось подремать часа четыре, когда все еще во тьме, но уже безлунной и беззвездной, дивизион был поднят по тревоге и выстроен в походную колонну, со штабной машиной в голове. Возле нее офицеры светили фонариками на планшеты, определяя по картам дорогу в назначенный нам для залпа «свой» квартал города. Спор завершил комдив Акчурин, который заверил, что дорогу еще с вечера разведаль, ее помнит и поедет головным, без передового дозора.

Тронулись и, попетляв по полевым ухабистым дорогам, выбрались на грейдерное шоссе и уверенно покатали по нему. Было, в общем, тихо, и лишь в одном месте из малого окопа недалеко от шоссе нам вдогонку дали пару трасирующих очередей и выпустили красную ракету, как бы спрашивая о чем-то...

Вскоре начались предместья, затем мы въехали в город. Довольно узкая улица, по которой мы двигались, была ограничена по сторонам глухими, без окон каменными стенами выстроенных по турецкому типу двухэтажных домов и столь же глухими каменными оградами. Через пару минут мы с трудом объехали подбитый немецкий танк на обочине, а затем уперлись во второй такой же танк. Объехать его было уже почти невозможно: он стоял поперек улицы, как бы намеренно перегораживая ее. На головной машине включили прикрытые шторками синие фары и осветили танк, чтобы оценить ситуацию. Высунулся из своей полуторки и я, всматриваясь вперед. И в тот же момент увидел, как на «подбитом» танке приподнялась крышка люка, на фоне темного неба появилась лопухая голова в пилотке и стала, приложив ладонь козырьком, всматриваться в наши машины. Вслед за тем раздался визгливый истерический крик: «Фойер!!!» — и голова исчезла, крышка захлопнулась... Танковая башня тут же повернулась в нашу сторону и в упор хлестнула по штабной машине долгой очередью из крупнокалиберного пулемета. Машина разом вспыхнула, и из нее посыпались люди. Началась паника. Все, что хотело жить, бросилось бежать назад, пригибаясь в придорожных кюветах от пулеметных очередей, которыми танк поливал нас спереди. А сзади...

Там ожил второй «подбитый» танк, и его пулеметы встретили нас, бегущих в его сторону... Как мы не остались там все?! Спасли, видимо, глубокие кюветы, по которым мы мчались сломя голову и кланяясь свисту пуль, вдоль глухих каменных стен западни. Близость и очевидность смерти владели бегущими, подавляя разум. Командиры боевых машин не успели зажечь шнуры подрыва — и две снаряженные минами «катуши» целехонькими остались в руках у немцев. Водитель одной из них, Соломатин, пытался развернуться под огнем, но полевая кухня на жестком буксире лишила его маневра. Он был убит за рулем.

Остальные установки оказались за изгибом улицы, вне пределов пулеметного огня. Они ушли без потерь.

Пробежав метров триста от зоны расстрела и не веря еще в свое спасение, я увидел бегущего впереди меня командира дивизиона Акчурина и закричал ему: «Товарищ капитан!» Обезумевший от происходящего офицер, не останавливаясь, дважды слепо выстрелил в мою сторону из пистолета и продолжал бежать...

Танки не преследовали нас ни ходом, ни артогнем, и остатки дивизиона вскоре вернулись на исходную позицию, к знакомым стогам. Растерянные офицеры подсчитывали потери. Как ни странно, они были сравнительно невелики: не считая техники, из катастрофы не вернулись всего семь человек и еще трое были ранены. Когда на другой день немцы были выбиты из рокового для нас квартала, на свет вылезли и вернулись еще трое солдат, схоронившихся в щелях и угольных погребках окрестных домов.

Мои личные «потери» ограничились аккуратно разрезанными пулей на плече шинелью и гимнастеркой. Рубашка была цела. Сержант Матуш показал мне свой испорченный портсигар, пробитый вдоль в кармане ватных штанов. Так распорядилась шалуныя-судьба...

Заблудившийся на ночных дорогах капитан Акчурин и комбат Барышников, оставивший немцам неподорванными две боевые машины, были отданы под трибунал, но не расстреляны. Война катилась к победе, и правосудие позволяло себе привкус гуманности. В последние дни войны кто-то даже встретил отбывшего срок в штрафбате Акчурина —

командиром батареи на конной тяге... Судьба Барышникова осталась неизвестной.

Загадки войны

Немцы не решились на химическую войну против СССР. Но угроза ее существовала до самого конца.

И потому наш минометный полк тоже — как и другие артиллерийские части — возил с собой до самой Победы достаточное число ящиков химических мин, пакет на один залп. И имел в своем составе начальника этих мин, начхима. В этой должности состоял веселый и румяный старший лейтенант Алферов.

Поскольку служба Алферова в основном выглядела как безделье в ожидании рокового часа, когда придется ответить химией на химию, командование в нарушение Устава гоняло его по разовым поручениям.

Так было и в этот раз.

Бои шли в Венгрии. Стояла осень сорок четвертого. И за чем именно послали Алферова на тыловые базы фронта, за продовольствием или за боеприпасами, не вспомнить, да и не важно, — но он кроме шофера взял с собой еще двух солдат из разведки и здоровенную бутылку с двуручной оплеткой: купить по дороге вина.

Двинулись. Часа через два пути Алферов на выезде из большого села углядел обширный виноградник на склоне, а в глубине его опрятный хозяйский дом со службами. И велел остановиться:

— Пойду разведать. И если договорюсь — выйду, покричу. Тогда тащите бутылку.

— Оружие брать?

— Не вижу надобности! — сказал Алферов и направился к подворью.

Солдаты видели, как он, постучав, вошел в дом, и, закурив, стали ждать.

Прошло полчаса.

— Что он там делает? Торгуется, что ли? Или дегустацией занялся?.. — заворчал шофер. — Так у нас еще дел невпроворот. Да и обратно ехать не ближний край...

Когда после ухода Алферова прошло еще минут двадцать, а его все не было, они поняли, что с ним что-то неладно.

Оба разведчика, захватив автоматы, пошли к дому. Он оказался пуст, безлюден. Ни хозяев, ни Алферова в нем не было. Не было и следов борьбы: никаких настораживающих признаков, кроме самого факта исчезновения офицера, не было видно. Обкричав и облазив в поисках пропавшего весь дом, включая чердак и подвал, осмотрев во дворе два винных погреба и сарай, они растерянно вернулись к машине.

Дали пару очередей в воздух. Ни звука в ответ. Очевидность беды с начхимом нарастала. Поскольку неизвестно было в чем она могла заключаться, решено было не уезжать и заночевать тут же.

Отогнав машину к ближайшему соседнему дому и найдя там пристанище, — но не добившись у хозяев ни слова понимания в попытках прояснить случившееся, — солдаты провели тревожную ночь, поочередно неся охрану своей группы. Сон не шел.

Наутро возобновили поиски и ожидания. Тщетно. Бесплодно.

Подавленные, они вернулись в часть и доложили о пропаже офицера.

Произведя их опрос, особист полка капитан Чепель в тот же день, на той же машине и с тем же шофером Лучкиным выехал к месту исчезновения начхима, чтобы разобраться с невероятным ЧП.

Осмотрев и опечатав указанный шофером безлюдный дом на винограднике, капитан с Лучкиным остались ночевать в доме у старосты села. Ночью Лучкин в сапогах на босу ногу вышел во двор по нужде.

И не вернулся. Исчез навсегда.

Потрясенный капитан решил не искушать судьбу и с рассветом, сев за руль, покинул проклятое село.

Поднявшись на гребень ближнего холма, он вышел из кабины и окинул взглядом раскинувшуюся панораму. Над домами мирно струились утренние дымки. Но где-то в глубине этих улиц таилась смертельная угроза, только-что поглотившая две жизни наших людей.

Зябко вздрогнув, капитан вернулся в кабину и двинулся в обратный путь.

Загадочная пропажа Алферова и Лучкина вызвала в полку ропот и брожение умов. Полк входил в состав действующей армии, давно — со Сталинграда — участвовал в боях и потому, естественно, нес потери. Гибель наступала людей то и дело, она была нормой боевых будней и не ошеломила уже своим трагизмом. Но здесь было иное: вне зоны сражения, вне контакта с противником, в благодушном пейзаже виноградников и приветливых сельских лиц — беззвучно и бесследно исчезают военные люди, наши товарищи. Необъяснимая их гибель, — а гибель их сомнений не вызывала, — позволяла все-таки сделать некоторые существенные выводы.

Было ясно, во-первых, что убийство их — это не акция диверсионной группы немцев, поскольку наших войск в селе не было, и забрасывать ликвидаторов в него не имело практического смысла. Во-вторых, обстоятельства обоих похищений свидетельствовали об искушенности исполнителей акции и о наличии в их составе местных жителей.

Когда стало ясно, что особист Чепель не получил приказа повторно выехать на место происшествия с усиленной группой для расследования и поимки убийц, в полку начало нарастать возмущение:

— Неужели так и спустим сволочам, — говорили солдаты, — так и оставим фашистов без достойного ответа?

— А что предлагаешь? Что мы можем?

— Да хоть выехать туда батареей, спалить дом, дать пару залпов по гадам, чтоб щепки полетели!

— Немцы неужели спустили бы, пока у нас хозяйничали?

Офицеры были более сдержанны, они помалкивали, но командованию докладывали о настроениях бойцов.

Наверху угрюмо молчали.

Но тут полк был поднят и перемещен на другой участок фронта, километров на двести к югу от прежней позиции. И брожение гнева постепенно начало спадать, а затем туман забвения и повседневные боевые хлопоты и вовсе затянули душевную травму, оставленную загадочной гибелью Алферова и Лучкина. Другие пришли заботы и другие потери. И другие потери... Другие...

Гибель этих двоих так и осталась трагической загадкой в боевой истории полка. Что случилось с ними?

Не узнать никогда. Никогда.

Два миллиона четыреста тысяч только безвестно пропавших потеряла Россия в боях Великой Отечественной.

ЗАГАДКИ ВОЙНЫ

Немцы не решились на химическую войну против СССР. Но угроза ее существовала до самого конца.

И потому наш минометный полк тоже — как и другие артиллерийские части — возил с собой до самой Победы достаточное число ящиков химических мин, пакет на один залп. И имел в своем составе начальника этих мин, начхима. В этой должности состоял веселый и румяный старший лейтенант Алферов.

Поскольку служба Алферова в основном выглядела как безделье в ожидании рокового часа, когда придется ответить химией на химию, командование в нарушение Устава гоняло его по разовым поручениям.

Так было и в этот раз.

Бои шли в Венгрии. Стояла осень сорок четвертого. И за чем именно послали Алферова на тыловые базы фронта, за продовольствием или за боеприпасами, не вспомнить, да и не важно, — но он кроме шофера взял с собой еще двух солдат из разведки и здоровенную бутылку с двуручной оплеткой: купить по дороге вина.

Двинулись. Часа через два пути Алферов на выезде из большого села углядел обширный виноградник на склоне, а в глубине его опрятный хозяйский дом со службами. И велел остановиться:

— Пойду разведать. И если договорюсь — выйду, покричу. Тогда тащите бутылку.

— Оружие брать?

— Не вижу надобности! — сказал Алферов и направился к подворью.

Солдаты видели, как он, постучав, вошел в дом, и, закутив, стали ждать.

Прошло полчаса.

— Что он там делает? Торгуется, что ли? Или дегустацией занялся?.. — заворчал шофер. — Так у нас еще дел невпроворот. Да и обратно ехать не ближний край...

Когда после ухода Алферова прошло еще минут двадцать, а его все не было, они поняли, что с ним что-то неладно. Оба разведчика, захватив автоматы, пошли к дому. Он оказался пуст, безлюден. Ни хозяев, ни Алферова в нем не было. Не было и следов борьбы: никаких настораживающих признаков, кроме самого факта исчезновения офицера, не было видно. Обкричав и облазив в поисках пропавшего весь дом, включая чердак и подвал, осмотрев во дворе два винных погреба и сарай, они растерянно вернулись к машине.

Дали пару очередей в воздух. Ни звука в ответ. Очевидность беды с начхимом нарастала. Поскольку неизвестно было в чем она могла заключаться, решено было не уезжать и заночевать тут же.

Отгнав машину к ближайшему соседнему дому и найдя там пристанище, — но не добившись у хозяев ни слова понимания в попытках прояснить случившееся, — солдаты провели тревожную ночь, поочередно неся охрану своей группы. Сон не шел.

Наутро возобновили поиски и ожидания. Тщетно. Бесплодно.

Подавленные, они вернулись в часть и доложили о пропаже офицера.

Произведя их опрос, особист полка капитан Чепель в тот же день, на той же машине и с тем же шофером Лучкиным выехал к месту исчезновения начхима, чтобы разобраться с невероятным ЧП.

Осмотрев и опечатав указанный шофером безлюдный дом на винограднике, капитан с Лучкиным остались ночевать в доме у старосты села. Ночью Лучкин в сапогах на босу ногу вышел во двор по нужде.

И не вернулся. Исчез навсегда.

Потрясенный капитан решил не искушать судьбу и с рассветом, сев за руль, покинул проклятое село.

Поднявшись на гребень ближнего холма, он вышел из кабины и окинул взглядом раскинувшуюся панораму. Над домами мирно струились утренние дымки. Но где-то в глубине

этих улиц таилась смертельная угроза, только-что поглотившая две жизни наших людей.

Зябко вздрогнув, капитан вернулся в кабину и двинулся в обратный путь.

Загадочная пропажа Алферова и Лучкина вызвала в полку ропот и брожение умов. Полк входил в состав действующей армии, давно — со Сталинграда — участвовал в боях и потому, естественно, нес потери. Гибель наступала людей то и дело, она была нормой боевых будней и не ошеломляла уже своим трагизмом. Но здесь было иное: вне зоны сражения, вне контакта с противником, в благодушном пейзаже виноградников и приветливых сельских лиц — беззвучно и бесследно исчезают военные люди, наши товарищи. Необъяснимая их гибель, — а гибель их сомнений не вызывала, — позволяла все-таки сделать некоторые существенные выводы.

Было ясно, во-первых, что убийство их — это не акция диверсионной группы немцев, поскольку наших войск в селе не было, и забрасывать ликвидаторов в него не имело практического смысла. Во-вторых, обстоятельства обоих похищений свидетельствовали об искушенности исполнителей акции и о наличии в их составе местных жителей.

Когда стало ясно, что особист Чепель не получил приказа повторно выехать на место происшествия с усиленной группой для расследования и поимки убийц, в полку начало нарастать возмущение:

— Неужели так и спустим сволочам, — говорили солдаты, — так и оставим фашистов без достойного ответа?

— А что предлагаешь? Что мы можем?

— Да хоть выехать туда батареей, спалить дом, дать пару залпов по гадам, чтоб щепки полетели!

— Немцы неужели спустили бы, пока у нас хозяйничали?

Офицеры были более сдержанны, они помалкивали, но командованию докладывали о настроениях бойцов.

Наверху угрюмо молчали.

Но тут полк был поднят и перемещен на другой участок фронта, километров на двести к югу от прежней позиции. И брожение гнева постепенно начало спадать, а затем туман забвения и повседневные боевые хлопоты и вовсе затянули душевную травму, оставленную загадочной гибелью Алферова

и Лучкина. Другие пришли заботы и другие потери. И другие потери... Другие...

Гибель этих двоих так и осталась трагической загадкой в боевой истории полка. Что случилось с ними?

Не узнать никогда. Никогда.

Два миллиона четыреста тысяч только безвестно пропавших потеряла Россия в боях Великой Отечественной.

ГАЙДУКОВ

Через много лет после войны приехал я по делу в Харьков, где прошло все мое детство и откуда я ушел в армию.

Покончив с бумагами и даже не заходя в гостиницу, я пешком отправился на свидание с малой родиной и особенно со своим домом, столь памятным и близким сердцу. С волнением узнавая знакомые места, я поднялся по Сумской улице и еще издали увидел освещенный западным светом силуэт, все пять этажей которого, казалось, растроганно глядели на меня после долгой разлуки. Дом узнал меня.

Я не подошел к нему сразу. Остановившись на другой стороне улицы, я долго вглядывался в памятные мне старческие морщины и осыпи, следы былых ремонтов и подкрасок, тщетно скрывавших подлинный возраст гордого в прошлом белого фасада. Дом не просто постарел, он стал за эти годы меньше и ниже, как это обычно бывает с ними при возвращении из далекого детства.

У дома наблюдалась новая, чуждая мне жизнь. Женщина гуляла с детской коляской. Стайка мальчишек стремглав ворвалась в подъезд, грохнув входной дверью. На тяжелой скамье, памятной мне, сидел пожилой мужчина в очках и читал газету. Никто из этих людей не мог помнить худого юношу, каким я когда-то ушел отсюда с заплечным мешком, и быть мне близкими. Слишком много лет и событий разделяло теперь нас. И потому я не питал надежды узнать у них что-либо о прежних обитателях дома, составлявших некогда мой мир, и о судьбах ватаги моих бывших друзей.

Робея, подошел я к дому и неуверенно обратился к сидевшему на скамье мужчине:

— Извините, вы не жили в этом доме до войны? Вы не знали тех жильцов?

Мужчина отложил газету и взглянул на меня:

— Да, жил. Да, знал. Но я был совсем пацаном. А что вас интересует?

— Дело в том, что я тоже жил здесь тогда.

— На каком этаже?

— На пятом.

— На пятом... А кто жил напротив?

— Напротив жил украинский писатель Чечвянский. А после его ареста осталась жена с мальчиками, Чоккой и Викой.

Он снял очки и неторопливо протер их платком:

— Вика — это я.

— Не узнать, — сказал я. — Как выжили — не спрашиваю.

— А спросите — не отвечу. Побирались.

— Отец вернулся?

— Нет.

Мы помолчали.

— Прямо под нами, на четвертом этаже, жили Илларионовы, бывшие хозяева этого дома, — сказал я. — Им оставили две комнаты. Живут еще?

— Этих помню. Нет, не живут. От матери знаю, что они при немцах пустили в ход свою коллекцию марок. Стали к ним за этим делом ездить немецкие чины, офицеры. Тем, видно, и кормились. А наши пришли — их и забрали. Так и сгнули за свою филателию.

И снова тихий ангел пролетел. А с ним беззвучно миновали нас скорбные тени этих людей, не причинивших никому ничего...

— Еще на четвертом этаже рядом была дверь с латунной табличкой «Гайдуков. Лернер». Эти как?

— Лернер... Тетя Ева... На баяне все меня учила играть. Она ведь баянисткой была. В парке нашем работала. И пение, и танцы — все под ее баян. Там ее и Гайдуков пригладел. Каждый день ходил слушать. Потом стал ей баян носить. А потом и до таблички дело дошло...

— Она-то где?

— Она-то? Нет и ее. Вместе со всеми ихними погнали ее немцы в гетто. Якобы в гетто. На самом деле в ров на тракторном.

Но она понимала куда. Перед уходом баян мне свой отдала. Теперь я на нем в парке играю.

— А Гайдуков ее где же? Он ведь русачок был истинный, глянешь — не ошибешься.

— А Гайдуков ее при ней же и остался. Никуда не делся. Ушел с нею.

— Ах вот как... Вот как...

Посидев еще немного, я распрощался и пошел по Сумской вниз, к отелю. Вся обратную дорогу слова «ушел с нею» все росли и росли в моем сознании, заполняя его своим растущим значением и необъятным смыслом. Поступок Гайдукова, который был обозначен тремя незначительными короткими словами, постепенно обрастал в моем воображении присутствиями ему наверняка реальными чертами, масштаб которых лишь подчеркивал стоящую за ними величину поступка. Мне явственно представлялось, как эта женщина, Ева, пыталась гнать от себя — от смерти — упрямо шагавшего рядом человека, ее мужа, и лишь затем смирилась с безмерной жертвой, на которую он решился для нее.

Колебался ли он, принимая свое решение? Быть может, и нет. Невыносима была мысль, что в последний миг у края смертного рва она останется в одиночестве и не к кому будет прислониться как к опоре. А он сможет жить дальше?

Тогда я не знал еще, что образы, порожденные словами «ушел с нею», будут долгие годы преследовать меня, и мощь их не будет убавляться с годами...

ЗАПИСКИ АДВОКАТА

ПРОБЛЕСКИ

Первым из дел о государственных преступлениях, в которых мне довелось участвовать, было дело Завиркина и Тарасова. Я защищал Завиркина, а 17-летнего Тарасова — адвокат Б., в прошлом заместитель председателя Мосгорсуда, седой задумчивый человек. Так, задумчиво, он и вел защиту.

Шел, видимо, 1956 год, но двадцатый съезд партии еще не взорвался над страной, время было глухое...

Франц Забиркин, одержимый страстью к джазовой музыке, фанатик и собиратель пластинок (магнитофоны еще только появились), постоянно вился вокруг иностранцев, заводя знакомства для добывания новых записей и обменов. Этим он и привлек внимание «наружки», квартиру его начали прослушивать, а затем и арестовали.

Дело рассматривал военный трибунал округа, поскольку обвинялся он в измене Родине и шпионаже (выдал гостю-иностранцу оборонный профиль примыкавшего к его дому учреждения), а заодно и в хранении антисоветской литературы (что-то такое нашли у него среди журналов «Плейбой»). Тарасов привлекался как соучастник в измене (поддакнул на счет профиля соседнего учреждения).

Слушалось дело недолго, один день, и завершилось десятью годами заключения для Забиркина и семью — для Тарасова.

Мой коллега, адвокат Б., сказал мне после оглашения приговора: «Вы еще молоды, я — прожил жизнь и знаю ее лучше вас. Я говорю вам: не подавайте жалобу на приговор, думайте прежде всего о себе. Они там не любят, когда жалуются, порочат их работу. Не надо жаловаться».

Этот запуганный человек так и поступил — жалобы не подал. Подросток Тарасов сам как мог написал свою жалобу, просил о снисхождении. Я пренебрег советом коллеги и жалобу подал, причем достаточно полную, чтобы в мягкой форме изложить все, что думаю о приговоре.

Через месяц я был вызван в Военную коллегия Верховного суда СССР на кассационное заседание. Коллегия располагалась там же, где и сейчас, — на ул. Воровского (Поварская) и занимала непривычно для меня респектабельные, обшитые дубовыми панелями помещения. На паркете — ковровые дорожки. Безлюдье. Тишина.

Дело слушалось в кабинете генерала юстиции Д. С. Терехова, под его председательством. Судьями были еще два генерала, члены Военной коллегии. Кроме них, прокурора и меня, в кабинете не было никого, дело было секретным. Все мы сидели за одним длинным, покрытым зеленым сукном столом. Был подан чай, от которого я вежливо отказался, и мои объяснения после докладчика звучали на фоне ме-

лодичного звона ложечек в стаканах. Атмосфера была почти домашняя, благодушная, что не вязалось с существом происходящего. А происходило нечто странное, знаменовавшее начало смены эпох.

Когда я закончил свое выступление, судья-докладчик сказал:

— У нас к вам просьба — выйти за рамки вашего поручения. Изложите, как сможете, доводы защиты в отношении второго осужденного. Он ведь несовершеннолетний, а — ни защитника, ни полноценной жалобы.

— Охотно, — сказал я. И сделал что мог. Дальше стало уж совсем интересно.

— Вот тут я вижу, — сказал Терехов, — экспертизу Главлита об антисоветском содержании дурацкой книжки, изъятой у Завиркина. Главлит, как мы знаем, это Главное управление по охране государственной тайны в печати. Так ведь? Какое он имеет отношение к оценке политической направленности книжки? Это не его миссия. Это чисто правовой вопрос, и решается он юристами, судом.

Тут он обратился ко мне:

— Кстати, вы адвоката Ишкова знаете?

Я подтвердил.

— А вы знаете, — продолжал Терехов, — что он был осужден к расстрелу?

— Да, знаю. Но сейчас он снова работает...

— А знаете ли вы, что я был докладчиком по его делу при отмене приговора и реабилитации? Так вот, в деле Ишкова тоже была экспертиза. Она была поручена комиссии в составе заместителя Генерального прокурора СССР, замминистра Госбезопасности и председателя военного трибунала Московского военного округа. И перед этой авторитетной, как вы понимаете, комиссией был поставлен вопрос: как надлежит квалифицировать враждебную деятельность адвоката Ишкова в правосудии по политическим делам? И эта авторитетная, как вы понимаете, комиссия дала заключение, что деятельность адвоката следует квалифицировать, по аналогии, как экономическую контрреволюцию, как вредительство. Что и было сделано. Толково, а? Так вот, — продолжал Терехов, — когда я вижу в этом деле экспертизу Главлита,

она напоминает мне ту экспертизу по делу Ишкова. Тот же метод, тот же почерк. И та же несостоятельность.

Я был весь внимание. Такого мы пока не слышали! Прокурор изложил свое заключение — приговор правильный, просит оставить его без изменения. И сел. Теперь Терехов повернулся к нему:

— В деле есть довольно любопытная улика по вербовке Завиркина в шпионы. На его имя уже после ареста прислали из Брюсселя кляссер с марками, а в нем — шитая в обложку инструкция с разведзаданием. Вы знакомы с этой уликой?

— Конечно, — сказал прокурор.

— Весьма похожая инструкция, и тоже после ареста, и тоже из Брюсселя была у нас по делу К. (он назвал фамилию). Я не ошибаюсь, товарищ прокурор? А вы помните, чем кончилась проверка этой улики, проведенная по нашему указанию?

Прокурор не встал, а вскочил:

— Уверяю вас, товарищ председательствующий, в данном случае все верно, все — без липы.

— Не знаю, не знаю, — медлительно сказал Терехов.

Тут в их милую беседу о посылаемой из Брюсселя липе вмешался я и взмолился:

— Товарищ генерал! Позвольте мне пока выйти! Я не хочу присутствовать при этих разговорах!

— Сядьте, — молвил Терехов, — мы доверяем вам.

И они остались на совещание.

Приговор был отменен, а дело, подвергнутое в определенной разгромной критике, далеко вышедшей за рамки жалоб, возвращено на следствие.

Правда, оно все-таки вернулось впоследствии в суд, но уже без измены, без шпионажа и без освобожденного из тюрьмы Тарасова. В нем осталась все-таки литература Завиркина, за которую он получил на сей раз 3 года.

В подвалах советского правосудия начали появляться проблески света.

ДЕЛО «ПЯТИДЕСЯТНИКОВ»

У меня на книжной полке сияет золотым тиснением великолепно изданная в Швеции на русском языке Библия.

Ее недавно прислал мне в подарок епископ Церкви евангелистов-пятидесятников из своей резиденции под Москвой. На титульном листе надпись «Дорогому Семену Львовичу от подзащитного Ивана Петровича Федотова. 1961. Мособлсуд. 17—136». «17—136» была его статьей — подстрекательство к убийству.

Тогда, в 1961 году, это была еще отнюдь не признанная, вполне легальная церковь с международными связями, как теперь, а маленькая, но набиравшая силу религиозная община. Федотов был ее пресвитером, проповедником. Прихожан объединяла особая чистота нравов, бескорыстие, трудолюбие, братская любовь и взаимопомощь. Не помню, в чем именно состояло ее отличие от близкой ей по духу и порядкам баптистской церкви, но она выигрывала в этом соревновании, и ряды ее приверженцев активно ширились. Этим она и привлекла к себе внимание властей, не терпевших конкурентов в идеологии. К тому же, в отличие от баптистов, община пятидесятников оказалась вне контроля и руководства извне.

Начались гонения, в которых приняли участие и баптистские структуры. Молитвенные собрания общины разгонялись милицией и дружинниками, но люди продолжали тянуться друг к другу и к Федотову и собирались тайно вновь и вновь.

Неравная эта борьба закончилась возбуждением уголовного дела. Федотов был обвинен в подстрекательстве некоей прихожанки к ритуальному (?) убийству своего ребенка. Кроме того, он и несколько женщин, предоставлявших свои дома для молений, обвинялись в организации изуверской секты. Изуверство (причинение вреда здоровью граждан под видом отправления религиозных обрядов) состояло, по заключению судебно-психиатрической экспертизы, в том, что длительные моления и пение псалмов вызывали у прихожан состояние транса, в котором они начинали выкрикивать непонятные слова и фразы. Это явление (глоссолалия) напоминало описанное в Евангелии сошествие Святого Духа в день Пятидесятницы на апостолов, при котором они заговорили «на иных языках», неведомых им ранее, чтобы нести Благоую весть другим народам. Отсюда и наименование общины.

Все обвиняемые запретили родным приглашать защитников: «Господь защитит нас, иной защиты нам не нужно. Мы

ни в чем не виновны». Они отказались и от назначенных им «казенных» адвокатов, но отказ их не был принят, и они смирились с нашим присутствием.

Мои беседы с Федотовым в тюрьме при подготовке к процессу выходили за обычные деловые рамки: говорить с ним и слушать его было интересно. Он рассказал мне, как еще матросом срочной службы начал подолгу размышлять о смысле жизни и о том, как прожить ее достойно; каким откровением явилось для него Евангелие, случайно попавшее ему в руки, и как оно осветило ему весь будущий путь. Он вернулся со службы истово верующим человеком, воспринявшим Учение как непосредственное руководство к образу жизни и к выбору цели. Вместе с сутью Книги он принял и описанный в ней уклад первых христианских общин как единственно верный и не имеющий ничего общего с пышностью и зрелищностью современных конфессий. «Человек не может приходить к Богу в гости и уходить от него, когда вздумается. Он должен носить Его в своей душе», — говорил Федотов.

Его беседы с окружающими не были наставлениями. Он просто делился заполнившим его добрым светом знания подлинной Истины. И странное утешение, которое он приносил слушающим его и в Малоярославце, где он жил с матерью, и на работе, постепенно начало привлекать к нему все больший круг. Послушать его начали ездить и из других районов области. Так возникла община.

При достаточно придирчивой следственной проверке никаких признаков корыстной выгоды в его действиях обнаружить не удалось. Он жил на зарплату, и быт его был предельно скромным.

В деле имелась характеристика из Метростроя, где он работал бригадиром плотников: отмечались его требовательность к себе, честность, надежность, ровный, доброжелательный характер.

Подстрекательство к убийству ребенка выглядело на этом фоне весьма странно.

К вероятному исходу процесса Федотов относился спокойно и считал его ниспосланным ему свыше испытанием.

Дело должно было рассматриваться Московским областным судом. Как это практиковалось тогда в пропагандистских целях, заседание суда было назначено выездным, в одном из районов области. Однако место было выбрано достаточно далеко, в городе Дрезна — надо полагать, чтобы затруднить присутствие иностранных корреспондентов, проявлявших к делу интерес. С той же целью большой зал фабричного клуба, где начался процесс, оказался заполненным дружинниками и баптистами, проходившими по пропускам.

На освещенной юпитерами сцене заседал суд. Слева и справа — прокурор и защитники. Там же отдельно восседал профессор-психиатр Л., зам. директора Института судебной психиатрии по научно-карательной части, в огромных роговых очках. Внизу, отделенные оркестровой ямой, — подсудимые под конвоем. Значимость процесса подчеркивалась обилием журналистов из центральных газет, а также телефото-кинобратии с аппаратурой. Спектакль, видимо, решено было поставить с размахом.

Процесс начался с допроса свидетелей, который очень скоро показал, что обвинение сляпано кое-как. Свидетелями были дружинники, разгонявшие прихожан. На молениях они не бывали и о них показать ничего не могли. В числе свидетелей были и прихожане, не желавшие зла подсудимым и сочувствовавшие им. И те и другие ничего не дали для обвинения в изуверстве. Не лучшим образом выглядело и обвинение в подстрекательстве к убийству младенца. На роль Ирода Федотов по доказательствам не тянул. Мы, защитники, даже не прилагая особых усилий, уже к концу первого дня процесса явно склоняли чашу весов в свою пользу. Суд предпочитал не замечать этого.

На другой день в отдельную комнату заводской столовой, где адвокатам позволено было обедать вместе с более важными участниками действия, заглянула официантка и спросила:

— Кто здесь адвокат Ария? Вас к телефону.

Недоумевая, я пошел к аппарату. Далекий голос из Москвы зарокотал в трубке:

— Товарищ Ария? С вами говорит секретарь обкома партии Панкратов.

Я напрягся. С персонами такого ранга мне ранее общаться не приходилось.

— Слушаю вас, товарищ Панкратов.

— Мне тут докладывают, что вы нам срываете мероприятие.

— Какое мероприятие?

— А вот процесс. Учтите, дело на контроле в ЦК партии. Улавливаете мою мысль?

— Улавливаю. Я не знал, что это — мероприятие. Кроме того, полагаю, что вас вводят в заблуждение. Здесь идет обычная работа.

— Да? Во всяком случае, имейте в виду: я проверю.

— Понял вас. Всего доброго, товарищ Панкратов. — И я вернулся в столовую.

Через пару часов в процессе был объявлен технический перерыв: из Москвы на двух черных «Волгах» прикатили проверяющие, из обкома и из Министерства юстиции. На их вопросы председатель суда Котов пояснил, что ничего особенного не происходит, адвокаты, как им и положено по закону, занимаются защитой. То же подтвердил и прокурор Залегин. Тогда они обратились ко мне:

— А кто здесь воду мутит? Кто стучит в обком?

— Не знаю, кто стучит, но на меня в каждом перерыве насккивает с замечаниями вон та толстая баба, что сидит в третьем ряду, — сказал я и показал на нее пальцем. — Не нравится ей, что мы активно работаем.

Проверяющие дружно посмотрели в указанном мною направлении.

— Эта «толстая баба» — заведующая отделом агитации и пропаганды обкома партии...

— Так укротите ее немного...

На том ревизия закончилась, процесс был продолжен.

Из него помню еще пару эпизодов.

На свидетельском помосте рядом с подсудимыми — мрачного вида изнуренная женщина в темном платке, с глазами, горящими нездоровым огнем.

— Свидетель, ваша фамилия?

— Пичугина.

— Имя-отчество?

Вместо ответа женщина падает у микрофона на пол, бьется в судорожных конвульсиях. Кто-то из публики пытается придержать ей голову. Профессор Л. быстро встает, подходит к рампе и некоторое время через свои важные очки пристально наблюдает за женщиной. Затем поворачивается к суду:

— Это не эпилептический припадок! Это неврастенический припадок!

Судья Котов гневно обращается к подсудимым:

— Вот до чего вы доводите людей своими молениями!

Подсудимые смиренно молчат.

— Товарищ председательствующий, — тихо говорю я судье, — это же не сектантка, это — дружинница. Она — член партии.

Я говорю это тихо, но стоящий передо мной микрофон доносит мои слова до всего зала. Судья срочно листает дело, находит протокол допроса Пичугиной, проверяет меня:

— Мм-да, действительно...

И вот еще помню.

Перед судом — миловидная, опрятная женщина лет тридцати. Следует выяснение анкетных данных. Затем судья говорит:

— Я вижу из протокола допроса, что вы ранее были в секте, а затем вышли из нее. Значит, вы человек вольный и можете нам правдиво рассказать, как там происходили моления. Ведь верно?

— Да, конечно. Ну, что могу сказать? Помещение небольшое, ни зала, набьется народу — духота. Да натошак, да на ногах часа по три-четыре подряд, почти без перерывов, поют псалмы, молятся — каждый о своем... Иной раз аж в глазах темно... Выйдешь потом — тебя качает. Еле до дому доберешься...

— Вот видите, как скверно, как вредно... Вы из-за этого и вышли из секты?

— Не совсем. Я к ним год ездила, все обеты исполняла. Потом потянуло меня на мирское. Решила братьев-сестер не обманывать и ушла.

— Очень правильно сделали. А что вас привело к ним?

— Да я нездорова была — лейкоemia, белокровие... Долго лечилась, врачи не смогли помочь. Вот и решила к Богу обратиться. Оттого и пришла к ним.

— Понятно. А как сейчас у вас со здоровьем? — неосторожно спросил судья.

— Сейчас, слава Богу, здорова. Молилась, молилась — и Господь помог. Теперь здорова...

В зале движение. Публика осмысливает и обсуждает услышанное. Прокурор смотрит на судью, судья — на прокурора.

Поэт Сергей Островой, представляющий на процессе газету «Правда», подвозит меня в этот день на редакционной машине в Москву и говорит по пути злорадно:

— Ну и деятели! Ну и антирелигиозная пропаганда! Да мне самому захотелось тут же бегом бежать в секту!

Допросили подсудимых. Выслушали прения сторон. Затем покорная Фемида отвесила подсудимым сполна: Федотову — десять лет, женщинам — от трех до пяти...

Иван Петрович отбывал неза заслуженное наказание смиренно и без обиды в душе. Это рассказала мне его мать, изредка навещавшая меня с вопросами по делу. Его влияние на атмосферу в колонии было огромным, и администрация не только не препятствовала его беседам с заключенными, но и поощрила его, назначив бригадиром.

Община не распалась, и он спустя годы вернулся к ней, чтобы снова ее возглавить.

Я беру в руки свою Библию. Мне лестно и приятно, что через тридцать пять лет епископ пронес добрую память об усилиях своего защитника на несправедном суде.

КАК ДЕДУШКА ГОТОВИЛСЯ К ВОЙНЕ

Недавно в газете «Известия» читаю, что один из внуков Сталина, сын Якова Джугашвили, создал фонд для реабилитации памяти деда. Лица, позволившие себе осудить деяния Сталина, объявляются фондом врагами народа и заносятся в специальные списки для возмездия. «Мы не дадим порочить имя дедушки», — заявил внук.

Мне есть что вспомнить о «дедушке», в том числе и такой сравнительно небольшой эпизод.

В знойный летний день одна тысяча девятьсот семьдесят не помню какого года сидел я в одном из кабинетов прокуратуры Октябрьского района Москвы на Ленинском проспекте и читал дело о краже магнитофонов, которое тогда вел. Кроме следователя, с которым я работал, в том же кабинете сидел за своим столом второй следователь. Перед ним лежали несколько подшитых томов. Когда мы остались с ним одни, он обратился ко мне:

— Товарищ адвокат! Если у вас есть время — сядьте ко мне, почитайте. Не каждый день такое прочитаешь...

— А что это у вас за дело?

— Это дело по восемьдесят восьмой статье УК — нарушение правил о валютных операциях. Идите, идите, это стоит прочитать.

Я пересел за его стол и принялся читать то, что он мне показал. Это действительно было дело о валютных нарушениях. Группа операторов Донского крематория обвинялась в хищении и незаконной перепродаже золотых зубопротезных изделий, которые они в течение многих лет срывали с челюстей приготовленных к кремации покойников.

Оператор, протокол допроса которого я читал, показывал, что однажды им удалось поживиться золотыми протезами при весьма необычных обстоятельствах. Несколько лет назад в крематории велись работы по благоустройству территории. В частности, занялись обновлением асфальтового покрытия аллей и площадки перед ритуальным залом. Когда часть асфальта была удалена, рабочие обнаружили под ним групповое захоронение: покрытые полуметровым слоем песка, рядами лежали десятки и десятки мумифицированных мужских трупов в истлевших остатках форменной одежды.

Работы были тотчас приостановлены. На место вызвали представителей прокуратуры города и КГБ. Те привезли с собой судебно-медицинских экспертов. При первичном осмотре эксперты отнесли захоронение к предвоенным годам. Но никакой документации на могильник в крематории не имелось.

В таком вскрытом состоянии захоронение оставили на ночь. Охрана была выставлена только у ворот. Именно в эту ночь операторы поживились зубным золотом, пошуровав в могильнике. Шакалам все было нипочем.

— А что это было? — спросил я у следователя.

— А это вот что было, — сказал он. — Там же справка есть.

Срочно разыскали двух стариков пенсионеров, работавших в крематории перед войной, и те объяснили, что просто однажды ночью из НКВД привезли не 6—8 трупов, как обычно, а сразу девяносто с чем-то, на трех грузовиках. Все — офицеры Московского военного округа, расстрелянные в один день. Но печи крематория (кстати, сделанные той же немецкой фирмой, которая позже оснастила печами Майданек и Освенцим) не обладали такой пропускной способностью, чтоб сжечь всех за одну ночь, до начала рабочего дня.

Тогда ночью же пригнали экскаватор, сделали траншею, тела плотно уложили в нее, сверху — слой песка, и асфальтом закатали. Получилась аккуратная аллея. И все довольны. И народ ходит, не догадываясь ни о чем.

— Вот так это было, — сказал следователь и забрал у меня дело.

Дедушка готовил армию к войне...

К ИСТОРИИ ТАНКА Т-34

Прятели из Харькова прислали мне малую газетную вырезку на украинском языке. Привожу перевод:

ПАМЯТЬ О КОНСТРУКТОРЕ

На заводе имени Малышева состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения главного конструктора двигателя «В-2» К.Ф. Челпана. Константин Федорович с 1924 по 1937 годы после окончания Харьковского Технологического института возглавлял отдел, которому было поручено создать принципиально новый двигатель на дизельном топливе. Такой двигатель был установлен на танке Т-34...

В сентябре 1937 года К.Ф. Челпан был арестован как «враг народа» и расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

Заводчане отдают должное памяти своего выдающегося конструктора.

В. Андреева

Комментарии тут излишни. Но хотелось бы знать, зачем наш «великий и мудрый» истреблял накануне войны собственный народ.

ГОРЕ

Двое, он и она, вошли ко мне робко, неуверенно. Не то пожилые, не то рано состарившиеся люди. У обоих сухие, худые лица, цепкий, внимательный взгляд. Сели. Он развязал тесемки на выдавшей виды папке.

Такие папки в руках пенсионеров мне знакомы. Они содержат обычно аккуратно подшитые листы бесконечной переписки с различными учреждениями по поводу квартирной ссоры, претензий к домоуправлению или об ином подобном конфликте, заполняющем жизнь томящихся от вынужденного безделья людей, но в сущности пустом и никчемном. «Склока», — уныло подумал я и приготовился вежливо отклонить просьбу об участии в их заботах.

— Слушаю вас.

— Видите ли, — начал он, — нам прислали из прокуратуры бумагу, с которой мы не согласны. Нам нужно составить возражение на нее, сами мы не сумеем написать толково.

— А о чем речь?

— У нас пропал сын. Единственный. Других детей у нас нет...

— Погиб?

— Нет, пропал. Это они утверждают, что погиб. Но это не так. Мы не верим. Вот, посмотрите, что они пишут.

Он протянул мне несколько листов с машинописным текстом. Это было постановление следователя одной из районных прокуратур Дальнего Востока.

...Небольшой отряд студенческой экспедиции возвращался с полевой практики из тайги. Подошли к узкой, но бурной речке, почти ручью. Нашли брод и начали переправу. На берегах зачалили канат, по которому переправляли грузы — провиант, снаряжение, приборы. Трое стояли по пояс в воде, страхуя переправу, проталкивая тюки по канату. Среди этих прочих был их сын. Внезапно, на глазах у всех, он оступился и, взмахнув руками, упал, погрузившись с головой. Казалось, через мгновение он поднимется, ибо ни в силе потока, ни в редких валунах, разбросанных в нем, не заключалось как будто ничего особенно грозного, внушающего тревогу. Но мгновение затянулось, а он

все не поднимался, не показывался. Ему бросились на помощь — но не нашли. Он исчез. Ошеломленные товарищи цепью пошли вниз по течению, ощупывая основания камней, коряги, за которые он мог зацепиться, — все было напрасным. Мгновение обернулось вечностью. Пытались искать тело, ибо гибель его стала очевидной: с шестами прощупали дно потока на несколько сот метров по течению. Бесплодно. Настала ночь. Измученные люди, кое-как обсушившись, провели ее без сна, у костров. Наутро поиски возобновились, но были столь же безрезультатны. Тогда они составили акт о гибели своего товарища, в котором подробно изложили все, что произошло на их глазах, и, подавленные, продолжили без него свой путь...

Следователь детально допросил их и проверил все, что можно было проверить. Виновных не было. Это был несчастный случай в его чистом виде. Дело прекратили. Постановление следователя было подробным и производило убедительное впечатление, оно не давало пищи для сомнений.

— Вы с чем-то здесь не согласны? — спросил я.

— Они не нашли тела. Оно не могло исчезнуть бесследно в таком ручье. Он извилист и запружен валунами.

— Но тело могло быть выброшено на берег значительно ниже по течению, через пять-десять километров.

— Нет, его не выбросило.

— Почему вы так думаете?

— Мы не думаем — мы знаем. Мы проверили. Вот акт.

Он достал из папки лист школьной тетради «в клетку», и я стал читать поразительный документ, заверенный печатью поселкового Совета.

Эти двое, почти старики, хотя тогда они наверное, еще не были стариками, эти привычные горожане, никогда в своей жизни не ходившие в лес дальше, чем «по грибы», получив страшную весть, собрали все свои скромные средства и отправились за тысячи километров, туда, откуда почему-то не вернулся их мальчик. В далеком таежном поселке они нашли проводника, который был нужен им еще и как свидетель, взвалили на непривычные плечи груз и пошли в осеннюю тайгу. По приметам они нашли место роковой переправы и отправились от нее вниз по течению. Они прош-

ли около 80 километров — и вернулись обратно по другому берегу. Можно было лишь догадываться, чего стоил им этот поход. Они падали на осыпях и в буреломах, их жрал гнус, болели растертые в кровь ноги. Но день за днем, неделя за неделей они шли, обшаривая берега, в страхе и надежде найти то, что раньше было их сыном, или хоть какой-нибудь знак того, что он действительно погиб в этом ручье. С закатом они валились у костра на подстилки из елового лапника и забывались тяжелым, зябким полусном, с рассветом все начиналось сначала.

Но сын не подал им знака. Они ничего не нашли... Об этом со слов проводника и был составлен акт в поселковом совете.

...Я смотрел на них во все глаза. Что вело их, что помогло им выдержать?

— Какой вывод? — наконец спросил я, придя в себя.

— Он не утонул. Он погиб как-то иначе и не здесь.

— Но люди видели. Следователь приводит их показания, он допросил не менее десятка очевидцев.

— Там, в райцентре, нам дали прочитать их показания. Они по-разному описывают этот момент. Одни говорят, что был крик, другие — нет. Мы списали. Потом мы говорили с ними здесь, в Москве, и тоже записали их рассказы. Вот, посмотрите...

Я прочитал дюжину мелко исписанных листков. Противоречия имелись. Но все они, видимо, относились к тому типу противоречий, которые возникают от различного субъективного восприятия картины происшествия и от дефектов памяти. Восприятие и память человека — инструменты далеко не точные, полагаться на них полностью нельзя. Забвение этого влечет иной раз печальные ошибки правосудия. Но в самом существенном показания всех были одинаковы: они видели, как их товарищ исчез в потоке.

— Если все они говорят неправду, то зачем? — спросил я.

— Этого мы не знаем. Но на последнем привале была ссора. Один из них сказал нам. Мы думаем, что они скрывают, чем кончилась эта ссора. Они могли сговориться...

— Десять человек? Студенты, научные работники?..

— Могли, — упрямо повторил он.

Отвечая мне, он каждый раз смотрел затем на жену, и она легким кивком одобряла его ответ. Эта была их общая, выстрадавшая убежденность.

— Что еще вы имеете против версии следователя?

— Нам вернули всю его взятую из дома одежду, всю, до мелочей. Недостачи казенной одежды по экспедиции нет. Мы выясняли. И ничего не было списано. В чем же он был, когда утонул? Это странно и непонятно.

Признаться, я не верил в основательность подозрений моих клиентов. Но можно ли было отказать в помощи, за которой они пришли ко мне, эти одержимые своим горем люди?

Следователь и прокурор исходят в обвинении, а судьи — в приговоре из своего внутреннего убеждения, опирающегося на доказательства в деле. В отличие от них адвокат не наделен правом что-либо решать по делу сам. Не вправе он быть судьей и в своих отношениях с клиентом, ибо его миссия — совет и помощь, если то и другое добросовестно и законно. Что же касается личного, внутреннего отношения адвоката к утверждениям клиента, то оно отражается лишь в тоне его речи или бумаги, в осторожности или твердости предлагаемых выводов.

Поэтому я не отказал в помощи этим людям. Через несколько дней я пригласил их к себе и ознакомил с готовой жалобой. В ней не было и следа той жесткой убежденности в ошибке следователя, которая владела ими. Используя все их аргументы, я обращал внимание прокурора республики на неразрешенные сомнения и просил о дополнительной проверке.

Они согласились с текстом, и жалоба была отправлена по адресу. Дело затребовали в Москву, тщательно изучили. По моей просьбе с ним разрешили ознакомиться и мне. Затем постановление о прекращении следствия было отменено, а следователю поручили дополнительно проверить ряд существенных вопросов о трагедии в тайге.

Прошло несколько месяцев, и я получил подробный ответ прокуратуры республики. В нем излагались результаты дополнительного расследования. Оно было, судя по ответу, проведено достаточно полно и не подтвердило возможности иных причин гибели сына моих клиентов. Вместе

с ними мы прочитали этот ответ. Он не удовлетворил их. Со всей доступной мне убедительностью я попытался склонить их к примирению с очевидным. Вежливое молчание было мне ответом. Нет, я не рассеял их сомнений. Они уходили, оставляя у меня тягостное чувство бессилия перед их горем.

— Мы будем искать дальше, — сказал он мне, прощаясь, — и если найдем, вернемся к вам.

Больше они не появлялись.

Тяжкое горе, как и любое очень сильное переживание, на время смещает способность человека правильно оценивать реальные факты, искажает подлинные связи и перспективу событий. Психиатры называют это реактивным состоянием.

Но с этими ослепленными горем родителями дело обстояло сложнее. Поиски, которые они вели на пределе своих сил, на грани подвига, были для них как бы продолжением той заботы о сыне, которой привычно была много лет наполнена жизнь. У них не осталось даже его могилы, на которую можно было перенести потребность в заботе о нем. И они подсознательно стремились продлить эти поиски и хлопоты, ибо вместе с ними кончался для них и смысл жизни. Это было последнее, что они еще могли делать для сына, — и они старались делать это хорошо.

Так я тогда думал о них. Поставив точку, я достал копию жалобы, составленной мною когда-то для этих людей, внимательно перечел ее, вдумался. И странная мысль вдруг посетила меня: а может быть, они были просто правы?

Но время уже не ответит на этот вопрос.

ЩЕПКА В ОКЕАНЕ

Георгий Михайлович Шимановский характер имел необщительный, с клиентами и коллегами был сух и лаконичен, что, надо полагать, мешало ему в адвокатской работе. Ходил почему-то постоянно в сапогах с высокими голенищами из тонкой лакированной кожи, явно штучной работы. Всегда брит безупречно, короткий седой ежик, худ и подтянут. Работал, пока его не выгнали на пенсию, в Вербилках, глухом углу за Дмитриевом.

Уйдя из коллегии, Шимановский завязал со мной отношения: стал мне позванивать, изредка навещал, просил провести то одно, то другое дело сохранившейся своей клиентуры.

При одной из встреч я спросил его, за что его отчислили из коллегии при партийно-прокурорской чистке адвокатуры (проводилось такое мероприятие в 1951 году). Шимановский ответил:

— Формулировка была такая: «за авантюренность биографии»...

— Как понимать?!

— Так и понимать. Посмотришь мою анкету — а там, и правда, в глазах зарябить может от моего жизненного пути...

Вырос Шимановский в семье польских дворян, владевших на Орловщине заводом рысистых лошадей. Все детство и юность прошли рядом с лошадьми, о которых знал все (тут я с пониманием взглянул на его высокие сапоги). Но гимназию окончил и поступил на юрфак Петроградского университета. Октябрь семнадцатого года застал его на втором курсе. Примкнул к большевикам, вступил в партию, был избран командиром взвода Красной гвардии.

После создания ВЧК направлен туда. С 1918 года — член коллегии ВЧК Украины. В 1922 году при чистке партии исключен из нее «как балласт, интеллигент», но — оставлен членом и секретарем коллегии ВЧК Украины.

В 1928 году уволен из ОГПУ по сокращению штатов и перешел на работу представителем грузинского винного Самтреста в Москве. Но там не ужился. С 1931 года — жокей Московского ипподрома.

В 1935 году, после убийства Кирова, возвращен на службу в НКВД в качестве резидента, руководителя агентурной сети в Москве (так называл эту должность Шимановский). В 1939 году уволен из органов за провал агентурной разработки по делу Алксниса (был такой командующий ВВС Красной Армии, один из многих убитых «отцом народов»). Вменили Шимановскому, правда, только халатность — повезло...

С того же года начал работать адвокатом областной коллегии в Вербилках. Пока, как сказано выше, не изгнали в 1951 году за чересчур пеструю биографию.

Думаю, подозрительным показалось и то, что остался жив.

Бедный чекист Георгий Михайлович! Не будь революции, какую прекрасную и блистательную шляхетскую жизнь прожил бы он в России!..

ПАРТИЯ И ХУЛИГАН

Шухрат Гафаров, отец которого просил меня поехать в Самарканд для защиты сына, явно не был ангелом. Отец и не пытался изображать его с крылышками, правильное было бы назвать Шухрата просто хулиганом. В свои девятнадцать лет он имел в анамнезе два привода за личную бузу и срок за хулиганство. Хуже того, именно отбывая этот срок «на химии» (как называли тогда принудительные работы на стройках), Шухрат в дни побывки дома отправился с друзьями в ресторан на седьмом этаже отеля «Интурист», где в драке с другой компанией и ударил ножом молодого инженера. Спасти того не удалось. И теперь Шухрату — со всем его послужным списком — предстояли следствие и суд за убийство. «Хуже некуда», — сказал я, выслушав поникшего от горя отца.

Но ехать за адвокатом в Москву старшего Гафарова побудило особое обстоятельство, полностью подрывавшее у него надежду на помощь местных защитников.

Убитый инженер имел знатных родственников — он приходился племянником министру здравоохранения Узбекистана. Временно оторвавшись от забот по здравоохранению, министр прибыл в Самарканд и имел доверительный разговор с первым секретарем обкома партии. Как член ЦК — члена ЦК он просил об одном: чтобы приговор был расстрельным.

— Хоп-майли, — сказал первый секретарь и заверил министра, как брата по ЦК, что виновник гибели его племянника будет казнен.

На том они и расстались. Министр успокоил семью погибшего и отбыл в Ташкент к здравоохранению, а первый секретарь распорядился, чтобы отдел административных органов обкома обеспечил казнь Шухрата.

— А откуда эта информация? — поинтересовался я.

Оказалось, что Гафаров-отец, работающий ныне главврачом областной больницы, пришел на эту должность именно из обкома, где был инструктором и где у него, разумеется,

остались тесные связи, в том числе и в административном отделе. Там его и ввели в курс событий.

Этот рассказ доктора Гафарова явился одним из двух обстоятельств, побудивших меня дать согласие на выезд. История показывает, что бодание теленка с дубом может оказаться достаточно увлекательным для теленка занятием и что дубы, как показывает та же история, не всегда устойчивы.

Вторым обстоятельством явилось не то, что вы подумали, а поздняя осень, когда белый человек еще может работать в Средней Азии. Третьим обстоятельством было то, что вы подумали сначала.

Договорились, однако, так: я принимаю участие в конечной стадии следствия и изучаю дело, чтобы получить представление, есть ли в нем хоть какие-то шансы у защиты или оно безнадежно гиблое. В последнем случае, крайне тягостном для адвоката, клиент освобождает меня от выезда на судебный процесс, но я помогу найти пристойную замену. На том и расстались.

Созвонившись со следователем областной прокуратуры, я в назначенный им день прилетел из заснеженной Москвы в умеренно теплый знаменитый город. Самарканд встретил меня вихрями пыли, столбом стоявшими над всеми его историческими красотами. Меня провезли мимо похилившихся минаретов Регистана и его бирюзового купола, угостили изысканным азиатским ужином и отправили спать.

Наутро я принялся читать дело и за пару дней овладел им. Оно не было сложным, хотя милиция и прокуратура создавали видимость напряженной и многотрудной работы по поимке и изобличению преступников.

Их было трое. Шухрат со товарищи, как уже рассказал мне отец, отправились поужинать в ресторан на седьмом этаже отеля. Там они, нарушив законы шариата, приняли спиртного. Как изъясняется один добрый человек: «А теперь будем водку пьянствовать и всякие безобразия нарушать!» ... Безобразия начались с того, что Шухрат стал нелестно задевать двух девиц, сидевших за соседним столом в компании молодых таджиков, находившихся тоже не в ладах с заветами ислама.

Перебранка тлела до закрытия ресторана. Лифт не работал, и обе скандалящие друг с другом группы спускались вниз по служебной лестнице. Здесь Шухрат в ответ на оскорбление дал пощечину обидчику. Этого ему не спустили. Когда он с друзьями добрался донизу, там у входа их встретили шесть-семь человек, жаждавших отместки. Завязалась битва, в которой племянник министра получил тяжелое ножевое ранение, а один из его компании — легкое ранение в руку. Шухрат с приятелями скрылся. «Скорая» прибыла минут через сорок, и до больницы племянника не довезли. Нашли Шухрата довольно быстро. В ресторане, где он бывал и раньше, его вычислили с помощью персонала. На допросах он отрицал применение ножа, но это было бесполезно — слишком много было очевидцев-участников. Среди прямо уличивших его был и тот, кого он поранил в руку.

Дело — с его скверными данными о прошлом Шухрата и обвинением в убийстве при отягчающих обстоятельствах в стадии отбытия наказания за другой криминал — грозно нависало над ним.

Но были в нем два зеленоватых листка, которые могли существенно повлиять на судьбу Шухрата, резко изменив правовую оценку его преступления. Это были объяснения некоей Андрушко, полученные по горячим следам милицией при опросе на месте и потому записанные бегло и кратко.

Андрушко была приезжей, жила в отеле всего пару дней и тем вечером вышла подышать перед сном на свежий воздух. У нее на глазах группа стоявших у бокового входа молодых людей внезапно окружила одного из вышедших оттуда, свалила его на землю и стала бить ногами. Когда тому удалось вскочить, он поднял над головой небольшой нож, блеснувший под фонарем, и закричал, чтобы к нему не подходили. На него снова бросились, и тогда он начал отмахиваться своим оружием. Тут же все разбежались, а раненый остался на асфальте. Именно она вызвала по телефону «скорую помощь» и была с пострадавшим, пока его не увезли. Обстоятельства, описанные Андрушко, не оставляли сомнений, что речь шла о Шухрате и об обороне от нападения.

Мелькнув в самом начале дела, показания Андрушко более ни разу в деле не появлялись. Следователем она допро-

шена не была. В Красноводск, по названному ею при опросе месту жительства, единожды отправили повестку, на которую ответа не последовало, и постарались забыть о ней. Эти два зеленых листка с блеклым, трудно читаемым текстом враждебно противостояли принятой следствием версии. Шухрату крупно повезло, что их по недосмотру вообще не убрали из дела.

Закончив чтение материалов, я отправился в тюрьму на свидание с обвиняемым. Сильно напуганный, тот продолжал в беседе со мной отрицать принадлежность ему ножа и вину в роковом исходе. Несмотря на безнадежность этой позиции, я не рискнул настаивать на изменении им показаний. Слишком высока была ставка, если бы мои усилия по защите не дали результата. Я предпочел работать без его помощи, оставив ему надежду на собственное «нет».

Приняв участие в процедуре обвинения Шухрата и в ознакомлении его с трехтомным делом, я на всякий случай решил зафиксировать наличие в деле показаний Андрушко. Для этого я заявил письменное ходатайство о ее вызове и допросе — с обширными цитатами из текста ее объяснений. Я также проследил, чтобы в постановлении следователя по этому ходатайству (отказе, конечно) было достаточно полно изложено его содержание. Привязав таким двойным узлом протокол Андрушко к делу — во избежание его безвременной утраты — я отбыл восвояси. Искомый шанс был налицо. Однако вопрос о том, сработает ли он, оставался, к сожалению, открытым.

Через месяц с небольшим я вернулся в Самарканд для участия в процессе. Взял дело — все на месте! Судья Абдулаев, которому я пошел представиться, сесть не предложил, смотрел сквозь меня, блинообразным бледным лицом не выражал никаких эмоций. Сказал только:

— Как устроились?

Ответ слушать не стал.

Коллеги по делу, местные адвокаты (защитники двух друзей Шухрата, которых за здорово живешь судили вместе с ним якобы за драку), сказали о судьбе:

— Ничего хорошего от него не ждите. Но и давить не станет. Он никакой. Мы его знаем.

Слушалось дело в старинном одноэтажном здании областного суда, унылом и обшарпанном, как все дворцы правосудия в те времена в нашей стране. Двигался процесс, мягко выражаясь, неторопливо, как караван в пустыне. Подсудимых доставляли не ранее середины дня, когда в изолятор привозили бензин для автозака. Иногда процесс вообще останавливался на два-три дня по случаю различных семейных событий у отправлявших правосудие лиц. Меня это раздражало, и поначалу я бурно протестовал, о чем-то ходатайствовал, взывал, приводил примеры и т. д. Потом, глядя на невозмутимого, как изваяние, судью, успокоился и стал по его примеру думать о вечном...

Чего я, однако, при всей монотонности и медлительности процесса не забывал ни на час, — это постоянно напоминать суду (а в его составе были еще два заседателя — русские женщины) о наличии в деле показаний Андрушко. Я на все лады привлекал к ним внимание, сравнивал с ними показания свидетелей и неотступно возобновлял просьбы о ее вызове. Абдулаев был вынужден принимать меры, посылал в Красноводск телеграммы, но добиться ее приезда не удалось, она болела.

Несмотря на это, усилия мои приносили известные плоды: обе женщины-судьи при упоминании Андрушко и ее показаний посматривали на Абдулаева.

В один из дней процесса, когда я вышел в перерыве на крыльцо покурить, оказавшаяся рядом заседательница, не поворачиваясь ко мне, тихо сказала в пространство:

— На нас давят. Настаивают на высшей мере.

— Кто давит? — спросил я, стараясь не шевелить губами.

— Судья. Говорит — установка обкома.

— И как вы?

— Я пока держусь. Я ткачиха — что мне обком... А вторая из Интуриста. Сами понимаете...

— Не поддавайтесь, — сказал я. — Надеюсь на вас обеих.

И мы разошлись.

После этого конспиративного разговора, подтвердившего сведения доктора Гафарова о «партийном заговоре» против его сына, я усердно начал готовить необычную защитительную речь.

Прокурор, как и следовало ожидать в этих условиях, потребовал для Шухрата смертную казнь.

Свою речь я начал с того, что в свете показаний Андрушко, никем и ничем не опровергнутых, преступление, в котором обвиняется Гафаров, не может рассматриваться как убийство из хулиганских побуждений, влекущее возможность исключительного наказания. Вся описанная ею картина его действий — это необходимая оборона от жестоких побоев. В худшем для него случае действия эти с известной натяжкой могут быть квалифицированы как превышение пределов легальной обороны, как привилегированное убийство (есть такой термин). Любому непредвзятому человеку вполне очевидно, что и оценка криминала, и наказание за него должны соответствовать его подлинному характеру. Смертная казнь оборонявшегося человека в этих условиях не будет являться уголовным наказанием — она сама станет просто убийством.

— Это убийство, — сказал я двум напряженно слушавшим меня женщинам, — предлагается совершить вам. Не делайте этого. Это будет черное дело, которого вы никогда в жизни себе не простите. Оно на долгие годы может лишить вас сна. И если вам скажут, — продолжал я, — что возможную вашу ошибку исправит более высокая инстанция, — не утешайте себя этим. Потому что только здесь, в суде первой инстанции, представители народа еще могут повлиять на правосудие. На всех иных уровнях оно определяется служилыми, зависимыми отнюдь не только от своей совести юристами. Это вы лично возьмете на свои плечи всю тяжесть ответственности за несправедливую казнь. Всю тяжесть, а не ее долю.

Абдулаев смотрел в стол. Он, видимо, не был готов к такому повороту темы и не прервал меня, хотя и мог бы.

Когда суд уходил на совещание, одна из женщин-судей, та, которая из Интуриста, тихо молвила в мою сторону:

— Вы меня морально раздавили.

— И прекрасно! — ответил я.

Абдулаев же, уходя, сообщил, что приговор будет оглашен завтра, к обеду.

Однако ни к обеду, ни к ужину, ни завтра, ни на третий день приговор объявлен не был. Стало ясно, что в совещательной комнате что-то неладно. Или наоборот.

Все эти дни родные подсудимых в напряженном ожидании сидели в коридоре суда. С ними маялись и мы, защитники. Скамьи, на которых мы сидели в тесном и темном коридоре, стояли рядом с дверью кабинета, в котором совещался суд. За дверью подчас слышался неразборчивый разговор. Иногда звучали мужские шаги, Абдулаев ходил по кабинету взад-вперед. Внезапно, когда он очередной раз приблизился к двери, мы явственно услышали, как он раздраженно и устало бросил:

— Пожалейте меня! Пожалейте моих детей!

Все замерли. Я догадался, что мы выигрываем схватку за жизнь Шухрата. Но еще до конца недели нам пришлось ждать, чтобы убедиться в этом. Когда приговор наконец был оглашен, Шухрат оказался осужденным все-таки за убийство при отягчающих обстоятельствах, но — к пятнадцати годам заключения. Его друзья — к трем годам каждый.

Конвой вывел осужденных и посадил их в автозак. Все стали расходиться. Когда мы, стоя у ворот, обсуждали, что и как делать дальше, мимо нас прошли женщины-заседатели. Одна из них тихо сказала мне:

— Поговорить надо.

Выждав пару минут, я двинулся вслед за ними.

Они ждали меня в маленьком скверике у гостиницы «Заревшан», на скрытой за кустами скамье. Я присел, и они, волнуясь и перебивая друг друга, принялись рассказывать мне, как отправлялось правосудие по нашему делу.

Первые два дня судья пытался убедить женщин в необходимости подписать составленный им приговор, по-своему толкуя обстоятельства и нажимая на указание обкома. Женщины отказались. После длительных споров они согласились смириться даже с искаженным описанием событий в приговоре, но упорно отвергали высшую меру для Шухрата. Дальше начались скрытые угрозы: Абдулаев доходчиво разъяснял им пагубность и опасность противодействия обкому. Он грозил и умолял. Заседательницы, почти плача, стояли на своем. Они не желали брать грех на душу. В субботний день, когда так называемое совещание судей продолжалось, а в здании не было посторонних, в совещательную комнату вошли, нарушив ее тайну, заместитель председателя облсуда

и один из судей. Втроем с Абдулаевым, со свежими силами, они насели на измученных заседательниц, взывая их к благоразумию и продолжая поминать обком и всю славу его... Одной из женщин стало плохо, у нее начался гипертонический криз. Вторая попыталась вызвать «скорую помощь». Вошедшие тут же отключили телефон.

— Будет вам «скорая», когда подпишете приговор!..

Когда приступ прошел, обе они заявили, что уходят навсегда и сюда больше не вернуться. Деятели правосудия дрогнули. Обеих женщин на служебной машине развезли по домам, согласившись на их условие и взяв с них слово, что они завтра придут, чтобы завершить процесс. Наутро расстроенный Абдулаев переписал последний лист своего приговора — с наказаниями, и женщины поставили под ним свои подписи. Совещание закончилось. Приговор можно было оглашать.

Рассказывая мне о своем судебском опыте, женщины кипели от возмущения:

— Какая наглость! Какое издевательство над нами! Разве это советское правосудие?! Но мы же не можем жаловаться сами — нас тут в порошок сотрут! А вы — московский человек, вы смогли бы сообщить наверх об этой дикости? Ведь это нельзя оставлять безнаказанным!

Я подумал. Потом спросил:

— А вы могли бы поклясться здоровьем своих близких, что подтвердите все это при проверке?

— Даем слово. Клянемся. Не сомневайтесь в нас, — уверенно сказали обе. — И мы расстались.

Сделав все, что полагается делать адвокату после приговора, и выслушав все слова, которые полагается родителям сказать защитнику спасенного от казни сына, я улетел в Москву.

Там я написал две серьезные бумаги. Одну, довольно обширную, — кассационную жалобу на приговор в Верховный суд Узбекистана. В ней я постарался вежливо изложить свое мнение о предпринятой Абдулаевым в приговоре весьма неуклюжей попытке исказить обстоятельства дела, чтобы выдать необходимую оборону за хулиганское убийство. Эту первую бумагу я отправил без промедления.

Вторую, короткую и жесткую, я адресовал в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС и озаглавил ее так: «О действиях Самаркандского обкома партии». С отправкой ее я не спешил. Требовалась осмотрительность. Я показал бумагу шефу коллегии адвокатов Быкову, мудрому и искушенному аппаратчику. Тот сказал:

— А если твои бабы не подтвердят ничего, струхнут и отопрутся? Ты готов к роли клеветника на партийные органы и ко всему, что с этим связано?

— Михаил Павлович, я верю этим женщинам, — ответил я.

— Ну что ж, тогда давай. — И я отправил жалобу в ЦК.

Когда через месяц-полтора я прибыл в Ташкент для участия в кассационном рассмотрении дела, встретившие меня в Верховном суде коллеги-защитники остальных осужденных поведали о следующих событиях, имевших место за это время в Самарканде. Туда без предупреждения прибыли двое пожилых и неторопливых: один — из Москвы и один — из узбекского ЦК. Никуда не заходя и никому не представляясь, они напрямик отправились на дом к заседательницам по нашему делу, побеседовали с ними, попили там чаю, взяли письменные объяснения. Только после этого они ненадолго зашли в обком и в областной суд и, не задерживаясь, уехали.

Содержание проведенных ими бесед точно известно не было. Но в тот же день вечером председатель облсуда побывал у обеих женщин, каждую из которых со всей убедительностью просил при надобности подтвердить, что он лично в совещательную комнату к ним не заходил и ничего от них не требовал. Был при этом взволнован и очень вежлив. Мы с коллегами обменялись мнениями и пришли к выводу, что эта информация представляет интерес.

Тут нас пригласили в зал заседаний. Судебная коллегия вышла во главе с первым заместителем председателя Верховного суда, чего давным-давно не было. Он же оказался и докладчиком, чего не было никогда. Все говорило о том, что в муравейнике кто-то поработал палкой.

После наших объяснений прокурор полностью согласился с доводами защиты о необходимости отмены приговора и пересмотра дела. Единодушие было трогательным.

Удалившись на совещание, коллегия вышла через пять минут и десять минут оглашала свое определение: приговор был отменен, дело возвращалось на новое рассмотрение, но в Бухарский областной суд с выездной сессией в Самарканде. Это была редчайшая форма недоверия всему составу Самаркандского суда. Мотивы отмены почти дословно повторяли содержание моей кассационной жалобы. Революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась. Я распрощался с коллегами и попросил их непременно передать мою благодарность двум хорошим женщинам в Самарканде.

Вскоре после возвращения в Москву меня в консультации позвали к телефону.

— Товарищ Семен Львович, — сказал голос в трубке, — это Юшков беспокоит, из Партконтроля при ЦК. Мы знаем, что вы ездили в Ташкент и что приговор Гафарову отменен. Надеюсь, вы догадались, что это произошло не без нашего участия?

— Да, товарищ Юшков, я догадливый! Спасибо вам большое!

— А теперь я вам вот что скажу, — продолжал голос. — Эти судейские в Самарканде не выдали обком, взяли все на себя. Поэтому мы все это с контроля снимаем и передаем в Министерство юстиции Союза. Пусть наказывают своих в дисциплинарном порядке. Все понятно?

— Да. Спасибо еще раз.

Потом звонил доктор Гафаров, просил приехать на повторное рассмотрение дела. Как мог, я постарался убедить его, что уже нет смысла тратиться на выезд защитника из Москвы: терпимый исход дела Шухрата был практически предрешен. Не слишком охотно он согласился со мной. Месяца через полтора он позвонил снова и сообщил о результатах. Шухрат был осужден все-таки за умышленное убийство, но без отягчающих обстоятельств, простое, — к семи годам.

— Надо обжаловать, — заметил я, — там все-таки об-
рона.

— Не будем. Пусть посидит. Пусть поумнеет.

— Ну, вам виднее. Возможно, вы и правы.

Доктор Гафаров еще долгие годы руководил Ожоговым центром в Самарканде, спасал людей. Шухрат, отбыв срок, остепенился и стал солидным человеком, вором в законе. Его уважают.

ГРУЗИНСКИЙ КОЛОРИТ

Мне несколько раз довелось вести дела в Грузии, и каж-
дый раз это было связано с какой-либо кавказской изюми-
ной.

На сей раз я выехал в Тбилиси защищать студента пер-
вого курса, 17-летнего Гию М. В обычной уличной потасовке
двух групп молодежи он, получив оплеуху, обнажил кар-
манный нож и поранил другого студента, Дато Базгадзе. Это
было только полбеда. Но Базгадзе тут же был ранен повтор-
но, в шею, и на этот раз — смертельно.

По логике событий роковой удар нанес, видимо, тот же
Гия. Но он отрицал это, утверждая, что второе ранение при-
чинил скрывшийся после драки парень-курд. Очевидцев
не было. Это оставляло долю сомнений в его вине и давало
известный шанс защите. Поэтому я принял поручение и вы-
ехал в Тбилиси.

Местную экзотику я ощутил сразу. Меня сопровождала
охрана из нескольких сумрачных родичей Гии, прибывших
для этого с гор. Мать Гии, коренастая дама с низким го-
лосом и горящими черными глазами, решительно запретила
мне есть в ресторане, ввиду угрозы умышленного отравления,
и кормила только домашними блюдами.

Изучив дело, я понял, что положение мое в суде будет
трудным еще и по нравственной атмосфере: семья Базгадзе,
потерявшая единственного сына, была известна в Тбилиси,
и горе ее вызывало всеобщее сочувствие.

Предположение мое подтвердилось. Дело слушали
не в здании суда, а в большом зале Политехнического ин-
ститута, студентом которого был убитый Дато. Зал был за-

полнен его сокурсниками и другими студентами, враждебно настроенными к защите подсудимого.

Интересы пострадавшей семьи представлял адвокат Уратадзе, седой и весьма уважаемый местный мэтр. Все дни процесса он был слегка небрит и даже, как мне показалось, слегка с похмелья. Он мог позволить себе не напрягаться, сила была на его стороне. Меня он старался не замечать. Вальяжно сидя рядом с прокурором и глядя в зал, он время от времени язвительно комментировал мои усилия по защите. Он как бы пританцовывал на моем поверженном теле, и зал поддерживал его одобрительным гулом. Лишь однажды в перерыве он как бы мимоходом подошел ко мне и нехотя сообщил:

— Возможно, вам будет интересно. Есть сведения, что ваша клиентка одним ударом ножа убивает свинью.

И, не дожидаясь реакции, отошел.

На третий день я заявил ходатайство о направлении дела на следствие. Уратадзе снисходительно парировал мои доводы. Когда суд удалился на совещание, он величественно пересек пространство между нашими столами и поделился воспоминанием:

— Адвокат Шмелева приезжала в Сухуми защищать человека, который в драке откусил другому нос. После ее речи прокурор Арзиани (вы его, кажется, знаете) попросил реплику. Судья говорит: зачем тебе реплика, все же ясно! Но дал. Так вот, говорит Арзиани, речь адвоката меня убедила: видимо, это не подсудимый откусил нос. Но поскольку их было только двое, а нос все-таки откушен, мы должны признать, что потерпевший сам себе откусил нос... Я это вспомнил в связи с вашим ходатайством, — пояснил Уратадзе.

Уничтожив меня, он медлительно вернулся на свое место.

Суд отклонил ходатайство, и процесс покатился к окончанию. Выслушав мою защитительную речь, Уратадзе в очередном перерыве снова направился ко мне и неожиданно сделал тонкий комплимент:

— Когда вы начали выступать, я все ждал, когда вы принесете чепуху. И не дождался.

Несмотря на это, чуда не произошло. Гию признали виновным в убийстве и осудили на 7 лет.

После приговора я решил выяснить одно не вполне понятное мне обстоятельство. В суд не явилась та единственная свидетельница — Пейкришвили, найденная семьей Базгадзе уже к концу следствия, которая своими глазами видела драку и уличала Гию. Правда, она видела еще и то, что не совпадало с установленными фактами, и это настораживало. От явки на процесс она уклонилась, несмотря на все усилия суда, включая и определение о принудительном приводе.

На всякий случай я вручил Гииной маме официальный запрос в поликлинику о состоянии здоровья Пейкришвили. Ответ был поразительным: свидетельница имела дефект зрения на оба глаза в двадцать диоптрий, постоянно пользовалась бифокальными очками, в которых, видимо, и не хотела показываться суду. Я спросил у своей клиентки, зачем потребовалось втягивать в дело незрячего человека. Она предположила:

— Дешевле!

Справка из поликлиники и положительная характеристика из общества слепых помогли мне в Верховном суде. Приговор был отменен. При доследовании Пейкришвили все же нашли. Она заявила, что никакой драки не видела и видеть не могла, никаких показаний о ней не давала и не подписывала, то есть покатила бочку уже на следователя. Больше ее не беспокоили...

Была теплая и светлая тбилисская осень, когда я приехал на повторное рассмотрение дела. Оно проходило в старинном деревянном доме суда. Скрипучие лестницы на второй этаж, где мы сидели, поднимались во внутреннем дворике вдоль стен и были увиты виноградом. Вновь моим противником был Уратадзе, но на сей раз был он на удивление любезен и приветлив. Похоже, он навел обо мне справки.

Положение защиты несколько улучшилось, но вероятность ее успеха оставалась незначительной. Гия активно нажимал на виновность отсутствующего курда, а мать последнего из зала то и дело выкрикивала что-то в защиту сына и поносила Гию. Она надоела судье, и он велел ей выйти вон. Она подчинилась, но, спускаясь по лестнице вдоль открытых настежь окон, а затем и стоя уже во дворе, продолжала свои гортанные выкрики. Судья прислушивался к ней,

время от времени сердито кричал ей в ответ. Она не унималась. Тогда судья распорядился закрыть окна и, обратившись ко мне, заметил:

— Глупая женщина!

В этот день Уратадзе пригласил меня к себе вечером на чай. Об этом узнали местные адвокаты.

— Уратадзе пригласил вас на чай? Это большая честь! — сказали они мне уважительно.

Вечером, купив легкого вина, я поднялся на крыльцо его дома в тихом переулке и позвонил. Уратадзе открыл сам. Он был в домашней вязаной куртке и фетровой шляпе. Шляпа на хозяине удивила меня:

— В чем дело, Варден Георгиевич? Почему шляпа?

— Прохладно в доме, — пояснил он.

Чай был именно чаем, и ничем более. К нему были поданы грузинские сладости и печенье. Мы пригубили вина. Уратадзе оказался интересным собеседником и образованным человеком. Круг его занятий включал и работу над старинными литературными источниками. Он имел печатные труды по этой теме, которые не без гордости показал мне.

Шляпу он не снимал весь вечер. В заключение он сказал:

— Вчера поздно вечером прислал за мной машину председатель Верховного суда, приглашает к себе. Еду. Он мне говорит: «Товарищ Уратадзе...» Я ему: «Моя фамилия не Уратадзе, а Уратадзе, я гуриец». Он подумал, потом говорит: «Да, сейчас выгодно быть гурийцем».

— Что он имел в виду? — спросил я.

— Шеварднадзе, новый глава нашего ЦК, — гуриец. Да, так вот он мне говорит: «Вы, товарищ Уратадзе, вели на следствии дело по кровной мести в Сванетии? Почему не желаете с Верховным судом ехать по этому делу в Местию, создаете нам сложности?» Я отвечаю: «Я, хоть и пожилой, еще пожить хочу. Не поеду». Так и расстались. У нас своя специфика...

Мы еще выпили по глотку, и я попрощался.

К концу процесса судья пригласил меня в свой кабинет и дружелюбно объяснил, почему он вынужден вынести обвинительный приговор.

— Ну никак нельзя иначе, вы уж извините. Но мы ему немного меньше дадим, — примирительно сказал он.

Так и было. Мы с Гииной мамой потом дважды добивались проверки дела в Прокуратуре СССР, но безуспешно.

Спустя несколько лет я вновь был в Тбилиси по делу. Гия с мамой навестили меня в гостинице. Отбывая срок, Гия закончил заочно институт. На сессии его отпускали. В Грузии все иначе, чем у нас.

ГРУЗИНСКИЙ КОЛОРИТ-2

Если бы эту историю не рассказал мне адвокат Уратадзе, который сам участвовал в судебном процессе, я бы, наверное, недоверчиво хмыкнул: ну и наворотили — прямо охотничьи рассказы! Надо же хоть меру знать! Впрочем, судите сами.

Есть в Западной Грузии небольшой городок с веселым названием Миха Цхакая. У начальника городского отдела милиции сын учился в Волгограде, в медицинском институте. По мнению начальника, сын его умом не отличался, и потому его там опекал специальный человек, местный парень, но земляк, тоже из Цхакая. Средства на такую опеку у начальника, естественно, имелись.

Недостаточно умный сын разругался там в Волгограде из-за девицы со студентом-армянином и вызвал его на дуэль. Тот вызов принял. Все попытки отговорить этих юнцов от дикой затеи были безуспешны, и где-то на безлюдной окраине они с сопровождающими их лицами сошлись для поединка.

Трудно поверить, но так это было отражено в деле, — они решили драться тем, что каждый имел: у сына был пистолет, у армянина — нож. Как протекал поединок, Уратадзе точно не помнил, но выстрел грянул, а нож оказался все же проворнее, и точку поставил он. Сын начальника был убит. Армянин в тот же день скрылся из города.

Начальник милиции привез тело сына в Цхакая и похоронил его в родной земле. Затем он начал собственное расследование трагедии. В результате он пришел к выводу, что сыну не удалось застрелить противника лишь потому, что в решающий момент его толкнул под руку земляк-опекун. Видимо, тот все еще пытался предотвратить беду, но начальник милиции признал это коварным предательством, требующим возмездия. В Волгоград, где жил бывший опекун, были

посланы два офицера милиции на оперативной машине. Затратив несколько дней на рестораны и усыпив бдительность земляка, они сумели напоить его, а затем и похитить, вывезя связанным в багажнике машины. Промчавшись более тысячи километров почти без остановок от Волгограда до Цхакая, они на вторую ночь пути доставили пленника к дому своего начальника.

Он вышел к ним с женой, одетой в траурные одежды. Мрачная кавалькада немедля двинулась к городскому кладбищу. У могилы сына начальник поставил связанного пленника на колени, а затем, несмотря на его мольбы о пощаде, он был задушен оперативниками. Месть свершилась.

После казни одежду бегло обыскали и все документы изъяли, а тело той же ночью вывезли из города и спустили с грузилом в приток Риони. Это было грубым промахом, поскольку труп впоследствии всплыл в другом районе, возле Поти, и расследование по возбужденному о нем делу оказалось поэтому вне власти и вне поля зрения цхакайского начальника и его жены.

Спустившийся по горной реке труп не был пригоден для опознания, но обыск одежды на сей раз был проведен тщательно и в одном из карманов был обнаружен размокший комок бумаги с трудно читаемым текстом — талон на бензин из Волгограда. Туда послали запрос о пропавших без вести. Ниточка неторопливо начала тянуться...

А одновременно и вполне независимо от этих событий в городе Миха Цхакая развивался совершенно другой сюжет, связанный еще с одной смертью.

Утром на шоссе было обнаружено тело молодого туриста с очевидными следами наезда автомашины. В кювете валялся сорванный при ударе обод фары. За день работники ГАИ нашли и машину без этого обода, а затем — без особой радости — и ее не вполне протрезвевшего владельца, которому деваться было уже некуда.

В результате к вечеру этого дня знакомый нам начальник милиции лично побеспокоил отдыхавшего дома первого секретаря горкома партии, попросил его выйти на улицу, где с глубоким огорчением сообщил ему, что сын его сшиб на смерть человека, уличен и сознался.

Секретарь горкома поначалу был очень подавлен, но, подумав, сказал начальнику милиции примерно следующее:

— Я знаю тебя как опытного оперативного работника не первый год и потому верю, что ты сумеешь найти подлинного виновника наезда. Если ты его найдешь, то передашь ему, что его чистосердечное признание на следствии и в суде будет высоко оценено: он получит прямо сейчас десять тысяч наличными, новую «Волгу» после освобождения, мягкий приговор и досрочный выход на волю...

На другой же день начальник милиции приступил к поискам подлинного виновника из числа местных шоферов. Не без труда таковой был найден, но поставил условие: вперед не только деньги, но и «Волгу».

«Вы умные люди, но и я не дурак», — пояснил он. К его условию отнеслись с пониманием.

Получив и пристроив в надежном месте все обещанное, он тут же чистосердечно раскаялся в кратком заявлении, после чего был взят под стражу.

Для конкретизации этого раскаяния он был вывезен на место происшествия, где начальник милиции с городским прокурором подробно ввели его в курс дела — где, когда и при каких (смягчающих) обстоятельствах он в ту роковую ночь сшиб несчастного пешехода. После проверки степени усвоения им материала на место были приглашены понятые, в присутствии которых обвиняемый и продемонстрировал свою добросовестность и хорошую память. Следственный эксперимент с выездом на место сопровождался оперативной фотосъемкой.

Дело без волокиты было передано в суд и, ввиду простоты и очевидности, рассмотрено быстро. От приглашенного женой защитника подсудимый отказался. Сумятицу в ход процесса пыталась внести только жена подсудимого, неорганизованно протестовавшая против хода суда, но она была удалена за это из зала.

Преступник получил относительно мягкий приговор — 5 лет заключения — и отправился отбывать свой заработанный срок.

Все бы ничего, но все та же неугомонная жена начала рассылать во все инстанции жалобы, в которых не только

утверждала, что в вечер происшествия муж ее не мог совершить наезд, поскольку угощал друзей шашлыком и возглавлял застолье, а потом лег спать, но и ссылалась на гостей, готовых все это подтвердить. Осужденный к ее неумеренной активности относился нервозно, но она не обращала внимания на его запреты.

На жалобы ее, естественно, никто не реагировал, в них неизменно отказывали, но слухи о странностях в этом деле поползли по городу. Да и гости удивлялись.

А попутно со всеми этими событиями в городе Миха Цхакая развивался третий и уже совершенно невероятный в те времена сюжет, из-за которого все три истории и выплыли на свет божий.

Был в то время в городе начальником местного отдела КГБ некий майор, который многим не нравился. Не по причине принадлежности к этому ведомству, кто-нибудь же должен быть оттуда, на нем ведь все и держалось! — а по личным свойствам майора. Он был сух и официален, постоянно «держал дистанцию», не участвовал в застольях и пикниках, явно избегал сближения с местными руководящими абреками. Это вселяло недоумение и тревогу: как же так, рядом с нами работает и — не свой?

Постепенно пришли к твердому выводу: менять надо кагэбэшника. А как его сменишь? А вот как...

Стали за майором присматривать косым черным глазом. И однажды, когда он в силу должности присутствовал на праздничном банкете во дворе горкома по случаю какой-то красной даты, косой глаз заметил, что майор снял пиджак и повесил его на спинку своего стула. Глаз мигнул кому нужно. Тут же сзади профессионально из кармана майорского пиджака беззвучно достали связку ключей, прижали к пластину, положили на место.

Следующей ночью в помещение отдела КГБ вошли, сейф в кабинете майора открыли, забрали печать, шифры, карточки осведомителей. Все закрыли, ушли.

Днем к начальнику милиции вызвали одного из местных «цеховиков», свобода и жизнь которого были полностью в руках ОБХСС. Под диктовку он послушно написал анонимное заявление на имя председателя КГБ Грузии:

«Дорогой товарищ Цанава!

Я тебе пишу, чтобы ты не волновался. У твоего Уполномоченного в Цхакая майора NN пропала из сейфа печать и важные документы, и ты можешь подумать, что их украла иностранная разведка, и будешь волноваться. Но это я взял. Иду днем по площади. Вижу — все открыто. Зашел посмотреть — и там все открыто, обедают где-то. Взял из интереса. Дома посмотрел, а оно все секретное. Думаю, волноваться еще будет. Все тебе посылаю в целости».

Анонимку «цеховика» вместе со всем изъятым имуществом бандеролью тут же отправили в Тбилиси, в КГБ. Без промедления оттуда прибыли два полковника с инспекцией, не покончившего с собой майора пока отстранили от должности, сменили в отделе все замки и надолго засели там, неторопливо, но обстоятельно расследуя невероятное ЧП.

И вот, по мере того как они кропотливо делали свое дело, опрашивая все новых людей, к ним постепенно начали стекаться слухи об удивительных делах в городе Цхакая и его окрестностях. Узнали они и о трагедии с сыном начальника милиции в Волгограде, и о талоне на бензин из того же города, и о странных жалобах шоферской жены, и даже о пьяной болтовне одного «цеховика». И чем больше обо всем этом они узнавали, тем яснее становилось им, что материал этот далеко выходит и за рамки их поручения, и за рамки компетенции их ведомства. О чем в конце концов и доложили своему начальству в Тбилиси, а оно — еще выше.

В результате в Цхакая прибыли два следователя по особо важным делам из Прокуратуры Союза ССР — Любимов и Кежоян. Эти асы и размотали весь цхакайский клубок до основания, включая и многое, о чем Уратадзе мне не поведал за недостатком времени.

Дело прогремело на всю Грузию. Рассматривала его выездная сессия Верховного суда республики в Цхакая. Начальника милиции и палача-оперативника приговорили к расстрелу, первого секретаря горкома — к восьми и прокурора — к пяти годам заключения, остальных тоже не забыли. Так закончился этот цикл.

Уратадзе сказал мне, что еще долго после этого процесса приезжих из Цхакая спрашивали в Тбилиси: «Ну, как дела в Техасе?»

ЗАЩИТА ДИССИДЕНТОВ

Четыре очерка

Слово «диссиденты» давно получило права гражданства. Русское «инакомыслящие» не отражает его подлинной сути. Вернее было бы — «говорящие правду», потому что мыслили так почти все, но только они осмеливались открыто говорить.

Их было ничтожно мало, намного меньше, чем декабристов в Северном и Южном обществах. Потому что те привлекали к себе верой в близкую победу над злом в сочетании с уверенностью в сохранении своей элитарности, у этих же не было никакой надежды на развал угрюмого утеса, нависавшего над всеми, не было ничего, кроме неодолимого желания выпрямиться, бросить в лицо режиму рвущиеся наружу слова правды о нем.

Они начали возникать вскоре после того, как со смертью тирана стало очевидным, что уже не верная и немедленная гибель, а всего лишь годы тюрьмы, ссылки или «психушки» угрожают за инакомыслие. Все они трезво оценивали, на что обрекают себя, и были готовы заплатить эту цену за глоток свободы слова.

Преследовали их нещадно. В КГБ было создано специальное Главное управление по борьбе с движением инакомыслящих. Самостоятельно мыслить можно было только без движения, то есть сидя. Процессы в 60-х годах следовали один за другим. В некоторых из них — Москве, Риге, Харькове, Киеве, Горьком — мне пришлось принимать участие. Есть что вспомнить. Но каждый раз, когда я пытался заставить себя обратиться к этой теме, мне приходилось в тревоге и смущении останавливаться перед нею. Независимо от того, что не все суждения моих подзащитных совпадали с моими, они духовно и гражданственно возвышались надо мной. Писать о них в том занимательно-улыбчивом тоне, в каком написано здесь почти все остальное, я был не вправе, я не смел.

Кроме этической, останавливала еще и другая трудность: не осталось ни выписок из материалов по этим делам, ни адвокатских разработок. При подготовке к защите по секретным делам (а все они имели этот гриф) у адвокатов все их записи отбирались, хранились в спецчасти и выдавались только на время процесса. Со мной остались лишь отрывочные воспоминания, а прошло так много лет...

И все же... Я попытаюсь записать то немногое, что осталось в памяти от этих примечательных процессов, потому что они составляли особенную, ни на что не похожую часть в моей адвокатской жизни, а возможно, и в истории Советской России.

Круг адвокатов, принимавших на себя защиту по делам диссидентов, был предельно узок. Причины этого не нуждаются в пояснениях. Что же побуждало нас соглашаться на участие в этих политических спектаклях, проходивших под строжайшим надзором КГБ и ЦК КПСС и по их сценариям? Всех нас приглашали для защиты друзья или родные обвиняемых, что позволяло узникам чувствовать рядом плечо и иметь средство общения с волей. И то и другое в их положении было далеко не пустяком. Мы были к тому же теми единственными образованными юристами, которым государство, скрипнув зубами, вынужденно позволяло противодействовать карательной машине, публично указывать на несостоятельность обвинения и тем самым демонстрировать, что происходит расправа.

Защита не была формальной. Несмотря на то что она была жестко ограничена правовыми вопросами дела, даже в этих рамках она осуществлялась нами достаточно активно и настойчиво. Выбор точной границы, за которой начиналась поддержка политических взглядов подсудимых (а вместе с нею и конец адвокатской карьеры), был доступен только опытным профессионалам, хорошо владевшим к тому же и гибким русским, и эзоповым языком. Напряженные или растерянные — но не скучающие — лица наших слушателей в этих процессах убеждали, что говорим мы все-таки не зря. Свойством защитников по этим делам должно было быть не только сочувствие к обвиняемым, но и сочувствие к их побуждениям. Это было очевидным и определяло отноше-

ние властей ко всей обойме адвокатов, принимавших участие в делах диссидентов.

В стремлении осуществить полновесную защиту и в то же время не дать «компетентным органам» повода сожрать тебя за нее мне удалось тогда придумать достаточно удачную, как казалось, систему изложения доводов. Было приятно, что я создал спасательный круг, позволяющий плавать в шторм. Но однажды возникла мысль посмотреть, как разрешали ту же задачу адвокаты-защитники в политических процессах XIX века. Прочитав речи проф. В. Д. Спасовича, защищавшего террористов-народовольцев, я обнаружил, что изобрел велосипед: за сто лет до меня все это, вплоть до деталей, придумал и блестяще применял он. С той, однако, разницей, что мы рисковали бóльшим.

Итак, не претендуя за давностью на точность, попытаюсь припомнить обстоятельства четырех из числа проведенных мною дел диссидентов.

ДЕЛО О «БЕЛОЙ КНИГЕ»

Как известно, «диссидентские» дела начались с процесса писателей Андрея Синявского и Юлия Даниеля в 1967 году. Видный профессор-филолог и поэт в течение нескольких лет отводили душу, печатая за границей под псевдонимами язвительную сатиру на нашу жизнь. Книги их почти не были известны в СССР.

Авторов вычислили и арестовали органы госбезопасности. Суд над ними было решено превратить в показательную гражданскую казнь, предназначенную для устрашения слишком уж что-то осмелевшей интеллигенции. Так и сделали. Звон устроили первоклассный. Советская пресса захлебывалась от возмущения. Теперь об их книгах и о содержании таковых знали почти все в стране и в мире. Злодеям-писателям дали одному 7, другому 5 лет и вписали их имена в позорную историю режима.

Устрашения не получилось. Возмущение получилось. Мирская пресса клеймила расправу над литераторами. В Москве четверо молодых людей — Галансков, Гинзбург, Добровольский, Лашкова — решили выразить свое несогласие с приговором созданием «Белой книги» — собрания публикаций,

осуждавших неправосудную расправу. За несколько месяцев напряженной работы ими был собран и отпечатан в нескольких экземплярах объемистый сборник, убедительно свидетельствующий: мир — против позорного приговора. Один экземпляр был от имени составителей направлен в ЦК КПСС, один — в КГБ и один — в Париж для публикации. Это был сознательный и дерзкий вызов гонителям свободы слова.

Реакция не заставила себя ждать: все четверо были тут же арестованы и заключены в Лефортовскую тюрьму.

Год велось следствие. Был быстро сломлен ранее уже сидевший за такие же дела Добровольский, и с его помощью создание «Белой книги» было изображено как оплаченная из-за границы идеологическая диверсия против СССР. Кроме «Книги», всем четверым вменялось хранение и распространение другой «антисоветской» литературы, в том числе «Письма монахов Почаевской лавры» — о разгроме монастыря и избииении монахов комсомольцами; статьи академика Варги — с расчетами грандиозных убытков, понесенных экономикой страны от революции и «российского пути построения социализма», и других.

В январе 1968 года дело было передано в суд. Процесс был открытым. Обширный зал на третьем этаже Мосгорсуда (тогда он помещался на Каланчевской улице, 43) с 8 часов утра заполнялся каменно сидевшей спецпубликой, отфильтрованной тройным кольцом оцепления. В коридорах с озабоченными лицами стояли и ходили молодые люди с прекрасной выправкой. Публика подлинная робкими стайками толпилась на улице, у подъезда. Время от времени ее фотографировали сверху: всех потом определили и уволили с работы.

Я был защитником Лашковой, Верочки — маленькой, худой лаборантки МГУ с детскими веснушками и недетским твердым взглядом серых глаз. Гинзбурга защищал Борис Золотухин, Галанскова — Дина Каминская. Адвокатом Добровольского был Владимир Швейский. Намеренно перечисляю защитников, поскольку современные описания процесса грешат странными ошибками в этой части.

Председательствовал судья Лев Миронов, оставивший по себе тяжелую память. Процесс он вел, всячески демонстрируя отсутствие каких-либо прав у подсудимых, а также

острый дефицит времени у себя лично. Ни одному из подсудимых не была дана возможность связно изложить свои объяснения относительно вмененной им диверсии мысли. Миронов был груб и пренебрежителен не только с ними, но и со свидетелями. Он всячески показывал тем, от кого полностью зависел, что он им «свой». Его полуприличная манера ведения процесса, показная ненависть к подсудимым не вызвала одобрения даже у сановной публики, сидевшей впереди. Первый зам. генерального прокурора Союза Маляров, партийные чины из ЦК кривились или опускали глаза при каждой грубости Миронова. Им остались недовольны, его повышенная услужливость не была оценена.

В один из своих подходов к столу, за которым на возвышении восседал суд, кто-то из нас, защитников, тихо спросил Миронова:

— Что вы так гоните?

Столь же тихо он ответил:

— Нам дано ограниченное время.

— Кем дано?

Он выразительно промолчал. Можно было догадаться, что команда такого рода была вызвана нарастающей волной протеста против комедии суда над диссидентами. С осуждением процесса выступили Ассоциации писателей Швеции, Дании, Финляндии, свой протест выразили столь крупные деятели культуры, как Стравинский, Пристли, Бертран Рассел, Халдор Лакснесс, резкие передовицы были опубликованы в газетах «Таймс», «Гардиан» и даже в коммунистической «Морнинг Стар». Смелые люди внутри страны обращались с коллективными петициями к Политбюро. Среди копий таких писем, направлявшихся и адвокатам, у меня сохранилось резкое обращение, подписанное В. Аксеновым, П. Антокольским, В. Войновичем, Ф. Искандером, В. Кавериным, Ю. Казаковым, Н. Коржавиным, Н. Матвеевой, К. Паустовским, М. Рошиным и многими другими известными писателями. Эту копию прислал мне К.Г. Паустовский. Люди утрачивали страх. Это было тревожно и опасно. Страх надо было поддержать, возобновить. Поэтому вопреки здравому смыслу процесс, подгоняемый глухим ворчанием сверху, продолжался.

В один из его дней прокурор Г. Терехов с гордостью сообщил суду об очередном и очень своевременном успехе «органов»: в аэропорту Шереметьево прямо у трапа самолета был только вчера вечером арестован прилетевший из Парижа секретный агент НТС Николас Брокс-Соколов. Он был обыскан. С него был снят нателный шпионский пояс, набитый враждебными листовками о нашем процессе — для распространения в СССР, а также деньгами для финансовой поддержки подсудимых и их защиты. Брокс-Соколов раскаялся и готов показать суду об этой акции заграничных хозяев подсудимых. Его оснащение будет также представлено суду.

Мы, защитники, молча смотрели на прокурора, ничего не понимая.

Несмотря на свою озабоченность сроками, суд согласился выслушать нового свидетеля. Брокс-Соколов вместе с амундией был тут же доставлен в процесс и на ломаном русском языке подтвердил все вышеизложенное, включая и свое глубокое раскаяние. На другой день все центральные газеты в Москве гневно осудили очередную диверсию врагов советского народа и их агентов в лице подсудимых.

Явление Брокс-Соколова народу имело для меня свое неожиданное продолжение. Через несколько месяцев я случайно, вместо заболевшего парторга, попал на закрытый семинар обкома партии по идеологическим вопросам, проходивший в гостинице «Юность». В числе лекторов оказался и полковник Абрамов, начальник оперативного отдела УКГБ Москвы и области. Рассказывая избранной аудитории о нашем процессе, Абрамов, в частности, поведал:

— Некоторые удивляются странной своевременности засылки Брокс-Соколова с уликами в Москву. А мы и не скрываем от вас, что его приезд был нашим оперативно-чекистским мероприятием. Здесь я могу это сказать.

В перерыве Абрамов разминулся со мной в коридоре. Остановился, посмотрел вслед. Думаю, потом наводил справки, как я попал на семинар.

Он мог бы, наверное, рассказать кое-что еще об одной акции: странным образом исчезли из машины возле суда приготовленные для адвокатов цветы. Больше ничего не взя-

ли. Этой акции была даже посвящена тогда шутейная песня «Цветы для адвокатов», исполнявшаяся под гитару:

Вокруг суда стоит народ,
Там судят ренегатов,
А контра подлая несет
Цветы для адвокатов...

(стихи Г. Тумасова)

Позже полковник вышел в генералы, стал начальником упомянутого выше Главка по борьбе с инакомыслием. А еще позже изготовитель улик оказался замом Генерального прокурора СССР, надзирал за законностью в стране.

Но вернемся к финиширующему процессу. Для Бориса Золотухина его речь в защиту Гинзбурга имела драматические последствия. Тотчас после нее был объявлен краткий перерыв, и он стоял сильно побледневший, потупив глаза. Я подошел и спросил, что с ним. Он удрученно сказал: «Меня в одном месте понесло. Я отступил от плана». Он оказался прав. Когда изложение его речи было опубликовано в одной из западных газет (источник остался для меня загадкой), его исключили из партии и из коллегии адвокатов.

Наши попытки отстоять его успеха не имели. И он вернулся в адвокатуру и в партию лишь через двадцать лет...

Моя защитительная речь не повлекла неприятностей. Правда, когда я после нее сидел, приходя в себя в перерыве, ко мне через пустой зал вдруг стремительно прошагал «комендант процесса» (был и такой!) подполковник Циркуненко и с ходу решительно спросил:

— А как ваше имя-отчество, товарищ адвокат?

— А вы что, уже ордер на арест оформляете? — изумился я.

Циркуненко радостно засмеялся:

— Еще нет. Просто там прослушивают, аннотации составляют по речам защитников. Так просят инициалы.

— Где прослушивают? Для кого аннотации?

— Прослушивают у нас. А аннотации туда. — Он поднял палец вверх.

А я-то считал, что наши микрофоны всего лишь для внутреннего вещания! А оказалось — для внешнего...

В ходе процесса Галансков и Гинзбург держались мужественно и стойко. Они получили: первый — 7 (и не вышел на волю, погиб в колонии от аппендицита) и второй — 5 лет. Добровольский — 2 года. Вере Лашковой дали тот самый год, который она уже отсидела в тюрьме.

На следствии она частично признала себя виновной. Поэтому перед процессом мы согласовали с ней заготовку: я спрашиваю ее, сожалеет ли она о содеянном, она должна ответить — «да». И я использую это в защите. Я задал ей в процессе этот вопрос. И она, помолчав, тихо сказала:

— Нет. Не сожалею. — Я недооценил ее.

Мы общались после ее освобождения. Я пытался помогать ей, когда «органы» выселяли ее из Москвы.

Она живет в Твери и работает шофером тяжелого грузовика — характер помогает.

ГЕНРИХ АЛТУНЯН

За исключением редких периодов бунта «бессмысленного и беспощадного», россиянам всегда была свойственна удивительная покорность судьбе и владыкам. «Народ безмолвствует», — этими словами не зря заканчивает поэт великую драму «Борис Годунов». У Пушкина вообще нет ничего случайного. Как не случайно вдруг врывается в солнечный строй его стихов презрительно-угрюмый «Сеятель»:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время.
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
Вас не пробудит чести клич,
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.

Безмолвие царило на российских просторах и все годы тоталитарного режима. Страх всегда был главной причиной. Но — не единственной. В обществе напрочь отсутствовала гражданственность — стремление гласно выразить свою

оценку степени справедливости и полезности действий самозванных правителей. Гласно выразить можно было только лояльность и одобрение.

Именно гражданственностью — этим редчайшим для России свойством — отличались диссиденты. Примечательно, что не озлобление, не желание хоть гневным словом поквитаться с советской властью за личные беды и унижения, принесенные ею, двигало диссидентами в их отчаянном протесте, а только боль за судьбу страны и ущемленное гражданское достоинство. Это проявлялось и в том, что в большинстве своем они принадлежали к числу вполне благополучных и не обделенных материальными благами людей.

Достаточно характерен в этом отношении и случай Генриха Оганесовича Алтуняна, которого мне довелось защищать в 1969 году.

Подполковник Советской армии, доцент и завлаб Ракетной военной академии в Харькове, растущий способный специалист. Жизнь сулила ему прямую и ясную дорогу к генеральским высотам. Все было по-доброму и у него дома: дружная семья, двое малышей. С чего бы ему роптать?

Но вот с какого-то времени его начали занимать и будоражить вопросы о причинах тех или иных акций партийно-правительства, представлявшихся ему ошибочными, несправедливыми или просто вредными для страны. Размышления сменились вопросами к окружающим, а окружали его офицеры Академии. Его начали сторониться. Ответов не было, были советы — помалкивать. Он пренебрег: как гражданин и коммунист он был ведь вправе знать, что и для чего делается от его имени? Так он мотивировал свои вопросы, задавая их уже на партийных собраниях.

С ним беседовали, разясняя неуместность и пагубность его опасного любопытства. Вызывали на малые и большие ковры, долго и терпеливо пытались утихомирить, стараясь сохранить для армии талантливый профессионал. Но ответов не давали, и потому он все более укреплялся в своих крамольных сомнениях, переходивших в убеждения.

Был, наконец, исключен из партии и уволен с военной службы.

Ладно, пошел инженером в некий гражданский трест. Жить стало хуже, но продолжал и там. Завязал переписку с известным бунтарем, генералом Петром Григоренко, и с другим Петром — Якиром. Стал ездить к ним в Москву, участвовать в обсуждениях и осуждениях. Подписал «Обращение к Организации Объединенных Наций» с резким протестом против советских порядков и процессов над литераторами.

После чего был арестован, — чтоб не мелькал. Когда я к концу следствия приехал в Харьков читать его дело (тогда адвокаты допускались лишь с этой стадии), следователи КГБ жаловались мне, что Алтунян пытался дискутировать и с ними, склоняя в свою веру, но они устояли.

Обвинение его выглядело убого. Кроме подписи под «Обращением к ООН», ему вменялись «клеветнические высказывания» о Сталине, о разбойничьем характере ввода войск в Чехословакию и о судах над диссидентами. Один из пунктов обвинения гласил, что Алтунян распространил (давал читать) стенограмму публичной лекции академика Аганбегяна о состоянии (плачевном) экономики СССР, прочитанной в одном из академических институтов. Найдя при обыске у Алтуняна текст лекций, следователь не поленился съездить в Москву и допросить академика по этому поводу. Аганбегян подтвердил как факт чтения им такой именно лекции, так и подлинность сообщенных в ней мрачных сведений о нашем хозяйстве. В состоянии задумчивости вернувшись в Харьков, следователь все-таки вставил этот абсурдный пункт в обвинение. Не пропадать же добру!

Следствие сочло нужным отразить в деле общественное мнение о действиях Алтуняна. Для этого в тресте, где он работал последнее время, было проведено собрание коллектива для обсуждения информации следователя и для последующих гневных прений. По оплошности к делу был приобщен не протокол этого собрания, а стенограмма. Она отражала, как ни странно, немало добрых слов об Алтуняне, а также пару совсем уж ненужных для дела выступлений. Один слесарь, например, заявил:

— У нас в стране за каждым смотрит надлежащий орган. Поэтому за браконьером смотрит рыбнадзор, за хулиганом —

милиция, за антисоветчиком — КГБ. Так? А мы при чем? Что нам тут обсуждать? Не наше это дело...

Другой рабочий сказал:

— Меня всегда интересует только одно: какие цены на рынке. Цены высокие. На зарплату не проживешь. Это безобразия. А остальное, в том числе и эти вот алтуняновские дела, мне — до фени...

Запись этого не очень гневного собрания все же к делу приобщили.

Небольшого роста, худой и пылкий Алтунян на свидании сказал мне, что ему твердо был обещан условный приговор, если он признает свою вину и заявит о раскаянии.

— В чем мне раскаиваться?! — горячо восклицал Алтунян. — В том, что я правду говорю?! Не дождутся, не будет этого!

На том мы и расстались.

Через некоторое время я выехал в Харьков на процесс. Меня сопровождала группа поддержки, в которую входили П. Якир и Ю. Ким с женой Ириной. Судя по всему, нам была оказана честь: в соседнем купе ехал почетный эскорт, поочередно дежуривший у окна в проходе. На перроне в Харькове нас тоже встречали. Фирма не считалась с затратами...

Обычной для этих дел помпой был обставлен и сам процесс: привычный уже двойной кордон оцепления областного суда, продуманный способ заполнения зала, ненавязчивое сопровождение на улицах.

Судебное заседание длилось всего один день. Ярких впечатлений оно не оставило. Алтунян смело излагал свои взгляды и ссылался на конституционное право излагать их. Его не прерывали. Помню, что несколько свидетелей отмечали искреннюю веру Алтуняна в правильность его политических высказываний и лишь осуждали его смелость.

На фоне весьма мирного течения процесса явным диссонансом прозвучала неожиданно злобная, ожесточенная речь государственного обвинителя, заместителя прокурора области. Т. Алтунян был аттестован им как особо опасный преступник, агент империализма, поднявший свою грязную лапу на что-то там такое, и т. д.

После моей защитительной речи и последнего слова подсудимого, когда суд удалился в совещательную комнату, прокурор обратился ко мне и попросил сесть рядом с ним. Я удивился, но сел.

— Я хочу вам сказать, — тихо молвил он, — да вы, наверное, и сами догадываетесь, — что речь свою писал не я. Мне ее в надлежащем месте набросали. Я лишь озвучил. Что касается лично меня, то мне ваш подзащитный глубоко симпатичен. Какой чистый, искренний, порядочный человек. Таких бы побольше.

Несколько опешив, я внимал этой тираде. Смесь негодования и жалости я испытывал к этому человеку, откровенно признающемуся в своей рабской беспринципности. Однако и возникшая у него потребность оправдаться, и то, что он доверился в этом совершенно незнакомому коллеге, — тоже ведь были признаками смены времен.

Алтуняну дали три года колонии. Выезд мой в Киев на кассационное рассмотрение дела ничего не изменил.

Отсидев и выйдя на волю, Алтунян продолжал вещать истину и активно разоблачать партию-правительство. Его снова взяли. На сей раз выехать я не мог: болел.

Когда рухнул СССР, известный правозащитник Алтунян в незалежной Украине был избран депутатом Верховной Рады и занимал в Харькове важные посты. Он был и остался нестигаемым (чуть не сказал — большевиком).

ДЕЛО РИПСА

13 апреля 1969 года студент выпускного курса Латвийского госуниверситета Илья Рипс взобрался на постамент известного памятника Свободе в центре Риги, развернул плакат — «Протестую против оккупации Чехословакии!», облил себя бензином из принесенной емкости и чиркнул спичкой. К живому, раздуваемому ветром факелу бросились проходившие строем курсанты мореходного училища и забросали-загасили его бушлатами. Рипс остался жив. Обгорели лишь затылок и шея, поскольку одет он был (для лучшего впитывания бензина) в ватник-телогрейку, спасший тело.

Самосожженец был тут же арестован.

Через полгода, в октябре, я по просьбе родных выехал в Ригу для его защиты.

К этому времени Рипс был признан психически больным, невменяемым и подлежащим принудительному лечению в психиатрической больнице специального типа. Эти слова — принудительное лечение в больнице специального типа — в действительности означали конец Рипса как личности. Многолетнее содержание в тюремных по существу камерах с наиболее тяжелыми неконтактными психбольными, сопровождаемое регулярными инъекциями подавляющих мозговую активность лекарств, надежно обеспечивали необратимую деградацию человека. Спецбольницы входили в систему МВД — с соответствующим режимом и персоналом. Никакая колония строгого режима не могла так уничтожить личность, как «лечение», предстоявшее Рипсу.

Изучив и даже дословно переписав акт экспертизы, я углубился в материалы, характеризующие Рипса, и вскоре тихо застал.

Поступив в школу сразу во второй класс, Рипс еще дважды — из шестого в восьмой и из девятого в одиннадцатый — переводился во внеочередные классы. Тихий и застенчивый мальчик за время обучения в школе последовательно становился победителем нескольких республиканских, союзных и международной олимпиад по математике и физике. Досрочно закончив школу с золотой медалью, Рипс в 14 лет был специальным приказом министра высшего образования Елютина зачислен студентом 1 курса физико-математического факультета Латвийского университета.

В факультетской характеристике отмечалось, что Рипс, будучи студентом 2 курса, разрешил математическую задачу, над которой длительное время трудились несколько видных математиков страны. К пятому курсу Рипс имел печатные работы в академическом вестнике и признавался серьезной научной величиной...

В психотделении тюремной больницы, где Рипс находился в период стационарной экспертизы, он непрерывно что-то писал, заполнив каракулями несколько тетрадей. Тетради изъяли и, ввиду наличия в них явной абракадабры, направили на кафедру, где он ранее занимался, — для проверки ин-

теллеktуальной сохранности автора. Оттуда ответили: «Представленная на отзыв работа содержит существенное развитие одной из отраслей современной топологии». Ответ был приобщен к делу.

Короче, разрушению на сей раз подлежал интеллект, возникающий изредка среди людей как Божий дар человечеству.

Овладев, как мне казалось, делом в достаточной степени, я пришел к не слишком обнадеживающим выводам.

Расчет на оправдание, которое сразу снимало бы все проблемы, был, по всем причинам, исключен. Защита, конечно, должна была расшатывать заключение психиатрической экспертизы о наличии у Рипса душевной болезни и, соответственно, о его невменяемости. Здесь был заложен известный шанс. Диагноз, поставленный Рипсу, — вялотекущая форма шизофрении, — был сравнительно недавно внедрен в практику светилami карательной психиатрии, одно из которых и приехало из Москвы специально для участия в экспертизе по нашему делу.

Удобство этого диагноза состояло в том, что он мог быть поставлен при полном отсутствии симптомов шизофрении — на основании любых отмеченных свидетелями или врачами странностей в поведении обвиняемого. В том числе и таких, которые носили характер элементарной психопатии у здорового человека.

Однако удобство это одновременно было и слабостью такого диагноза, поскольку граница между болезнью и здоровьем была весьма условна и лишена определенности. Я основательно вооружился научными источниками, в которых изобретатели «вялотекущей шизофрении» (в том числе и наше приезжее светило) решительно опровергали в прошлом положения, принятые ныне в основу экспертного заключения о состоянии Рипса. Естественно, я пользовался при этом консультацией опытных психиатров и потому готовил свое ходатайство о повторной экспертизе отнюдь не на дилетантском уровне.

Расшатывать следовало и назначение Рипсу больницы специального типа. И здесь был заложен определенный шанс, поскольку такой тип больницы полагалось по Инструкции определять только агрессивным, особо опасным больным.

Это не мешало, однако, судам не раз заключать туда вполне мирных диссидентов. Но тема была...

Я достаточно трезво понимал, к кому и по какому делу буду взывать со своими медицинскими и правовыми доводами, — и потому философски оценивал пробивную силу своих «шансов». Если и могло что-то пронять моих оппонентов, так это ясное представление об уровне одаренности Рипса и о том, что мы обрекаем на распад в больнице специального типа... На демонстрации этого я и решил сосредоточиться в первую очередь, не теряя из виду и остального.

Поскольку Рипс после окончания экспертизы был возвращен из больницы в тюрьму, я пошел к нему на свидание, познакомиться и поддержать. Вопреки ожиданию, Рипс не был удручен своим положением и проявлял даже признаки некоторой эйфории.

— Вы знаете, — сказал мне этот юнец, — одиночная камера, оказывается, идеальное место для научных размышлений. Полная тишина, ничто не отвлекает. Я очень продуктивно потрудился эти месяцы, имею несколько очень и очень интересных наработок!

Он был весьма доволен, что его посадили. Несмотря на это, признаков помешательства в нем я не углядел и ввел в курс дела, подготовив к вероятному развитию событий.

Судебный процесс в Верховном суде Латвии происходил без Рипса: ему, признанному психически больным, не полагалось присутствовать.

Следуя избранной линии, я попросил существенно расширить круг свидетелей, вызвав всех тех, кто мог рассказать о талантах Рипса и о его возможной социальной полезности. Я назвал и дополнительных свидетелей из числа преподавателей университета.

Малый успех был достигнут, суд удовлетворил эту просьбу защиты. Согласился суд и с моим ходатайством о допросе двух «сведущих лиц» — психиатров.

Когда слова, на которые я возлагал некоторые надежды, начали звучать в зале суда, я стал поглядывать на судей. Но они были невозмутимы.

Перед заключением экспертов был объявлен перерыв. И здесь произошло непредвиденное. Главный психиатр Мин-

здрави Латвии Руссиянова, представлявшая в процессе экспертную комиссию, подошла к моему столу в пустом зале и тихо спросила:

— Я правильно понимаю, что вы готовитесь дать нам бой и просить о повторной экспертизе?

— Да, — сказал я, — вот ходатайство на пяти листах.

— Не делайте этого. Я сейчас изменю заключение о типе больницы — предложу общий тип.

Я взволнованно встал и молча развел руками, выражая свои чувства.

Она так и поступила, явно рискуя.

Выслушав заключение Руссияновой, прокурор резко возразил, ссылаясь на то, что она не вправе единолично отступить от заключения комиссии экспертов.

Общий тип больницы означал идеальный исход дела для Рипса, поскольку избавлял его и от заключения в колонии, и от кошмара спецбольницы МВД. Все, что мог, я сказал суду в поддержку заключения главного психиатра, оказавшегося к тому же благородным человеком.

Суд совещался недолго, ровно столько, сколько требовалось, чтоб написать определение. Рипс был признан совершившим государственное преступление в состоянии невменяемости, освобожден от уголовной ответственности и направлен на принудительное лечение в больницу общего типа!

Он был спасен.

После шестимесячного пребывания в городской психиатрической больнице Рипс был освидетельствован комиссией, признан не нуждающимся в дальнейшем лечении и выписан под надзор районного психиатра.

Несмотря на то что вернуться в университет ему не дали, он состоялся как ученый. Сейчас он — профессор одного из крупных научных центров за границей.

(Вот что я хотел бы добавить к рассказу о деле Рипса, так это то, что в обвинении известный рижский памятник упорно именовался «так называемым памятником Свободы». Это дало мне повод в своей речи называть его «памятником так называемой Свободы», что вызвало гневную отповедь прокурора. Оставленную, впрочем, судом без внимания...)

ПОЛУЗАЩИТА ПАВЛЕНКОВА

Поручение на защиту Павленкова я принял по переданной мне просьбе А. И. Солженицына в феврале 1970 года. Именно эта дата стоит на оставшейся у меня фотографии главного диссидента страны с его дарственной надписью. На снимке писатель, сидя в саду у Ростроповича, смотрит на меня иронично и недоверчиво.

Я согласился и выехал в Горький, где жил Павленков и где заканчивалось следствием его дело.

По фактуре своей оно значительно отличалось от обычных диссидентских дел. Здесь не было ни дерзко брошенного в лицо режиму открытого вызова, ни стремления привлечь к себе внимание жертвенностью, ни обращений к мировому сообществу — тут все было деловитее и прочнее, то есть опаснее для власти.

Директор одной из лучших в городе средних школ, энергичный и образованный педагог, Павленков неторопливо сформировал из студентов нескольких местных вузов тайную организацию, первичной, но не единственной целью которой было (пока!) разоблачение антинародной сущности правящего режима. Организация формировалась из «пятерок», члены которых знали только свой «пятерочный» состав и лидера, Павленкова, и не знали ни состава иных «пятерок», ни их числа.

Деятельность организации состояла (пока!) в распространении листовок и прокламаций, написанных, как правило, Павленковым и размноженных на иногороднем, так и не найденном гектографе. Листовки по ночам наклеивались на стены в людных местах, оставлялись в общественном транспорте и в почтовых ящиках.

Содержание их варьировалось — от изложения истории узурпации власти большевиками в 1917 году до сокрушающей критики основ политической системы и экономики страны.

Прочитав собранные в деле образцы листовок, я имел возможность оценить их язык и их силу: они били по самым уязвимым местам больного государства. Они не ограничивались пропагандой, но содержали и призывы к противодействию, пока — мирному... По методике своей они качественно

резко отличались от известной «Хроники текущих событий», содержащей лишь информацию о фактах.

Структура и конспиративность организации, а также ее дух позволяли предполагать, что ее пропагандистские цели без труда могут быть преобразованы в более жесткие.

Авторитет Павленкова у членов его группы был огромен. Его слово и мнение ценились высоко. Следователь КГБ огорченно поделился со мной, что арестованные студенты, участники организации, озабочены не столько своей судьбой, сколько, в первую очередь, мнением Павленкова об их поведении на следствии.

Организация Павленкова действовала почти год. «Компетентные органы» охотились за ней долго и изощренно, пока не вышли на след. Взять удалось Павленкова и одну из «пятерок». Не более того. Все они признавали вменяемые им действия, но отвергали вину перед народом и обществом...

При обыске у Павленкова были изъяты его теоретические разработки в области политической экономии. Объемистые тетради были подвергнуты научной экспертизе в Горьковском университете. Экспертная комиссия в составе проф. Доброхотова, доцентов Суханова и Зиновьева (эти имена — то небольшое, что сохранилось в моих записях об этом деле), изучив разработки Павленкова, с суеверным ужасом записала в заключении: «...открыто заявляет о своем несогласии с теорией стоимости Маркса(!)».

Дней десять мы читали довольно объемистое дело совместно с Павленковым, но, естественно, под надзором. Стенные беседы наши ограничивались краткими репликами и иногда, для отдыха, разговорами на посторонние темы. Он был собран и деловит. Оставшись наконец в относительном уединении с Павленковым, я изложил ему, каким видится мне дело, а также — что, как и в какой тональности может делать здесь защита.

— Все это очень интересно, — сказал мне Павленков, — но это лишь второстепенная часть того, что мне нужно. Я рассчитываю на защиту моих взглядов и действий. Мне нужна не столько правовая защита — она здесь, видимо, безнадежна, — сколько политическая! Громить их нужно! Разоблачать!

— В таком случае вам требуется не адвокат, а трибун. Это не моя миссия. Я — ПРАВОзащитник. Да мне и слова не дадут сказать в этом ключе, это вас еще остерегутся прерывать.

— Тогда так, — поразмыслив, решил Павленков, — вы составляете для меня самый подробный правовой анализ обвинения. Я сам его использую на суде. Все остальное, политическое, я подготовлю и сделаю сам. И сам буду защищаться и нападать. Без адвоката. Ваш анализ нужен мне и для дальнейших жалоб.

Я попытался разубедить его, но он стоял на своем. Так мы и поступили. Это был его выбор.

Под занавес, отмечая командировку у следователя, я спросил его об одной странности в деле, ранее мне не встречавшейся. Там было постановление о проведении психиатрической экспертизы Павленкова. Оно было позже отменено и не реализовано. В чем дело? Что помешало?

— Вы жену Павленкова видели? — спросил следователь.

— Естественно. Красивая женщина, и с характером.

— Не то слово. Когда я ее допрашивал, сказал ей, что, возможно, муж будет временно помещен в больницу для психэкспертизы. А она мне: если вы, говорит, собираетесь сделать моего мужа сумасшедшим, то я с обоими детьми поеду в Москву и устрою вам на Красной площади такое самосожжение, что вы до конца дней будете отскребать с мундиров нашу кровь... Я на нее посмотрел: а что, такая может!.. Доложил руководству. Решили воздержаться. Вот так.

После возвращения домой я узнал, что Павленков, как и обещал, отказался от защитника на суде. Этот сильный человек поступил по-своему. Мне не в чем себя упрекнуть. Он тоже не был в обиде на меня за отказ разделить его судьбу. Сужу по тому, что через шесть лет, выйдя на волю и приехав в Москву, он счел нужным позвонить мне и сказать добрые слова.

ОТЕЦ И СЫН

Из глубинных вод памяти моей всплывают картины двух удивительных жизней, прожитых одна за другой, отцом и сыном.

Фамилию — Савицкие — помню точно. За верность имен не ручаюсь, но весьма вероятно, что старшего звали Петром и Алексеем — младшего.

Для меня они возникли из несложного гражданского дела конца 50-х годов, по которому сын требовал вернуть имущество реабилитированного отца. Участие в нем дало мне повод просить об ознакомлении с материалами уголовного дела Петра Савицкого в архиве трибунала Московского военного округа.

В те времена гриф секретности надежно оберегал от постороннего взгляда все дела бесчисленных жертв мясорубки, в которую превратил Россию «отец народов». Дела эти были практически недоступны — слишком много угрюмых тайн скрывали они. Поэтому, обращаясь с заявлением о выдаче, я не питал особых надежд на успех.

Однако разрешение последовало. Хранители тайн выдали мне три тома со штампами «сов. секретно» и «хранить вечно» на обложках и заперли в пустом кабинете с местным телефоном без диска. Мне полагалось найти и прочесть только документы об аресте и конфискации имущества, на что и было обращено мое внимание. Но, едва просмотрев дело, я начал торопливо и жадно читать все подряд, стремясь впить из него как можно больше сведений. И было что впитывать.

При царе Николае получивший элитное образование Савицкий был инженером-путейцем и строил мосты на Транссибирской магистрали. Февральская революция швырнула его от мостов в политику, он заделался анархистом и довольно быстро приобрел популярность, возглавил крупный ревком и стал править бал...

Великий уголовный переворот в октябре не затронул ни его растущей влиятельности, ни обширной власти. Однако так продолжалось недолго. Мятеж чехословацкого корпуса, а затем колчаковщина вынудили его уйти в тайгу, где он сколотил немалую, хорошо оснащенную крестьянскую армию махновского типа, реально контролировавшую огромное пространство. Под именем «таежного царя» Савицкий стал известен и в столицах. Так прошел почти год.

Между тем история двигалась по своим рельсам. И политическая окраска Савицкого по мере продвижения Красной

Армии на восток становилась все более розовой. Незадолго до разгрома Колчака он со своими отрядами напал на Читу и взял ее, избавив наступавших красных от боевых тягот по овладению городом.

Эта операция заслужила одобрительную оценку Ленина. Реввоенсовет наградил Савицкого орденом Красного Знамени, ему присвоили звание комбрига. Однако у власти в Сибири его не оставили и отозвали в Москву.

Сюда бывший инженер-путеец прибыл уже как прославленный герой Гражданской войны, «владыка тайги», был даже принят в партию, обеспечен материальными благами по нормам высшего комсостава. Но — не более. Должности, которые он занимал все последующие годы, носили хотя и звонкий, но какой-то пестрый опереточный характер. Несколько лет он командовал в Осоавиахиме (военно-просветительский союз того времени). Потом вдруг стал секретарем парткома ВГИКа (Института кинематографии). Ведал автомобильным спортом в стране — и на этой почве был владельцем двух автомобилей марки «Форд», что было неслыханным в те времена. На этой же почве он оказался комиссаром знаменитого в тридцатые годы автопробега первых советских автомашин Москва—Каракумы, и портреты его замелькали в газетах и журналах.

И наконец, чтоб не мелькал, был, разумеется, арестован НКВД. На этом яркая жизнь баловня Фортуны, да и сама жизнь — оборвалась. Ему дали 10 лет и отправили во мглу воркутинских лагерей ГУЛАГа. Это было в 1938 году. А осенью 1942 года о нем вспомнили — и добились: повторным приговором «тройки» НКВД — по тем же материалам — Савицкий был в лагере осужден к расстрелу и казнен.

За что? Зачем? Кому он мешал? Ни на один из этих вопросов ответа в его деле не было. Ему вменялось, что он, посещая иногда вечерами квартиру секретаря Московского горкома партии Угланова, жившего этажом выше в престижном доме «Красная звезда» на Беговой улице, участвовал в кухонных посиделках, при которых выражались сомнения в правильности поступков и решений вождя. Это и было названо антисоветским заговором.

Угланов и все, кто по вечерам пивал у него чай, были расстреляны раньше Савицкого по приговору, вынесенному на особом процессе. Копия приговора имелась в его деле. Листая дело, я пораженно заметил, что показания, в которых упоминались высказывания Крупской и Марии Ульяновой (сестры Ленина) при этих чаепитиях, были — в отличие от прочих — напечатаны на машинке: копии шли в заведенные на них досье. До поры до времени. Справедливости ради нужно отметить, что расстрел Савицкого в 1942 году не был результатом индивидуальной акции, направленной против него лично. На него было лишь распространено общее указание товарища Сталина об уничтожении в лагерях всех оставшихся в живых высших офицеров армии, которых он не успел казнить в предвоенном своем безумии.

Таковы были жизнь и смерть Петра Савицкого в России двадцатого века.

Дело его заканчивалось тонкой папкой, в которой были подшиты совсем свежие, не успевшие пожелтеть документы, отражавшие процедуру реабилитации погибшего ни за грош комбрига. Здесь же оказались и данные о судьбе его семьи: справки с оперативной информацией, протоколы опросов, газетная статья. Возможно, что интерес к этому был проявлен потому, что с ходатайством о реабилитации обратился сын, проживший не менее бурную и извилистую жизнь, чем его убитый отец.

Когда арестовали Савицкого, его сыну Алеше было 12 лет, и он жил с матерью. Она избежала обычной тогда участи жен арестованных «врагов», поскольку за год до этого развелась с мужем и жила отдельно от него. По той же причине и Алеша, сохранив мать, не сгинул в лабиринте детдомов НКВД.

Казалось бы, ему повезло, если это слово применимо здесь.

Но в 1941 году началась война, и по наследству полученный бунтарский дух «таежного царя» вдруг поднял подростка и повел его, как когда-то отца, по смертельно опасной дороге.

Он сбежал из дому и прибил к направлявшемуся на фронт военному эшелону. Он рвался защищать Родину,

и в сумятице первых месяцев войны ему не составило особого труда преобразиться из 15-летнего школьника в художочного не по возрасту солдата, якобы отставшего от своей части. На фронт под Вязьму он прибыл как раз вовремя, чтобы успеть вместе с брошенной бездарным командованием несчастной армией оказаться в окружении, а затем и в плену.

На Минском шоссе у Вязьмы стоит памятник с монументальной надписью: «Их было тридцать тысяч...». Это, как и всегда, ложь. Их было не менее трехсот тысяч, загубленных здесь российских солдат.

Он был живуч и не погиб голодной смертью в фильтрационном лагере, где под открытым небом, без хлеба и почти без воды немцы держали их три недели.

Ему снова повезло, когда уже из лагеря в Польше его отобрали в партию «остарбайтеров» и отвезли под Кёнигсберг для работы в поместье. Более года он был рабом. Но за это время труд в свинарниках от зари до зари не изнурил его, а сделал жилистым и злым, а главное — он, не теряя времени зря, овладел языком и заговорил по-немецки не хуже хозяев.

И однажды осенней ночью, проснувшись как от толчка на своих нарах в тот самый миг, когда в далеких воркутинских лагерях оборвалась жизнь отца, он понял: пора уходить!

Он бежал один, без товарищей — так было надежней.

В дальнейших сведениях о нем не было полной ясности. Не то он убил в дороге молодого немца-туриста (хотя какие туристы могли разъезжать по дорогам в то время?), не то иначе завладел велосипедом и чужими документами, но он чудом пересек всю Германию и возник уже не как Алексей Савицкий, а как Клаус Шмидт, юный, но старательный портовый рабочий в Гамбурге. Некоторая молчаливость, вызванная ограниченным словарным запасом и постоянной настороженностью, постепенно сменилась спокойной деловитостью, импонировавшей начальству.

За последующий период Клаус Шмидт, несмотря на удивительную моложавость, постепенно вырос от рядового докера до стивидора, диспетчера погрузочных работ. Способствовало этому и то, что со временем он стал членом партии (национал-социалистской, естественно). Он избежал призыва в армию как специалист и уцелел при бомбежках.

Можно догадываться, что приближающийся военный разгром Германии вызывал у него противоречивые чувства, поскольку он не просто играл роль Клауса Шмидта, а целиком вжился в нее и чувствовал себя в ней достаточно комфортно. Двойной жизни Штирлица он не вел и, судя по всему, не стремился к ней.

Победу союзников стивидор Шмидт пережил без катастрофических последствий. Порт был нужен всем и продолжал работать, восстановив после боев свое хозяйство.

Спокойно пройдя в американской зоне суд по денацификации (поскольку не был активным функционером), Шмидт остался на своей работе и продолжал ставшую привычной жизнь мирного бюргера.

Однако в 1949 году его внезапно арестовала криминальная полиция: обнаружилось, что двойную жизнь Клаус Шмидт все-таки вел, совмещая ее видимую часть с тайными похождениями вора-«медвежатника», взломщика сейфов, успешно промышлявшего на этой ниве уже долгое время и достигшего здесь профессиональных высот. Авантюрные гены рода Савицких вновь показали себя.

Рядовое уголовное дело о серии взломов касс приобрело в Западной Германии сенсационный характер после того, как Клаус Шмидт по каким-то тактическим соображениям открыл свое подлинное имя и поведал следователям (полностью ли?) свою историю. Суд широко освещался в печати под кричащими заголовками «Савицки-процесс». Одну из немецких газет того времени я держал в руках.

Завершился процесс восемью годами тюрьмы для Алексея Савицкого.

Спустя значительное время после этого события, когда Савицкий успел уже изрядно насидеться в немецкой тюрьме, канцлер Конрад Аденауэр провел в Москве успешные переговоры о возвращении на родину из СССР немецких военнопленных. В качестве ответного жеста правительство ФРГ предоставило возможность осужденным в Западной Германии россиянам освободиться из тюрем, но с немедленной их высылкой в Россию. Право выбора было предоставлено узникам.

Савицкий решил вернуться, хотя это и было связано с определенным риском. Его освободили. На границе в Бресте компетентные советские лица провели с ним профилактическую беседу. Ему доходчиво объяснили разницу в ответственности за ограбление сейфов между либеральным буржуазным и справедливым социалистическим законодательствами, отобрав об этом подписку.

И он вернулся домой из небытия, этот не сгоревший в пламени Феникс, к седой, давно оплакавшей его матери, безжалостно брошенной им так много лет назад.

После возвращения его долго и недоверчиво допрашивали в нескольких любопытствующих ведомствах, а затем оставили в покое и даже помогли устроиться на работу. К моменту, когда я в запертом кабинете военного трибунала читал материалы дела, он работал слесарем-инструментальщиком на одном из московских заводов.

Будучи объективными, мы должны признать, что история похождений Алексея Савицкого явно неправдоподобна. Некоторые ее эпизоды просто не могли иметь места, они противоречат здравому смыслу.

Однако все это, как ни странно, было...

Правда вообще бывает невероятнее вымысла, потому что вымысел всегда стремится быть правдоподобным, в то время как правда не связана этими путями. Она свободна, как птица.

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Это о ком? Кто еще здесь имеет честь? А впрочем, это очень хороший вопрос, спасибо. Потому что, вопреки очевидности, носители этого давно и старательно, казалось бы, затоптанного свойства еще встречаются среди нас. Мелькнет изредка представитель реликтового племени, и задумаешься, чуть улыбаясь, о том, что — смотри-ка... И встреча эта вселяет надежду. А было так.

...Морозной октябрьской ночью 1941 года сибирская дивизия была выгружена на подмосковной станции. Шли тяжелые бои за Москву, и дивизии предстояло принять первое крещение огнем. Всю ночь войска дивизии шли к фронту,

и на рассвете, не передохнув, ее передовые части с марша приняли встречный бой с наступавшим противником.

Полк, в котором служил Максимов, новоиспеченный младший лейтенант, получил задание оборонять село Каменку.

— Вот что, Максимов, — сказал ему начальник артиллерии, — бери пару сорокопяток, отпрягай лошадей, пушки цепляй к танкам и жми срочно к этой вот опушке. Займешь позиции. Иди покажу. — Он расстегнул планшет и осветил фонариком на карту.

— Товарищ капитан! — возмутился Максимов. — Я же минометчик. Как я буду пушками командовать? Подумайте сами!

Начальник артиллерии поднял голову от карты. Небритое, усталое лицо его в сумраке утра было суровым.

— Это приказ, товарищ младший лейтенант, — сказал он жестко. — Вы у нас в резерве. Назначаетесь командиром огневого взвода артиллерии. — И добавил мягче: — Обстановка, брат, диктует. Выполняй. Время дорого.

— Есть! — сказал Максимов растерянно.

Через час, когда совсем рассвело, он и солдаты двух оружейных расчетов уже сидели на танковой броне, прильнув спинами к башне и сунув ноги под теплый брезент, брошенный на решетку мотора. Две пушки прыгали на буксирах сзади.

Проехав километров пять, танки остановились. В тишине стали слышны раскаты боя, гремевшего где-то впереди. От головной машины подбежал черный танкист и сказал:

— Слушай, лейтенант! Мне сейчас дали по радиации команду изменить направление и двигать по пахоте вон туда, — он махнул рукой в сторону от дороги. — Так что не дотяну я тебя. Отпрягай свое хозяйство!

— А как же мы? — удивился Максимов. — Что мы тут без тяги делать будем? Ты сказал им, что пушки тянешь?

— Сказал, — ответил танкист. — Говорят, перебеются как-нибудь.

— Хоть передай, чтоб нашим сказали, где меня бросили! — крикнул ему вслед Максимов.

В сердцах плюнув, он велел солдатам отцепить пушки и снять ящики с боеприпасами.

Оставшись на проселочной дороге, Максимов прикинул по карте: до указанной ему опушки оставалось больше трех километров. Катить на руках? По такой дороге! Когда же они туда доберутся? А снаряды? Нелепость...

— Разворачивай пушки, ребята, приказал он. — Будем оборудовать позиции здесь.

Солдаты принялись за дело.

Между тем с той стороны, куда ушли бросившие их танки, звуки боя приближались. И вскоре они увидели, как по гребням далеких холмов, обтекая их взвод справа и слева, движутся танки и едва различимые фигурки мотоциклистов. Отдаленный рокот их моторов прерывался четкими хлопками оружейных выстрелов. Это были немцы. Солдаты молча следили за ними, бессильные что-либо предпринять: враг двигался вне досягаемости огня их пушек.

Когда вражеские танки исчезли в желтизне дальних лесов, унося с собой в тыл стихающие раскаты боя, Максимов послал одного за другим двух связных — за лошадьми и указаниями. Лишь один из них вернулся уже в сумерках, через несколько часов томительного ожидания. Он доложил, что лошади убиты, Каменка захвачена противником, а командиров не нашел.

Тогда по приказанию Максимова взвод снял с орудий замки, приборы, оттащил пушки и ящики со снарядами в лес, замаскировав их в кустах, и лесными дорогами двинулся туда, где могли быть теперь свои.

...Они нашли их глубокой ночью. Но лошадей, которых просил Максимов, им не дали. Комиссар дивизии приказал ему накормить солдат и влиться со своим взводом в организованную им оборону.

Все утро они отражали атаки немцев. Ряды дивизии поредели. Но тому малому, что осталось от нее за эти сутки, удалось вгрызться в землю и устоять до подхода подкрепления.

Через день Максимов добыл лошадей и лесами из немецкого тыла притащил свои пушки. А еще через день он был отозван с передовой и допрошен военным следователем...

Прошло много, слишком много лет... И вот он сидит, рассказывает мне свою историю: седой, спокойный, еще крепкий человек с тихим голосом и хорошим простым лицом.

Дав мне ознакомиться с рекомендательной запиской от знакомого прокурора, он интересуется, приходилось ли мне заниматься делами, связанными с военной службой.

— В отдельных случаях, — отвечаю я.

— У меня как раз отдельный, — говорит Максимов без улыбки. — Некоторое время он рассматривает свои руки, лежащие на потертном портфеле, затем продолжает: — Осенью сорок первого года я был приговорен трибуналом к высшей мере. За трусость и невыполнение приказа. Да, — он бросает на меня взгляд. — Но, как видите, жив. Заменяли и позволили воевать. Можете ли вы помочь мне обжаловать приговор?

— А дело сохранилось?

— Нет. Но удалось разыскать копии приговора и определения о замене.

Он достает бумаги из портфеля.

Короткий приговор на одном листе, вернее, на одной странице, так как весь он уместился с одной стороны листа. В нем говорится, что младший лейтенант Максимов, получив 25 октября 1941 года в 7:00 приказание выдвинуться с двумя противотанковыми орудиями к хутору Н. и отражать атаки противника, занял указанную ему позицию. Однако в 15:00, ошибочно считая себя обойденным противником по флангам, приказал взводу вынуть замки, снять прицелы, после чего отступил в тыл наших войск в с. Каменку. Орудия бросил на огневой позиции. Признавая Максимова виновным в невыполнении по трусости боевого приказа, трибунал лишил его офицерского звания и приговорил к расстрелу. «Приговор окончательный и обжалованию не подлежит». Ссылки на свидетелей и вообще на доказательства в тексте нет.

— А как было на самом деле? — спрашиваю я.

Он рассказывает.

... В землянку трибунала Максимов пришел сам. Был уже почти вечер, несло мелким снежком. Вышел оттуда минут через двадцать на негнущихся ногах — и вокруг уже не было ничего: ни времени дня, ни хмурого неба, ни таявших

на лице снежинок, ни темных, шевелящихся на ветру елей, ни самого ветра.

Вокруг — сверху, снизу и внутри — была только смерть, одна только позорная смерть, предстоявшая ему.

Он упал. Его подняли и отвели в другую землянку, где не было никого. У входа стал часовой. Там он в каком-то оцепенении, без мыслей, не чувствуя холода, просидел ночь и половину следующего дня. Ему принесли еду. Он поел. Потом пришел какой-то офицер и велел ему уходить в часть. Он не понял и продолжал сидеть, тупо глядя на склонившегося ко входу офицера.

— Вылезай, Максимов, — повторил тот. — Командующий не утвердил приговора...

Второй листок — с определением трибунала Западного фронта. Учитывая, что Военным советом фронта назначенное Максиму наказание не утверждено, — заменить осужденному расстрел лишением свободы, отсрочив исполнение до окончания военных действий, с направлением осужденного на передовые позиции.

— Так, — сказал я. — Что было дальше?

— Дальше? Дальше был штрафной батальон. Через два месяца сняли судимость, вернули звание. Потом воевал. Нормально. Вот характеристика при демобилизации.

Я взял у него пожелтевший листок с бледным текстом: «...капитану Максиму... с должности начальника штаба полка... отличался исключительной личной храбростью... три легких и два тяжелых... орденами Красного Знамени, Александра Невского, Красной Звезды...».

— Ясно. Дальше, после войны?..

— Нормально, — сказал Максимов. — Вернулся на свой завод, работал. Тоже есть характеристика.

«...Слесарем-лекальщиком высшей квалификации... бригадиром... авторитетом и уважением... зарекомендовал... награжден... неоднократно избирался...».

— Все нормально, — сказал я.

Максимов посмотрел на меня:

— Приговор не нормальный.

Я вздохнул:

— Обжаловать приговор через столько лет? Жизнь прошла!

— Он у меня и через столько лет болит. Ранения так не болят, сердце так не болит, как он.

— Зачем вам это? — спросил я. — Ведь травой поросло...

— Я тоже думал, что поросло. Вернулся, все вроде в порядке. Сегодняшние заботы были. Женился, пошли дети. Семья, быт, работа. Война, конечно, из памяти не шла, но больше ребят наших вспоминал, эпизоды всякие — всего ведь хватало. Так много лет утекло, и как-то отмечали нас, бывших фронтовиков. Потом ночью проснулся я, стал вспоминать жизнь свою в целом, войну и — споткнулся об этот приговор: за что клеймо поставили? Ведь не трусость, не подлость моя тогда была — все ведь иначе было! Плюнуть бы да забыть. Ан нет, заело... Как заноза в душе.

— А чем будем опровергать? — спросил я.

— Мне тут удалось собрать кое-что.

Я углубился в чтение его документов. Это «кое-что» оказалось могучим материалом, начисто опровергавшим приговор. Письменные свидетельства участников боя, от командира полка до сержантов и солдат, рисовали картину, резко отличную от описанной в приговоре. Каждое заканчивалось заявлением о готовности подтвердить все это при личном опросе, под каждым стояла подпись и печать, заверявшая ее подлинность.

Генерал-майор Седов, бывший в том бою просто майором, командиром полка, писал: «Днем 25 октября противник большими силами сбил нас обходом по флангам. Командиры батальонов, батарей, рот были ранены или убиты. Полк потерял до 70% личного состава. Взвод 45-мм орудий, которым командовал мл. лейтенант Максимов, оказался в полуокружении, оторванным от боевых порядков. В этих условиях командир взвода, не имея ни тяги, ни связи, при реальной угрозе пленения, принял единственно правильное решение... Никакой вины и трусости с его стороны не было. В ночь на 26 октября я был ранен и эвакуирован. Это помешало мне воспрепятствовать отдаче Максимова под суд».

Бывший начальник артиллерии капитан Петрухин... Бывший командир орудия сержант Казаков... Бывший наводчик сержант Бобров. Бывший... Бывший...

Двенадцать человек, чудом уцелевших на войне и чудом разысканных Максимовым через столько лет, свидетельствовали его невиновность.

Последним шел лист, на котором бывший военюрист 3-го ранга черным по белому написал, что приговор Максиму был вынесен под его председательством в основном «из профилактических соображений». И подписался. И заверил подпись в военкомате.

Видно, командующий фронтом был проницателен и человекен, если в той тягчайшей обстановке нашел время разобраться с этим мелким в масштабах фронта случаем, отказал в утверждении приговора.

Меня о чем-то спрашивали коллеги, звонили телефоны — я ничего не слышал. Ветер лютой осени сорок первого долетел до меня из далекой юности, с запахом гари, воем снарядов и криками сверстников моих, polegших на полях Подмоковья, но остановивших врага...

Как же он разыскал их, этот нестигаемый Максимов, оставшихся в живых участников того боя, разбросанных жизнью и годами по стране? Где разыскал их? Вот адреса на заявлениях: Чита, Иркутск, Уфа, Рига, Краснодар, Кутаиси, Полтава, Москва, Москва...

Сколько же лет искал их? Взглянем на даты у подписей... Итого... восемь лет. Восемь лет Максимов ездил по стране, восемь лет отдавал свой отпуск этим розыскам и поездкам.

Я внимательно посмотрел на него. Нет, очищать биографию для карьеры ему не требовалось — не тот возраст. Да он и сделал свою рабочую карьеру. Правдоискательство? Думаю, нет. Чувство чести, гражданская гордость, которыми он обладал в полной мере, — вот что было у него ущемлено. Об этом пятне, наверное, и знать никто не знал из окружавших его людей, но ему оно не давало покоя. И жизни не хватило, чтобы эта невидимая рана затянулась, чтобы забыть и смириться.

— Ладно, — сказал я, — попробуем. Материал необычный и интересный, может привлечь внимание. Хотя надежда на успех невелика. Оставьте мне.

Я засел за воинские уставы тех лет, за комментарии к ним. Собранные Максимовым свидетельства участников

боя доказывали, что он невиновен по существу, с точки зрения здравого смысла. Но этого было мало. Для обжалования приговора необходимо было убедиться, что он невиновен также и по букве закона. Статья, по которой был осужден Максимов, предусматривала кару за «самовольное отступление начальника от данных для боя распоряжений вопреки военным правилам». Оговорка — «вопреки военным правилам» — позволяла предполагать, что в изменившейся обстановке, в известных условиях отступление командира от требований приказа, проявление личной инициативы считались допустимыми. Нужно было проверить это предположение, разобраться с «военными правилами».

Возникла мысль познакомиться с боевыми сводками тех грозных лет. Такие сводки публиковали некоторые наши газеты и в различные годовщины войны. Поднял в библиотеке подшивки и в «Вечерней Москве» за 25 октября 1966 года под рубрикой «Шел 1941-й. День за днем» читаю сводку Совинформбюро: «В течение 25 октября... на Малооярославецком направлении немецко-фашистские войска, потеснив части 43-й армии, захватили Каменку». Ту самую Каменку, куда, по утверждению трибунала, вечером 25 октября трусливо сбежал Максимов в тыл наших войск!..

Собрав все воедино, я понял, что разработка для обжалования приговора получается убедительная.

Когда настало время согласовать с Максимовым текст жалобы, я послал ему открытку. Он не откликнулся. Не ответил он и на второе письмо. «Не может быть, — подумал я, — чтобы, затратив столько сил, проявив такую настойчивость, он просто махнул на все рукой и бросил материалы у меня...»

Пришлось узнавать телефон завода.

— Нет больше нашего Максимова, — сказали мне там, — третий инфаркт.

И тогда я составил и отправил жалобу на имя Главного военного прокурора, умолчав о смерти Максимова. Не часто удовлетворяются адвокатские жалобы, но эта — была удовлетворена. Мир душе твоей, Максимов!.. Но разве в этом дело? Я ведь пишу здесь не о правосудии.

Вдруг некто с очарованным лицом
Мелькнет, спеша на дальнее мерцанье,
И вовсе нам не кажется слепцом —
Самим себе мы кажемся слепцами...

Эти прекрасные стихи написаны Евтушенко по другому поводу, но они уместны и здесь.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Двое очень научных работников, двое привычных алкоголиков, покрали из Центрального Государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА) кое-какие документы, чтоб продать и пропить. Документы в этом Архиве хранились не только древние, а всякие. Поэтому и покрали всякие — что под руку попало.

Дело в России вполне житейское, обыденное, и не стоило бы о нем писать, если бы не запало оно в память испытанным тогда трепетом от прикосновения к истории, к ее реликвиям.

Пока мать одного из ученых несунув, рассказав мне все, что знала о деле, утирала слезы, я позвонил следователю по особо важным делам полковнику Лукашеву, которого знал и ранее:

— Павел Васильевич, а что там покрали в Архиве?

— В Архиве-то? В Архиве много чего покрали. Ну, например, Российско-шведский мирный договор, если вам так уж интересно...

— Это какой же договор? Царя Петра, что ли?

— Нет, не царя Петра, а до него — Тявзинский мир, был такой.

— Что, подлинник?

— Подлинник.

— Павел Васильевич, — помолчав, спросил я, — а что, Акт о капитуляции гитлеровской Германии на месте еще? А то, знаете...

— Ну, вы меня не пугайте, — сказал Лукашев.

Когда я через пару дней явился в кабинет Лукашева в следственном управлении МВД и передал ему свой адво-

катский ордер, то первым делом спросил, нашли ли украденный мирный договор. Лукашев ответил:

— Договор не искали, он сам нашелся. С него все и пошло. Если б не он, так и об остальном ничего не узнали бы.

— А где он сейчас, договор?

— Пожалуйста вам, — сказал Лукашев и достал из своего сейфа картонную коробку из-под ботинок «Скороход», которую не слишком уважительно бросил на стол передо мной. При этом в коробке что-то глухо звякнуло. Я снял крышку и достал из коробки толстый, сложенный пополам пергамент грязновато-желтого цвета. На нижнем краю его были закреплены два или три утративших цвет толстых шелковых двойных шнура, скрепленных ниже листа круглыми медными футлярами, в которых с трудом различались остатки сургучных оттисков, некогда бывших гербовыми печатями.

Я принялся рассматривать пергамент. Весь он был густо-густо исписан аккуратнейшим рукописным готическим шрифтом. Каждый абзац начинался с художественно исполненной прописной буквы. Внизу стояли готические же подписи. И — ни одного русского слова.

— А из чего следует, что это русско-шведский договор? Русского текста здесь не видно никакого. Печати все, насколько я понимаю, личные дворянские, а не государственные. У вас хоть перевод есть?

— Есть, есть перевод. Я тоже поначалу усомнился, — сказал Лукашев, — но пригласил специалиста, и теперь я очень образованный человек. Оказывается, в те времена межгосударственные сделки заключались не так, как нынче. Государи, если не вели переговоры сами, посылали на них своих послов. Те обменивались верительными грамотами с государственной печатью, а договор оформляли обменом взаимных обязательств. У вас в руках — обязательства, принятые на себя шведской стороной и подписанные ее послами. Российский текст был передан шведам и должен быть у них в Стокгольме. Должен быть. Но по секрету скажу, что там его нет. Не то утерян, не то и у них сперли. А бумага важная, — заметил Лукашев. — Вы увидите по переводу, это — Тявзинский мир 1595 года. Первый документ, по которому Россия получила законное право на владение Прибалтикой и Нарвой, и Ка-

релией, и Кольским полуостровом. Там даже судьба Ливонского орденового замка в Вильянди обозначена. Не бывали в Вильянди?

— Бывал. Замок до сих пор могучий. А вот вы сказали, что договор сам нашелся. Как понимать?

— А понимать так, — пояснил Лукашев. — Наши ученые деятели, стянув пергамент, прямоком понесли его на Птичий рынок — продавать. Стали предлагать тем, кто в очках. И по редкой случайности там же на Птичьем оказался один профессор, спец по Средним векам. Пришел сиамского кота купить. Любитель. В очках. Наши ему свой товар показали. Он стал смотреть. Язык ему непонятен, но рукопись явно старинная и ценная. Проявил интерес. Отдали ему за 250 рэ. Принес домой и полгода не трогал. А потом решил заняться переводом и ахнул. Глазам не поверил. Пошел в Центральный архив и заказал этот «Тявзинский мир». Долго не приносили, а потом принесли копию. Он говорит: нужен подлинник. Тут ему признались — нет подлинника, пропал. Он им вынимает из портфеля и — шмяк на стол: вот, говорит, ваш подлинник! Что у вас тут делается? Тут кинулись проверять, что еще пропало, стали звонить в милицию... А то бы еще долго все шито-крыто было!

Я с почтением смотрел на драгоценный манускрипт, а потом заглянул на его чистую оборотную сторону. И вот тут, в нижнем правом углу, впервые обнаружил странную надпись, похожую по начертанию букв на русскую, но непонятную и выглядывшую как затейливая вязь. Довольно долго я рассматривал эту странную вязь так и этак, пока вдруг не понял, что передо мной нечто, написанное древней церковной кириллицей. И я, с трудом разбирая непривычное письмо, замирая, прочитал весть из дали времен: «Иван сын Артемов князь Туренин грамоту свейску принял». Это криво написал, видимо, дьяк, потому что вместо подписи стояли три креста: князь Иван был неграмотен... Я с сожалением вернул Лукашеву пергамент.

— А что еще в активе? Вернее, в этом сейфе?

— Что еще? Вот письма Наполеона к Жозефине имеются.

— Так уж и Наполеона, — не поверил я.

— Так уж. Из шести украденных одно найти не удалось. Его купил член-корр. Академии наук Н. — и через полгода трагически погиб. Зато письмо это выплыло на аукционе Сотби в Вене и ушло за сто пятьдесят тысяч долларов. Такие вот цены. А остальные пять — здесь, в сейфе. Одно могу дать подержать, если хотите...

— Еще бы, — сказал я. — Дурак откажется!

И вот у меня в руках (у меня! в руках!) письмо Наполеона к Жозефине. Зеленый листок с типографским штемпелем вверху слева: «Командующий Итальянской армией Французской Республики». На это моих познаний во французском хватило. Дата. Ага, время Директории. Размашистый неровный почерк — «Дорогой друг!». Шер ами — это мы тоже знаем. А дальше — так же нервно и размашисто, поблекшими чернилами, на две страницы текст, и в конце, с легким наклоном, на всю строку, сильно: «Буонапарте». Его письмо Жозефине Богарне. Супруге, но еще не императрице. С ума сойти! Он писал ей тогда, из итальянского похода, почти каждый день и отправлял с курьерами. Еще никто, кроме него самого, не знал в те дни о предстоявшем ему великом будущем. Но он уже знал, и нетерпение отразилось в его стремительном почерке...

— А как частные письма Наполеона могли попасть в российский архив? — спросил я, возвращая вещдок Лукашеву.

— С коллекцией Савари попали.

И он кое-что рассказал сам, а кое-что я потом прочитал в деле.

Герцогиня Савари, жена наполеоновского генерала, министра полиции, входившего в могущественное близкое окружение императора и возведенного им в герцогское достоинство, собрала за свою долгую жизнь уникальную коллекцию автографов, писем, документов, исполненных рукой выдающихся деятелей эпохи. Одержимая своей страстью, она широко использовала для пополнения коллекции особые возможности мужа и свое положение в высшем свете. В ее собрании была переписка членов Конвента, деловые и личные записки маршалов, письма Талейрана, Меттерниха, титулованных и коронованных особ. Наследники продолжили ее дело. Уже к концу XIX века коллекция Савари по сво-

ей исторической и материальной ценности далеко вышла за рамки частного собрания и достигла иного качественного уровня. Она была выкуплена государством и хранилась в государственном архиве.

Когда немцы вошли в Париж, ведомство Розенберга вывезло в Германию и коллекцию Савари. Оттуда она после войны переместилась в Россию. С тех пор десятки аккуратных тючков из плотного синего картона неподвижно покоились на стеллажах ЦГАДА. Опись отсутствовала. Было известно лишь, что в тючках содержится столько-то десятков тысяч единиц хранения.

В показаниях директрисы ЦГАДА по делу я прочитал, как она на протяжении многих лет взывала к власти предрезающим о выделении архиву двух штатных единиц младших научных сотрудников с окладом по 120 руб., — чтобы вскрыть тючки и хотя бы описать их содержимое... Но голос ее не был услышан. Тючки впервые потревожили только наши научные алкоголики, которые торопливо вытащили из них несколько листов, оказавшихся письмами Наполеона.

В отличие от Тявзинского пергамента, продавать письма на Птичьем рынке было заведомо бессмысленно: не товар... Попытки реализовать письма людям, которые могли разобратся, что сие есть, встречались без энтузиазма. У потенциальных покупателей начинали бегать глаза и дрожать руки. Поэтому с трудом продали за совсем недорого два письма двум советским академикам. Одно, как сказано выше, ушло потом за подлинную цену на Запад, второе вынужденно вернуло следователям несколько смущенное научное светило. Дело о покупке заведомо краденого возбуждать не стали. Четыре остальных обнаружили при обыске у воров.

— Нашли почти все, — резюмировал Лукашев. — Остались интересные технические вопросы. Например, как они умудрились вынести мимо постового милиционера банкирские книги Бременской ганзы и средневековые рукописные Евангелия? И то и другое примерно метр на полтора размером и совершенно неподъемного веса... Уму непостижимо!

— А что они сами говорят? — спросил я.

— Говорят, что им подкинули...

Из запомнившегося мне по этому необычному делу упомяну еще экспертизу. Как и по любому делу о хищении, следствию необходимо было указать в обвинении стоимость похищенного: от нее зависела и квалификация преступления. Было очевидно, что украденное стоит очень дорого, но сколько именно — могли определить только специалисты. Поэтому была назначена оценочная экспертиза в составе виднейших специалистов по древним рукописям. Именно они имели опыт оценки редких и редчайших документов при покупке их для государственных музеев и потому обладали компетенцией в этом деликатном деле.

Из акта экспертизы, который я читал с любопытством, было видно, что определение подлинности и оценка почти всего украденного трудностей у экспертов не вызвали. Чесать в затылках они начали, лишь дойдя до Тявзинского мира. Однако, поразмыслив, они вышли из положения, на мой взгляд, достаточно достойно и не без доли юмора. В акте по этому объекту было указано, что межгосударственные мирные договоры, как правило, предметами коллекционирования не являются... Вследствие чего эксперты лишены возможности определить рыночную цену Российско-шведского мирного договора как коллекционного товара. Договор оценивается поэтому не как таковой, а исходя из товарной стоимости аналогичных по возрасту и сохранности старинных пергаментов. В результате Тявзинский мир оценили в 28 тыс. руб. Эта сумма и была вменена обвиняемым за его кражу.

Это все. Ни о процессе, ни о его героях вспоминать нечего и скучно. И то и другое было вполне ординарным. Не было излишне суровым и наказание. Человек, теряющий себя на почве запоя, вызывает даже сочувствие... Написал лишь о том, чем памятно осталось дело: прикосновением.

ПОДКОП ПОД ЖУРНАЛ «ДОН»

Происходило это, надо полагать, во времена Брежнева. Дело было так. Есть у меня друг, надежный и проверенный настолько, что с ним можно идти спокойно не только в разведку, но даже и в контрразведку. Можно, но вряд ли это сделаю, поскольку по дороге мы непременно с ним разругаемся.

Зовут его Юрий Корякин. Он тоже, как и его весьма известный тезка, профессор и доктор наук, но не филолог, как тот, а физик-атомщик, и всю жизнь занят этим делом в особо важном институте.

Характер — мерзкий, но он мне дорог не только поэтому. И связывает нас уже десятки лет не только взаимная перебранка, но и множество совместных приключений, в том числе и вполне безобразных, достойных отдельного повествования.

Итак, однажды он обратился ко мне с просьбой дать ему аудиенцию. Я дал. Оказалось, что на сей раз я требуюсь ему как адвокат:

— Прошлой осенью, — говорит он мне, — имел я глупость подписаться на ростовский журнал «Дон». Ключнул на него потому, что в их рекламном проспекте было обещано напечатать не изданную ранее у нас повесть Агаты Кристи и, главное, вторую часть повести Шолохова «Они сражались за Родину». Это ж надо, думаю, все-таки написал, лауреат наш Нобелевский... Полгода уже получаю журнал — ни хрена! Сейчас пришел июньский номер, там — план публикаций на второе полугодие. И опять — ни Агаты, ни Шолохова! Чистый обман! Надо их карать за такие штуки — и сурово. Хочу вчинить им иск: отказываюсь от подписки и требую вернуть плату за полгода.

— Это сколько же будет? — спросил я.

— Шесть рублей сорок копеек.

— А не боишься, что психом сочтут?

— Плевать! Зато шороху дам. Тебя приглашаю адвокатом на общественных началах.

— На общественных — это мы, адвокаты, любим...

Тут я уселся за машинку и отстучал от имени Корякина Ю.И. иск к редакции журнала «Дон» на указанную выше сумму. Иск был адресован в Ростов, по месту нахождения ответчика. В приличной форме в нем сообщалось все, что истец думает о журнале. Прилагались подписная квитанция и обманный проспект.

— А теперь вали отсюда, — сказал я профессору. — Не забудь наклеить марку госпошлины и отправляй заказ-

ным. Потом сиди тихо и жди повестку. Я в Ростов по этому делу не поеду, а ты — как хочешь.

— Подумаю, — ответил Корякин и пошел себе.

Месяца два не прошло — объявляется снова.

— Слушай, — говорит, — тут такое дело. Повестку я точно получил. Но не в Ростов, а наоборот, в Москву, в Ленинградский нарсуд. Приглашают на собеседование.

— Это в корне меняет ситуацию, хотя и странно: с чего бы оно вернулось в Москву?

Бросаю все, едем с Корякиным в суд на улицу Куусинена. Получаю в канцелярии папку с производством, садимся читать.

— Я не знаю, что там и как, — говорит Корякин, — но вижу, что за какие-нибудь тридцать копеек моей госпошлины тут уже накрутилось вон сколько бумаг всяких важных, да с гербами, штемпелями, и целая солидная подшивка образовалась... Прелесть! Я уже очень доволен!

Начинаем смотреть. Оказывается, судья в Ростове учуял какой-то подвох, какой-то неприятный запах, идущий от этого странного иска, и постарался избавиться от него. Нужно отметить, что сделал он это грамотно и, можно сказать, изящно. Он привлек в качестве соответчика агентство «Союзпечать», принимавшее подписку, и под этим соусом отправил дело в Москву, по месту нахождения «Союзпечати».

Однако до этого изящного паса судья успел отправить журналу «Дон» копию корякинского иска и получить оттуда пространное объяснение. На трех страницах убористого текста ответственный секретарь редакции, не признавая иска, подробно объяснял причины, по которым журнал не смог полностью выполнить обещанный подписчикам план. При этом подчеркивалось, что, несмотря на возникшие сложности, редакция произвела равноценные замены объявленных в плане произведений. Так что все как бы в ажуре.

— Ну все! — сказал я Корякину, прочитав ответ редакции. — Они сами устроили себе ловушку. Перед нами открываются столь заманчивые перспективы, что дух захватывает. Если, конечно, нас вовремя не остановят...

Он понял меня с полуслова, как обычно, и мы вернулись ко мне домой для продолжения творческого сотрудничества.

Упиваясь процессом, как репинский писарь на картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», мы сочинили на имя суда «Ходатайство», которое не только было направлено на более полное исследование обстоятельств дела, но и выражало наше гражданское, советское отношение к происходящему.

Бумага состояла из двух разделов. В первом из них мы бичевали попытку редакции «Дона» протащить в нашу советскую действительность порочные методы ложной рекламы, присущие растленному буржуазному миру. Здесь же отмечалась особая опасность подобной тактики обмана для психологически не подготовленного к ней, привыкшего к чистоте и порядочности советской сферы оборота нашего потребителя. Раздел завершался выводом о необходимости уже по одному этому сурово осудить, дать должный отпор чуждой методике рекламы, примененной ответчиком, жертвой которой пал Корякин.

Во втором разделе мы привлекали внимание суда к тому, что редакция так и не указала в своем ответе, какие из опубликованных или предназначенных к публикации произведений она считает равноценной заменой объявленных в рекламе. В связи с этим мы обращались с просьбой направить журналу запрос: что именно они имели в виду как равноценную замену второй части повести М. Шолохова «Они сражались за Родину»? Тайный замысел, вынашиваемый нами, состоял в том, что, если бы суд согласился направить такой запрос редакции журнала, а та имела бы неосторожность ответить на него, ответ этот становился мощным оружием для сталкивания лбами глубоко реакционного к этому времени Шолохова с глубоко подшефным ему журналом...

Двойное «если» делало, правда, эту затею малореальной, но почва для нее была и пища для потехи — тоже.

Сочинив и отпечатав «Ходатайство», мы стали ждать слушания дела.

За это время мой друг не удержался и показал бумагу своему шефу, академику Долежалю, умолчав на всякий случай о своем соавторстве. Дважды Герой высоко оценил нашу работу. Он восхищенно сказал:

— Ну, это махровая демагогия! Ничего не скажешь!

В назначенный нам день мы, отложив все свои дела, при галстуках явились в Ленинградский нарсуд для участия в процессе. Журнал «Дон» представлен не был. «Союзпечатъ» — была. Наличие адвоката в столь незначительном деле настораживало судью Мантрову, и потому она дала Корякину полную возможность пространно изложить свои претензии и свою гражданскую позицию в затеянном им деле. Говорил он с большим чувством и постепенно входя в раж, что ему вообще свойственно. Он взывал и обличал, метал громы и прочее. Причесал его в этом порыве один из заседателей, пожилой рабочий с виду, прервавший корякинские тирады вопросом:

— Гражданин истец, я извиняюсь конечно, сколько вы в месяц получаете?

Корякин в это время был не только профессором и начотдела в своем институте, но еще и советником чего-то и замом главного редактора в некоем издании. Получал он немало, министерский оклад по тем временам.

— Ну, всего получаю девятьсот с чем-то. Ну и что?

— А то, что чего ж вы из-за шести рублей судитесь?

— А что, шесть рублей — на дороге валяются? — нагло заявил истец.

— Ну да, оно конечно, — успокоился заседатель, поняв, с кем дело имеет.

После этого со своим коронным ходатайством выступил я, подстроившись под вопрос заседателя и разъясняя не денежную, а принципиальную важность борьбы с ложной рекламой для всех нас. Мне удалось даже вызвать сочувствие к своим доводам, второй заседатель явно начал кивать, соглашаясь с голосом разума в моем лице...

Для обсуждения ходатайства суд удалился на совещание. Оно, как я понял, проходило в расширенном составе: из-за двери доносились обрывки телефонного разговора судьи с куратором из Мосгорсуда. Мантровой, видимо, не советовали усложнять странное дело...

В результате было объявлено, что ходатайство наше отклоняется. Тут же был объявлен перерыв, и меня пригласили к судье. Она сказала:

— Мы не можем взыскать эти шесть рублей. В рекламе ведь говорилось, что «редакция предполагает опубликовать», а не «обязуется опубликовать». Так ведь? Но остаются кассационные поводы, я это понимаю. Что бы могло помочь нам мирно завершить дело и обойтись без обжалования?

Я не огорчился, шансы на победу были заведомо невелики. И потому предложил:

— Частное определение в адрес «Дона» за недопустимый в советских условиях обман подписчиков нас бы устроило...

— Это мы вам сделаем, — сказала судья.

Тем и закончилось дело.

Довольные и веселые, мы с Корякиным выкатились на улицу Куусинена и пошли выпить по чашке кофе с коньяком в кафе неподалеку.

Вся эта не слишком значительная история подкупа, как оказалось, стала известна в юридических кругах. В коридоре Верховного суда меня остановили и поинтересовались:

— А что это у вас за дело такое было с журналом «Дон»?

Через год я узнал, что один из адвокатов в лицах и с деталями повествовал, как он имел удовольствие вести известное дело с журналом «Дон». Я не разозлился. Наоборот, я был польщен, что наша немудреная затея уплывает в устный фольклор...

Что касается друга моего Корякина, то он до сих пор, если его попросят, достает из домашних глубин истертые на сгибах до дыр листки с «Ходатайством» и потчует им гостей на десерт.

САМОЛЕТНОЕ ДЕЛО

В декабре 1970 года состоялся судебный процесс, вошедший в анналы правосудия как «Ленинградское самолетное дело». Оно привлекло внимание мировой общественности и широко освещалось в зарубежной прессе. С заявлениями о нем выступили премьер-министры Израиля и Великобритании.

Мне довелось быть одним из адвокатов по этому делу — защищать в нем Иосифа Менделевича. В те годы я принадлежал к небольшому кругу российских адвокатов, принимавших на себя защиту по делам диссидентов, противников режима,

и был достаточно известен в этом качестве. Среди проведенных мною было и дело рижского студента Ильи Рипса, пытавшегося самосожжением на центральной площади в Риге, на постаменте известного памятника Свободы, выразить протест против ввода советских войск в Чехословакию. Рижанин — отец Менделевича — по этой причине, возможно, и обратился ко мне с просьбой взять на себя защиту сына.

Я выехал в Ленинград и ознакомился с делом. Обстоятельства его вкратце сводились к следующему.

Группа евреев, жителей Риги и Ленинграда, одержимых желанием уехать из СССР в Израиль и потерявших надежду получить разрешение на выезд у советских властей, замыслила совершить для этой цели захват пассажирского самолета. Инициатором этой отчаянной акции был Эдуард Кузнецов. Вместе с ним организацией побега занимался М. Дымшиц, уволенный по национальному признаку военный летчик, бесплодно по той же причине в течение нескольких лет пытавшийся найти работу по профессии. Религиозным лидером группы и составителем «Обращения» к западной общественности с объяснением причин и мотивов акции являлся И. Менделевич. В группу входили 16 человек, в том числе и несколько русских.

Первоначально обсуждался план захвата большого пассажирского лайнера. Однако смущала возможная негативная реакция мирового сообщества на опасность, которой подвергались бы при этом пассажиры самолета. Поэтому руководители группы по туристическим каналам запросили близкие к правительству Израиля круги мнение по этому поводу. Ответ последовал быстрый и резко отрицательный.

Тогда Кузнецов и его группа остановились на плане захвата малого самолета АН-2 местной линии, все до единого места в котором должны быть куплены и заняты участниками побега. Операция поэтому условно именовалась «Свадьба».

Она планировалась в расчете на минимальное насилие над экипажем. После вылета из Ленинграда и посадки самолета в районном городке Приозерске экипаж (два пилота) должен был быть силой или с применением резиновой дубинки отстранен от штурвала, связан и выгружен на безлюдное поле аэродрома. Во избежание простуды летчики оставлялись ле-

жать в спальнях мешках, которые входили поэтому в оснащение группы. После этого управление самолетом принимал на себя Дымшиц. Самолет взлетал, пересекал на малой высоте близкую в этих местах границу и направлялся в Швецию. Весь риск, таким образом, ложился только на участников группы.

Впоследствии советская печать («Правда» и «Известия» от 1 января 1971 года), а также ТАСС приписывали участникам «Свадьбы» намерение убить пилотов. При этом пренебрегли даже тем, что умысел такого рода не вменялся обвиняемым, что, естественно, не преминуло бы сделать следствие. Лидер компартии США Гэсс Холл сообщал в журнале «Новое время», что участники группы являлись агентами ЦРУ и действовали по плану последнего. Как лицо, знакомое с материалами дела, свидетельствую, что и то и другое — вымысел, цель которого в пояснениях не нуждается.

Думается, что операция «Свадьба» изначально была обречена на провал. Степень ее конспиративности напоминала одесский анекдот о шпионе, «который живет этажом выше». Насколько я помню, в деле были сведения о том, что подбор желающих в Риге производился путем опроса публики на бульваре... В Ленинграде дети улетающих прощались с одноклассниками в школе. Разоблачение было почти неминуемо. Но иступленное желание бежать владело всеми настолько, что даже при ничтожных шансах на успех подготовка покушения продолжалась. Даже после того, как уже 15 июня по пути в аэропорт в электричке была замечена явная слежка...

Всех взяли при посадке у трапа. Чекисты обставили все как впечатляющий спектакль. Задержание безоружной группы производилось с применением войсковых частей и собак-овчарок.

Следственными органами участники «Свадьбы» обвинялись в покушении на измену Родине (попытка побега из нее), попытке особо крупного хищения государственного имущества (угон самолета) и в антисоветской агитации («Обращение» с протестом против политического антисемитизма).

Изучив дело, я пришел к выводу, что в нем нет, в первую очередь, признаков наиболее тяжкого из обвинений — изме-

ны Родине. Обвинение это было абсурдным не только из-за отсутствия указанных в законе признаков этого состава, но и потому, что у Менделевича, например, измена усматривалась в самом намерении покинуть Россию. Между тем он дважды с 1968 года обращался к властям с заявлением о разрешении на выезд, то есть — по логике обвинения — дважды официально уведомлял Родину о намерении изменить ей. Не было и состава хищения, так как самолет не собирались присваивать.

Перед процессом все защитники были собраны, и председатель ленинградской коллегии адвокатов Соколов сообщил нам о рекомендации «директивных органов» — не оспаривать обвинение в измене. Поскольку клиенты наши виновными в измене себя не признавали, рекомендация эта была равносильна предложению о предательстве интересов подзащитных. Оба московских адвоката (Ю. Сарри и я) пренебрегли поэтому рекомендацией ленинградского начальства и занимали в процессе пристойную позицию. Местные же коллеги были вынуждены подчиниться. Один из них, защитник Бодни, до такой степени проникся спущенной установкой, что даже после отказа прокурора в процессе от обвинения его клиента в изменнических намерениях (Бодни пытался выехать к матери) растерянно вопрошал нас, как ему теперь быть, можно ли соглашаться с прокурором или возражать ему и признавать измену... Не осмелюсь осуждать их — у них были семьи...

Процесс продолжался с 15 по 24 декабря 1970 года. Он происходил в старинном особняке на Фонтанке, где размещался Ленинградский городской суд. Первый заслон милицейского оцепления был расположен в ста метрах от здания, второй и третий — внутри него. Пускали по особым пропускам, выдававшимся райкомами партии.

Огромный зал суда, мрачный и плохо освещенный, был заполнен тщательно отобранной публикой. Безмолвно и отчужденно сидели родные подсудимых. Их сумки и портфели были проверены на предмет наличия звукозаписывающих приборов. Несмотря на это, весь процесс был ими записан на пленку, и фрагменты его позже передавались радиостанцией Иерусалима.

Состав суда возглавлял лично председатель городского суда Ермаков. Обвинение поддерживал прокурор города, плохо знавший дело, и его помощница Катукова, дело знавшая досконально.

Судья Ермаков — по отзывам, человек порядочный и спокойный — в процессе вел себя пассивно, не вмешивался в допросы и, видимо, тяготился своей ролью в спектакле, сценарий и исход которого были определены не в этих стенах, и даже не в Ленинграде.

Прокурор любовался собой.

Мужественно держались подсудимые, и это производило впечатление даже на такую специфическую аудиторию: дыхания ненависти из зала не ощущалось.

У меня не сохранились записи хода процесса, почти все они — как это тогда было принято по спецделам — отбирались у защитников и оставлялись в секретной части суда. Поэтому лишь по памяти могу воспроизвести несколько запомнившихся сцен.

Запомнился допрос жены Дымшица, русской женщины, с двумя детьми последовавшей за мужем. В ее показаниях на следствии прокурор обнаружил место, где она якобы сетовала на жесткий, деспотический характер мужа в семье. Прокурор попытался извлечь из этого нечто полезное для обвинения и потому спросил у нее, как она может охарактеризовать отношение мужа к ней и детям. И женщина поняла смысл и цель вопроса. Она тихо ответила:

— Я прожила с моим мужем почти двадцать лет. И все эти годы была с ним настолько счастлива, что знала — это добром не кончится...

После ее ответа мне захотелось встать перед нею и низко поклониться.

При допросе пилота, подлежащего «выгрузке» в Приозерске, прокурор, подумав, спросил его:

— Скажите, свидетель, вам понравилось бы, если бы вас ударили резиновой дубинкой по голове?

Пилот оторопело воззрился на прокурора, затем сказал:

— А вам?

Все удовлетворенно заерзали. Прокурор сказал, что вопросов больше не имеет.

24 декабря был оглашен приговор. Кузнецов и Дымшиц были приговорены к смертной казни. Применительно к особым обстоятельствам дела — полному отсутствию каких-либо последствий, гуманной продуманности неосуществленного насилия над пилотами и т. д. — наказание это выглядело как чудовищная жестокость. Остальные подсудимые были приговорены к многолетнему — от 10 до 15 лет — заключению. Лишь Бодня, рвавшийся, как сказано выше, к матери, получил 5 лет. Менделевич был приговорен к 15 годам.

Обсудив с ним и его родными наши дальнейшие шаги по обжалованию приговора, подавленный, я вернулся в гостиницу, и мы с коллегой начали готовиться к отъезду в Москву.

Однако уехать не пришлось. В 11 часов вечера раздался телефонный звонок, и судья Ермаков предложил нам срочно приехать к нему. Я возразил: у нас на руках билеты на поезд, мы на выходе.

— Билеты мы заменим, — сказал Ермаков, — не беспокойтесь. Спуститесь вниз, за вами придет машина.

Когда мы, недоумевая, вошли в кабинет судьи, все адвокаты были уже там. Ермаков сказал:

— Сообщаю вам следующее. Сегодня пятница. Дело ваше во вторник, то есть через три дня, будет слушаться в кассационном порядке Верховным судом. Поэтому завтра, в субботу и в воскресенье, для всех вас будут работать изолятор КГБ и канцелярия суда. За эти два дня вы должны успеть изучить протокол судебного заседания, подать свои замечания на него, помочь осужденным составить их жалобы, составить и отпечатать ваши и сдать их. В воскресенье вечером дело самолетом будет отправлено в Москву, а во вторник рассмотрено Верховным судом. Вопросы есть?

Вопросы были. Вся эта гонка не имела ничего общего со сроками, установленными в Уголовно-процессуальном кодексе. Впечатление было такое, что закон вообще отменен. Ко вторнику не истекал еще не только срок кассационного обжалования, но и срок подачи замечаний на протокол. Никогда ранее в советских судах не происходило что-либо подобное...

— Ни объяснить, ни понять ничего не могу сам, — сказал нам Ермаков, — но таково распоряжение оттуда... — И он поднял палец к потолку.

Все уважительно посмотрели вверх и разошлись, пожимая плечами.

В субботу и воскресенье кипела названная Ермаковым адвокатская работа. Свою жалобу на приговор я составить не успел и сообщил судье, что оставляю только предварительную, так называемую летучку. Вечером в воскресенье, мы, наконец, совершенно измотанные, смогли выехать в Москву.

Едва я на другой день утром явился с вокзала домой, раздался телефонный звонок, и наш адвокатский глава Быков сказал мне:

— Сеня, срочно позвони Смирнову. Он у себя и ждет твоего звонка (Л. Н. Смирнов был председателем Верховного суда России).

Я в очередной раз поразился:

— Сейчас восемь часов утра. Невероятно, чтобы он работал с такого часа!

— Звони, — ответил Быков, — он на месте, он в семь поднял меня.

Действительно, Лев Николаевич был у себя. Когда секретарь соединил нас, раздался характерный гулкий голос:

— Товарищ адвокат! Я знаю, вы только что прибыли. Но я лично всю ночь читал известное вам дело. В нем нет вашей жалобы. Вместо нее лежит то, что вы называете «летучкой». Поэтому вам нужно приехать сюда, и к вечеру извольте представить нормальную жалобу. На утренний чай вам дается 30 минут. Все ясно?

— Да, — сказал я, хотя ясно по-прежнему ничего не было. — И пошел ставить чайник. Потом поехал в Верховный суд и успел к концу дня написать, отпечатать и сдать свою жалобу.

Назавтра, 28 декабря, мне снова пришлось преодолевать два кордона оцепления, чтобы пройти к залу, где предстояло кассационное рассмотрение нашего дела. Там уже сидел на задней скамье академик Сахаров с тремя вразброс приколотыми звездами Героя (тогда они еще не были отобраны),

рядом — Елена Боннэр, родные осужденных, а также молодая стройная публика, занявшая все места по службе.

В коридоре мне встретился знакомый прокурор, и я спросил его, что происходит и как все это понимать. Он отвел меня в сторону и объяснил, что происходит следующее: президент США Никсон по прямому телефону позвонил Брежневу и обратился с личной просьбой — не портить американцам Рождество, заменить до Нового года смертные приговоры по делу! Брежнев, в свою очередь, попросил о том же кого надо у нас. А когда те робко заикнулись, что, дескать, до Нового года невозможно, будут нарушены законные сроки, Брежнев счел это бестактностью и даже слушать не стал. Пришлось исполнять, как велено... «Так что сейчас у вас там и будет происходить замена высшей меры по Никсону, а не по УПК», — заключил мой знакомый.

Я вернулся в зал. Теперь все было понятно. Вышла судебная коллегия во главе со Смирновым лично, чего сроду не было, и все произошло так, как и было предсказано: выступила защита, прокурорский генерал предложил, исходя из соображений социалистической гуманности, заменить смертную казнь Кузнецову и Дымшицу лишением свободы — по 15 лет каждому. А дальше произошло то, что за давностью лет может быть названо лишь воспоминанием об удаче, но не попыткой похвастаться. Когда после заключения прокурора Смирнов по регламенту спросил, нет ли дополнений у защиты, я попросил разрешения сказать пару слов. Смирнов метнул в меня колкий недовольный взгляд, но — разрешил.

— Мы верим, — сказал я, — что высокий суд согласится с мнением прокуратуры и заменит смертную казнь. Но если этим ограничиться, то возникнет необъяснимая уравниловка в наказаниях осужденных, игравших первые роли, и остальных осужденных. Поэтому следует одновременно смягчить пропорционально наказания и всем остальным...

Смирнов помолчал, подумал, потом они встали и ушли совещаться. А выйдя, объявили, что смертная казнь Кузнецову и Дымшицу заменена на 15 лет заключения и почти всем прочим осужденным наказание смягчено.

Отнюдь не было у меня уверенности, что это — реакция на мое дополнение. Но через несколько лет ушел на пенсию

член Президиума Верховного суда Гаврилин, бывший в составе судебной коллегии в тот памятный день. И как-то мой старый коллега, адвокат Мазо, сказал мне:

— Мы тут с Гаврилиным на пенсии чай распиваем, дружим, и он меня порадовал. Вот, говорит, иной раз слышишь, что адвокаты у нас бесполезны. А знаешь ли ты, в тот день Ария вовремя сказал всего ничего — и это сработало: об этом ведь никто не подумал!

Сознание принесенной пользы людям, пусть малой — что может быть отраднее для души человеческой?

Дальнейшие события, связанные для меня с «самолетным делом», не были яркими. В речи, произнесенной в Ленинграде, я затронул опасную в те годы тему о приниженном положении евреев, о политическом антисемитизме как одной из причин эмиграции. Естественно, развивать эти идеи в лоб, без маскировки, было равносильно профессиональному самоубийству. Поэтому все эти факторы в речи были отнесены к буржуазной Латвии, где вырос Менделевич. Я с глубокой горечью говорил об этой стране... Вуаль этого камуфляжа была достаточно прозрачна, и он, как выяснилось, не обманул заместителя министра юстиции, инкогнито присутствовавшего на процессе. Через месяц, в феврале, я был вызван в министерство, где начальник отдела адвокатуры по поручению своего шефа имел со мной конфиденциальную беседу о «странностях» моей речи. Поскольку, однако, повода для прямого обвинения не было, тем и ограничились.

Находясь в колонии, Менделевич имел со мной редкую переписку. Посильную юридическую помощь я оказывал не только ему, но и ряду других осужденных по этому делу, писавших мне.

Как сложилась дальнейшая судьба участников «Свадьбы», мне точно неизвестно. Знаю лишь, что все они были спустя долгие годы досрочно освобождены и им была предоставлена возможность покинуть пределы России, чем они и воспользовались.

ИЗ ПРОШЛОГО СТРАНЫ СОВЕТОВ

По Дмитровскому шоссе, километрах в пяти от Московской кольцевой дороги протянулись слева Долгие пруды, дав-

шие название и городу Долгопрудному. За прудами — старинный парк, а в нем тонет двухэтажный, весь в огромных окнах деревянный особняк. Дому этому не менее двухсот лет, и был он некогда усадьбой знатных московских дворян, чуть ли не Салтыковых.

Места эти мне издавна знакомы. В доме вольготно размещались тогда суд, прокуратура и милиция Краснополянского района, а также и юридическая консультация, где я довольно долго работал адвокатом.

Несмотря на возраст, сложенный из отборного леса дом был крепким, сухим и звонким, а в просторных залах его дышалось легко.

Осенним золотым ясным днем сидели мы с моим коллегой Юрой Ефимовым в консультации и занимались каждый своими бумагами, когда в дверь просунулся небритый мужичонка с большой плетеной корзиной, затянутой поверху марлей.

— Юрий Александрович, — обратился он к Ефимову, — к вам можно?

— А, заходите, — вяло откликнулся Ефимов. — Как у вас дела?

Мужичонка присел на край стула перед Ефимовым и под столом продвинул ему корзину:

— Это вам, Юрий Александрович, благодарность моя.

— А что это? — Ефимов приподнял край марли. Там сидел здоровенный гусь.

— Да вы что, с ума сошли! Зачем это нужно? Это не положено, — приглушенно заговорил Ефимов, оглянувшись на дверь, и стал ногой толкать корзину обратно ее хозяину. Гусь среагировал: он приподнял голову, вытянул шею и зашипел. Ефимов отдернул ногу.

— Я вас убедительно прошу: заберите это и уходите. Спасибо большое, но это лишнее! — Ефимов попытался пригнуть гуся и затянуть над ним марлю.

Этого гусь уже не стерпел. Он решительно выпростал шею из корзины во всю длину и издал боевой клич: «Га-га-га-га! Га-га-га!»

В сонной тишине присутственного места гусиные вопли из консультации разносились неудержимо, проникая во все

его концы. Можно было догадаться, что в кабинетах по всему зданию сейчас понимающе ухмыляются.

Под аккомпанемент продолжавшего орать гуся Ефимов с трудом выпроводил смущенного клиента и вернулся на свое место.

— Черт знает что! — возмущенно бросил он.

Я хохотал, хотя в те времена подобный казус — получение мзды натурой — мог повлечь для адвоката серьезную неприятность, вплоть до возбуждения дела.

После пережитого волнения мы посидели еще немного и стали собираться: посетителей не было, и время близилось к обеду.

Но тут к нам постучали, и в дверь заглянул, а затем и вошел сам районный прокурор Григорьев, что было необычным. Он был хмур.

— Ага, — догадался Ефимов, — это вы, значит, гуся услышали! Хотите нас с поличным взять!

Григорьев промолчал. Потом сказал:

— Мне сегодня не до шуток. Я к вам со своим делом зашел. За советом. Неприятность со мной стряслась. Может, посоветуете что-нибудь. Вы же все-таки профессиональные советчики. — И он рассказал нам о своей немалой беде, которая должна была перевернуть всю его жизнь.

Вчера Григорьева вызвали в райком партии, что вообще не было редкостью. Однако на месте оказалось, что не для очередной накачки, а по причине чрезвычайной. Ему и еще дюжине вызванных вместе с ним коммунистов огласили решение секретариата Центрального комитета о мерах дальнейшего развития сельскохозяйственного производства в стране.

На фоне общего процветания этого дела в отдельных колхозах наблюдались отставание и даже провалы ввиду плохого руководства и прямого головотяпства. Вследствие этого было решено провести очередную мобилизацию внутренних ресурсов партии и бросить для укрепления колхозов десять тысяч проверенных, надежных партийцев из органов управления на руководящие посты в сельском хозяйстве.

И вот как раз эти двенадцать вызванных бедолаг были удостоены высокой чести войти в число мобилизуемых. Гри-

горьев, в частности, решением бюро райкома направлялся председателем колхоза «Красная нива».

Григорьев обмер. Он пытался барахтаться и взывать к здравому смыслу:

— Я же юрист, — стонал он, — я же пшеницы от ржи отличить не могу! Как я могу работать с землей, ведь это смех один!

— У тебя есть выход, — сказали ему. — Положи партбилет на стол — и гуляй на все четыре стороны. А нет — так идите и выполняйте поручение партии, которой виднее, кого и куда.

Вышел оттуда Григорьев с отчаянием в душе, поскольку знал, кроме всего прочего, и то, что такое колхоз «Красная нива». В Бибиреве среди голого поля стояла черная от старости двухэтажная изба, в которой теплилась жизнь, — правление. А вокруг лепилась в скособоченных домишках безысходная нищета. Десяток коровьих скелетов, пара утильных тракторов и сивый мерин председателя. Колхозники лет десять не получали за трудодни ни рублями, ни натурой и работали кое-как только ради приусадебных огородов, с которых и поддерживали в себе обмен веществ...

В том же состоянии тогда находились за малым исключением все колхозы нашего района. Нашей области. Нашей великой страны.

Сегодня с утра Григорьев поехал в Бибирево, чтобы на месте убедиться в безысходности своей судьбы. Походил, посмотрел, убедился.

Потом вернулся в прокуратуру, заперся в кабинете и выстрелил себе в висок из табельного пистолета.

Нет, не выстрелил. Даже сейфа не открыл, где хранился пистолет. Хотя очень хотелось. Сел. Курил. Что делать?

Советоваться со своими не стал — неловко. Пошел к нам.

— Ну что вы мне скажете, ребята? Знаю заранее, что сказать нечего, и все же?

Григорьев посмотрел на нас. Сухопарый вообще, он за эти пару дней заметно осунулся.

Нам было жаль Григорьева. Он был неплохим мужиком, порядочным и немногословным. Старался не делать лишнего

зла людям. Мог не только выслушать, но и услышать разумные доводы. В общем, расставаться с ним было обидно. Но что мы могли ему сказать?

— Вот что, Иван Васильевич, — сказали мы ему. — Окончательно падать духом оснований нет. Бывает куда хуже. Верно ведь? Вы нас пока оставьте, мы маленько посидим. Если что надумаем — придем к вам. А если ничего не надумаем, то не взыщите. Но главное — это помните, что бывает очень даже хуже!

И мы остались одни. Стали обсуждать варианты возможного поведения Григорьева в новой роли. Поскольку реальных путей к выведению «Красной нивы» на светлый путь процветания не просматривалось никаких, мы размышляли, в частности, нельзя ли Григорьеву путем назойливой серии докладных записок и предложений довести райком до вывода, что он, Григорьев, — клинический идиот, как Швейк, и его нужно срочно убрать из колхоза...

И тут возникла мысль: а не использовать ли как-то вождя нашего, товарища Ворошилова? Как-никак эта «Красная нива» прямо с его дачей граничит. Может, Ивану попроситься к вождю как бы за советом, по-соседски?

Уж не помню, кому из нас пришла в голову эта идея, но мы признали ее интересной. Дело в том, что на Липкинском шоссе в нашем районе находилась дача маршала Ворошилова, который был тогда главой Президиума Верховного Совета СССР, то есть номинальным президентом страны. На том же шоссе невдалеке была и одна из бесчисленных дач Сталина, в которой он не бывал никогда, а Ворошилов в своей — жил постоянно. С этой нашей не очень ясной идеей мы пошли наверх к Григорьеву. Он выслушал нас и задумался. Потом сказал:

— Что-то тут есть, но надо поразмыслить. Во всяком случае, спасибо за поддержку.

И мы ушли. Дальнейшее развитие событий показывает, что может извлечь одна умная голова из консультации с адвокатами.

В тот же вечер дома Григорьев написал Ворошилову письмо такого примерно содержания:

«Дорогой Климент Ефремович!

Обращается к Вам бывший прокурор района, где находится Ваша дача, Григорьев Иван Васильевич. Прокурор я бывший по той причине, что пару дней назад по решению партийных органов брошен на укрепление колхоза “Красная нива”, назначен его председателем. Решение это правильное, так как колхоз запущенный и разоренный до предела. Нужно его поднимать и поднимать решительно. Однако ума не приложу, с какого конца за это браться, поскольку в жизни никогда сельским хозяйством не занимался, опыта такого не имею, да и средств на это в колхозе нет. Нахожусь в полном горестном недоумении.

Между тем браться за дело нужно еще и потому, что колхоз соседствует с Вашей дачей, земли его начинаются прямо за Вашим забором. Мне кажется, что не должно быть столь разваленного и позорного хозяйства непосредственно у забора Президента великой державы. Это негоже и даже неприлично. Я переживаю за это всем своим сердцем.

Зная, каким огромным партийным опытом и мудростью Вы, дорогой Климент Ефремович, обладаете, я осмеливаюсь просить Вас о встрече, чтобы по-соседски посоветоваться о путях выхода из неприглядного положения, в котором находится наш колхоз.

Буду крайне благодарен. Ваш сосед Иван Григорьев».

Письмо это характеризует Григорьева как человека не только умного, но и тонкого. Форма подачи связала его просьбу о помощи с заботой о престиже Президента, то есть зазвучали струны совсем уже другого регистра.

Написав сие, Григорьев сел на велосипед и отвез письмо на Липкинское шоссе, к воротам ворошиловской дачи. Там он вручил его вышедшему на звонок офицеру охраны.

На другой же день утром Григорьев был уведомлен, что Ворошилов К.Е. приглашает его по-соседски на чай к 16 часам. Пропуск выписан.

Как рассказывал нам потом Григорьев, маршал принял его по-домашнему, в вязаной кофте и тапочках, но в брюках с лампасами. И действительно угощал чаем с вареньем. Выслушал Григорьева внимательно и сказал, что колхозные дела, в общем, не по его части. Но он тут кое с кем посове-

туется и не исключает, что письмо будет иметь последствия. Для кого и какие, не уточнил.

Возникла пауза. Письмо с неделю шуршало где-то в заоблачных сферах. Затем в Бибирево пришла черная «Волга», и Григорьева доставили на Старую площадь, в Московский комитет партии, провели по ковровым дорожкам в высокие областные кабинеты. Имели с ним беседу, в ходе которой сообщили, что есть указание сверху укрепить колхоз помимо персоны Григорьева еще и полномасштабной всесторонней поддержкой. Во исполнение чего дается тебе, Григорьев, одна неделя на составление плана решительного и кардинального обустройства колхозного хозяйства. В помощь тебе выделяется группа видных специалистов из Тимирязевской академии, которые уже извещены и жаждут приступить к делу.

— Главное — не жмись, Иван Васильевич, и не думай ни минуты о средствах. Во-первых, у тебя их нет ни шиша, а во-вторых, это наша забота, — сказали Григорьеву.

«Ничего себе кино, — думал Григорьев на обратном пути. — Уж не сон ли все это?»

Но это был не сон. Просто где-то там, на самом верху, где посоветовался товарищ Ворошилов, было решено организовать очередную петрушку в виде строительства социализма в одной отдельно взятой деревне.

План с помощью профессуры был сверстан точно в срок. Знающие дело люди объяснили, что наиболее выгодным для колхоза делом было бы промышленное производство ранних овощей. Естественно, при собственных тепловых и энергоисточниках. Несмотря на колоссальную стоимость (плевать!), такое хозяйство рядом с потребительским рынком столицы сулило скорые и баснословные доходы.

План вознесся наверх и был одобрен. Григорьева снова доставили в дом на Старой площади. Там ему сообщили:

— В нашей демократической стране такой план заслуживает обсуждения колхозниками. Вот если они одобряют, тогда — вперед! Поэтому назначай общее собрание в колхозе. Форма одежды — повседневная, но чтоб все были опрятны, а мужики поголовно — при галстуках. Пресса будет. И будет вам сюрприз в виде важных гостей.

Приезжая бригада в чистых спецовках быстро возвела в Бибиреве трибуну с навесом, а перед нею, отступя изрядно, крепкий барьер перед площадкой для колхозной ответственности. Активом была проведена разъяснительная работа о поведении, розданы галстуки. Вывешены объявления о дате собрания с повесткой дня: обсуждение плана развития колхоза.

В назначенный день очень рано прибыли озабоченные люди в штатском, тщательно осмотрелись и рассредоточились, стояли со скучающим видом. Много позже начал подтягиваться народ — рано вставать здесь не привыкли. Часам к десяти собралось полторы сотни колхозной публики: мужики в латаных ватниках и мятых шапках, но с галстуками одинакового синего цвета (такие привезли), женщины в платках и мохеровых беретах. Стоял тихий гомон, над толпой плыл сизый табачный дымок. Народ лузгал семечки. Все заинтересованно поглядывали на трибуну, где топтались Григорьев с бригадирами. Началось томление.

Наконец к одиннадцати подкатила кавалькада спецмашин с мигалками и потрясенная публика увидела поднявшихся на трибуну живых советских вождей, которых раньше знали только по праздничным портретам. Все заулыбались, раздались аплодисменты. Никита Хрущев приветственно поднял обе руки сразу и помахал ими. С ним стояли Клим Ворошилов в бекеше, а также еще пара членов Политбюро и московское начальство. Трибуна заполнилась. Можно было начинать, и собрание объявили открытым. Вокруг сидели собаки.

Первым выступил Григорьев. Он был в несколько ошеломленном от происходящего состоянии, но, справившись с волнением, доложил план развития колхоза и предложил почтенному собранию его утвердить. В поддержку его предложения выступили глава Советского Союза Хрущев и председатель Госплана СССР Первухин, а также двое авторитетных колхозников.

Проголосовали. План, видимо, всем понравился и был принят единогласно. Против — ноль. Воздержавшихся — ноль. Это была победа. Вопросов, с чего все это будет, задано не было. Народ безмолвствовал. Народ был грамотным.

Наутро главная газета страны «Правда» посвятила собранию в «Красной ниве» полный разворот, что было невиданно. Под панорамным снимком собрания и отдельно — президиума на трибуне — излагались речи ораторов. Основная их идея состояла в том, что инициатива колхозников есть великая сила, способная еще более двинуть вперед колхозное производство и выявить его скрытые резервы. Задача поэтому состоит в том, чтобы поощрять эту инициативу и направлять ее в нужное русло. Примером служит предложенный Григорьевым план.

В течение ближайших недель на землях колхоза «Красная нива» творилось нечто невообразимое. Ревели бульдозеры, размахивали ковшами экскаваторы, сновали туда и сюда десятки огромных самосвалов. Вращались стрелы вдруг возникших башенных кранов. Прокладывались дороги и коммуникации. Возводились стены и конструкции. Над окрестностями столбами поднималась выхлопная марь. Прибывшие как по тревоге военные строители трудились аврально, создавая светлое плодоовощное будущее колхоза. Впечатление было такое, что несколько крупных московских заводов прекратили выпуск продукции и были брошены на героический штурм в Бибирево.

В рекордный срок все было кончено и сдано.

Следующей весной Григорьев выбросил в московскую торговлю первую партию ранних овощей и картофеля. Цены на них были соответствующие, но брали их нарасхват. Дело пошло. Колхозникам начали платить зарплату. Они стали работать.

В последующие два года могучее хозяйство, подаренное Григорьеву, принесло такие деньги, что колхоз начал приближаться к погашению ссуды, безнадежно ассигнованной когда-то на штурмовое строительство.

Григорьев стал депутатом Верховного Совета РСФСР. Его наградили орденом.

Однажды по дороге на работу он заехал в прокуратуру и зашел к нам.

— Ребята, — сказал он, — я живу в сумасшедшем доме. Одна радость: когда я приезжаю сейчас в МК на Старую площадь, они меня встречают внизу, у дверей и ведут наверх

только что не под руки. Так переменялась жизнь. Но надолго ли меня в этом темпе хватит!

Еще через год мы узнали, что Григорьев назначен первым секретарем Солнечногорского райкома партии. Он начал стремительный взлет, его оценили... Если бы не умер вскоре от инфаркта — мог достичь многого...

Несмотря на трагическую концовку, история эта показывает, какую пользу может извлечь умный клиент из адвокатского совета. Так что не пренебрегайте адвокатами, советуйтесь с ними.

ТЕТКА С ЭЛЬБРУСА

Зеленое, любящее нас море лениво посылает даже не волны, а так, легкий плеск, прозрачный и беспенный, на гальку пляжа, еще не успевшего раскалиться. Мы лежим, обсыхая после первого утреннего купания, и размышляем о предстоящем завтраке. Он ждет нас у дяди Арменака, на воздушях, в саду. Но до него еще нужно одолеть восемьдесят четыре ступеньки лестницы, соединяющей пляж с прилепившейся на склонах деревней Вишневкой, где мы обитаем.

Речь, однако, совсем о другом. Но как не вспомнить заодно этот изрядный ломоть безразмерного счастья, которое ведь было, было в нашей жизни и звалось молодостью.

Невдалеке от Туапсе, у самого берега моря угнездился полустанок-разъезд (где и поезд-то останавливался лишь на минуту) с черкесским названием Макапсе, а над ним нависали домики Вишневки. Там жили туземные люди, охотно дававшие странникам кров и пищу и сами неплохо кормившиеся с этого доброго дела.

Лет шесть подряд теми странниками были и мы, слетавшиеся неизменно сюда завсегдатаи, уже связанные пляжным знакомством, перераставшим подчас в дружбу, в любовь, в семейные связи или просто в московские пезвоны.

Изначально когда-то место это привлекло удачным сочетанием многих радостей, к числу которых относились и оболюбованные упоительно стройными балеринами пансионаты «Рабис-1», «Рабис-2» со всем своим игро-кино-танцполигоном, вокруг которого происходила вечерняя крутня с разви-

тием в темные аллеи. Несравненно меньший интерес представлял в этом плане санаторий Южной дороги «Ж.Д. Юга», в просторечии «Жиды юга». Однако захаживали в киношку и туда, бывало.

При всем при том главным действующим магнитом было все-таки море. И пляж при нем, на котором весь день клубились загорающие и занятые различными подвижными играми физические лица разного пола, зебровидным полосатым загаром на складчатом животе выделялись любители преферанса. Кипела морская и личная жизнь...

Но зной давил. Уже с полудня ходить по пляжу босиком было решительно невозможно. Палящее солнце немилосердно раскаляло все вокруг, оставляя человеку разумному лишь один путь к спасению — затаиться в тени, лечь плашмя, недвижно ждать дуновения ветерка, изнывать молча. Все отпускные радости плавилась от жары, и даже ночи были мучительны на влажных от пота простынях.

Надо было что-то делать с природой или с собой. Так постепенно утвердилась идея смены климатического пояса. Опыт уже был. В прошлом году при пике зноя мы дружной компанией сбежали на несколько дней в горы, в Домбай, отдышались там и насладились красотами. На сей раз было решено забраться в другое подходящее место, в Приэльбрусье, тоже известное знатокам.

Были сборы недолги. Прямо за столом у Арменака сговорились мы, семеро, включая двух условных девиц, двинуть в горы завтра же. Способ движения — на двух автомашинах марки «Запорожец» и «Москвич-407» (уже тогда среди нас имелись состоятельные люди). Была уведена из библиотеки одного из «Рабисов» туристическая карта здешних краев. Залит бензин в баки и канистры, создан ресурс колбасы—овощей—хлеба. И ранним, еще свежим рассветным утром — вперед!

Промчавшись по раздолбанным дорогам нашей великой родины и громыхая всеми сочленениями своих элегантных авто, мы к концу дня, вполне измочаленные, добрались до Нальчика, а оттуда в сумерках уже въехали в конечный пункт своего марша — поселок Терскол.

Вылезли, осмотрелись. Высота — две двести. Горы вокруг — обалденные! Приятная прохлада, что и требовалось доказать. За что, собственно, и боролись. Некоторое время вкушали, потом принялись за приискание ночлега. Таковой был обретен в бодренькой на вид, но предельно обшарпанной изнутри гостинице «Чегет».

Приняли нас очень радушно по причине явной незагруженности, сезон тут наступает осенью, со снегами. Однако радующие это не притупило нашей бдительности. В туристическом пособии откровенно говорится об особенностях отдыха в Приэльбрусье: «Известны случаи, когда залезали в гостиничные номера. Оставлять на ночь открытую дверь категорически не следует. За инвентарем тоже надо следить. Могут украсть, особенно у кафе “АЙ”...».

Чтобы «ай!» не сказать утром, двое из нас остались ночевать в машинах, на бодром холодке.

Далее в пособии сообщается: «Надо сказать, за последние годы наметились существенные сдвиги к лучшему». Возможно, возможно...

Утром встали, вышли и — захватило дыхание. Зеленые поляны, переходящие плавно в заснеженные склоны Чегета и Эльбруса, остро пахнувший прохладой воздух, парящие в голубизне орлы... За этим стоило ехать!

В паре километров от гостиницы виднелась нижняя станция фуникулера. Сели в вагончик подъемника и вознеслись с пересадкой еще на километр в небо. Здесь была станция «Мир» — и мир подлинно распахнулся перед нами. Гряды за грядой, синее друг за другом, слепя снегами, уходили вдаль цепи Кавказского хребта, Главного Кавказского. Вершины Эльбруса отсюда не были видны, они были где-то выше по склону, на котором мы находились. Но и без них панорама ошеломляла нас, не искушенных горным опытом, своим величием. Было просто холодно, снежные языки начались рядом, но мы, очарованные, не замечали этого.

Здесь было хорошо. Из этого следовало, что выше будет еще лучше. И, находясь в плену этого вечного человеческого заблуждения, я отделился от товарищей своих и стал карабкаться дальше в гору по едва видимой осыпающейся тропе. Это было непросто, подъем был крут и стоил немалых

усилий. Но я был упорен в своем стремлении и, несмотря на трудности и одышку, все лез и лез выше, пока не добрался до гигантского валуна, скатившегося сюда с вершины некогда, чтобы вечность спустя преградить мне дорогу. Я понял, для чего он был предназначен, и остановился.

Но в нем самом, в его скальном теле я углядел уступы, по которым, как по ступеням, поднялся на верхушку и уселся там в явно предназначенное для меня подобие кресла или даже трона. Имелись не только выступ для ног, но даже два огромных подлокотника, на которые можно было опереться. Усевшись там и взглянув перед собой, я увидел у своих ног маленькое отсюда, белое здание станции «Мир», а возле него — горстку мелких людишек, один из которых приветственно махал мне рукой. Это были мои товарищи.

Еще ниже виднелась россыпь игрушечных домиков с козьями автомашин возле них — поселок Терскол. Подняв взор, я увидел еще более распахнувшуюся вдаль и вширь перспективу голубоватых горных кряжей с языками вечных снегов и клочьями облаков в седловинах. И пленительное чувство своего превосходства, исключительности вдруг нахлынуло на меня. Я был здесь выше всех в обозримом блистающем мире. Мне дано было парить над оставшимися внизу, над их ничтожными заботами и суетой.

Гордыня обуяла меня, и я отдавался ей с упоением. Это было заслуженное и достойное вознесение над всеми. Грудь моя распрямилась, из глубин сознания всплыли даже полузабытые слова:

«...И будешь ты царицей мира, подруга первая моя...»

Да, я ощутил себя парящим на этом уровне! И вдруг откуда-то сзади из-за моего камня, то есть сверху, мимо меня неспешно прошла вниз какая-то тетка. В одной руке у нее была авоська с пустыми бутылками, другую оттягивала большая продуктовая сумка. Лица ее я не видел, но по грузной фигуре было заметно, что она немолода. На ней мешком висело драповое рыжее пальто, выдавшее виды, на ногах — резиновые сапоги, голова покрыта теплым серым платком. Была в тетке и в ее походке такая унылая обыденность, такая приземленность, что она мгновенно сбила с меня спесь. Очевидно, где-то там сзади, намного выше, откуда появилась тетка, у нее имелись обычная работа и обычная бытовуха...

Размышляя, откуда могла бы она спускаться, я понял, что, по-видимому, это буфетчица или сторож из заоблачного «Приюта одиннадцати», шедшая с дежурства.

Тетка сразу опошшила мое величественное сидение на камне. Отрезвление было стремительным и небезболезненным. Вознесенная было ввысь душа моя со стоном вернулась на свой обычный насест и обидчиво нахохлилась там. Я встал. Пора было растереть озябшее на холодном камне известное место, что и было сделано. Прозаически захотелось шашлыка, запах которого вознесся снизу. Скользя на осыпях, я пошел обратно, к людям...

Потом мы вернулись восвосяи и разлеглись снова на жарком макапсинском пляже.

На этом можно было бы и закончить, сюжет исчерпан. Но с тех пор каждый раз, когда меня заносит, посланная мне свыше будничная тетка с Эльбруса тихонько звякает своими бутылками — и я исцеляюсь, снова обретаю способность здраво оценивать себя и свое подлинное место среди людей.

Закончив этот рассказ, я перечитал его и понял, что создал блистательное произведение, достойное высокой оценки. Но тут тетка подмигнула мне из прошлого, и я пришел в норму.

УРОКИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Этюд

Заурядный французский дворянин XVI века, мэ́р небольшого города Мишель Монтень посвятил досуг описанию своей повседневной жизни и раздумий о сопровождавших ее проблемах, т. е. быта рядового человека. За долгие прожитые годы эти записи составили объемистую рукопись, которую Монтень имел смелость издать за свой счет.

Несмотря на отсутствие в его текстах занимательных сюжетов и очевидную их «приземленность» до уровня серых будней, книга Монтеня «Опыты» еще при жизни автора приобрела популярность, выдержала несколько изданий, и вот уже четыреста лет с неослабевающим интересом читается просвещенным человечеством. Интерес этот вызван тем, что на фоне полной смены эпох и их материального реквизита —

повседневные бытовые заботы личности, о которых повествует Монтень, во многом остались неизменными.

Этот пример позволяет надеяться, что интерес могут представлять и размышления современного российского обитателя о некоторых советах, которые нашептала ему жизнь.

Ритмы общения

Общение с другими людьми сопровождает всю нашу сознательную жизнь и наполняет ее смыслом. С его помощью мы делимся своими мыслями и пожеланиями, оно приносит пищу нашему разуму, окрашивает эмоциями движения души, дарит нам радость сочувствия и средства существования.

В то же время оно может служить причиной разнообразных наших горестей и даже гибели. Это его грозное свойство было отмечено еще древними римлянами: «Язык мой — враг мой». Русская пословица «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь!» окрашено той же горечью.

Ввиду возможности скрытых негативных последствий любого произнесенного нами в общении слова оно вполне заслуживает предварительного РИТМА ОЦЕНКИ. А потому наш опыт шепчет: «Не спеши открывать рот! Прежде спроси себя, какова цель слов, которые ты хочешь произнести? На пользу или во вред тебе они прозвучат? Как воспримут их эти вот люди? И те, кому они их могут передать?»

На первый взгляд подобный «ритм оценки» способен вообще лишить нас радости свободного общения и превратить в угрюмых молчунов. Но это не так. Могучий компьютер нашего разума за мгновение ответит на все эти вопросы и даст «добро» или наложит табу. Просто не спеши. Открывать. Рот. Всего лишь.

«Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...»

Тревога Тютчева была напрасной. Только думать надо.

Пойдем дальше. На заданный нам существенный вопрос следует отвечать, не выходя за его рамки. Иначе мы рискуем подарить собеседнику информацию, о которой он и не мечтал.

При нежелательности или невозможности удовлетворить интерес собеседника ответ можно заменить улыбкой, или во-

просом же, или туманным рассуждением, уводящим в перспективу.

У англичан принято избегать однозначности ответа даже на примитивный вопрос («Вы женаты?» — «Боюсь, что нет»). Это не форма отказа в ответе, а вежливая речевая утонченность. Весьма на наш взгляд полезная. Не вредно иметь ее в виду.

Приветливость общения, прекрасное свойство, влияющее подчас на наши удачи и судьбы. Как и вежливость, которая «не дорого стоит, но высоко ценится».

Поэтому в общении даже с людьми достаточно нам безразличными будем стараться сохранять на лице улыбку или хотя бы ее тень. В суровой России не обязательно по-американски все время улыбаться, показывая зубы. Но черты лица, хранящие улыбку глаз, приятны всякому и запоминаются.

Это залог позитивного отношения к нам. Старайтесь выработать навык приветливости в облике и голосе. Например, дать зарок — «Сегодня весь день слегка улыбаюсь и со всеми приветлив...».

Автору известны люди, поднявшиеся высоко благодаря, в частности, и этому качеству. К сожалению, оно не было дано самому автору, наделенному от роду сердитостью вида, что очень ему мешало...

Тональность голоса должна быть всегда смягченной. Не повышать тона, подавлять раздражение усилием воли. Лучше промолчать. Намного лучше!

Содержательность речи. Не болтать зря. Говорить взвешенно и лаконично. Предпочитать в свой речи живой интерес к собеседнику, а не демонстрацию собственной информированности.

Не скупиться на одобрение и благодарность при наличии к тому даже небольшого основания. Но не льстить при отсутствии оснований: могут воспринять как неискренность или заискивание.

Похвалу в свой адрес принять с поклоном или сдержанной признательностью. Не оспаривать ее. «Отклонение похвалы — это просьба повторить ее» (*Ларошфуко*).

Будем осторожны с шутками.

Известно благотворное воздействие смеха на настроение и даже на физиологию человека. Не случайна популярность

сценического юмора: люди любят веселье и профессионалов этого жанра. Но опыт шепчет: собственное стремление рассмешить может оказаться не просто неуместным, но и вредным. Поэтому склонность к шуткам можно проявлять только в неделовой обстановке и только с хорошо известными собеседниками, обладающими к тому же чувством юмора. Это они поймут шутку и оценят остроумие. В иных условиях шутка неуместна и опасна.

В лучшем случае она будет встречена с недоумением. Хуже, если будет сочтена обидной или оскорбительной. Ради «красного словца» не стоит рисковать.

Не так уж много времени прошло с тех пор, как «красное словцо» — острота или рискованный анекдот — могли сломать судьбу человека или стоять ему жизни. Те времена миновались, но их эхо раздается до сих пор. Будем помнить об этом.

«Негоже человеку говорить о себе, еще менее — о своей жене» (*К. Прутков*).

Побуждение сказать нечто о себе самом, если вникнуть в него, — продиктовано обычно желанием возвыситься в глазах собеседников. И никогда не направлено на критику своей персоны. Именно поэтому разговоры о сем предмете «негожи», служат признаком нескромности.

Они ограниченно допустимы лишь в узком кругу и лишь как шутка по поводу своих собственных слабостей.

Примечательно в этой связи, что в ряде стран не разрешается коммерческая реклама деловых качеств и успехов адвокатов, хотя аналогичная реклама адвокатских бюро признается приемлемой.

Деловые ритмы

Знаменитый изобретатель Томас Эдисон, описывая свое детство, вспоминал: «Отец говорил мне, что я могу избрать себе любую специальность. Но кем бы я ни стал, я должен делать свое дело не просто умело, а изумительно хорошо. Это и стало моим девизом».

Чтобы подняться до таких высот и делать свое дело «изумительно», нужно стремиться выполнять ряд достаточно очевидных правил:

- Ни на каком уровне не застывать в своих знаниях и в своем умении, пополнять их запас, учиться непрестанно.

- Читать все возможное по профессии, быть знатоком и не скрывать этого.

- Накопив знания по проблеме, публиковаться. Это создает известность.

- Не поддаваться лени, всегда трудиться.

И еще. Президент сталелитейного концерна «Карнеги» на вопрос журналиста — за какие свойства он получает столь грандиозный оклад, ответил: «Не за профессиональные знания. У нас есть более знающие металлурги. Мне платят за умение подчинять себе людей и руководить ими, НЕ УНИЖАЯ ИХ ПРИ ЭТОМ».

Не только руководство сталелитейным гигантом, но и любая форма зависимости от нас других людей, близких и дальних, дает возможность следовать этому благородному принципу.

Об известности. Само по себе стремление к деловой известности естественно для любого специалиста. Дьявол здесь заключен в способах ее достижения.

Праведная известность, т. е. достигнутая талантом, выдающейся эрудицией, упорным трудом, будет воспринята молвой как заслуженная, достойная общего уважения. Она прочна и устойчива.

Однако процветает и известность иного рода, приобретенная форсированно — саморекламой, наглостью, пронырливостью, т. е. несправедно.

Она тоже приносит ощутимые материальные плоды и оставляет за собой нечто прочное. Но это прочность дурной славы.

Здесь жизнь молчит. Выбор пути зависит от вкуса.

О зависти. Бойтесь ее, — шепчет нам жизнь. Зависть была и осталась источником больших и малых бед, от доносов до революций. В России зависть особенно опасна. Такой климат. С этим следует считаться. Иначе можно и не прожить.

Поэтому, приобретя достаток, нельзя выставлять его на показ, тем более — кичиться им.

Целый букет разумных побуждений — от деликатности до заботы о благополучии — диктует нам выбор сдержанности как стиля жизни. Стиль этот к тому же служит признаком уровня культуры людей.

В Голландии он является национальной чертой: любая роскошь в образе жизни, в одежде и даже в архитектуре жилых и офисных зданий признается неприличной.

Только недомыслием и нехваткой культуры можно объяснить публикацию в прессе бедствующей России восторженных отчетов «светских обозревателей» о тусовках наших богатей в златных местах Европы.

Ритм сдержанности избавит нас от возможных бед.

Семейные ритмы

Великое прибежище и опора всякого — семья — заслуживает самого бережного внимания и заботы. Мир и добрые отношения в ней служат первым и главным условием душевного равновесия, внутреннего покоя любого человека. Это его тыл.

Как лесной зверь нуждается в своей норе, где он мог бы укрыться от непогоды и просто отлежаться и подремать, так человеку требуется семья.

Мир в семье хрупок. Не спугните его грубым словом, резкостью, излишним упреком и замечанием. Сохранение доброго покоя в доме возможно лишь путем взаимных уступок членов семьи, подчас нелегких и болезненных. К ним нужно быть готовым всегда, и эта жертва оправданна.

Односторонняя тирания в семье непригодна, она разрушает личность подавленных ею членов и порождает уныние и депрессию. Умейте отступать, — шепчет нам жизнь! Умейте жертвовать и подавлять порывы характера ради своего же блага! Эти жертвы окупятся.

ДВА ВОРА

У А. Чехова есть рассказ «Случай из судебной практики». Случай довольно забавный. В Н...ском окружном суде, — пишет Чехов, — судили некоего мещанина Сидора Шельмцова. Обвиняли его в краже со взломом и в мошенничестве. А также в присвоении титулов. Обвинял товарищ прокурора (так тогда называли заместителей). Вполне ординарный. А вот защищал знаменитейший адвокат, которого «знает весь свет». Правда, Чехов не называет его по имени, но можно полагать, что речь идет о П., слава которого гремела в России в те времена.

Как оказался такой адвокат защитником рядового жулика, автор не поясняет, но по назначению мог и попасть. Исключить нельзя.

Когда товарищ прокурора сумел доказать вину Шельмцова и отсутствие повода для снисхождения — поднялся защитник.

«Все наострили уши. Воцарилась тишина», — пишет Чехов. И... полилась дивная речь чародея судебной защиты. «После первых же двух-трех фраз кто-то из публики громко ахнул и вынесли из зала заседания какую-то бледную даму».

Далее автор приводит пронзительные места из речи адвоката, с волнением в голосе нарисовавшего картину тяжких нравственных страданий подсудимого от незаслуженного обвинения. Речь эта потрясла всех, люди плакали.

Тут не вынес и сам подсудимый. Перебивая защитника, он со слезами обратился к суду:

«— Виноват! Сознаю свою вину! Украл и мошенства строил! Окаянный я человек! Каюсь! Во всем виноват!»

И он поведал, как было дело. Его осудили — скупо завершает рассказ и сам, видимо, растроганный Чехов.

Давайте однако разберемся, что здесь забавно. И кто осмеян автором.

Все фигуранты рассказа у Чехова прослезались, — даже судья и прокурор. Кроме виновника этих слез — адвоката. Это именно он попал впросак со своей речью, повлекшей неожиданный для него эффект. Это он один выглядит курьезно в финале. А раскаявшийся Шельмцов? Ни слова насмешки над ним у Чехова нет. Потому что он, — несмотря на фамилию, — пронес в душе вместе с верой затаившиеся в ней до поры понятия добра и зла, греховности и праведности, веления Десяти заповедей.

Поэтому Шельмцов — вполне возможный для 19-го века персонаж.

А не потешается ли над нами автор уже этого рассказа, принимая нас за простаков? Отнюдь. Подлинную потрясающую историю внезапного пробуждения совести в судебном процессе рассказал Льву Толстому навестивший его в Ясной поляне прокурор Кони, а писатель положил ее в основу романа с выразительным именем «Воскресение».

Так что скепсис неуместен!

Однако обратимся к вору второму, обещанному в заголовке.

Лет десять назад довелось мне поехать по своей адвокатской надобности в один из районных судов. Зашел в зал, но судья, который был мне нужен, оказался занят в процессе. И пришлось в ожидании перерыва наблюдать происходящее невеселое действо.

Судили вора. Во всяком случае, так утверждал прокурор, обвинявший подсудимого в нескольких разнообразных кражах из рыночных палаток. Как можно было понять из обвинительной речи, улики были серьезными.

Подсудимый, рахитичный и бледный, в убогой кацавейке, сидел на своей скамье в железной клетке под надзором конвоира. Виновным он себя не признавал и нес чушь. Кроме участников процесса и меня в зале никого не было.

Защищала адвокат Линькова, с которой я был давно знаком.

Она была толковым юристом и добрым человеком. Этих двух качеств ей хватало, чтобы заслуженно считаться приличным защитником. Но в этом процессе положение ее было трудным, поскольку она обязана была поддерживать лишенную здравого смысла и перспективы позицию своего клиента.

Кое-как выполнив эту нелегкую и неблагодарную задачу, Линькова сказала суду примерно следующее:

— А теперь мне хотелось бы вот к чему привлечь внимание суда. Вы посмотрите на него. Вся прожитая им несчастная жизнь написана на нем, на его облике и согбенной фигуре. Не только в деле, которое вы читали, но и на нем написано, какая ему выпала доля. С младенчества никогда не был сыт, никогда не знал родительской ласки... Говорят, чтобы ребенок нормально развивался, он должен быть восемь раз в день обласкан и обцелован близкими, любящими людьми. А этот — вместо ласки получал только побои и брань. И если стал на дурной путь, так это злая судьба вынудила, а не гниль души. Не гневаться на него нужно, а ужасаться тем слезам и страданиям, которые выпали ему вместо радости человеческой жизни.

По ходу этого вполне правдивого описания выпавшей на долю подсудимого судьбы Линькова постепенно и сама погружалась душой во мрак, который вместо жизни был уделом ее клиента.

На глазах ее показались слезы. Не в силах продолжать, она, извинившись перед судом за свое волнение, села и откровенно заплакала, сотрясаясь в рыданиях. Ей принесли воды. Но это не помогло. Тогда судья объявил перерыв, и Линькову повели в канцелярию успокаивать.

Только тут я смог перевести взгляд на подсудимого.

Оказалось, тот удивленно наблюдал за переживаниями своего защитника. Когда дверь за нею закрылась, он обратился ко мне и с интересом спросил:

— Чокнутая, что ли?

Это был персонаж уже нашего века. Ни слезы о своей жизни, ни благодарности за доброе слово. Реальный пацан... Конкретный...

И я вышел покурить.

О ДОСТОИНСТВЕ

Что заставляло всю страну замирать перед телеэкраном, когда Вячеслав Тихонов появлялся на нем в свои неповторимые семнадцать мгновений? За что обожаем мы Алексея Баталова, Алису Фрейндлих и немногих им подобных великих артистов? Чем снискали они всенародную любовь? Высоким актерским мастерством? Да, конечно. Но его было бы недостаточно, чтобы подняться до уровня национальных кумиров.

Их магия заключается, в первую очередь, в одном из свойств их личности: в высочайшем человеческом достоинстве. Именно оно не просто вызывает зрительское восхищение, но и возвышает нас, пленяя наши сердца.

Личное достоинство не приносит материальных дивидендов, на него не купишь ни охотничьи угодья, ни права ездить с мигалкой, ни дворцов в деревне Грязь. Оно вообще, — в отличие от близкой к нему чести, — свойство внутреннее, не зависящее от чужих мнений, присутствует или нет в сокровенном мире человека. Но наличие его создает явственную ауру, определяющую наше отношение к его обладателю, ощущение нами уровня его личности.

Наличие или дефицит достоинства могут быть присущи не только личностям, но и целым народам. Известны народы, снискавшие дурную славу агрессивностью, жестокостью,

наглостью или вороватостью, т. е. чертами, напроочь не совпадающими с понятием достоинства.

Условия развития России 19-го — начала 20-го века способствовали укреплению достоинства ее граждан. Особым личным достоинством обладало российское офицерство. Присущими ему чертами были безупречная честность, верность присяге и долгу, неподкупность, опрятность в поступках. По нарастающей развивалось в России и гражданское достоинство мыслящей части общества, ее отношение к правам личности и роли в управлении своей страной.

Позитивный процесс этот был прерван большевистским переворотом семнадцатого года. Новая власть принялась ожесточенно искоренять любые признаки личного достоинства граждан. Всякая попытка не только отстоять, но и проявить свое достоинство завершалась беспощадной расправой.

Затем пришел Большой дракон и отменил в стране само понятие человеческого достоинства. На целую историческую эпоху, вплоть до его смерти, массовые государственные убийства и арктические каторжные лагеря погрузили оцепеневший от ужаса народ в безмолвие и паралич воли. Остатки личного достоинства тщательно скрывались той частью населения, которой было позволено жить. Сохранение ее активности выражалось лишь в раздававшихся подобоострастных воплях, прославлявших величие и мудрость Тирана.

Но — грянула Война. И обнаружилось, что достоинство народное обладает способностью возрождаться из праха. Заваленный своим драконом народ не стерпел зверя чуждого и, поднявшись с колен, растоптал его.

Победа в войне оказала огромное влияние на подъем как национального достоинства, так и личного достоинства россиян.

Это особенно проявилось после смерти Дракона, с развалом его аппарата по истреблению собственного народа. Не сразу, но явственно усиливались признаки роста самоуважения. Вместе с ним все более смелой становилась глубинная реакция на политические шаги властных структур, болезненно затрагивавших интересы и достоинство людей. Возникло отчаянное движение диссидентов, открыто выступавших против тирании большевистской власти. Имена горстки этих борцов, сознательно приносивших себя в жертву ради высо-

ких идеалов свободы, ныне почти все забыты, хотя они заслуживают благодарной памяти потомков. Героизм Анатолия Марченко, Ларисы Богораз, генерала Петра Григоренко, Сияньевского и Даниэля, Галанскова, Гинзбурга, Лашковой, Софьи Калистратовой, Бабицкого, Дремлюги, Делоне, Павленкова, Алтуняна, Александра Солженицына, Андрея Сахарова был порожден, в первую очередь, их высоким несломленным достоинством.

С драматическим развалом Советского Союза в 90-х годах прошлого века развеялся окончательно страх перед карательными органами, который столь долго обеспечивал в стране «молчание ягнят». Возникла свободная от цензуры пресса. Либерализация проявилась, в частности, в выступлениях известных стране честных деятелей против навязанных властью ложных представлений. Одной из таких привычных «обманок» была сага об угрозе нападения на Россию коварного «мирового империализма», чем объяснялась как нищета жизни общества ввиду расходов на оборону, так и необходимость сплочения народа вокруг самодержавных лидеров. Никита Хрущев когда-то чуть не ввергнул мир в пожар термоядерной войны, мотивируя этой сагой завоз российских ракет на Кубу. Сага оказалась ложью, но удобные мотивы ее продолжали звучать в речах следующего поколения неискренних вождей.

Вот что написал об этой саге поэт, достоинство и честность которого неоспоримы:

Осудите сначала себя самого,
научитесь искусству такому,
а уж после судите врага своего
и соседа по шару земному.
Научитесь сначала себе самому
не прощать ни единой промашки,
а уж после кричите врагу своему,
что он враг и грехи его тяжки.
Не в другом, а в себе побеждайте врага,
а когда преуспеее в этом,
не придется уж больше валять дурака —
вот и станете вы человеком.

1990. Булат Окуджава

Это было написано достаточно давно. Прошло более двадцати лет — и теперь вдруг мы снова слышим те же песни... С той однако разницей, что рост достоинства и здравого смысла у россиян будут еще более препятствовать успеху этой фикции. В то же время именно дефицит этих качеств как наследие прошлого еще долго будет проявляться в самых различных областях жизни российского общества. Затронем лишь пару достаточно болезненных проблем.

Нет, не традиционную пару. Не так уж богата Россия дураками, чтобы возводить их в ранг национальной беды. Поэтому — не дураки и дороги, а коррупция и халтура в производстве должны признаваться губителями всех плодотворных инициатив в жизни страны. Обе эти неизлечимые язвы развились на почве нехватки личного достоинства людей.

Обладающий достоинством человек — он и на службе неподкупен. Достойный и гордый своим умением мастер не будет гнать халтуру и губить репутацию своего завода в стране и в мире.

А наш чиновник — все продается. А мастер — все гонит брак.

И до тех пор, пока кнутом или пряником, или добрым словом не будет в людях восстановлено сознание своего высокого достоинства — страна, как и ныне, не сможет производить безупречную продукцию, уважаемую и славную повсюду, а услуги служивых, от которых мы зависим, по прежнему будут продажны.

События начала декабря на Болотной и проспекте Сахарова вселяют надежду, что поправленное достоинство начало возрождаться в народе.

Распрямись, Человече!

КИСА

Профессору Ваниеву С. Б. посвящается

Лет через пять после войны поехали мы с Колькой Кирьяковым в Новокузнецк. Колька был грек, а дядя его был тоже грек, но древний. Несмотря на древность, дядю очень беспокоило одно начатое в Новокузнецке уголовное дело

по трикотажному цеху. И дядя послал туда Кольку узнать, куда движется следствие. Меня пригласили как адвоката для оценки ситуации и удерживать Кольку от авантюры.

С делами у меня было туго, и я согласился. До Новосибирска доехали без проблем. Там у нас была пересадка на другой поезд. Но когда пошли за билетом, то поняли, что дело плохо.

В кассовом зале было не пробиться. Толпы атаковали кассы, шли бои местного значения. Казалось, война еще не кончилась. Поглядев друг на друга, мы отправились в вокзальную гостиницу и сняли койки на ночлег.

Надобность в нем не вызывала сомнений. Затем произвели разведку местности. В одном из дальних коридоров обнаружили неприметное окошко шефа кассовой службы. Очереди не наблюдалось.

— Приступаем? — сказал Колька.

Не без труда добились, что окошко приоткрылось и нас хмуро спросили, чего надо.

— Мы хотели бы записать благодарность за образцовую организацию продажи билетов, — сказал Колька. — Мы много ездим по стране, но такой постановки этого дела не встречали. Мы восхищены. Хотим выразить.

— Ну, вы, наверное, первые такие. Хоть кто-то оценил... — поразились в окошке.

В выданной нам «Книге жалоб и отзывов» Колька старательно изложил обуревавшие нас чувства. Я перечитал запись: это была ода!

Недрогнувшей рукой я поставил свою подпись.

Ознакомившись, нас осветили благодарной улыбкой и спросили, нет ли еще какой нужды.

— Как раз случайно есть, — сказали мы и деликатно попросили помочь с билетами...

Не будем вдаваться в детали, но через десять минут мы уходили, получив заветные картонки.

— Вот что значит доброе слово, — бросил мне Колька.

— Ну, это скорее ловкое слово, — парировал я.

— Не говори, — сказал Колька, — они теперь будут долго читать и перечитывать, какие они на самом деле хорошие.

Для них это именно впервые сказанное доброе слово.

Прошли годы. В одной из центральных больниц, где мне, к сожалению, приходилось лежать уже не раз, есть отдельные сердечной аритмии, заведует которым прекрасный врач, а вернее — Врач с большой буквы.

Одной из его оригинальных привычек является необычное и чарующее обращение к своим пациентам. Всех их — независимо от возраста и социального положения — он именует «киса».

И вот он сегодня при утреннем обходе осматривает моего соседа по палате, важного седого бобра в немалых чинах. Устойчивое настроение у соседа — как я уже убедился: дело его дрянь и вся эта медицина без толку. Что и выражает его хмурая физиономия.

А также редкое ворчание.

Однако наш Врач, осмотрев соседа, говорит ему:

— Ну нет, киса, не могу с вами, киса, согласиться. Вы сколько приняли процедур? И сколько капельниц поимели? Ага, вот же здесь отмечено. И наблюдается очевидное улучшение. Пусть пока не резко выраженное, но вполне есть! Будем продолжать терпеливо. И не ворчите, киса! Вам это, ей богу, не идет — при вашем весьма приветливом лице.

И он переходит ко мне:

— А у вас как самочувствие, кисуля?

Я слушаю его с упоением. Когда он со свитой уходит, сосед некоторое время лежит молча, но на устах его блуждает задумчивая улыбка, обращенная в себя. Потом он говорит в пространство:

— Меня лет шестьдесят никто «кисой» не называл, — удивляется он. — При каждой «кисе» меня аж покачивает. А потом приятно... Думаю, это у него не просто присловье такое. Он этой «кисой» лечит. И себя выражает: людей любит. Не каждому дано... Повезло нам с «кисой».

— Да, вы правы, — соглашаюсь я.

Ласковым своим словом наш Врач оделяет пациентов щедро. Не потому ли и улыбки заметны у нас чаще, чем в других отделениях. А улыбка ведь спутник выздоровления.

Нам всем не хватает добрых слов и интонаций в общении с близкими и окружающими. И только от нас самих зависит

столь важное для психологического климата свойство, как доброжелательность людских контактов.

«Киса», проникшая не только в речь, но и в душу, способна на многое. В доблестных Вооруженных силах наших она истребит дедовщину. В органах управления не станет хамства, нас будут встречать с улыбкой. Руководящие лица с «кисой» на устах будут заботиться о подчиненных. Исчезнут мат и мордобой!

А почему бы и не помечтать?..

О РЫЖЕЙ СОБАКЕ

Дважды, примерно в одно и то же время, встречал я на Сретенке эту рыжую собаку, драную, худую и явно бездомную.

Деловитой трусцой она оба раза нацеленно бежала по какому-то своему собачьему делу. Не отвлекаясь на окружающее, не обращая внимания на снующую вокруг толпу, она как бы опасалась не успеть на важное свидание и потому избегала всего, что могло помешать ей или отвлечь от этого движения. Цель ее, судя по направлению бега, находилась где-то у подземного перехода, на углу Сретенки.

При первой встрече с Рыжей я увидел ее еще издали. Собаки, особенно бездомные, привлекают мое внимание. Это особый мир, полностью зависимый от нас, людей, но живущий своей отдельной жизнью, более насыщенной эмоционально. У большинства из них ум и чувства светятся в глазах значительно чаще, чем у представителей рода человеческого. Поэтому я не упускаю случая заглянуть в глаза встреченной по пути собаке. Они не только замечают этот проявленный к ним интерес, но и мгновенно оценивают, что таится в глубине взгляда человека: дружелюбие, безразличие или враждебность.

Рыжая тоже издали заметила мой взгляд и, приближаясь, мельком ответила на него. Разминувшись с нею, я остановился и посмотрел ей вслед. Она на ходу оглянулась на странного человека, во взгляде которого успела заметить непривычное для нее сочувствие.

Следующий раз, дня через три, я шел по той же Сретенке к метро, и Рыжая обогнала меня. Своей деловитой трус-

цей она бежала по краю тротуара в том же, что и прошлый раз, направлении, но быстрее меня и, достигнув лестницы, скрылась в подземном переходе. Уверенность, с которой она без заминки нырнула в него, свидетельствовала, что маршрут этот уже привычен ей.

Дойдя до перехода, я спустился по лестнице и увидел, куда и зачем бегают Рыжая. У одной из колонн был разложен переносной проволочный стенд, стеллажи которого были заполнены свежими газетами. У стенда стояли его хозяева, пожилая чета, поглядывавшая по сторонам в ожидании покупателей. Газеты брали, но не слишком бойко. Это были так называемые предприниматели без образования юридического лица. Ранним утром они успевали первыми обзавестись своим товаром, чтобы еще до открытия газетных киосков развернуть у входа в метро легкий стенд, разложить на нем газеты и приступить к своему крохотному бизнесу. Видимо, на пропитание его хватало, но до сытости с ним было явно далеко.

Именно возле них в ожидании своего часа стояла Рыжая.

Когда в газетной коммерции возникла очередная пауза, хозяйка достала из своей обширной сумки картонное блюдо, пакетик с какой то снедью и выложила этот припас за стендом, в стороне от толчеи. После чего жестом позвала собаку. Та, вильнув хвостом, подошла и деликатно, как это обычно делают собаки, принялась за еду. А я пошел по своим делам.

Дела эти были недолгими, и уже через краткое время я возвращался. К этому времени Рыжая покончила с кормом и отошла в сторонку. Тогда женщина извлекла из своей сумки и постелила у ног лоскут мягкой ткани и показала на него Рыжей. Подумав, та неуверенно приблизилась и, обнюхав подстилку, осторожно ступила на нее, а затем и легла. Она лежала, вытянувшись по всей длине подстилки и положив голову на лапы. Глаза ее были открыты. Она вкушала заботу о себе и негу теплого места. Это было непривычным благом, и она старалась ощутить его сполна.

Этот принесенный для бездомной собаки лоскут дорогого стоил! Покормить голодного — естественное побуждение

нравственно здорового человека. Но здесь было другое, более высокое побуждение.

Помня дома об ожидающей их голодной собаке, эти люди приготовили для нее не только корм, но и проявление тепла своей души, добра, столь желанного любимым живущим в нашем холодном и беспощадном мире.

Я с минуту постоял, глядя на Рыжую, а потом подошел и купил со стенда целую пачку ненужных мне газет. И пошел домой. По дороге я задумал этот рассказ. Он не столько о Рыжей, сколько о людях, которые в своей очевидной бедности доставили себе радость заботы о еще более обездоленном существе.

«Что оставил, — то пропало, что отдал ты — то твое»
(Ш. Руставели).

СУДЕБНЫЕ ДИАЛОГИ

* * *

Адвокат Викторович, с которым мы сидим в бесконечном процессе, воспользовался перерывом и съездил по делу в Баку. Вернувшись, он рассказал мне, что клиент по бакинскому делу, в котором должны были судить его сына, поделился с ним информацией, как складываются отношения с правосудием:

— Вчера вечером пошел к судье домой. Говорю ему: «Я у тебя ничего не прошу. Хочу только, чтобы ты рассмотрел дело совершенно объективно. И скажи мне, сколько это будет стоить?» Судья говорит: «Я у тебя ничего не возьму и дело рассмотрю совершенно объективно. Но надеюсь, что у тебя после этого будет совесть». Какой благородный человек, — восхищается бакинский клиент, — он полностью мне доверяет!

Викторович тоже был растроган благородством судьи...

* * *

Иван Иванович Исаков, умница и Герой Советского Союза, имеет в городской коллегии адвокатов приятеля-однополчанина. Однополчанин — человек пьющий, но умеренно и с паузами. Недавно (рассказал Ивану однополчанин) поехал

он по делу о хулиганстве в область, в отдаленный район. Судья там ему знаком, вместе учились на юрфаке и прочее, на что однопольчанин возлагал некоторую надежду, принимая защиту.

Прочитав дело, однопольчанин определил для себя линию защиты, которую и изложил в своей речи:

— Граждане судьи! — сказал он суду. — Я считаю, что мой подзащитный нахулиганил не потому, что выпил лишнего, а потому, что закусывал капустой. Лично я, граждане судьи, капусту закуской не считаю. Я не уважаю ее. А вы, граждане судьи, — обратился он к составу суда, — вы лично считаете капусту закуской?

Тут судья прервал его выступление и объявил перерыв. Иванова приятеля попросили зайти в совещательную. Там судья ему говорит:

— Федя! Что ты несешь?! Ты соображаешь, что ты говоришь или нет? Тебя же слушать невозможно! У меня полный рот слюны!

После этого секретарь вышел в зал и объявил перерыв на обед. Состав суда и однопольчанин проследовали в кафе напротив.

После обеда дело было рассмотрено с вполне терпимым результатом.

* * *

В один из моих выездов в Узбекистан прокурор, сидевший со мной в процессе, рассказал мне, как его недавно послали на плановую ревизию в прокуратуру одного из горных районов:

— Ну, первую половину дня я смотрел дела у них в прокуратуре, проверял учет, статистику. А обедать райпрокурор, как водится, пригласил к себе домой. Отказаться нельзя — оскорбишь. Пришли к нему, разулись, сели, беседуем. Женщины заранее накрыли стол, но шашлык из уважения к гостю делают при мне. Человек во дворе зарезал молодого барашка, разделал, приготовил, положил мясо на мангал, помахал флажком, с поклоном подал, ушел. Запах дивный! Я говорю: пригласить надо бы человека к столу, угостить. «Нет, — говорит прокурор, — его на кухне покормят». «А кто это?» — спрашиваю. «А это местный адвокат».

* * *

В закрытом судебном заседании рассматривается дело о мужеложстве (многие десятки лет оно было уголовно наказуемым). Подсудимые — их пятеро — и полтора десятка свидетелей на протяжении нескольких дней детально повествуют о разнообразных половых актах, которые совершались с ними или при них.

Адвокат Л. свою защитительную речь в прениях начинает с призыва к партийному взгляду на дело: «Граждане судьи! Я считаю, что мы должны посмотреть на это дело сквозь призму решений двадцать третьего съезда КПСС!»

Мой коллега сердито бормочет мне: «Ну, знаете! Такого здесь наслушались — так ему еще и сквозь призму надо...»

* * *

Валентин Шершевский, похожий на гнома средней величины, что не мешает ему быть блистательным судебным оратором, вместе со мной участвует в деле о спекуляции антикварной мебелью. Братья-подсудимые скупали в Ленинграде старинную рухлядь за копейки, подвергали ее капитальной реставрации и продавали в Москве через комиссионные магазины иностранцам за новые, подлинные цены. Какую опасность для себя усматривало в этом государство — при нормальной психике понять трудно. Как, впрочем, и многое другое из его акций.

Прокурор, рыхлая дама в шали, выступает в прениях с речью:

— Они что делали, товарищи судьи: купят в Ленинграде какое-то старье, подматросят его — и продают за бешеную цену.

При слове «подматросят» Шершевский выразил на лице крайнее недоумение. Дама-прокурор заметила это:

— Вы что, товарищ адвокат, не слышали такого слова — «подматросить»?

Маленький Шершевский гордо приосанился и с огромным достоинством заявил:

— Лично я, товарищ прокурор, служил в кавалерии!
Прокурор смешалась.

* * *

Тот же Шершевский выступал как-то с речью по делу, которое рассматривалось у председателя Киевского нарсу-да Соболева, судьи умного и острого на язык. Соболев явно не слушал адвоката, он что-то сосредоточенно писал, время от времени перечитывая написанное. Шершевский остано-вился:

— Я не мешаю вам, товарищ председательствующий? Вы, видимо, пишете приговор по нашему делу?

Соболев оторвался от бумаг и удивленно возрился на Шершевского. Потом сказал:

— Да вы что, товарищ адвокат? Я пишу приговор по сле-дующему делу!

* * *

Василий Александрович Самсонов был много лет моим кумиром. Одаренность, высокая культура, энергичный, дея-тельный ум отличали его. Слушать Самсонова в суде достав-ляло эстетическую радость: изысканная речь, ни слова фаль-ши. Он относился ко мне с симпатией, и это льстило мне.

Однажды мы вместе были защитниками в процес-се о контрабанде, проходившем в Мосгорсуде. Занимаемая мною позиция по делу включала и утверждение, что любая совершенная в аэропорту вылета контрабанда не может ква-лифицироваться как оконченное преступление, но — только как покушение (а за покушение и кара меньше). Эта позиция имела своей основой тот факт, что государственная граница не проходит через аэропорт, а контрабанда по действовавшему тогда закону состояла именно в нелегальном перемещении вещей через госграницу. Оспаривая правильность многолет-ней практики в этом вопросе, я обратил внимание суда на ее абсурдность:

— Нам говорят, что государственная граница прохо-дит в Шереметьеве по линии таможенного и погранично-го контроля. Пересек ее перед посадкой в самолет — и ты за границей... Но вот далеко за этой линией, на летном поле бегают собаки. Они за границей или это еще наши, россий-ские собаки?

Самсонов громко сказал:

— Это псы империализма!

Абсурдную практику-таки удалось сломать.

* * *

У известной виолончелистки Н.Г. арестовали и осудили бывшего мужа — с конфискацией имущества. Во исполнение приговора описали его дачу в Переделкине и все, что на ней было. По ее поручению я занимаюсь иском об освобождении от ареста части дачи и находившихся там ее вещей, в том числе и фортепиано.

Поскольку дача покупалась уже после развода, мы доказываем, что покупка была совместной. Для этого вызываем в суд друзей и знакомых, занимавших Н.Г. деньги для участия в покупке дачи. Все — люди именитые. Среди них известный меценат и коллекционер Костаки.

Дело слушается в Видновском нарсуде. Зал заседаний — в полуподвале. Низкий потолок, свисает голая лампочка, вдоль стены трубы горячего водоснабжения в теплоизоляции. Кроме состава суда, прокурора и меня — никого (Н.Г. болеет).

Судья Сорокин приглашает для допроса Костаки. Входит грустный пожилой грек с седым ежиком, в сером поношенном пальто. Следуют обычные вопросы о личности свидетеля. Затем судья спрашивает:

— Что вам известно по делу?

— Ну что известно. Я много лет знаком с Н.Г. и являюсь почитателем ее таланта. Когда ее бывший муж собрался покупать дачу, она решила войти с ним в долю, чтоб иметь место для репетиций. Просила у меня взаймы на это дело. Я дал ей шесть тысяч. Знаю еще знакомых, одолживших ей тогда. Вот все, что знаю. Бывал потом пару раз у нее на даче в гостях.

Прокурор, полная женщина в синем мохеровом берете и пальто внакидку, приступает к допросу.

— А вы расписку у нее брали?

— Нет.

— А деньги она вам вернула?

— Нет.

— А просили вернуть?

— Нет. Вернет, когда сможет.

Прокурор обращается к суду:

— Прямо сказки какие-то. Такие деньги дал без расписки, пять лет прошло, назад не получил и не просил даже!.. А?

Снова свидетелю:

— Ну вы хоть можете показать нам сберкнижку, чтоб видно было, что вы с нее сняли тогда шесть тысяч?

— Нет. Я вообще не держу денег в сберкассе.

— А где же вы их держите?

— В сейфе.

— В каком сейфе?

— В своем. У меня дома есть сейф, в нем я и держу деньги.

— Во как! И сейф у него есть!

— Гражданин прокурор, — начинает раскаляться Костаки, — вы моей фамилии не слышали раньше? Я довольно известный человек. И небедный. Мне принадлежит несколько миллионов долларов, и я держу их в канадских и швейцарских банках. А дома у меня сейф, и в нем деньги на текущие расходы. Из этого можно заключить, что мне дать близкому человеку займы шесть тысяч и забыть об этом навеки не составляет труда. Кроме того, мой месячный оклад — три с половиной тысячи долларов...

Прокурор молчит. Она понимает, что Костаки говорит всерьез. В те годы в нищей, убогой российской жизни появление живого легального миллионера могло вызвать только шок.

Судья спрашивает у прокурора:

— Вопросы есть еще?

Нет вопросов. Костаки просит отпустить его: ему на работу надо. Когда он уходит и мы остаемся одни, прокурор обретает дар речи:

— Кто он такой? Это все правда? Как у него все это не отобрали? Он вообще советский гражданин?

Тут подаю впервые голос я:

— Он греческий гражданин, но служит в канадском посольстве. А еще он владелец самой крупной в мире коллекции картин авангардистов. И очень богат на этой почве.

Прокурор задумчиво:

— А почему я не получаю три тысячи долларов в месяц? Ее можно понять.

Следующий свидетель-заимодавец у нас Станислав Нейгауз.

Еще в начале процесса прокурор высказался (или высказалась?) относительно наших претензий на фортепиано:

— При чем здесь репетиции? Для них нужно пианино, ну — рояль. Но фортепиано? Это уже перебор, это инструмент только для сцены. Предмет роскоши. Нет, с иском в этой части нельзя согласиться.

Мои попытки внести ясность в вопрос прокурор категорически отвергает. Поэтому допрос Нейгауза я пытаюсь использовать еще и для переубеждения прокурора.

— Свидетель, где и кем вы работаете?

— Я работаю в Московской консерватории, профессор кафедры фортепиано.

— В таком случае поясните нам, какая разница между роялем и пианино, с одной стороны, и фортепиано — с другой.

— Фортепиано — это класс струнно-клавишных инструментов. В него входят и рояли и пианино. Эти инструменты тоже фортепиано.

— Неверно. Ничего подобного, — заявляет прокурор.

Нейгауз смущенно молчит...

* * *

Адвокат Генрих Падва рассказывает, что во времена работы его в Калининской области он вел гражданское дело в районном суде. Выступая, он то и дело говорил: «Противная сторона то, противная сторона се...» Пожилой судья сделал ему замечание:

— Ну что вы все — «противная сторона, противная сторона»? Для суда, например, обе стороны одинаково противные...

* * *

Изучаю в Таганской прокуратуре дело о крупных хищениях на кожевенном заводе. Среди обвиняемых — начальник одного из цехов Михеев. Никаких ценностей у него не нашли: известно, что все похищенное пропивал... Зато нашли

при обыске странную фотографию — поясной портрет мужчины в смокинге, с «бабочкой», блестящая от бриллиантов прическа. На обороте надпись: «Николаю Николаевичу от того, кто на той стороне». Все.

Стали изучать его связи, прошлое. Иностранцев не видно. За границей не работал. Родственников там вроде нет. Странно.

Сообщили в КГБ. Пришел из контрразведки оперативный сотрудник, взял фотографию, внимательно рассмотрел, почитал дело. Затем пошел в изолятор, вызвал Михеева, побеседовал. Достал из папки портрет, показал и спросил:

— Кто это такой?

Михеев, не таясь, сразу ответил:

— Это Василий, официант из «Камы». Постоянно меня обслуживал.

— А почему «От того, кто на той стороне»?

— Да если перевернуть, он и будет самый Василий на той стороне...

Оперативник помолчал. И ушел.

* * *

Признаки повышенной образованности в речи адвоката не всегда полезны. Иной судья примет их за демонстрацию умственного превосходства.

Однажды молодой коллега при мне оживил свою речь в прениях такой находкой:

— На языке хинди, граждане судьи, есть прекрасная поговорка. Я, конечно, приведу ее в переводе...

— Не нужно перевода, — мягко заметил судья. — Суд знает хинди.

Немая сцена...

* * *

Профессиональный жулик Д. лет двадцать, еще с доверенных лет, занимался своим ремеслом комфортно и со спокойной душой. В те времена (до 1961 года) мошеннический отъем денег у частных лиц грозил по Уголовному кодексу заключением на срок не более двух лет. Да система зачетов, применявшаяся тогда... Да всякие амнистии... В общем, даже

если Д. изредка попадался, сидеть ему приходилось совсем пустяки. Поэтому дела своего любимого не бросал и достиг в нем больших высот...

При очередной накладке защитой его занимаюсь я. Читаю дело. В нем, кроме всего прочего, есть то, что обычно именуется справкой о судимости, но в данном случае правильнее было бы назвать книжкой о судимостях. В одном месте взгляд натывается на странность: «Возбуждено дело по статье 169 часть I УК. Определением нарсуда (тогда-то) дело прекращено за смертью обвиняемого».

Спрашиваю у него на свидании в тюрьме, что означает сия скорбная запись. Он некоторое время смотрит на меня своими честными глазами, вспоминает. Потом по-доброму улыбается, задумчиво приглаживает седой уже ежик.

— Значит, так. Меня тогда под стражу не взяли, оставили до суда на подписке. Получаю повестку в суд. Прихожу дня за три в канцелярию. Говорю им: дескать, вот тут повестка на Д., так он уж с неделю как помер. Что с повесткой делать? Они говорят: а вы кто будете? Я поясняю, что управдом. Они говорят: если управдом, то пришлите свидетельство о смерти, нужно для прекращения дела. Я говорю, что свидетельство имею с собой. Взяли. Больше меня не беспокоили. Да... А за бланком, кстати, пришлось-таки побегать. В Москве не достал, аж в Ярославль ездил...

* * *

Не случайно в этих судебных диалогах называю имена своих коллег-адвокатов. Мне приятно вспомнить их и звуки их имен. Все они — каждый по-своему — были яркими личностями, общение с которыми украшало жизнь.

В их незабвенном ряду свое особое место занимает для меня Сергей Константинов, Сережа. Малый ростом и круглый телом, всегда франтовато одетый и ухоженный любимой женой, он взирал на мир удивленными, несколько обиженными наивными голубыми очами, в которых лишь с трудом можно было углядеть скрытое лукавство и быстрый, основательный ум. С этим обманчивым наивным и обиженным видом он выступал и в суде, вызывая искреннее сочувствие к себе и своим клиентам.

В последние годы, когда он был личным юристом Патриарха, отпустил русую бородку, стал носить очки в тонкой золотой оправе, дома завел богатый иконостас с лампадой и облик имел слегка удрученный, но благостный.

Мне запомнились его мини-рассказы о судьбе Климове, у которого ему часто доводилось вести дела. Иван Михайлович Климов, член Московского городского суда, тихий и небольшого роста человечек с доброжелательной улыбкой на устах, был по призванию своему палачом. Жестокость была его единственной страстью, и в приговорах он имел возможность страсть эту утолять. Чем и славился. Адвокатов не то чтобы презирал, скорее — не замечал. Константинов с удовольствием повествовал о своих кратких контактах с Климовым.

Так, однажды он тепло раскланялся с ним в коридоре Мосгорсуда через день после вынесения Климовым кошмарного приговора группе пожилых «валютчиков».

— Что ж это, Иван Михайлович, — робко посетовал Константинов, — совсем старику и к тому же тяжко больному, и вдруг — расстрел... Разве ж можно так?!

— Ты знаешь, Сергей Сергеевич, — ответил Климов, — я считаю, что как раз это наказание он вполне перенесет, — ни старость, ни болезни не помешают!

И зашелся смехом от удачной своей остроты.

Другой раз Климов, остановив Константинова после процесса, сделал ему комплимент:

— Люблю тебя слушать, Сергей Сергеевич! До чего ты толково выступаешь! Прямо в душу летится. Логично, разумно, ну прямо невозможно не согласиться с тобой!..

— Так, а в чем же дело тогда, Иван Михайлович? — удивился Константинов.

— А вон ты о чем! Ну, знаешь... Нет, брат, иду в совещательную, беру себя в руки, пишу приговор...

Или такой еще казус. Выступив с яркой речью в прениях по большому делу, где участвовали еще с десятков адвокатов, Константинов в перерыве постучался в комнату судей и спросил у Климова:

— Иван Михайлович, вы б не разрешили мне уйти? Остальное ведь уже не по моей части.

— А ты разве выступил уже? — осведомился Климов.

ЛЕС ДУШИ МОЕЙ

ЗИМНИЙ ЛЕС. ОПЫТ ВОСТОРГА

Я вхожу в зимний лес, и он медленно заполняет мою душу. Уходят привычные тревоги, напряженность, уходят страхи забыть о чем-то, с чем-то опоздать, упустить нечто важное, изнуряющие нас в привычной суете жизни.

Наедине с собой мы здесь, однако, не чувствуем одиночества: нас окружает доброта деревьев. Она не адресована нам, она живет здесь сама по себе и всегда. Непостижимо, но явственно деревья общаются друг с другом, обмениваются сочувствием и поддержкой. И одно лишь присутствие при этом великом общении природы вселяет мир в нашу усталую душу.

Свидание с лесом не может наскучить, сколь долго бы ни продолжалось. Оно целительно, оно возвышает нас сопричастностью к извечному. Часами можно бродить здесь, впитывая напоенный сосной дух и несказанную прелесть леса. Постойте, прислонясь плечом к шершавому стволу, и вы услышите, как затаившееся раздражение, усталость уходят из вас.

Зимний лес тешит взор, утоляя жажду красоты и гармонии, живущую в человеке. Он не красуется, просто все здесь — от грандиозного мачтового ствола до мельчайшей былинки — подчинено высшей целесообразности. Здесь нет ни симметрии, ни нарочитости, но именно бесконечное разнообразие неправильных форм, линий, окрасок мы жадно ловим взглядом как проявление истинного совершенства. Ни единого прямого угла, ни единой правильной окружности.

В солнечный морозный день я стою по колено в снежной целине на опушке просторной вырубке, в сумраке высоченных елей и смотрю задрав голову, как солнце высвечивает в невероятной вышине ажурные прозрачные кружева верхушек на другой стороне поляны. Вдруг где-то там слегка повеяло неслышным внизу дуновением, вершины чуть качнулись, и тотчас слетел с них тонкий шлейф легчайших, играющих в солнечных лучах снежинок. И я замираю в вос-

торге, затаив дыхание перед этим невообразимым чудом, и жду повторения.

Но и в пасмурный зимний день не приедаются черно-белая графика леса, не давит, а тешит душу зрелище безмолвного сна покрытых снежными перинами великанов, их до поры согнувшихся под пышным грузом лап... Тишина, безмолвие, мудрая задумчивость зимнего леса передаются нам и избавляют душу от груза мирских забот. Вдохните глубже в этой тишине, и тонкий приглушенный аромат ладана, единственный аромат зимнего леса, вольется в вас вместе со свежестью.

Как объяснить магию леса, его удивительное чарующее воздействие на нас? Я всегда просто любил лес и принимал его чудо как данность. Но неумный человеческий разум ищет, как всегда, объяснения причин. И вот как они видятся.

Здесь нет ни грана фальши, обмана, коварства, злобы и жестокости, зависти и алчности — этих чисто человеческих свойств, проявление или ожидание которых держит нас в постоянном напряжении в кругу людей, не давая полного покоя даже во сне. Мы живем в состоянии постоянной тревоги, в вечном опасении агрессии со стороны возлюбленных ближних и дальних наших. На уровне государства или личности — всегда и везде боязнь обмана или насилия. «И вечный бой, покой нам только снится...»

Лес же простодушен и чист, у него нет помыслов — никаких. Здесь все естественно, все правдиво. Душа наша может расслабиться и отдохнуть от груза общения с себе подобными. Тревога отступает. Мы лишь свидетели бытия великой и вечной природы, а не участники борьбы. Нам внутренне комфортно. Мы наконец-то спокойны и почти счастливы...

Идет весна. И приближается весенний лес души моей.

О ВЕСНЕ

Милостивые государи и государины!

Вновь взываю я к вашему благоразумию и здравому смыслу: оставьте хоть на время прокуренные кабинеты ваших контор, упорно именуемый воздухом газ ваших улиц, суетный мир политических и телевизионных дрязг, пустую гово-

рильную людской толчеи и государственного гадюшника Российской Федерации! Ну их совсем. Весна ведь идет! Скорее в лес: там жизнь, там правда!

Еще он, лес, ни о чем не догадывался, еще недвижно лежали в нем голубые снега, и лишь слегка начали улыбаться во сне деревья, а уж птицы первыми все поняли и наполнили его свистом и щебетом. Певец леса Пришвин когда-то открыл весну света и подарил ее нам. А мы и сами вполне способны открыть еще одну весну — весну птиц. Она не менее выразительна. Сколько ликующей радости звучит в тонких птичьих голосах, по-своему приветствующих начало увлекательного брачного сезона!

Стремглав снует меж голых ветвей веселый птичий народец, не обращая внимания ни на нас, ни на пару ястребов-канюков, плывущих высоко над лесом с гортанным кавказским клекотом и шорохом сильных крыл.

Пройдет всего несколько дней, и вслед за птицами сдвинется и сам лес. Примет к тому достаточно. Потеплели на солнечной стороне стволы, и неслышно ожили в них соки, восходя вопреки земному притяжению вверх. Повисли на остриях хвойных иголок талые капли, и в каждой — свое маленькое солнце.

Совсем недавно ведь какие были отличные толстенькие почки у тополя, крепенькие и надежные! И все вдруг полопались. Это ж надо! Но — не стоит жалеть. В каждой на кончике проклюнулся зеленый хвостик, начало новой жизни. А запах от почек пойдет теперь тополиный, терпкий и свежий. И не надо мне твоих ананасов, как говорил знаток этого дела Чехов.

Еще чуток времени пройдет — и березняк поверху займется весь зеленым дымом первой листвы. А внизу, среди пятен снега, первый одуванчик, а на нем — первый шмель гудит о чем-то недовольно. Понять его можно: рановато вылетел, прохладно как-то...

А вон и кукушечка-кукуня голос подала, бодро вещает нам немислимое долголетие.

О муравьях здесь говорить не будем — это отдельная волнующая тема. Но в скобках заметим, что и они забегали

на пригретой солнцем стороне, возобновили строительство убогого своего социализма.

Вот и сбывается та давняя наша надежда, то тихое обещание воспрянуть, воскреснуть, которое шептал нам лес осенью, уходя в мир иной, зимний.

Весна человеческой жизни тоже полна надежд на будущее счастье, пьянит его ожиданием. Увы, надежды эти редко сбываются... В отличие от судеб людских здесь, в лесу, обещание счастья, обещание прекрасного будущего природы сбывается неизменно. На весну здесь вполне можно положиться. Не стоит нервничать — расцветное лето придет обязательно!

Люди, хорошие мои! Ну хоть на сей раз плюньте на все, двинем лучше в весенний лес! Ей-богу, не пожалее!

ЛЕТО

На сей раз я вхожу в летний лес, и он тотчас овладевает моей душой, погружает с головой в зеленый свой шепот.

Бесконечно разнообразие оттенков его зелени, эта беспредельная палитра, пленяющая мягкой сочностью красок. Воздушные брызги березовой листвы, светлой, играющей гроздьями в легком ветерке, чередуются с задумчивой зеленью осин и лип, изумрудной бахромой рябинового подлеска, веселыми яркими кончиками еловых лап, плавно переходящими в угрюмую зелень зрелого ельника.

Разбросанные щедро пятна солнечных бликов усиливают зеленую пестрядь обступившего леса, внося свою лепту в это мирное буйство.

Как-то на опушке подмосковной рощи встретил я научный плакатик на шесте: «Берегите лес — зеленое царство хлорофилла». Да, это она, живая зелень, одно из чудес природы, творит из солнечного света и соков земли все растущее на почве планеты. Один и тот же зеленый хлорофилл в тысячах вариантов кормит нас, дает дыхание и лечит в лесу нашу изнуренную городом душу.

Пойду-ка по лесной дороге. Давно неезженная, она вся заросла нетронутой травой-муравой всяческой: и клевер тут, и подорожник, и какая-то местами шелковисто-мягкая до того, что так и манит нагнуться и рукой погладить. Встретишь тут и лужицу в старой затененной колее. И вдруг прямо

по ней, по дороге — ландыши россыпью. Они уже уходят, их время — май. Но и уходя, продолжают дарить свой неповторимый свежий запах. Сорвем увядающий стебелек, прильзим к лицу, и тонкий этот аромат на секунду коснется нашего дыхания.

Дорога манит далее, здесь дышится легче, чем в густой чаще, нет-нет да и потянет ветерком, а в нем — весь букет лесной.

Петляет дорога — и что там, за ее изгибом, кто затаился, пригнувшись пониже в засаде? Но нет, нет, ведь засады — это из того мира, от которого мы на время сбежали... А это просто кривой старый пенёк, весь в зелени мха и серебре лишайников. Нагнемся к нему поближе, вдохнем идущий от него грибной запах прели, истлевшей листвы и сырой земли. И заодно увидим, что каждый клочок этой благословенной земли обжит, освоен, плодоносит, творит свое зеленое чудо, на каждом клочке пробивается к солнцу своя былинка. А между — сует, спешит по делам или неторопливо переставляет тонкие лапки насекомая живность.

Говорят, муравейники — признак здорового леса. Если так, то этот лес здоров: то и дело встречаются высокие конусы муравейников, а на них, особенно с солнечной стороны, но не на самом пекле, кипит работа, толчея ужасная. Им бы передохнуть хоть на миг, но нет, нельзя никак... Вдруг с лета упал на муравейник спиной бронзовый жук и замер ошеломленно. Тут же на него кинулись, окружили, пытаются уязвить всячески его самолюбие... А ему хоть бы хны! Он же в бронжилете!

И вновь, как это было и раньше, как в прошлый раз, мы оживаем душой, стряхиваем с себя суету сует страшного мира себе подобных. Нет тревог — мы среди своих, среди настоящих, не затаившихся, не предающих. И дыхание наше ровно, и сердце покойно, и воздух напоенный льется нектаром в легкие. Долой выхлопные газы! Прими нас, лес родной! И нет конца задумчивой его радости...

Но приходит все же конец. И, вернувшись домой, в привычный телевизионный ор, понимаешь, что к числу достоинств леса относится и полное отсутствие в нем последних известий. Это, правда, не столько способствует, сколько избавляет... Птичьи голоса в лесу служат великолепной заменой.

ОСЕННИЙ ЛИСТ

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силенку...

Мы со свояком позволили себе принять по случаю ноябрьских дней и пошли прогуляться по поселку Протасово. Обнявшись, естественно, и для душевности — с песней.

— Опять профессор с адвокатом гуляют... Опустившиеся люди.

Это нам вслед — местные.

— Федосеич, — говорю я свояку, — ну их совсем, этих злых людей. Они нас осуждают. Пойдем лучше в лес, в осенний золотой лес!

— Пойдем, Сеня, пойдем, — соглашается свояк, — там лучше человеку, как ты справедливо писал уже в «Новой газете».

И мы сворачиваем в лес, погружаемся по тропинке в осень.

Она встречает нас промозглой свежестью и шорохом листьев под ногами. Умолкло сразу наше пение, оно неуместно здесь, где звучит в высоких сводах свой гимн, едва слышный, но торжественный и по осени печальный. Прислушиваясь к нему, медлительно, задумчиво клонятся под верховым ветром вершины деревьев, и падает, падает листва, обнажая немыслимые черные кружева ветвей.

Замерла жизнь леса. Мертвы муравейники, скрывшие в хвойной глубине своей затаившееся в ожидании худшего население. Утихли птичьи голоса, и лишь редкое воронье карканье, как бранное слово, вдруг царапнет душу. Не утешит взор ни палая ржавчина листвы, ни хилые подгнившие грибы на проплешинах почвы.

И даже весь обильно забрызганный веселым багрянцем клен не взбодрит, а лишь заставит тревожно вздрогнуть — как напоминание о правде бытия.

Нет больше облаков. Вместо них на весь небосвод — хмурое, свинцово-серое нищенское покрывало, угрюмое и неподвижное, готовое пасть первым снежком.

— Федосеич! Ну за что Пушкин любил эту унылую пору? Где тут «очей очарованье»? А ведь доподлинно любил! Вон

с каким восторгом описывал! Отчего все же так хорошо и нам бродить здесь, а?

Мы принимаемся обсуждать эту актуальную тему. И постепенно не вполне еще доступный нам трезвый взгляд на вещи позволяет приблизиться к разгадке.

Осень леса — со всей ее прелью, гнилью и холодной капелью, с омертвлением и опустошенностью всего, кроме зелени хвои, — не предвестник гибели. Под покровом почерневшей листвы, под мокрым мусором сброшенных на землю вчерашних нарядов уже залегли семена завтрашней жизни. На оголенных, лишенных убора черных ветвях уже притаились чуть заметные почки. Творец мудро наполнил их к зиме природным антифризом, они не лопнут от мороза. Минует суровое лютое время — и все вновь воспрянет, возродится и зацветет. Жизнь продолжается, господа! Еще ничего не потеряно!

Именно это обещание отжившего, казалось бы, леса чуем мы душой и не поддаемся печали, невольно заражаемся разлитой вокруг скрытой и твердой верой.

О, как бы хотелось и нам, людям, знать, что осень нашей жизни столь же обманчива, что впереди снова весна и расцвет. Но, увы!

Не потому ли и пленяет нас даже невеселый осенний лес, более удачливый брат наш по жизни на этой планете?..

— Ты не устал, Федосеич? Мы бродим уже часа два.

— Нет, Сеня, прекрасно дышится, — восхищается свояк.

И мы шагаем дальше.

МЕДАЛЬ «ЗА ДУХОВНОЕ СЛУЖЕНИЕ АДВОКАТСКОМУ СООБЩЕСТВУ РОССИИ» ИМ. С. Л. АРИИ

Медаль учреждена в декабре 2008 года по инициативе адвокатского сообщества Московской области. Медаль является знаком общественного признания и уважения гражданского и адвокатского сообщества России. Раз в три года медалью награждаются адвокаты и иные лица за выдающийся вклад в повышение престижа адвокатуры, подвижническое служение во благо общества России, чья профессиональная и общественная деятельность способствует укреплению и процветанию гражданского сообщества, росту духовных связей, за создание научных трудов в области нравственных и правовых основ в организации общества

и государства, а также за создание литературных произведений, утверждающих любовь и милосердие к ближнему.

Первым лауреатом стал сам С. Л. Ария, а в 2012 г. этой высокой награды удостоились президент Федеральной палаты адвокатов России Е. В. Семеняко и заместитель председателя Правительства РФ Д. Н. Козак.